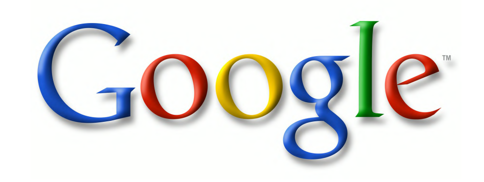
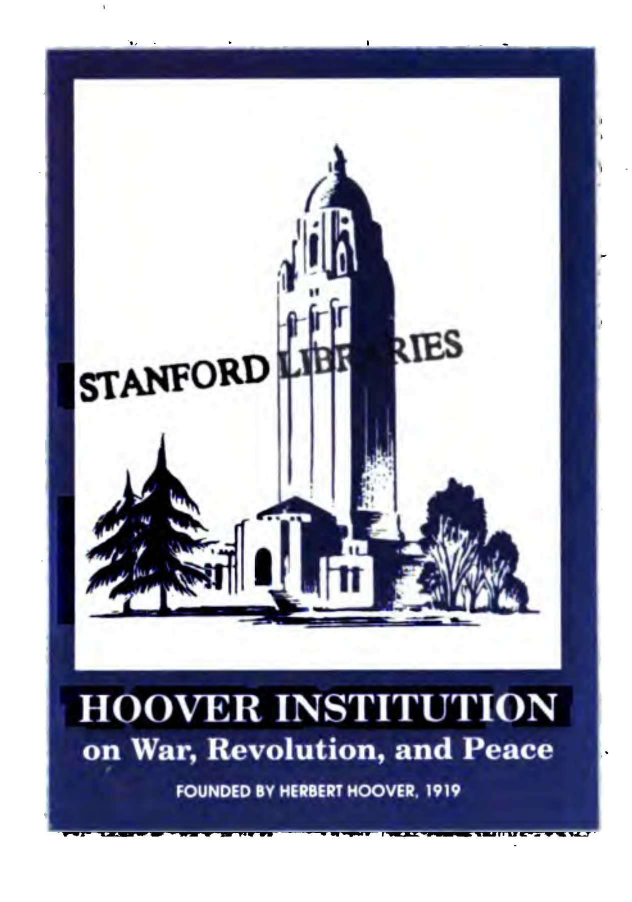





STANFORD LIBRARIES
HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace
FOUNDED BY HERBERT HOOVER, 1919



Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.
1907.

Оглавленіе второго тома.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ*).

«Русскіе уголовные процессы». Изд. Александра Любавского. Томы. I—V. Спб. 1866—1868.

I.

Старикъ Платонъ въ своей «Республикѣ» часто проводитъ остроумныя параллели между медициной и юриспруденціей. И ту, и другую онъ изгоняетъ изъ своего идеальнаго государства. Онъ съ величайшимъ презрѣніемъ относится къ «заемной» справедливости и къ заемному здоровью и требуетъ правды и здоровья неподдѣльныхъ. Въ его идеальной «Республикѣ» врачи и юристы существуютъ; но это врачи и юристы въ совершенно особенномъ смыслѣ, такъ какъ преступленій и болѣзней въ «Республикѣ» нѣтъ: неисправимые воспитаніемъ уроды какъ физическіе, такъ и нравственные избиваются. Платоновскіе врачи душъ и тѣлесъ только укрѣпляютъ здоровое и не должны оскверняться соприкосновеніемъ съ болѣзнью нравственной или физической. До пониманія этихъ болѣзней они должны дойти не столько опытомъ и наблюденіемъ, сколько размышленіемъ, должны вывести понятіе болѣзни изъ понятія здоровья.

Старый мудрецъ твердо вѣрилъ, что его идеальное государство когда нибудь и гдѣ нибудь существовало, существуетъ или будетъ существовать въ дѣйствительности. Иначе, говоритъ онъ устами Сократа или Сократъ его устами, иначе мы были бы смѣшны съ своими толками о желательномъ, но невозможномъ. Платонъ не смѣшонъ, конечно, хотя его республикѣ и не суждено было осуществиться и хотя желательное теперь имѣетъ вообще мало оходства съ желательнымъ Платона. Но какимъ горькимъ смѣхомъ расхохотался бы онъ самъ, если бы ему удалось какимъ нибудь чудомъ собрать свои развѣянныя по всему міру частицы и подняться изъ могилы теперь, черезъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, тѣмъ же мудрымъ Платономъ и съ тѣмъ же идеаломъ въ головѣ. Онъ увидѣлъ бы, что теперешніе врачи душъ, точно по его предписанію, знать не хотятъ нравственной болѣзни, преступленія и боятся осквернить себя изученіемъ его.—Значитъ, мой идеалъ реализировался?—спросилъ бы онъ;—значитъ, у васъ нѣтъ преступленій, нѣтъ заемной правды? А это что же? И старикъ показалъ бы на громадныя тюрьмы, изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ которыхъ выглядываютъ то тупыя, то озлобленныя блѣдныя лица; на висѣлицы съ висящимъ на перекладинѣ, судорожно бьющимся человѣческимъ полутрупомъ; на зданія судовъ, изъ которыхъ несутся бойкія, звонкія рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ; на безчисленное количество томовъ кодексовъ, сводовъ, уложеній, трактатовъ права, учебниковъ и спеціальныхъ юридическихъ сочиненій. — Это что?—спросилъ бы онъ и не скоро бы понялъ наше объясненіе. Намъ пришлось бы разсказывать ему, что заемная правда у насъ все еще не вывелась, какъ и заемное здоровье, что проценты, уплачиваемые нами на нее возрасли, со временъ Платона до поразительной круглой цифры; что мы дѣйствительно мало занимаемся преступленіемъ, но не потому, чтобы у насъ его не было, какъ въ его идеальномъ государствѣ, а потому, что мы очень усердно занимаемся изученіемъ наказанія; что это странное явленіе есть результатъ маленькихъ недоразумѣній. Старый мудрецъ еще разъ осмотрѣлся бы, оглядѣлъ бы результаты маленькихъ недоразумѣній и, махнувъ рукой, опять разсыпался бы прахомъ въ своей тысячелѣтней могилѣ.

Онъ не покусился бы даже провести свою любимую параллель между медициной и юриспруденціей. И въ самомъ дѣлѣ, такая параллель теперь рѣшительно невозможна. Врачъ, изучающій только свойства лѣкарствъ, оставляя совершенно въ сторонѣ свойства и причины болѣзней, былъ бы смѣшонъ и уже,

*) 1869.

разумѣется, не могъ бы похвастаться обширной практикой. Тогда какъ ни для кого не смѣшна и не удивительна наука уголовнаго права, предписывающая, подобно медицинѣ, кровопусканіе, ампутаціи, діэту и проч. и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не изучающая соотвѣтственныхъ болѣзней. И не смѣшна она намъ не только потому, что самая сущность предмета невеселаго характера, а гораздо болѣе потому, что мы совершенно сжились съ такимъ порядкомъ вещей. Возьмите любое изложеніе уголовнаго права, и вы увидите, что вся книжка занята теоріей наказанія, и нѣсколько общихъ мѣстъ о преступленіи занимаютъ какой нибудь десятокъ страницъ. Перечтите всю нашу криминалистическую литературу,— и переводную, и оригинальную,—откладывая все, что касается анализа преступленій, направо, а все, что излагаетъ и объясняетъ теорію и практику репрессіи—налѣво; налѣво отъ васъ окажется нѣчто въ родѣ башни вавилонской, а направо—нѣсколько тощихъ книгъ. То же самое встрѣтите вы и въ иностранной литературѣ, т.-е. пропорція будетъ та же. Хотя тамъ найдется нѣсколько сочиненій, замѣчательныхъ по разработкѣ причинъ, мотивовъ и свойствъ нѣкоторыхъ преступленій, но они рѣшительно тонутъ въ массѣ сочиненій, занимающихся теоріями наказанія и комментаріями на положительныя законодательства. Только одна отрасль мотивовъ преступленія, правда, очень обширная—душевныя болѣзни—разработана хоть сколько нибудь, а между тѣмъ, и она разработана слишкомъ мало. И изучаются душевныя болѣзни не криминалистами, а медиками. Криминалисты же даже очень рѣдко принимаютъ въ соображеніе медицинскія изслѣдованія этого рода, а нѣкоторые даже прямо заявляютъ свою независимость отъ нихъ. Такъ, англійскій криминалистъ Джемсъ Стифенъ утверждаетъ, что сумасшествіе, съ точки зрѣнія уголовнаго права, совсѣмъ не то, что съ точки зрѣнія медицины, и что умопомѣшательство не можетъ служить поводомъ къ отклоненію вмѣненія. «Представьте себѣ—говоритъ онъ,—что каждый изъ сумасшедшихъ узнаетъ, что онъ можетъ убивать, калѣчить, грабить всякаго встрѣчнаго безнаказанно» (Уголовное право Англіи въ краткомъ изложеніи). Здѣсь субъективная сторона преступленія совершенно поглощается голымъ фактомъ, ярко вопіющимъ о возмездіи, какъ поглощаются библейскія тучныя коровы коровами тощими. Такое отвращеніе отъ изученія преступленія было бы даже смѣшно, если бы не было такъ грустно. Оно ведетъ, разумѣется, ко многимъ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего, уголовная политика представляетъ, вслѣдствіе этого, любопытный въ наше время примѣръ искусства (уже само собою, разумѣется, не изящнаго), не имѣющаго соотвѣтствующей науки, изъ которой практика могла бы черпать правила для своего поведенія. Вообще говоря, искусство, т.-е. рядъ практическихъ правилъ, старше науки, т.-е. ряда строго выясненныхъ законовъ, управляющихъ фактами. Люди, побуждаемые своими насущными потребностями, но не имѣя достаточнаго количества знаній, сначала просто практикуютъ. Затѣмъ, уже по мѣрѣ накопленія знаній, получается ясное понятіе законосообразности извѣстнаго рода явленій, ихъ причинной связи; является наука и, вызванная искусствомъ, уже сама ведетъ за собой практику. Искусство, техника, представляетъ первые шаги человѣческой мысли, шаги почти безсознательные, въ потемкахъ, ощупью. Здѣсь все дѣло въ случайностяхъ, догадкахъ, въ самомъ ограниченномъ опытѣ и наблюденіи. Въ этомъ-то и заключается, между прочимъ, секретъ всѣхъ затерянныхъ секретовъ. Если бы, напримѣръ, знаменитый греческій огонь былъ продуктомъ научной химіи, то способъ его приготовленія никогда не могъ бы затеряться. Такъ какъ всѣ части науки тѣсно связаны между собой, то, если и предположить случайное исчезновеніе нѣкоторыхъ звеньевъ этой цѣпи,—остальныя звенья неизбѣжно наведутъ на пополненіе пробѣла. Дѣло другое—искусство, не пытающееся открыть и изучить связь между явленіями и довольствующееся чисто эмпирическими свѣдѣніями. До-научный періодъ техники продолжается до тѣхъ поръ, пока выяснятся законы причинной связи явленій. И понятно, что чѣмъ явленія сложнѣе, тѣмъ труднѣе уловить управляющіе ими законы и тѣмъ, слѣдовательно, продолжительнѣе до-научный періодъ. Искусство счета и количественной мѣры имѣетъ дѣло съ самыми простыми явленіями, и мы видимъ, что это искусство сравнительно очень быстро сформировалось въ науку, въ которой уже въ очень ранній періодъ цивилизаціи представляется могучій двигатель для породившей ее практики. Наоборотъ, явленія общественной жизни, какъ наиболѣе сложныя, только недавно стали давать матеріалъ для науки. А по нѣкоторымъ ихъ отраслямъ чисто техническій, до-научный періодъ тянется до сихъ поръ. Таково именно положеніе уголовнаго права. Оно не изучаетъ мыслящаго, чувствующаго и желающаго человѣка въ его отношеніяхъ къ другимъ мыслящимъ, чувствующимъ и желающимъ людямъ, а предписываетъ ему нѣчто; слѣдовательно, его, наравнѣ съ политикой и этикой, слѣдуетъ отнести къ соціальнымъ искусствамъ, не имѣющимъ соотвѣтственныхъ наукъ или науки. Такую науку уголовное право можетъ получить, только изучая преступленія, отъ

чего оно упорно отказывается. Не имѣя никакого разумнаго основанія, обстоятельство это допускаетъ только историческое объясненіе.

Наказаніе родилось изъ личной мести (у древнихъ римлянъ слово vindicta означало и мщеніе, и наказаніе; по-нѣмецки Rache—месть, Gerechtigkeit—справедливость). Нѣсколько случайныхъ опытовъ показали, что въ томъ или другомъ случаѣ, то или другое наказаніе, удовлетворяя чувству мести, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ и извѣстное дѣйствіе на наказаннаго. Человѣкъ похитилъ чужую вещь, обладатель похищеннаго поймалъ его на мѣстѣ преступленія, прибилъ, и похититель не повторилъ своего покушенія. А убилъ жену В, а тотъ убилъ въ отомщеніе его жену и послѣ этого А не покушался болѣе вредить членамъ семейства В. Но эти первые шаги уголовнаго права, результата весьма естественнаго въ дикарѣ чувства личной мести, были необходимо нетверды, и возмездіе сплошь и рядомъ не давало ожидаемыхъ послѣдствій. Воръ, побуждаемый холодомъ и голодомъ, шелъ опять воровать, хотя бы подъ угрозою новыхъ побоевъ. Семейства А и В, движимыя болѣе сильнымъ психическимъ факторомъ, чѣмъ страхъ быть убитыми, продолжали истреблять другъ друга. Но, наконецъ, рядъ опытовъ, удачныхъ и неудачныхъ, могъ привести къ какимъ-нибудь эмпирическимъ выводамъ, т.-е. показать, что при такихъ-то условіяхъ такое-то возмездіе производитъ такое-то дѣйствіе. Затѣмъ отъ этихъ эмпирическихъ результатовъ былъ бы уже одинъ шагъ до изученія свойствъ и причинъ преступленія. Этого не случилось и не могло случиться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, чувство мести представляетъ въ первобытномъ человѣкѣ элементъ до такой степени сильный, что никакой опытъ не можетъ убѣдить его въ безполезности или даже вредѣ ея въ томъ или другомъ случаѣ. Первобытный человѣкъ мститъ непосредственно, не думая въ ту минуту о возможныхъ результатахъ. Далѣе, отсутствіе понятія причинной связи явленій не позволяетъ ему оріентироваться въ массѣ фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые особенно способны сбить его съ толку. Общій духъ времени таковъ, что человѣкъ видитъ въ себѣ центръ вселенной, а всѣ силы природы представляются ему не болѣе, какъ радіусами, соединяющими этотъ центръ съ окружностью нѣкотораго магическаго круга, въ родѣ Олимпа или другого сборища боговъ: для человѣка и розы, и шипы, для него и пѣсня соловьиная, и громъ небесный, для него и буря, и затишье, и день, и ночь. Это антропоцентрическое міросозерцаніе и нѣсколько случайныхъ совпаденій ведутъ къ тому, что человѣкъ сплетаетъ свою личную месть съ карою разгнѣваннаго божества. Поэтому съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества право наказанія переходитъ въ руки власти, какъ представительницы божества на землѣ. Идея наказанія тѣсно сплетается съ вѣрованіями, а исполненіе его—съ религіозными обрядами. Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ изученіи преступленія, и посланныя счастливымъ случаемъ наказанія прилагаются къ дѣлу по преданію. Единственный критерій состоитъ въ правилѣ: мѣра за мѣру, око за око, зубъ за зубъ, за жизнь—жизнь, за рану—рана (мы дѣлаемъ самый бѣглый очеркъ и не входимъ въ подробности въ родѣ возможности откупаться отъ наказанія жертвою или денежною пенею).

Антропоцентрическое міросозерцаніе смѣнилось эксцентрическимъ. Съ одной стороны, мысль человѣческая, доселѣ принимавшая безъ всякаго анализа все добро и зло, которое ей посылали антропоморфизированныя силы природы, бросается, по закону реакціи, въ другую крайность и стремится уразумѣть самую сокровенную сущность вещей: отбрасываетъ въ явленіяхъ все относительное и ищетъ только абсолютнаго. Съ другй стороны, по тому же закону реакціи, духъ заявляетъ о своей безусловной свободѣ. Идея мстящаго божества и кровной мести, продолжая дѣйствовать, даютъ рядомъ съ собой мѣсто, повидимому, новой идеѣ абсолютной справедливости. Въ этотъ періодъ уголовное право тоже не могло спускаться съ заоблачной высоты абсолютнаго до изученія относительныхъ грѣховъ человѣка. Съ этой выси поднебесной былъ едва замѣтенъ комъ грязи, который называется землей и на которомъ стонутъ, падаютъ и умираютъ люди. Здѣсь преступленіе разсматривалось только съ метафизической, трансцендентальной точки зрѣнія, какъ нарушеніе всеобщей воли волею индивидуальною, какъ одно изъ проявленій саморазвивающейся идеи, и проч. Изученія же преступленія, какъ явленія конкретнаго, здѣсь нечего искать и слѣдовъ. Кантъ, напримѣръ, училъ, что возмездіе, воздаяніе зломъ за зло, есть идея, присущая человѣку, категорическій императивъ. Здѣсь, очевидно, антропоцентрическое представленіе мстящаго божества только замѣщено метафизическимъ принципомъ абсолютной справедливости, что, по отношенію къ преступленію, не измѣняетъ дѣла. И дѣйствительно, напримѣръ, какъ по законамъМану, имѣющимъ антропоцентрическое происхожденіе, соблазнившій замужнюю женщину наказывается кастраціей, такъ и по метафизической теоріи Канта изнасилованіе наказывается оскопленіемъ. Какъ по закону Моисееву око за око, зубъ за зубъ, какъ по закону Солона, тому, кто выкололъ глазъ у кривого, выкалываются оба

*

но и мужъ долженъ беречь жену, а ты меня убилъ; ты прежде времени хочешь свести меня въ могилу. Одинъ Богъ видитъ, проходитъ ли день, чтобы я не плакала; грустно видѣть, что не любовь твоя ко мнѣ заставляетъ тебя послать за мной, а то, что нужна тебѣ Фіона; она будетъ хозяйничать, а я буду портить хозяйство, поправленное Фіоной. Развѣ ты не можешь нанять кромѣ ея. Я сама готова быть работницей, не сходить со двора, только быть покойной, а я не могу быть покойной и жить, когда будетъ эта женщина у тебя. Господи, какъ больно получать удары отъ близкихъ себѣ. Я на-дняхъ пріѣду, и если Фіоны не будетъ, то я не только готова жить, но быть слугой твоей; а если, какъ говоришь, что безъ Фіоны тебѣ и меня не нужно, то тогда ясно будетъ видно, что *тебѣ жена не нужна*. Ты скучаешь самъ отъ себя, а я грущу отъ тебя, болѣю сердцемъ о своемъ несчастіи; все мое упованіе на Владычицу, она мнѣ возвратитъ тебя. Ужасно читать твое письмо и знать цѣль его, что тебѣ нужна *я для Фіоны*. Я бы очень желала сказать—до свиданія, но я очень несчастна, чтобъ вѣрить въ счастіе, счастіе не для меня, цѣлую тебя, такъ какъ люблю тебя».

Утопилъ ли Николаевъ жену, или не утопилъ, но уже эти два письма характеризуютъ ту драму, которая ежедневно разыгрывалась въ домѣ Николаевыхъ. А вотъ что пишетъ своей женѣ, женщинѣ двумя головами крупнѣе его, герой другой драмы, также не приведенной въ ясность: «Съ встрѣтившимся товарищемъ я заѣхалъ въ свой трактиръ, тамъ мы выпили бутылку хересу, другую, третью; тогда стало невесело, а чего-то досадно; дождь не переставалъ, а увеличивался, духъ же нашъ хотѣлъ бодрствовать. Мы отправились къ мадамъ С—ной *), несмотря, что первый часъ ночи и лошади донельзя измокли... Не доставши тамъ ничего выпить и закусить сладенькимъ, поѣхали въ другое мѣсто, но какъ третій часъ ночи, получили отказъ. Тогда мы отправились въ домъ къ Потапову, напились чаю, выпили графинъ наливки, и я весь обмокшій, въ грязи, въ 6 часовъ утра возвратился домой, легъ спать»... Письмо оканчивается такъ: «Наслаждайся, мой вѣрный другъ, пріятностью и удовольствіемъ, сколько можешь и сколько времени захочешь. Награди въ дружеской бесѣдѣ съ своей сестрой прошедшимъ воспоминаніемъ о своихъ печальныхъ проведенныхъ дняхъ, когда радостныхъ намъ съ тобой фортуна не подарила. Цѣлую тебя разъ, душа моя, отъ чистаго сердца, больше нежели здѣсь письменныхъ словъ. Прощай еще, другъ мой, цѣлую тебя мысленно, послаще, чѣмъ наяву». Въ добавленіе къ этому мы только повторимъ, что эти пошлыя любезности и собственноручные разсказы мужа о своихъ похожденіяхъ получала женщина недюжинная...

*) Что-то въ родѣ публичнаго дома.

Помѣщикъ корнетъ Отраховичъ (1845 г.), имѣя или, по крайней мѣрѣ, намѣреваясь имѣть на сторонѣ любовныя шашни, смертельно ранилъ свою жену. Здѣсь въ особенности любопытенъ процессъ приготовленія къ убійству. Отраховичъ выпилъ графинъ водки, вливъ туда предварительно спирту. Затѣмъ за ужиномъ пилъ вино и потчивалъ имъ и жену, говоря при этомъ: «можетъ быть, намъ завтра ничего не будетъ нужно». Послѣ ужина онъ принесъ въ спальню ружье, зарядилъ его и поставилъ въ уголъ. Потомъ онъ легъ съ женою въ постель, шутилъ съ ней, цѣловалъ ее и прощался, говоря, что цѣлуетъ ее въ послѣдній разъ,—«только тебѣ и жить». Она хотѣла поцѣловать дѣтей, но онъ сказалъ, что завтра самъ ихъ за нее поцѣлуетъ. Она на-половину боялась, на-половину принимала все это за шутку, пока Отраховичъ, взявъ ружье, не скомандовалъ «разъ, два, три» и не всадилъ ей зарядъ дроби въ грудь...

Супруги Ломоносовы жили въ первое время послѣ свадьбы мирно и счастливо. Но скоро начали бѣгать между ними черныя кошки. Съ одной стороны, Ломоносовъ, управлявшій имѣніями жены, надѣлалъ долговъ и привелъ дѣла въ разстройство. Съ другой,—мужъ подозрѣвалъ жену въ любовной связи сначала съ гувернеромъ Ретте, а потомъ съ капитаномъ Карауловымъ, что, впрочемъ, положительно не доказано, но и не опровергнуто. Наконецъ, супруги разъѣхались. Но Ломоносовъ продолжалъ любить и ревновать. Разъ осенью 1848 г. Ломоносова возвращалась изъ гостей ночью въ коляскѣ съ гувернанткой своего сына и капитаномъ Карауловымъ. Когда коляска въѣхала во дворъ, Ломоносова увидѣла на крыльцѣ мужа. Произошло замѣшательство, которое разрѣшилось тѣмъ, что Ломоносовъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ коляску, но не попалъ ни въ кого. Дѣло это интересно, главнымъ образомъ, по тѣмъ разнообразнымъ положеніямъ, въ которыя встали относительно его различныя инстанціи судебной власти. Московскій надворный судъ полагалъ, «на основаніи 111, 121 и 1922 ст. улож., лишить Ломоносова всѣхъ правъ состоянія и, вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, перейдя, согласно 144 ст. улож. (ст. 163), къ слѣдующему непосредственно затѣмъ роду наказаній, сослать на поселеніе въ Сибирь».—Московская уголовная палата нашла, что слѣдуетъ «подвергнуть Ломоносова, по силѣ 1245 ст. улож. изд. 1845 г. (1300 ст. изд.

знанія были обезпечены самымъ порядкомъ вещей. Такимъ образомъ отъ Жоржъ-Зандовской идеи на русской почвѣ осталась бы одна гордая идея свободы чувствъ, которая, при наличныхъ условіяхъ, не замедлила бы превратиться въ простой развратъ, разбавленный либеральной водицей... Мы видѣли просто душевладѣлицъ; яркихъ типовъ душевладѣлицъ-женъ мы у г. Любавскаго не нашли. Но вотъ душевладѣлица-мать.

Въ Москвѣ проживала вдова гвардейскаго капитана, Екатерина Леонтьева. Прежде она жила въ своемъ ярославскомъ имѣніи, но была оттуда выслана по высочайшему повелѣнію за жестокое обращеніе съ крестьянами, и право распоряжаться ими было у нея отнято. Но если она лишилась, такимъ образомъ, возможности поучать мѣрами кротости крестьянъ, зато у нея оставались дѣти, на которыхъ и сосредоточилась ея материнская любовь. Въ 1851 году московскій военный генералъ-губернаторъ получилъ извѣстіе о крайне жестокомъ обращеніи Леонтьевой съ своимъ девятилѣтнимъ сыномъ Ѳедоромъ. Для удостовѣренія въ справедливости этихъ слуховъ московскій уѣздный предводитель дворянства, въ сопровожденіи достаточнаго количества постороннихъ лицъ, отправился на квартиру Леонтьевой. Девятилѣтняго сына Леонтьевой нашли запертымъ въ деревянномъ шкафѣ, въ дѣвичьей. «Руки его были связаны сзади по локтямъ бумажнымъ снуркомъ. Блѣдный, изнуренный и худой, онъ былъ одѣтъ въ одной только рубашкѣ, обутъ въ туфляхъ и покрытъ коленкоровымъ чехломъ съ дивана. При медицинскомъ свидѣтельствѣ, на правой сторонѣ лба его былъ замѣченъ шрамъ около вершка и опухоль величиною въ лѣсной орѣхъ; на правой кисти шесть тонкихъ кровавыхъ полосъ; на верхней части праваго предплечья два возвышенія отъ дикаго мяса съ окружной краснотой, происшедшія отъ несовершенно заживших ранъ; на лѣвой кисти три зажившіе шрама, подъ правымъ колѣномъ три красныя пятна, на голени выше лѣвой ступни красноватая полоса и тонкая полоса на ступни, на мизинцѣ лѣвой ноги опухоль и краснота, на дѣтородномъ членѣ головка обнажена и крайняя полость заворочена». Доктора нашли, что изнуреніе и худосочіе мальчика зависятъ отъ плохого питанія и жестокаго съ нимъ обращенія. Оказалось слѣдующее. Леонтьева терпѣть не могла всѣхъ своихъ дѣтей и грозила «извести всю Леонтьевщину». Старшіе сыновья съ нею не жили; дочь взялъ къ себѣ, по ея просьбѣ дядя, потому что у матери ей жить было невыносимо. Младшаго сына, Ѳедора, Леонтьева постоянно держала въ чуланѣ, въ которомъ, вслѣдствіе щелей въ доскахъ, было холоднѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Оттуда она его выпускала только на ночь и клала спать на голый полъ со связанными руками и привязывала къ мебели; кормила она его не больше двухъ разъ въ день «корками хлѣба, намоченными въ помояхъ». Била она сына страшно, и не разъ прямо говорила, что ненавидитъ его, сведетъ въ могилу, что «ей скучно, когда она его не бьетъ». У мальчика развилась привычка къ онанизму, чему, по мнѣнію докторовъ, способствовало запираніе его въ шкафъ и въ чуланъ. Мать «рвала своими ногтями его дѣтородный членъ и прикладывала къ оному горчицу минутъ на 10 и болѣе». Кромѣ того, у Леонтьевой былъ и сподвижникъ, поручикъ князь Оболенскій, часто бывавшій у нея въ качествѣ жениха. Разъ за то, что Ѳедоръ «выпилъ квасъ», Оболенскій до того сѣкъ его, что самъ усталъ и потребовалъ для освѣженія холодной воды, а въ другой разъ ранилъ его полусаблей.

Мы предоставляемъ читателю представить себѣ эту самую мадамъ Леонтьеву, обуреваемую идеею свободы чувствъ и жаждущею эмансипаціи. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, ибо эта мегера получила воспитаніе въ пансіонѣ... Да, эмансипація душевладѣлицы—вещь забавная. Не болѣе, впрочемъ, забавная, чѣмъ политическая свобода душевладѣльцевъ, составляющая завѣтный идеалъ нѣкоторыхъ, нынѣ дѣйствующихъ россійскихъ публицистовъ. Любопытно, что эти самые публицисты наиболѣе склонны къ разглагольствованіямъ о необходимости исторической постепенности въ развитіи общества. А между тѣмъ ихъ идеалъ есть нѣчто въ родѣ Колосса Родосскаго, одна нога котораго должна стоять въ XVIII, а другая—въ XX вѣкѣ. Къ счастію или къ несчастію, идеалу этому трудно осуществиться; и если одной ногѣ Колосса случится застрять въ XVIII вѣкѣ, то другая будетъ навѣрное тамъ же.

VII.

До сихъ поръ мы ходили съ читателемъ по лужамъ русской крови, натекшей то изъ изодранной спины мужика и солдата, то изъ прострѣленной груди благороднаго дуэлиста, то изъ горла жены, перерѣзаннаго рукой мужа. Мы видѣли образцы возмутительнаго презрѣнія къ человѣку и обращенія съ нимъ, какъ съ вещью. Посмотримъ теперь на отношенія русскаго человѣка къ предмету безкровному и безтѣлесному—къ казнѣ.

Кто-то назвалъ Россію страной казнокрадства. Надо сознаться, что въ этомъ нелестномъ для насъ мнѣніи есть своя доля правды. Вездѣ, разумѣется, растрата казеннаго и общественнаго имущества имѣетъ своихъ болѣе или менѣе многочисленныхъ предста-

пѣшки, которыя она можетъ какъ угодно двигать для осуществленія своей личной фантазіи, — будь эта фантазія грандіозный политическій планъ или просто желаніе имѣть пару содержанокъ. И политическіе фантазеры, гордо держащіе знамя Россіи, какими бы демократами они не прикидывались, и казнокрады, — да простится намъ это сопоставленіе, — одинаково смотрятъ на казну, какъ на неисчерпаемый сундукъ и одинаково игнорируютъ источники его пополненія: Патріоты, въ смыслѣ любовниковъ географическаго понятія, и казнокрады — кровные братья. И оба эти явленія, какъ слѣдствія одной и той же причины, всегда и вездѣ сопутствуютъ одно другому. Припомните великій Римъ, даже не императорскій, а еще республиканскій Римъ, въ которомъ позорный ярлыкъ казнокрадства былъ нерѣдко пришитъ даже непосредственно къ славнѣйшимъ именамъ, обладатели которыхъ наиболѣе раздвинули предѣлы своего отечества. Сципіонъ Африканскій былъ казнокрадъ въ прямомъ смыслѣ слова, Сципіонъ Африканскій, увернувшійся отъ суда гордой и цинической выходкой: «отечеству даютъ отчетъ не въ деньгахъ, а въ дѣлахъ»...

Однако, да простятъ намъ и читатель наше отступленіе. Мы увлеклись нашей нехитрой параллелью, безъ которой, сознаемся, смѣло могли бы обойтись. Пусть Сципіоны преступники, не только какъ прямые казнокрады, а и какъ герои Африканскіе, — въ качествѣ героевъ ихъ будетъ судить потомство. А наше дѣло — представить читателю нѣсколько штукъ настоящихъ казнокрадовъ, которымъ одинаково трудно дать отечеству отчетъ какъ въ деньгахъ, такъ и въ дѣлахъ. Изъ личностей этого рода, фигурирующихъ въ сборникахъ г. Любавскаго, мы начнемъ съ неопытнаго, увлекающагося юноши и окончимъ почтеннымъ, убѣленнымъ сѣдинами старцемъ, который «знаковъ тьму отличій нахваталъ».

Повѣсть юноши очень коротка. Мичманъ Славичъ, будучи отправленъ для сопровожденія казеннаго груза изъ Кронштадта въ Николаевскъ на Амурѣ (1863 г.), неисправностью судна былъ задержанъ въ Бразиліи, въ Ріо-Жанейро. Тамъ Славичъ былъ введенъ русскимъ посланникомъ въ высшій кругъ общества, который, какъ и всякій высшій кругъ общества, живетъ сыто, пьяно и богато. Славичъ былъ такъ молодъ (ему было 22 года), и средствъ у него было такъ много, казна такъ богата, — Славичъ надавалъ векселей на морское министерство, по которымъ и было уплачено болѣе 18,000 рублей. Славичъ, молодой казнокрадъ, составляетъ исключеніе. Большая часть преступленій этого рода, какъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ западная уголовная статистика, выпадаетъ на долю людей старыхъ, что совершенно понятно. Не говоря уже о нѣкоторыхъ качествахъ молодости, облегчающихъ ей жизнь и устраняющихъ надобность въ незаконныхъ путяхъ, молодые казнокрады составляютъ относительную рѣдкость уже просто потому, что кругъ ихъ дѣятельности и степень ввѣренной имъ власти обыкновенно очень ограничены. Для казнокрадства требуется болѣе или менѣе импонирующее общественное положеніе, достаточно ограждающее отъ подозрѣній и достаточно вліятельное для вовлеченія въ соучастіе или, по крайней мѣрѣ, для полученія молчаливаго согласія очень многихъ людей. Такъ что даже самый размѣръ казнокрадства необходимо пропорціоналенъ чину.

Мы не будемъ входить въ подробности дѣла о командирѣ тульскаго оружейнаго завода, генералъ-маіорѣ Лазаревичѣ, все несчастіе котораго состояло въ томъ, что въ семи верстахъ отъ Тулы находилось имѣніе его жены, а при имѣніи былъ винокуренный заводъ, такъ что, благодаря этой близости разстоянія, Лазаревичъ слилъ ихъ воедино: нужны для винокуреннаго завода жены сѣно, люди, чугунъ, лошади — Лазаревичъ всѣмъ этимъ заимствовался изъ казеннаго имущества оружейнаго завода и изъ общественнаго имущества оружейниковъ.

Минуя затѣмъ дѣло о растратѣ въ 1852 г. въ одесскомъ коммерческомъ судѣ и казначействѣ 240,000 рублей, любопытное только по множеству прикосновенныхъ къ нему лицъ, мы переходимъ къ знаменитому дѣлу-монстръ, къ дѣлу Политковскаго.

Въ 1821 г. на службу въ цензурномъ комитетѣ поступилъ юноша, только что окончившій курсъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ — Политковскій. Юноша быстро пошелъ по служебной лѣстницѣ въ гору. Въ 1828 году онъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1831 г. поступилъ начальникомъ перваго отдѣленія канцеляріи «комитета 18-го августа 1814 года»; затѣмъ назначенъ правителемъ канцеляріи комитета, пожалованъ въ камергеры, переименованъ въ директоры канцеляріи. Жилъ онъ, приводя всѣхъ въ изумленіе своею роскошью, и умеръ мирно, окруженный общимъ уваженіемъ, украшенный многочисленными орденами и въ чинѣ тайнаго совѣтника. Но тотчасъ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1853 г., какъ въ «комитетѣ 18-го августа 1814 г.», такъ и въ домѣ покойнаго поднялась кутерьма. Начальникъ счетнаго отдѣленія комитета, коллежскій совѣтникъ Таракановъ, явился въ квартиру предсѣдателя комитета, генерала У—а (неизвѣстно, для чего г. Любавскій скрылъ имя этого, ни въ чемъ

института вообще, но какъ средства для полученія извѣстнаго результата. Въ какой мѣрѣ можетъ и можетъ ли вообще такое-то наказаніе повліять на устраненіе такого-то преступленія? Смѣемъ думать, что такіе вопросы не чужды задачѣ криминалистовъ, смѣемъ думать, что вопросы эти просты и законны; смѣемъ думать, что есть возможность дать на эти вопросы удовлетворительные отвѣты. И, однако, криминалисты не задаютъ ихъ себѣ, не задаютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый ходъ событій устраиваетъ вышеозначенную очную ставку извѣстнаго преступленія съ соотвѣтствующимъ (по положительному законодательству) наказаніемъ и самымъ очевиднымъ образомъ показываетъ ихъ несоотвѣтственность.

Какъ-то недавно намъ случилось прочитать въ газетахъ такой разсказъ. Женщина, присутствовавшая при совершеніи смертной казни, по возвращеніи домой безъ всякаго повода зарѣзала у себя кого-то дома, кажется, своего ребенка. Мы не помнимъ подробностей и даже не знаемъ хорошенько, гдѣ произошелъ этотъ случай—у насъ или за границей. Уголовная практика знаетъ относительно значительное число такихъ загадочныхъ явленій. Видъ наказанія иногда не только не производитъ желаемаго устрашающаго и опозоривающаго дѣйствія, но, напротивъ, какъ будто наталкиваетъ на подражаніе палачу, вызываетъ непреодолимую жажду крови *). Уровень нашихъ психологическихъ познаній не захватываетъ этихъ явленій, хотя тамъ и сямъ можно встрѣтить намеки на попытки ихъ объясненія. Такова психологическая система Адама Смита, хотя ею далеко не охватываются всѣ этого рода факты. Таковы прямыя слова Кетле, что «иногда источникъ преступленій лежитъ въ духѣ подражательности, въ высшей степени присущей человѣку и обнаруживающейся во всемъ» («Соціальная система»). А между тѣмъ, явленія этого порядка аналогичны, можетъ быть, даже съ такимъ обыденнымъ фактомъ, какъ зѣвота при видѣ зѣвающаго. Есть много фактовъ, ничего не дающихъ для положительнаго вывода, но очень ясно намекающихъ на возможность широкаго отрицательнаго обобщенія. Мы напомнимъ только нѣсколько случаевъ, приведенныхъ въ извѣстной книгѣ Миттермайера. Однажды въ Англіи былъ казненъ поддѣлыватель ассигнацій и трупъ его былъ отданъ его родственникамъ; впослѣдствіи оказалось, что эти родственники прятали въ ротъ трупа ассигнаціи собственной фабрикаціи, не менѣе фальшивыя, чѣмъ тѣ, которыя сдѣлали изъ него трупъ. Когда въ Бостонѣ, послѣ долгаго неупотребленія смертной казни, казнили одного поджигателя, то съ этого времени поджоги усилились и въ самомъ Бостонѣ и въ окрестностяхъ, и, какъ оказалось, всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали при казни перваго. Одинъ священникъ разсказывалъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ передъ казнью, 161 присутствовалъ при совершеніи казней. И т. д. Если бы хотя тѣ умственныя силы, которыя и понынѣ направлены на постройку теорій наказанія и комментированіе положительныхъ законодательствъ, если бы хотя эти силы получили надлежащее теченіе, мы бы, можетъ быть, теперь уже не бродили въ человѣческой, т.-е. своей собственной душѣ, какъ въ потемкахъ, и не наталкивались бы ежеминутно на страшные, кровавые вопросительные знаки. Но во всякомъ случаѣ, если мы не можемъ, при наличныхъ нашихъ знаніяхъ, подвести итогъ фактамъ въ родѣ вышеприведенныхъ, то мы можемъ, однако, смѣло утверждать тотъ очевидный фактъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе своей цѣли не достигаетъ и является только напрасною тратой крови. Есть, однако, нѣкоторыя спеціальныя области явленій этого рода, относительно которыхъ мы можемъ, не ограничиваясь эмпирическимъ выводомъ, отвѣтить и на вопросъ—почему? Какъ на образецъ такого отвѣта, можно указать на извѣстную брошюру Гизо о смертной казни за политическія преступленія.

Но положимъ, что это факты все болѣе или менѣе рѣдкіе и потому ускользающіе отъ анализа, хотя криминалисты обязаны бы были зорко слѣдить и за ними. Но у нихъ подъ руками есть другой источникъ для сопоставленія преступленія и наказанія, источникъ несравненно болѣе богатый. Мы говоримъ о рецидивѣ. Громадный во всѣхъ государствахъ процентъ рецидивистовъ, т.-е. впадающихъ въ преступленіе во второй разъ, въ третій и т. д., самымъ недвусмысленнымъ образомъ указываетъ на нѣкоторую неурядицу въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ. Это огнемъ написанныя слова: «ману, фекелъ, фаресъ», для прочтенія которыхъ не требуются даже переводчики. Возьмемъ безобидный примѣръ—дуэль. Человѣкъ подрался на дуэли, потерпѣлъ наказаніе, и опять дерется и опять потерпѣлъ наказаніе, и въ третій разъ дерется. Ясно, что есть въ обществѣ нѣкоторая сила, неумолимо толкающая его все на одну и ту же дорогу. Прямое дѣло изучить эту дорогу и затѣмъ загородить ее. Но этого отъ криминалистовъ собственно и требовать нельзя по самому свойству ихъ soi disant науки. Уголовное право, считаю-

*) «Опытъ показываетъ, что нерѣдко казни имѣютъ пагубное вліяніе на зрителей и побуждаютъ ихъ самихъ къ совершенію убійствъ» (Миттермайеръ: «Смертная казнь»).

и *взведеніе на себя смертоубійства*; Струковъ, за четвертый побѣгъ изъ военной службы, перемѣну имени и *взведеніе на себя двухъ смертоубійствъ*; Ретинскій—за первый изъ службы побѣгъ, воровство, перемѣну имени и *взведеніе на себя смертоубійства*. Разсмотрѣвъ дѣло объ убійствѣ Безика въ связи съ прежнимъ поведеніемъ убійцъ, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что они взводили на себя небывалыя убійства, съ единственною цѣлью попасть за нихъ въ Сибирь. А когда ложность ихъ самообвиненій была открыта, они рѣшились совершить все съ тою же цѣлью настоящее убійство. На этомъ основаніи генералъ-аудиторіатъ рѣшилъ наказать подсудимыхъ шпицрутенами каждаго черезъ тысячу человѣкъ по шести разъ и, вмѣсто ссылки въ Сибирь, которой они желали подвергнуться, обратить въ ближайшую крѣпость въ арестанты всегдашняго разряда, а для удержанія ихъ на будущее время отъ преступленій приковать всѣхъ троихъ къ телѣжкамъ.

Въ дѣлахъ этого рода поразительна безпомощность практики, благодаря односторонности теоретическихъ постановокъ вопроса объ отношеніи наказанія къ преступленію. Отмѣна наказанія для того, чтобы не исполнилось желаніе преступника, составляетъ очень плохой выходъ изъ затрудненія. Но это—единственный, возможный для практики. Онъ санкціонируется и теоріей. И эта безпомощность практики будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока криминалисты не выйдутъ изъ своихъ узенькихъ рамокъ и не примутся, не мудрствуя лукаво, за скромное, но великое дѣло изученій преступленія, то есть корней его въ общественномъ строѣ, и законовъ явленій души человѣческой.

Читатель не ожидалъ, разумѣется, найти въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ точныхъ указаній въ этомъ смыслѣ. Мы взялись просто передать нѣсколько поучительныхъ, по нашему мнѣнію, страницъ изъ русской уголовной лѣтописи, какія встрѣтились въ сборникахъ г. Любавскаго. Затѣмъ мы хотѣли показать необходимость изученія преступленія, какъ общественнаго явленія. А къ формулѣ нашей: количество преступленій прямо пропорціонально количеству и рѣзкости соціальныхъ контрастовъ,—къ этой формулѣ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

ГЕРОИ И ТОЛПА*).

I.

Въ сентябрѣ 1771 г. въ Москвѣ, раздираемой чумою, стоялъ у Варварскихъ воротъ фабричный рабочій и разсказывалъ всѣмъ желающимъ слушать,—какой онъ чудный сонъ видѣлъ. Видѣлъ онъ Богородицу, и жаловалась Богородица, что образу ея у Варварскихъ воротъ уже тридцать лѣтъ никто молебновъ не пѣлъ и свѣчей не ставилъ; за это Христосъ хотѣлъ послать на Москву каменный дождь, но она, Богородица, умолила, чтобы наказаніе ограничилось трехмѣсячнымъ моромъ. «Порадѣйте, православные, Богородицѣ на всемірную свѣчу»! кричалъ рабочій. И валомъ повалилъ измученный народъ на этотъ крикъ. Несли деньги, ставя свѣчи, молясь и плача, мужчины, женщицы, дѣти, больные, здоровые, цѣлый день толпились у воротъ; попы разставили рядъ налоевъ и служили молебны. По мысли архіерея Амвросія, предполагалось перенести икону въ другое мѣсто, чтобы толпа не загораживала проѣзда, а деньги, которыхъ быстро накопился цѣлый сундукъ, употребить на благотворительную цѣль. Но начальство порѣшило перенести деньги въ сохранное мѣсто. Однако, когда у Варварскихъ воротъ явилась съ этою цѣлью команда съ подъячими, народъ разогналъ ее съ крикомъ: «Богородицу грабятъ!» и затѣмъ, вооружившись, чѣмъ попало, двинулся при звукахъ набата искать Амвросія. Искали въ Чудовѣ монастырѣ, искали въ Донскомъ, наконецъ, нашли и вытащили изъ церкви, позволивъ, однако, архіерею приложиться сначала къ иконѣ. Это былъ добрый знакъ. Дальше, когда Амвросій кротко и спокойно отвѣчалъ на сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ вопросы о разныхъ санитарныхъ и полицейскихъ мѣрахъ, въ томъ числѣ и насчетъ Варварскихъ воротъ, толпа стала видимо стихать. Но вдругъ, нѣкто Василій Андреевъ, дворовый человѣкъ Раевскаго, выбѣжавъ изъ кабака, кинулся на архіерея съ коломъ въ рукахъ. «Чего вы его слушаете? Развѣ не знаете, что онъ колдунъ, глаза вамъ отводитъ?!»—закричалъ Андреевъ и ударилъ Амвросія коломъ въ високъ. Въ ту же минуту доброе настроеніе толпы исчезло, десятки ударовъ посыпались на архіерея, и онъ былъ убитъ...

*) 1882 г.

изъ программы своей работы, то, понятное дѣло, самъ себя лишитъ драгоцѣннаго матеріала, даваемаго обаяніемъ, которое Будда производилъ на современниковъ. Изслѣдователь долженъ въ этомъ случаѣ стать на точку зрѣнія буддистовъ. Онъ можетъ, конечно, отвергать и опровергать эту точку зрѣнія въ виду различныхъ, весьма даже важныхъ цѣлей и соображеній. Но въ данномъ случаѣ всѣ эти цѣли и соображенія, какъ бы они ни были сами по себѣ цѣнны, представляютъ нѣчто постороннее. Задача состоитъ въ изученіи механики отношеній между толпою и тѣмъ человѣкомъ, котораго *она* признаетъ великимъ, а не въ изысканіи мѣрила величія. Поэтому завѣдомый злодѣй, глупецъ, ничтожество, полуумный—для насъ такъ же важны, въ предѣлахъ поставленной задачи, какъ и всемірный геній или ангелъ во-плоти, если за ними шла толпа, если она имъ искренно, а не по внѣшнимъ побужденіямъ повиновалась, если она имъ подражала и молилась. Этого мало. Бываетъ величіе, озаряющее далекіе историческіе горизонты. Бываетъ такъ, что великій человѣкъ, своею безсмертною стороною, своею мыслью живетъ вѣка, и вѣка вліяютъ на толпу, увлекая ее за собой. Но бываетъ и такъ, что великій человѣкъ мелькнетъ, какъ падучая звѣзда, лишь на одно мгновеніе станетъ идоломъ и идеаломъ толпы, а потомъ, когда пройдетъ минутное возбужденіе, самъ утонетъ въ рядахъ темной массы. Безвѣстный ротный командиръ бросается въ минуту возбужденія на непріятельскую батарею и увлекаетъ своимъ примѣромъ оробѣвшихъ солдатъ, а затѣмъ опять становится человѣкомъ, которому цѣна — грошъ. Вы затруднитесь назвать его великимъ человѣкомъ, хотя, можетъ быть, согласитесь признать извѣстную долю величія въ его выходкѣ. Но, во всякомъ случаѣ, какая разница, въ интересахъ нашей задачи, между этимъ ротнымъ командиромъ, которому разъ въ жизни удалось воодушевить и увлечь за собой солдатъ, и счастливымъ, «великимъ» полководцемъ, появленіе котораго предъ фронтомъ всякій разъ вызываетъ въ солдатахъ энтузіазмъ и готовность идти на смерть? Разницы никакой или весьма малая. Мы можемъ, конечно, отмѣтить въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторое осложненіе психическими моментами, которыхъ нѣтъ въ первомъ. Тутъ мы видимъ привычку солдатской души реагировать извѣстнымъ образомъ при появленіи вождя, а тамъ дѣло происходитъ мгновенно, безъ ожиданія и даже, можетъ быть, противъ всякаго ожиданія. Но существенной роли эта разница не играетъ, и, конечно, мы сдѣлаемъ грубую ошибку, если, изслѣдуя механику массоваго увлеченія подъ вліяніемъ одинокой воли, упустимъ изъ виду анализъ такихъ фактовъ, какой представляетъ исторія безвѣстнаго ротнаго командира. Затѣмъ, въ смыслѣ душевной механики увлеченія подъ давленіемъ одинокой личности, между мгновеннымъ движеніемъ свиты Бланки Кастильской и такимъ же мгновеннымъ движеніемъ солдатъ—нѣтъ уже ровно никакой разницы. И тамъ, и тутъ толпа разомъ, мгновенно переступаетъ какой-то таинственный и страшный порогъ, какъ только вожакъ дѣлаетъ первый шагъ, а до тѣхъ поръ жмется, колеблется, отступаетъ.

Оба факта, очевидно, одинаковаго происхожденія и оба одинаково заслуживаютъ нашего вниманія. Да не то что Бланка Кастильская, Василій Андреевъ или ротный командиръ, а если бы, для уясненія занимающихъ насъ психическихъ процессовъ и тѣхъ общественныхъ или иныхъ условій, которыя обставляютъ эти процессы, если бы для этого оказались въ какомъ-нибудь смыслѣ пригодными отношенія между передовымъ бараномъ и бросающимся за нимъ бараньимъ стадомъ, такъ и ихъ изслѣдователь не можетъ исключить изъ своей работы.

Итакъ, вотъ въ какомъ, вполнѣ условномъ смыслѣ, будемъ мы разумѣть героя. Это не первый любовникъ романа и не человѣкъ, совершающій великій подвигъ. Нашъ герой можетъ, пожалуй, быть и тѣмъ, и другимъ, но не въ этомъ заключается та его черта, которою мы теперь интересуемся. Нашъ герой просто первый «ломаетъ ледъ», какъ говорятъ французы, дѣлаетъ тотъ рѣшительный шагъ, котораго трепетно ждетъ толпа, чтобы съ стремительною силою броситься въ ту или другую сторону. И не самъ по себѣ для насъ герой важенъ, а лишь ради вызываемаго имъ массового движенія. Самъ по себѣ онъ можетъ быть, какъ уже сказано, и полуумнымъ, и негодяемъ, и глупцомъ, ни мало не интереснымъ. Для меня очень важно, во избѣжаніе разныхъ возможныхъ недоразумѣній, чтобы читатель утвердился на этомъ значеніи слова «герой» и чтобы онъ не ожидалъ отъ героевъ, какіе ниже встрѣтятся, непремѣнно чего-нибудь «героическаго» въ томъ двусмысленномъ значеніи, которое обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ. Съ этою именно цѣлью я началъ очеркъ убійствомъ Амвросія. Съ этою же цѣлью я хочу напомнить читателю одну высоко-художественную сцену изъ «Войны и мира»—сцену убійства Верещагина. Я не знаю ни историческаго, ни художественнаго описанія момента возбужденія толпы подъ вліяніемъ примѣра, которое могло бы съ сравняться съ этими двумя страницами по выпуклости и тонкости работы.

— Ребята! — сказалъ Растопчинъ металлически-звонкимъ голосомъ,—этотъ человѣкъ, Ве-

начальственный видъ графа, ни его прямыя приказанія.

Ударъ тупого палаша тупого драгуна, и только этотъ ударъ преодолѣлъ, очевидно, упорное нежеланіе толпы убить человѣка, вины котораго она не понимала. Въ свою превосходную картину графъ Толстой вставилъ замѣчанія или объясненія, по малой мѣрѣ, рискованныя. Фактъ не только воспроизведенъ съ рѣдкою художественною силою, но и вѣрно истолкованъ словами: «Та натянутая въ высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно». Но при этомъ графъ Толстой прямо замѣчаетъ, что «жалобный крикъ погубилъ Верещагина», и даетъ, сверхъ того, намекъ на настроеніе толпы—мотивомъ: «преступленіе было начато, необходимо было довершить его». Но крикъ Верещагина былъ до такой степени неизбѣжною, неотвратимою подробностью драмы, что сказать: «крикъ погубилъ» —значитъ ровно ничего не сказать. Что же касается необходимости окончить разъ начатое преступленіе, то этотъ мотивъ былъ бы несомнѣненъ, если бы толпа начала преступленіе. Но этого-то и не было: преступленіе начато чуждою толпѣ силою, за грѣхи которой толпа не можетъ считать себя отвѣтственною. Въ человѣкѣ, начавшемъ преступленіе, естественно инстинктивное стремленіе поскорѣй покончить съ жертвою. Но посторонній зритель, особливо если, онъ предварительно выразилъ свое несочувствіе убійству, можетъ и на убійцу броситься и стараться спасти жертву.

Верещагина погубило неудержимое стремленіе извѣстнымъ образомъ настроенной толпы подражать герою. А героемъ былъ въ этомъ случаѣ тотъ драгунъ, у котораго хватило смѣлости или трусости нанести первый ударъ. Если читателю не нравится такое употребленіе слово «герой», то я прошу извиненія, но иного подходящаго слова я не нашелъ. Это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ увлекать толпу и истинно великимъ людямъ. Сами по себѣ, мотивы, двинувшіе героя на геройство, для насъ безразличны. Пусть это будетъ тупое повиновеніе (какъ, вѣроятно, было у нашего драгуна) или страстная жажда добра и правды, глубокая личная ненависть или горячее чувство любви— для насъ важенъ герой только въ его отношеніи къ толпѣ, только какъ двигатель. Безъ сомнѣнія, не мало найдется въ исторіи случаевъ, которыхъ личные мотивы героевъ бросаютъ свѣтъ на весь эпизодъ, и тогда мы, разумѣется, не можемъ отказываться отъ изученія этихъ мотивовъ. Но наша задача все-таки исчерпывается взаимными отношеніями двухъ факторовъ: героя и толпы. Постараемся уяснить себѣ эти отношенія и опредѣлить условія ихъ возникновенія, будутъ ли эти условія заключаться въ характерѣ даннаго историческаго момента, даннаго общественнаго строя, личныхъ свойствъ героя, психическаго настроенія массы или какихъ иныхъ элементовъ. Повторяю: это можно сказать — непочатый вопросъ. Поставить и разрѣшить его во всемъ объемѣ наука даже не пыталась. Это зависитъ прежде всего отъ крайней раздробленности знанія, въ силу которой каждый ученый съ благороднымъ упорствомъ работаетъ подъ смоковницей своей спеціальности, но не хочетъ или не можетъ принять въ соображеніе то, что творится подъ сосѣдней смоковницей. Юристъ, историкъ, экономистъ, совершенно незнакомый съ результатами, общимъ духомъ и пріемами наукъ физическихъ, есть до такой степени распространенное явленіе, что мы съ нимъ совсѣмъ свыклись и не находимъ тутъ ничего страннаго. Есть, однако, область знанія, болѣе или менѣе близкое знакомство съ которою самые снисходительные люди должны, кажется, признать обязательнымъ для историка, экономиста или юриста. Это—область душевныхъ явленій. Положимъ, что психологія и до настоящаго дня не имѣетъ еще вполнѣ установившагося научнаго облика, не представляетъ собою законченной цѣпи взаимно поддерживающихся и общепризнанныхъ истинъ. Но какъ ни много въ этой области спорнаго, гипотетическаго и условнаго, душевныя явленія настолько-то извѣстны всетаки, чтобы можно было по достоинству оцѣнить психологическіе моменты различныхъ политическихъ, юридическихъ, экономическихъ теорій.

Какія бы понятія тотъ или другой экономистъ ни имѣлъ о человѣческой душѣ для своего личнаго обихода, но въ сферѣ своей науки онъ разсуждаетъ такъ, что единственный духовный двигатель человѣка есть стремленіе покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже. Для иного юриста мотивы дѣятельности человѣка исчерпываются стремленіемъ совершать преступленія и терпѣть за нихъ наказанія, и т. п. Такъ какъ душа человѣческая на самомъ дѣлѣ безконечно сложнѣе, то понятно, что явленія, незамѣтныя съ этихъ условныхъ, спеціальныхъ точекъ зрѣнія ускользаютъ отъ анализа, хотя въ жизни заявляютъ о себѣ, можетъ быть, очень часто и очень сильно. Таковы, именно, массовыя движенія. Потрудитесь припомнить весь циклъ существующихъ такъ называемыхъ соціальныхъ наукъ— и вы увидите, что ни на одну изъ нихъ нельзя возложить обязанности изученія массовыхъ движеній, какъ таковыхъ, т. е. въ ихъ существенныхъ и самостоятельныхъ чер-

образъ дѣйствія того же человѣка, когда онъ окажется подъ вліяніемъ рѣзкаго, энергическаго примѣра. Вотъ что разсказываетъ Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о бунтѣ военныхъ поселянъ 1831 г.

«Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера, съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плачущаго; на вопросъ мой: «о чемъ онъ плачетъ?» онъ, показывая на Соколова, сказалъ: «Что дѣлается! Убиваютъ не командира, а отца»! Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговорить поселянъ, чтобъ его оставили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но не прошло двухъ минутъ, какъ, пробившись съ нѣсколькими поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера, съ коломъ въ рукѣ, бьющаго его: «Что ты дѣлаешь! Не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ»? На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Уже видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе, видите, что весь міръ бьетъ, что жъ я буду стоять такъ»! (Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870, стр. 82).

Какъ ни поразителенъ на первый взглядъ этотъ фактъ, но всякій, я думаю, найдетъ въ запасѣ своихъ воспоминаній нѣчто подобное. Конечно, не непремѣнно по кровавой обстановкѣ и результату, а только въ смыслѣ столь же рѣзкой разницы между одинокимъ человѣкомъ и человѣкомъ въ толпѣ, въ смыслѣ всеподавляющаго значенія примѣра. Недавніе еврейскіе погромы были, конечно, полны подобныхъ эпизодовъ. Да, наконецъ, въ обыденной жизни, можно сказать, шагу ступить нельзя, не натолкнувшись на тотъ или другой фактъ безсознательнаго подражанія. Не говорю о дѣтяхъ, склонность которыхъ къ «обезьяничанью» вошла въ поговорку; не говорю о модѣ, во всеуравнивающемъ распространеніи которой замѣшиваются посторонніе элементы, въ родѣ тщеславнаго желанія быть не хуже другихъ и т. п. Но обратите вниманіе хотя бы на такой, неизмѣнно повторяющійся фактъ: люди, имѣющіе сношенія, напримѣръ, съ человѣкомъ, оригинально и талантливо разсказывающимъ, безсознательно усваиваютъ себѣ не только его манеру говорить, но даже его обычные жесты. Этого же рода не мгновеннымъ, а медленнымъ, постепеннымъ, хроническимъ вліяніемъ примѣра объясняется одна, къ сожалѣнію, очень обыкновенная житейская драма: дорогой и близкій вашему сердцу человѣкъ подпадаетъ, невидимо для васъ, подъ какое-нибудь подлое вліяніе, и, въ концѣ концовъ, вы съ ужасомъ открываете, что подлость проѣла его до мозга костей. Конечно, тутъ могли дѣйствовать подговоры, убѣжденія, поученія, но большею частью эти вліянія въ подобныхъ случаяхъ совершенно ничтожны, а главная роль принадлежитъ непосредственно постоянному давленію примѣра подлости. Бываютъ, конечно, и обратные случаи, и благоразумные родители знаютъ, что лучшее воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти видѣли передъ собой всегда хорошій примѣръ.

Если этого рода факты до такой степени распространены, то понятно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя отрасли науки не могли не обратить вниманія на кое какіе спеціальные случаи.

Въ числѣ аргументовъ противъ смертной казни находимъ у Миттермайера («Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ») такое указаніе: «Опыты показываютъ, что нерѣдко казни имѣютъ пагубное вліяніе на зрителей и побуждаютъ ихъ самихъ къ совершенію убійствъ». Сюда слѣдуетъ, повидимому, отнести также слѣдующіе, приводимые Миттермайеромъ, факты: «Однажды въ Англіи былъ казненъ поддѣлыватель ассигнацій, и тѣло его было отдано родственникамъ, которые, какъ впослѣдствіи открыла полиція, стали прятать фальшивые билеты въ ротъ трупа... Когда въ Бостонѣ, послѣ долгаго отсутствія казней, снова казнили одного поджигателя, то съ этого времени поджоги увеличились и въ Бостонѣ, и въ его окрестностяхъ; изслѣдованіе же показало, что всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали при совершеніи разсказанной нами казни... Въ Бристолѣ священникъ Робертсъ увѣряетъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ передъ казнью, 161 объявили, что присутствовали при совершеніи казней».

Русскій криминалистъ говоритъ, между прочимъ: «Человѣкъ есть существо, склонное къ подражанію. Совершеніе смертныхъ казней вызываетъ въ немъ эту способность, пріучаетъ его нагляднымъ примѣромъ къ пролитію крови; естественный ужасъ, врожденное отношеніе къ пролитію крови мало-помалу покидаетъ сердце гражданъ, и мѣсто ихъ заступаетъ безчувственность и равнодушіе къ человѣку и человѣческой жизни, жестокосердіе и тупость при видѣ жестокихъ сценъ. Въ эпоху французской революціи гильотина сдѣлалась обыкновеннымъ домашнимъ украшеніемъ. Вольней разсказываетъ, что въ третій годъ французской республики онъ видѣлъ, во время путешествія по Франціи, дѣтей, забавляющихся, въ подражаніе тогдашнимъ судамъ, сажаніемъ на колъ котовъ и гильотинированіемъ птицъ. То же самое явленіе повторилось въ Ни-

мѣра въ *частной* области науки. Другой французскій психіатръ пишетъ: «Давно признано, что самоубійство легко обращается въ эпидемію, и что склонность къ этому акту можетъ передаваться отъ одного индивида къ другому путемъ нравственной заразы, существованіе которой такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнна заразительность нѣкоторыхъ болѣзней... Является какое-то таинственное влеченіе, подобное всемогущему инстинкту, побуждающему насъ, почти помимо нашего сознанія, повторять акты, которыхъ мы были свидѣтелями, и которые сильно подѣйствовали на наши чувства или воображеніе. Это обыденное наблюденіе, его каждый можетъ сдѣлать надъ самимъ собой. Исторія Панургова стада есть нестарѣющая аллегорія» (Lisle «Du suicide». P. 1856. См. также Briérre de Boismont. «Du suicide et de la folie suicide» P. 1865, особенно стр. 232 и слѣд.).

Забѣгая нѣсколько впередъ, въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія, отмѣтимъ любопытные моменты прекращенія нѣкоторыхъ эпидемій самоубійства. По словамъ Плутарха, ни слезы родителей, ни утѣшенія друзей не могли удержать милетскихъ дѣвушекъ отъ самоубійствъ, которыя, однако, тотчасъ же прекратились, какъ только изданъ былъ приказъ выставлять самоубійцъ голыми на всеобщее позорище. Въ 1772 году самоубійства въ парижскомъ инвалидномъ домѣ прекратились, когда сняли крючекъ, обладавшій таинственной притягательной силой, и продѣлали окно противъ стѣны, въ которую онъ былъ вбитъ. Въ 1802 году Наполеонъ, тогда первый консулъ, остановилъ эпидемію самоубійствъ между солдатами дневнымъ приказомъ по арміи такого содержанія: «Солдатъ долженъ умѣть побѣждать горе и меланхолію; кто терпѣливо переноситъ душевныя муки, тотъ обнаруживаетъ такую же храбрость, какъ и тѣ, кто непоколебимо стоитъ подъ выстрѣлами непріятельской батареи. Предаваться горести безъ сопротивленія значитъ удаляться съ поля битвы, не одержавъ побѣды».

Жизнь — очень дорогая штука для человѣка, и разъ онъ рѣшается съ ней покончить, мотивы должны быть, повидимому, очень сильны. Казалось бы, въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, которымъ должна быть переполнена чаша жизни самоубійцы, что можетъ значить загробный позоръ обнаженнаго дѣвственнаго тѣла, или напыщенныя фразы о воинской храбрости, и, тѣмъ паче, присутствіе и отсутствіе какого-то желѣзнаго крючка, повѣситься на которомъ ни менѣе, ни болѣе удобно, чѣмъ на всякомъ другомъ крючкѣ? А между тѣмъ эти пустяки, оказывается, имѣютъ рѣшающее значеніе. Мы увидимъ впослѣдствіи, въ чемъ тутъ, по всей вѣроятности, заключается секретъ. Но во всякомъ случаѣ это рѣшающее значеніе пустяковъ показываетъ, какая огромная доля вліянія принадлежитъ въ приведенныхъ эпизодахъ именно подражанію, а не тѣмъ общимъ причинамъ крайняго недовольства жизнью, которыя тяготѣли надъ милетскими дѣвушками и наполеоновскими солдатами. Безъ сомнѣнія, такія общія причины должны были существовать: если люди вѣшаются, такъ значитъ не красна ихъ жизнь. Но недовольство было все-таки не настолько сильно, чтобы перевѣсить соблазнъ отсутствующаго или присутствующаго крючка на воротахъ инвалиднаго дома. Онъ, именно онъ, этотъ крючекъ таинственно манилъ къ себѣ обремененныхъ и скорбныхъ, и разъ крючекъ былъ убранъ, бремя и скорбь перестали быть непереносными. Общія же условія жизни наполеоновскихъ солдатъ и милетскихъ дѣвушекъ ни на волосъ не измѣнились. Читатель можетъ, правда, замѣтить, что и сила подражанія поблѣднѣла передъ этими самыми пустяками. На это я могу только возразить, что перевѣсъ пустяковъ надъ страшными душевными муками представляется мнѣ необъяснимымъ, тогда какъ перерывъ эпидемическаго потока такими же пустяками можетъ получить свое объясненіе, которое читатель найдетъ ниже.

Итакъ, относительно смертной казни и самоубійства значеніе подражанія установлено давно и несомнѣнно. Но до сихъ поръ мы имѣемъ не объясненіе, а только описаніе явленія, то самое въ сущности описаніе, которое дано было слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ фразою Рабле: «comme vous scavez, estre du mouton le naturel tousiours suyvre le premier, quelque part qu'il aille». Мы видимъ только, что существуетъ какая-то особая сила, толкающая людей къ подражанію; сила, очень на первый взглядъ капризная, ибо охваченный ею человѣкъ подражаетъ иногда палачу, то есть совершаетъ убійство, а иногда казненному преступнику (послѣднее, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, особенно часто случается съ политическими преступниками), далѣе вліяніе этой таинственной силы обрывается иногда совершенно внезапно, наталкиваясь на самыя ничтожныя препятствія. Вотъ и все. Самая механика отношеній между героемъ и толпой, между «le premier» и тѣми, кто за нимъ слѣдуетъ, остается вполнѣ неизвѣстною. Мы ничего все-таки не знаемъ ни о самомъ процессѣ душевной заразы, ни объ условіяхъ, благопріятствующихъ или препятствующихъ его росту. Мы имѣемъ что-то несомнѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственное, одно изъ тѣхъ явленій, къ которымъ, до поры до времени, большинство относится, какъ къ курьезамъ: штука любопытная, но все-таки «штука», не

тенъ, когда сидитъ на вѣтвяхъ своей любимой ели, между тѣмъ, если бы онъ придерживался деревьевъ съ болѣе свѣтлою листвой, то голубая и лиловая окраска его оперенія скоро бы обнаружили его. Точно такъ же рѣполовъ имѣетъ обыкновеніе сидѣть на сухихъ листьяхъ, имѣющихъ красноватый оттѣнокъ, такъ что его красная грудь мало отличается отъ нихъ, а коричневая спина отъ сучьевъ». Въ Сѣверной Америкѣ встрѣчается одна лягушка, обыкновенно сидящая на скалахъ и стѣнахъ, покрытыхъ мхомъ, съ которыми она до того сходна по окраскѣ, что ее можно замѣтить только при ея движеніи. Нѣкоторыя плоскія рыбы, какъ, напримѣръ, камбала и гладкій скатъ, имѣютъ совершенно такой же цвѣтъ, какъ песокъ, на которомъ они обыкновенно лежатъ. Но самые поразительные примѣры занимающаго насъ явленія встрѣчаются у насѣкомыхъ. Такъ, объ одной малайской бабочкѣ, поразительно похожей на сухой листъ, Уоллесъ разсказываетъ.—«Эти бабочки живутъ обыкновенно въ сухихъ лѣсахъ и очень быстро летаютъ. Онѣ никогда не садятся на цвѣты или на зеленые листья, но часто случалось совершенно потерять ихъ изъ виду на сухомъ деревѣ или кустарникѣ, съ котораго бабочка внезапно вспархивала послѣ того, какъ мы долго и напрасно ее искали. Иногда она поднималась съ того самаго мѣста, на которое мы пристально смотрѣли, не замѣчая ея, и снова затѣмъ исчезала въ двадцати или тридцати шагахъ впереди насъ. Два или три раза я находилъ это насѣкомое, когда оно спокойно сидѣло, и могу констатировать его полнѣйшее сходство съ сухими листьями. Обыкновенно эта бабочка садится на почти вертикальной вѣткѣ съ плотно сложенными крыльями, пряча между ними свою голову и усики. Маленькіе хвостики нижнихъ крыльевъ спускаются до сучка и образуютъ какъ бы черешекъ листа, который придерживается когтями средней пары ножекъ. Эти когти очень тонки и незамѣтны, а неправильное очертаніе крыльевъ очень похоже на сморщенный листъ. Такимъ образомъ, все здѣсь — размѣры окраска, форма и привычки соединяются для произведенія самаго полнаго подражанія». «М-ръ Андрью Меррей замѣтилъ, что личинки ночного павлина (Saturnia Pavonia minor) очень сходны по цвѣту съ почками вереска, которыми онѣ питаются, и что розовыя пятна, которыми онѣ покрыты, напоминаютъ бутоны и цвѣты этого растенія». «Цѣлый отрядъ прямокрылыхъ, кобылки, кузнечики, сверчки, обыкновенно имѣютъ окраску, приспособленную къ почвѣ и растеніямъ, на которыхъ они живутъ, и это одни изъ самыхъ интересныхъ въ этомъ отношеніи группъ насѣкомыхъ. Большинство Mantidae и Locustidae, живущихъ подъ тропиками, окрашены и испещрены цвѣтами тѣхъ листьевъ, на которыхъ они держатся, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ на крыльяхъ замѣчаются даже такія же точно жилки, какъ на листьяхъ. Это спеціальное приспособленіе достигаетъ наибольшой силы въ родѣ Phyllium. Родъ этотъ обязанъ своимъ названіемъ «ходячаго листа» необыкновенной формѣ своихъ крыльевъ и ножекъ, которыя плоски и расширены, такъ что при самомъ внимательномъ наблюденіи очень трудно отличить живое насѣкомое отъ листьевъ, которыми оно питается. Все семейство Phasmidae или такъ называемыхъ «пугалъ», къ которому принадлежитъ это насѣкомое, болѣе или менѣе отличается такою же способностью подражанія. Многіе изъ этихъ видовъ извѣстны подъ названіемъ «двигающихся сучьевъ», съ которыми дѣйствительно они имѣютъ поразительное сходство. Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ около фута длиною и толщиною въ палецъ. По своей окраскѣ, формѣ, шероховатой поверхности, устройству головы, ножекъ и усиковъ, они совершенно похожи на сухой сучокъ. Они висятъ обыкновенно на кустарникѣ въ лѣсу и имѣютъ странную привычку раскидывать свои ножки въ разныя стороны, что дѣлаетъ обманъ еще болѣе полнымъ».

Какъ ни странны эти явленія подражанія, однако, есть факты, близко къ нимъ подходящіе, еще болѣе поразительные. Это тѣ именно случаи, когда одно животное подражаетъ другому, копируетъ его цвѣтъ, форму, размѣры частей.

Въ Южной Америкѣ есть семейство бабочекъ — геликониды, которыя очень многочисленны, очень красивы и замѣтны; довольно плохо летаютъ. Несмотря на то, ихъ не трогаютъ ни насѣкомоядныя птицы, ни ящерицы, ни плотоядныя мухи. Онѣ охраняются своимъ острымъ запахомъ и, вѣроятно, соотвѣтственнымъ непріятнымъ вкусомъ, которые и отбиваютъ у многочисленныхъ враговъ насѣкомыхъ охоту нападать на геликонидъ. Вотъ эти-то счастливцы и становятся предметомъ подражанія для другихъ бабочекъ совершенно отличныхъ семействъ. Такъ, напримѣръ, семейство, къ которому принадлежитъ родъ Leptalis такъ далеко отъ семейства геликонидъ, что «энтомологъ по строенію лапокъ различаетъ ихъ такъ же легко, какъ по виду черепа или зуба онъ отличаетъ медвѣдя отъ буйвола». А между тѣмъ наружнымъ своими видомъ лепталисы такъ искусно подражаютъ геликонидамъ («причемъ воспроизводится каждая полоска, каждое пятнышко, каждый оттѣнокъ, точно такъ же, какъ и всѣ степени прозрачности»), что энтомологу требуется

ская форма появилась вдругъ со всѣми своими тончайшими чертами подражанія, то это, съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, почти необъяснимое чудо. Конечно, разъ подражательная форма готова, объясненіе ея переживанія и упроченія чрезвычайно просто. Но, спрашивается, какъ она возникла? Положимъ, что когда-нибудь и гдѣ-нибудь, въ числѣ прочихъ случайностей, могла появиться и такая странная, исключительная случайность, какъ полнѣйшее, до обмана, сходство бабочки съ сухимъ листомъ или цвѣта жука съ цвѣтомъ его обстановки или цвѣта формъ и размѣровъ животнаго съ цвѣтомъ, формами и размѣрами животнаго совсѣмъ другой группы. Но подобныя явленія, какъ мы видѣли, такъ часты и распространены, что странныхъ, исключительныхъ случайностей пришлось бы допустить несравненно больше, чѣмъ это позволяется самыми понятіями странности, исключительности и случайности. Уроды бываютъ всякіе, имѣя своею причиною каждый разъ комбинацію особенныхъ, частныхъ индивидуальныхъ условій, не подлежащихъ суммированію; но если извѣстныя уродства попадаются чуть не на каждомъ шагу, такъ ужъ это не уродства, а явленія, управляющіяся нѣкоторымъ общимъ закономъ. Какой же общій законъ управляетъ явленіями мимичности? Очевидно, что это не законъ переживанія приспособленнѣйшихъ, потому что онъ можетъ въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать только тогда, когда подражаніе уже закончено.

Въ дополненіяхъ къ тому русскому изданію книги Уоллеса (переводъ г. Вагнера), которымъ мы пользуемся, читатель можетъ найти нѣсколько мыслей самого Уоллеса, намекающихъ на возможность совершенно иного объясненія явленій подражанія. А именно, въ статьѣ «Теорія половой окраски», онъ, среди другихъ причинъ, вліяющихъ на окраску животныхъ, отмѣчаетъ степень жизненной энергіи, нервнаго напряженія. «Во время сочетанія,—говоритъ Уоллесъ,—самецъ находится въ возбужденномъ состояніи и полонъ энергіи. Даже неукрашенныя ничѣмъ птицы машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребешки или хохолки и такимъ образомъ изливаютъ то нервное возбужденіе, которымъ онѣ переполнены. Очень вѣроятно, что гребешки и хохолки и другія сросшіяся перья прежде употреблялись для отпугиванія враговъ, такъ какъ они вообще поднимаются во время гнѣва или битвы. Тѣ индивиды, которые были наиболѣе воинственны и смѣлы и которые чаще и сильнѣе пускали въ ходъ свои гребни и вздымающіяся перья, стремились увеличить ихъ употребленіемъ и передать ихъ потомкамъ въ этомъ увеличенномъ видѣ... Значитъ, если тѣ части перьевъ, которыя прежде вздымались и выставлялись на показъ, развились и окрасились, то настоящая выставка ихъ напоказъ, подъ вліяніемъ ревности или полового возбужденія, становится понятной. Самцы, соперничая другъ съ другомъ, видѣли, какія перья наиболѣе эффектны, и каждый старался превзойти своего врага, насколько это было въ его власти, точно такъ же, какъ они стараются перещеголять другъ друга въ пѣніи, причемъ иногда не щадятъ своей жизни».

Наличность этихъ чисто внутреннихъ, психическихъ факторовъ нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ вліянію внѣшнихъ факторовъ—характера мѣстности, естественнаго подбора и проч. И если самцы птицъ, подъ вліяніемъ ревности или полового возбужденія, сознательно (?) развиваютъ и красятъ свои гребешки и хохолки, то почему не придать подобнаго же объясненія явленію мимичности? Почему не предположить, что наряду съ внѣшними условіями, вліяющими на подражателя, нѣкоторую роль играютъ его собственныя безсознательныя усилія стать похожимъ на предметъ подражанія? Шопенгауеръ сказалъ бы прямо, что полярный медвѣдь бѣлъ потому, что *хочетъ* быть бѣлымъ, *хочетъ* быть незамѣтнымъ среди бѣлыхъ снѣговъ и льдовъ сѣвера; что лептализы *хотятъ* быть похожими на геликонидъ, имѣя въ виду ихъ привилегированное положеніе относительно враговъ, и проч. Подобнаго объясненія можно было бы ждать и отъ Уоллеса, въ виду его убѣжденія, что всякая сила есть *воля*. И объясненіе это, будучи построено на болѣе, чѣмъ шаткомъ, основаніи, имѣетъ, однако, то несомнѣнное преимущество передъ теперешней теоріей Уоллеса, что даетъ гораздо болѣе полное освѣщеніе соотвѣтствующей группѣ явленій. Само собою разумѣется, что полнота эта была бы куплена слишкомъ дорогою цѣною; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы вліяніе внутреннихъ, психическихъ факторовъ подлежало рѣшительному отрицанію. Во всякомъ случаѣ, уже на основаніи наиболѣе общихъ принциповъ науки, можно съ увѣренностью сказать, что теорія медленнаго, постепеннаго подбора недостаточна для объясненія мимичности и односторонняя. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, стоитъ только ввести въ кругъ нашего разсужденія многочисленные случаи безсознательнаго подражанія, оставленные Уоллесомъ въ сторонѣ. Надо, однако, замѣтить, что въ «Философіи птичьихъ гнѣздъ» онъ самъ говоритъ о «подражательности», какъ объ особой, самостоятельной способности, «которою одарены вообще всѣ животныя». Но, намѣчая, въ качествѣ продуктовъ этой способности пѣніе птицъ, архитектуру ихъ

это идетъ дальше, что не только окраска пищи, а и всей обстановки вліяетъ на наружность животнаго. Что же касается причины этого соотвѣтствія, то Алленъ ищетъ ее сообразно основнымъ положеніямъ теоріи Дарвина. Онъ полагаетъ, что принциповъ естественнаго и полового подбора совершенно достаточно для объясненія всего процесса. Онъ вводитъ, однако, въ это объясненіе одну новую комбинацію. Онъ думаетъ именно, что, благодаря половому подбору, только тѣ животныя развиваютъ въ себѣ яркую и красивую окраску, въ которыхъ предварительно выработалась нѣкоторая склонность къ созерцанію яркихъ красокъ, а вырабатывается эта склонность вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній. Каково бы ни было отдаленное происхожденіе способности различать краски и склонности къ яркимъ цвѣтамъ, но эту способность и эту склонность мы, во всякомъ случаѣ, застаемъ, положимъ, у насѣкомыхъ, въ весьма развитомъ состояніи. А затѣмъ происходитъ сложный процессъ взаимодѣйствія насѣкомыхъ и растеній. Во-первыхъ, ярко окрашенные цвѣты, привлекая къ себѣ насѣкомыхъ, получаютъ, сравнительно съ слабо окрашенными конкуррентами, большіе шансы въ дѣлѣ распространенія по лицу земли. Въ свою очередь, яркіе цвѣты, поддерживая и развивая склонность насѣкомыхъ къ блестящимъ краскамъ, точно такъ же даютъ лишніе шансы въ борьбѣ за существованіе именно ярко окрашеннымъ видамъ. Въ концѣ концовъ и получается извѣстное общее соотвѣтствіе между окраской животнаго и цвѣтомъ его пищи; масса фактовъ свидѣтельствуетъ, что гдѣ цвѣты и плоды ярко окрашены, тамъ блестятъ красотою и животныя, питающіяся цвѣтами и плодами; наоборотъ,—темной, мрачной обстановкѣ соотвѣтствуетъ столь же мрачная окраска животныхъ. Рядомъ съ этимъ процессомъ, обусловленнымъ, во-первыхъ, внутреннею склонностью животныхъ къ яркимъ краскамъ, а во-вторыхъ—игрою полового подбора, идутъ своимъ чередомъ давно описанные процессы выработки покровительственной окраски, о чемъ уже говорено выше.

Такова въ самомъ сжатомъ видѣ общая мысль Аллена, причемъ мы оставляемъ въ сторонѣ множество любопытныхъ подробностей. Особенно любопытны остроумныя подробности нѣкоторыхъ сложныхъ и запутанныхъ частныхъ случаевъ соотвѣтствія окраски животныхъ и ихъ обстановки. Дѣло не обходится, однако, безъ очень и очень большихъ натяжекъ. Мы остановимся только на одномъ примѣрѣ. Въ качествѣ яраго дарвиниста, Алленъ не можетъ себѣ представить *безполезнаго* измѣненія организаціи или такого внѣшняго признака, какъ цвѣтъ покрововъ: если измѣненіе произошло, такъ, *значитъ*, оно было полезно виду и, только *благодаря своему утилитарному характеру, могло* утвердиться. «Это было бы безполезно, а *слѣдовательно* невозможно или необъяснимо,—таковъ аргументъ, къ которому Алленъ прибѣгаетъ очень часто. Наталкивается онъ, напримѣръ, на такой поразительный фактъ. На одной индѣйской ящерицѣ живутъ три клеща, изъ которыхъ каждый подражаетъ цвѣту той именно части тѣла, на которой живетъ: брюхо у ящерицы желтое, и на немъ сидитъ желтый клещъ, голова—коричневая, и клещъ на ней коричневый, а третій клещъ бываетъ разноцвѣтный, съ точностью копируя цвѣтъ чешуекъ, на которыхъ гнѣздится. Какая клещамъ польза отъ такого подражанія? Простой смертный, не обязанный ротитися и клятися принципомъ полезности, скажетъ: никакой—и постарается найти какое-нибудь иное объясненіе. Но дарвинистъ долженъ и здѣсь во что бы то ни стало розыскать пользу, и вотъ Алленъ, на минуту призадумавшись, рѣшаетъ: можетъ быть это подражаніе охраняетъ клещей противъ самой ящерицы или ея родичей... Натяжка слишкомъ очевидна, чтобы стоило ее разоблачать.

Натуральный цвѣтъ хамелеона грязно-бѣлый, но, смотря по окраскѣ окружающей мѣстности, животное принимаетъ желтый, бурый, зеленый или голубовато-зеленый цвѣтъ. Механизмъ этого измѣненія состоитъ въ слѣдующемъ. Подъ кожей хамелеона заложены два слоя пигментныхъ клѣтокъ, красящее вещество которыхъ—голубого и желтаго цвѣта; давленіе мускуловъ на одинъ изъ этихъ слоевъ окрашиваетъ животное въ соотвѣтственный цвѣтъ, то-есть въ голубой или желтый, а единовременное давленіе на оба слоя—въ зеленый. «Такимъ образомъ, говоритъ Грантъ Алленъ:—хамелеонъ имѣетъ возможность приспособляться къ цвѣту вѣтвей и листьевъ, на которыхъ сидитъ, какъ для укрытія отъ враговъ, такъ и для обмана собственной его добычи». *Несомнѣнно*, что для хамелеона проистекаютъ изъ *его организаціи* эти выгоды, *и въ высшей степени вѣроятно*, что *особенности организаціи* хамелеона поддерживаются *и развиваются игрою* естественнаго подбора. *Но вопросъ* въ томъ: какъ они возникли? Очевидно, надо допустить въ настоящемъ случаѣ участіе еще какого-то внутренняго фактора, который побуждаетъ хамелеона, при полученіи извѣстнаго зрительнаго впечатлѣнія, соотвѣтственнымъ образомъ, такъ сказать, играть мускулами. Этотъ внутренній факторъ признается и Алленомъ; онъ называетъ его склонностью къ созерцанію яркихъ цвѣтовъ, удовольствіемъ, какъ бы зачаточнымъ эстетическимъ наслажденіемъ. Въ объясненіе онъ напоминаетъ общеизвѣстный

ной дѣвочкой случился припадокъ, то церковь мгновенно обратилась въ «настоящій адъ» (Constans. Relation sur une épidémie d'hystéro démonopathie. P. 1862). Извѣстенъ, далѣе, случай въ одной изъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. въ Парижѣ, когда больше четверти всѣхъ работницъ заболѣли судорожными припадками,—случай, который Бушю объяснилъ единственно подражаніемъ. Въ женскихъ монастыряхъ и закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ подобныя явленія встрѣчаются очень часто. Бывшія институтки знаютъ, что иногда стоитъ только одной дѣвушкѣ крикнуть, чтобы безъ всякой видимой причины закричалъ весь дортуаръ. Въ XV столѣтіи чуть не по всѣмъ женскимъ монастырямъ Германіи, а отчасти и другихъ странъ, ходила курьезная эпидемія: монахини кусались. Въ другомъ подобномъ случаѣ монахини мяукали по-кошачьи. Иногда эти эпидеміи захватываютъ громадныя массы людей, вслѣдствіе чего пользуются обширною историческою извѣстностью. Для подробнаго ознакомленія съ ними интересующіеся могутъ обратиться къ классическимъ трудамъ Кальмейля (De la folie, considérée au point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire. P. 1884), Геккера (Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters. Berl. 1865) и др. (По-русски, см. Гезера «Исторія повальныхъ болѣзней», пер. Манассеина, Спб. 1867; Кандинскаго «Общепонятные психическіе этюды», М. 1881). Я приведу здѣсь только слѣдующую выписку изъ Геккера: «Въ 1374 г. въ Ахенъ прибыли изъ Германіи толпы мужчинъ и женщинъ, охваченныхъ одною общею болѣзнью и дававшихъ народу на улицахъ и въ церквахъ слѣдующее представленіе: рука объ руку, составляли они хороводы и, повидимому, совершенно не владѣя собой, не видя окружающихъ, по цѣлымъ часамъ плясали въ дикомъ изступленіи, пока не падали отъ изнеможенія; тогда они жаловались на тоску и стонали... Мѣсяцъ спустя, болѣзнь появилась въ Кельнѣ, гдѣ больныхъ было слишкомъ пятьсотъ, и въ то же время въ Мецѣ, гдѣ, какъ говорятъ, на улицахъ толпилось болѣе тысячи плясуновъ. Крестьяне отрывались отъ плуговъ, рабочіе бросали мастерскія, хозяйки — хозяйство, чтобы присоединиться къ плясу, и богатый промышленный городъ превратился въ арену ужаснаго безпорядка».

Вообще всѣ средніе вѣка необыкновенно богаты нравственными эпидеміями. Эпидеміи самобичеванія, неистовой пляски, демономаніи, демонолатрія, затѣмъ истребленія евреевъ, освобожденія гроба Господня и проч., можно сказать, наполняютъ собою средніе вѣка и двигаютъ цѣлыя толпы народа по Европѣ и Азіи. Въ этихъ странныхъ движеніяхъ принимаютъ участіе люди всякаго общественнаго положенія, пола и возраста. Извѣстны, напримѣръ, крестовые походы дѣтей, десятками тысячъ собиравшихся въ Германіи и во Франціи около такихъ же юныхъ вождей и погибавшихъ на пути въ Палестину. Всѣ эти эпидеміи читателю, конечно, болѣе или менѣе извѣстны и потому я не буду о нихъ распространяться. Но собственно для характеристики необыкновенной, какой-то фантастической дикости, которою окрашивалась иногда нравственная зараза, приведу слѣдующій курьезный фактъ изъ исторіи XVI вѣка. Мишле (въ Histoire de France) разсказываетъ, со словъ португальской хроники, что король донъ-Педро, предаваясь, по случаю смерти своей жены, безпредѣльной горести, получилъ странную склонность къ музыкѣ и танцамъ. Иногда въ безсонныя ночи онъ выходилъ изъ дворца и плясалъ на улицахъ подъ звуки трубъ и при свѣтѣ факеловъ. Разбуженные шумомъ и свѣтомъ обыватели выходили на улицу и мало-по-малу, увлекаясь примѣромъ танцующаго короля, тоже пускались въ безумный плясъ, который продолжался иногда всю ночь напролетъ.

Въ недавно вышедшей забавной книжкѣ «Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ» (Балетомана) этотъ самый эпизодъ получаетъ такое освѣщеніе: «Танцы были рѣшительною страстью въ эту эпоху, и описаніе Людовика XVI, танцующаго въ версальскихъ балетахъ, блѣднѣетъ передъ балетами, предводимыми на лиссабонскихъ улицахъ при звукахъ музыки и свѣтѣ факеловъ королемъ донъ-Педро Справедливымъ». Изъ вышеприведеннаго видно, что никакого балета тутъ не было, а было непреодолимое стремленіе (soit compassion, soit entraînement méridional, говоритъ Мишле) подражать, очевидно, не совсѣмъ здоровому королю. Тѣмъ не менѣе справедливо, что танцы «были рѣшительною страстью въ эту эпоху», если разумѣть подъ этой эпохой всѣ средніе вѣка со включеніемъ начала реформаціоннаго періода. Кромѣ обыкновенныхъ танцевъ, какъ особаго вида увеселенія, которыми занимались тогда не меньше, чѣмъ во всякій другой историческій періодъ; кромѣ хороводовъ и плясокъ, сопровождавшихъ разныя священныя и другія торжества, мы имѣемъ еще настоящую хореоманію, чуть не по всей Европѣ, мучившую людей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Первыя извѣстія о неистовой пляскѣ или пляскѣ св. Витта относятся къ XI вѣку, послѣдняя—XVI. Главной ареной этой эпидеміи была Германія. Въ XV вѣкѣ въ Италіи появился и быстро распространился тарентизмъ, та же неистовая пляска. Кромѣ того, въ XIII—XVI

Соломона: у саранчи нѣтъ вождя, но выступаетъ вся она стройно... У этой саранчи не было вождя; единственнымъ вождемъ, путеводителемъ и боевымъ товарищемъ каждой вѣрной души былъ Богъ.:. Нѣкоторые не имѣли сначала никакого желанія идти въ походъ; они смѣялись надъ тѣми, кто торопился распродать свое имущество, и предсказывали имъ печальное путешествіе и еще болѣе печальное возвращеніе. А черезъ день сами насмѣшники, движимые внезапнымъ порывомъ, отдавали свое имущество за гроши и присоединялись къ тѣмъ, кого осмѣивали». Здѣсь очень характерно передана сила подражанія, увлекавшая многихъ крестоносцевъ почти помимо воли и сознанія. Но соображенія современника о саранчѣ, двигающейся безъ вождя, совсѣмъ неумѣстны. Напротивъ, никогда, можетъ быть, «герой» не былъ такъ нуженъ «толпѣ», какъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ вообще и во время крестовыхъ походовъ въ особенности. Были, правда, въ нѣкоторыхъ странахъ времена несравненно болѣе напряженнаго ожиданія «избавителя» или воообще какого-то полубога, который долженъ стать во главѣ толпы. Но эта толпа имѣла въ такихъ случаяхъ, если не ясно формулированную программу, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ опредѣленныя отрицательныя требованія, которыя и подсказывала страстно ожидаемому герою. Въ средніе же вѣка мы сплошь и рядомъ видимъ толпу въ состояніи какого-то безпредметнаго напряженія, въ состояніи готовности подражать чему бы то ни было, вплоть до неистовой пляски, и повиноваться кому бы то ни было, вплоть до капрала, взявшаго палку.

Tho Hameln worden uthgefort
Hundert und drittig Kinder, daselbst geboren,
Durch einen Piper daselbst verloren.—

Такими горестными словами современника засвидѣтельствована, между прочимъ, подлинность вышеупомянутаго происшествія въ Гамельнѣ, въ подробностяхъ, безъ сомнѣнія, разукрашеннаго. Но въ тѣ времена любой Piper могъ вести за собой не только дѣтей; громадныя массы народа находились въ постоянномъ ожиданіи вождя. *Вожди*, «герои», разумѣется, являлись, и толпа окружала ихъ царственнымъ почетомъ. Петръ Пустынникъ былъ истинно полубогъ для тѣхъ, кто шелъ за нимъ. Если бы онъ захотѣлъ, какъ хотѣли до и послѣ него многіе, то могъ бы объявить себя мессіей, царемъ новаго *Сіона* и проч., вообще усвоить себѣ самый гордый и фантастическій титулъ; *надѣть* корону *и* царскую багряницу, какъ фландрскій пророкъ XII вѣка Танхелинъ; *объявить* себя равнымъ Богу, какъ Эонъ де-Стелла *и проч.*, *и проч.* Вожакомъ перваго дѣтскаго крестоваго похода былъ пастухъ *Стефанъ*, и *число* дѣтей, толпившихся около его пышной колесницы и желавшихъ хоть взглянуть на своего вождя, хоть одну нитку изъ его платья достать себѣ на память, было такъ велико, что многіе были задавлены въ тѣснотѣ.

Не совсѣмъ поэтому неправы тѣ наивные историки добраго стараго времени, которые, по мѣрѣ своихъ художественныхъ силъ и умѣнья, разсказывали, какъ входновенная Іоанна д'Аркъ спасла Францію, какъ папа Урбанъ и Петръ Пустынникъ возбудили своими пламенными рѣчами крестовый походъ, какъ фанатическіе цвиккаускіе пророки взволновали массы крестьянъ, какъ непомѣрное честолюбіе Наполеона залило Европу моремъ крови и проч., и проч. Эти наивные историки понимали, правда, дѣло очень узко и плоско. Они описывали внѣшнюю исторію событій, не задаваясь изслѣдованіемъ ихъ причинъ и довольствуясь прибавкой похвальныхъ или неодобрительныхъ эпитетовъ къ именамъ вождей: необузданный честолюбецъ такой-то увлекъ, вдохновенная дѣва такая-то воодушевила, яростный фанатикъ такой-то возбудилъ и проч. Историки новѣйшаго типа поступаютъ, разумѣется, гораздо раціональнѣе, изыскивая причины историческихъ явленій въ общихъ условіяхъ культуры даннаго момента или данной страны. Но вѣдь необузданный честолюбецъ дѣйствительно увлекъ, а яростный фанатикъ дѣйствительно возбудилъ. Это факты, съ которыми надо считаться. Слѣдовательно, въ любомъ массовомъ движеніи мы должны различать такія общія условія, которыя непосредственно воздѣйствуютъ на всѣхъ и каждаго изъ участниковъ, и такія, которыя толкаютъ ихъ къ безсознательному подражанію. Первыя могутъ быть, очевидно, чрезвычайно разнообразны. Общія условія, двинувшія, напримѣръ, полчища варваровъ изъ Азіи въ Европу во времена такъ называемаго великаго переселенія народовъ, конечно, рѣзко отличаются отъ тѣхъ условій, при которыхъ полчища европейцевъ двинулись въ Азію во времена крестовыхъ походовъ. Въ свою очередь, причины экономическія, *политическія, нравственныя*, умственныя, *словомъ*,—весь *комплексъ* культурныхъ условій, который давилъ на каждаго изъ евреевъ, *толпившихся около* многочисленныхъ лже-мессій, *былъ, безъ* сомнѣнія, не тотъ, что охватывалъ каждаго изъ арабовъ, примкнувшихъ къ Магомету, и не тотъ, что опредѣлялъ увлеченіе личностью Наполеона. Но въ этихъ общихъ условіяхъ есть, очевидно, какая-то единообразная струя, опредѣляющая подражательный характеръ всѣхъ массовыхъ движеній, всѣхъ безъ различія ихъ происхожденія и причинъ. Эта струя, усиливающаяся временами необыкновенно (какъ это было въ средніе вѣка), временами

*

Аллена. А къ многочисленнымъ и многообразнымъ фактамъ безсознательнаго подражанія въ исторіи человѣчества и въ обыденной нашей жизни теорія переживанія приспособленныхъ совершенно неприложима. Если животное, подражая другому въ окраскѣ, расположеніи частей, образѣ жизни, тѣмъ самымъ спасается отъ угрожающихъ ему бѣдъ, то человѣкъ, подражающій палачу, казненному преступнику, безумному танцору, великому человѣку, капралу, взявшему палку, и проч., тѣмъ самымъ, наоборотъ, сплошь и рядомъ идетъ на бѣду и даже прямо на смерть. Читатель, привычный къ общимъ пріемамъ и тезисамъ дарвинизма, быть можетъ, даже не признаетъ возможности свести къ одному знаменателю группы явленій, повидимому, столь рѣзко противоположныхъ. Но мы видѣли, что сами дарвинисты допускаютъ вліяніе нѣкоторыхъ внутреннихъ факторовъ въ дѣлѣ подражанія, называя ихъ то самостоятельною способностью «подражательности» (Уоллесъ), то зачаточнымъ эстетическимъ чувствомъ, склонностью къ созерцанію яркихъ красокъ (Алленъ). Если бы Алленъ ввелъ въ свое объясненіе этотъ психическій факторъ не такъ двусмысленно и робко, какъ онъ это дѣлаетъ, то ему пришлось бы сказать просто: зрительное впечатлѣніе предмета или предметовъ, почему-либо обращающихъ на себя особенное вниманіе животнаго, вызываетъ такую группу рефлексовъ, которая въ большей или меньшей степени уподобляетъ животное созерцаемому предмету. Это нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ дѣятельности приспособленія и наслѣдственности, какъ факторовъ вторичныхъ, выступающихъ уже послѣ того, какъ подражательная форма готова.

Принявъ такое объясненіе, мы уже безъ большого труда можемъ устранить пропасть (кажущуюся) между спеціальными явленіями мимичности, занимающими дарвинистовъ, и тѣми фактами подражанія, которые мы знаемъ изъ исторіи человѣчества и обыденной жизни. Мы уже видѣли случаи вліянія зрительныхъ впечатлѣній на беременность женщинъ и вообще самокъ. Если бы эти случаи были вполнѣ достовѣрны и безспорны, то они представили бы какъ разъ промежуточныя звенья разорванной цѣпи. Они дали бы, пожалуй, даже больше, чѣмъ нужно. Если лепталисы, подражая геликонидамъ, воспроизводятъ всѣ пятнышки и черточки ихъ покрововъ, то вѣдь и овцы и козы Іакова воспроизводили въ своемъ приплодѣ цвѣтъ пестрыхъ сучьевъ, и беременныя женщины, присутствовавшія при мучительныхъ казняхъ, рожали дѣтей съ уродствами, точно воспроизводившими подробности казни. Къ сожалѣнію, эти случаи проблематическіе и спорные. Есть, однако, факты этого же рода вполнѣ *достовѣрные*.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ *одной* бельгійской деревнѣ объявилось чудо: *стигматизированная* дѣвушка, по имени *Луиза Лато*. Каждую пятницу съ ней дѣлались какіе-то странные припадки, при чемъ у нея появлялись кровоизліянія, съ большею или меньшею точностью воспроизводившія раны распятаго Христа (стигматы), какъ онѣ описаны въ евангеліи и изображаются на картинахъ: «язвы гвоздиныя» на обѣихъ ступняхъ и обѣихъ рукахъ и рана на лѣвой сторонѣ груди. Это не было первое въ своемъ родѣ явленіе. Напротивъ, если не изучено, то съ большею подробностью описано оно было уже давнымъ давно. Выше было замѣчено, что у нѣкоторыхъ конвульсіонеровъ, принимавшихъ позу распятаго Христа, на ступняхъ и рукахъ появлялись краснота и припухлость. Но стигматизированные извѣстны были гораздо раньше—они ведутъ свою родословную съ XIII вѣка (т. е. все съ тѣхъ же среднихъ вѣковъ). Первымъ стигматизированнымъ былъ св. Францискъ. Удалившись не только отъ міра, а подъ конецъ и отъ практическихъ монашескихъ обязанностей, онъ поселился въ горахъ, предавался молитвѣ и посту сверхъ всякой мѣры, отчего часто впадалъ въ экстазъ. Разъ, будучи въ такомъ состояніи, онъ услыхалъ голосъ, приказывавшій ему открыть евангеліе. Три раза открывалось евангеліе, и всѣ три раза на страданіяхъ Христа. Съ тѣхъ поръ Францискъ сосредоточилъ всѣ свои помыслы на этомъ пунктѣ, постоянно, изо дня въ день переживая евангельскую драму. И вотъ онъ дождался видѣнія: съ неба спускается къ нему шестикрылый серафимъ, держа въ рукахъ человѣческую фигуру, распятую на крестѣ. Видѣніе быстро исчезло, но послѣ него святой почувствовалъ болѣзненное ощущеніе въ кистяхъ рукъ и ступняхъ ногъ, а вслѣдъ затѣмъ явились стигматы. Это было въ 1224 году. Чудо произвело, разумѣется, сильнѣйшее впечатлѣніе, и *съ тѣхъ поръ не одна экзальтированная голова* постоянно пребывала *мыслью на Голгоѳѣ. Замѣшалось въ дѣло и соперничество монашескихъ орденовъ*. Въ результатѣ *получился длинный рядъ* стигматизированныхъ, сначала между францисканцами, а потомъ и между доминиканцами, которые выставили свою собственную стигматизированную—Екатерину Сіенскую и рядъ уже *ея* подражателей. Стигматы росли и количественно: къ пяти ранамъ Франциска у нѣкоторыхъ прибавились раны отъ терноваго вѣнца. Иные принимали позу распятаго и испытывали при этомъ сильную боль.

Много здѣсь было, конечно, шарлатанства, но многіе случаи не подлежатъ, однако, ни-

цы, которые были отдавлены у ребенка. Затѣмъ надо припомнить тѣ многочисленные случаи, когда, напримѣръ, у человѣка отдѣляется сравнительно большее количество слюны только при мысли о чемъ-нибудь очень кисломъ, или когда его тошнитъ при представленіи о какомъ-нибудь отвратительномъ кушаньи или лѣкарствѣ, или—когда представленіе холода вызываетъ такъ называемую гусиную кожу и т. п. Вотъ какъ объясняются подобныя явленія: «Когда мы беремъ въ ротъ кислый плодъ, то впечатлѣніе посылается путемъ вкусовыхъ нервовъ къ извѣстной части головного мозга; послѣдняя передаетъ нервную силу сосудо-двигательному центру, который, вслѣдствіе этого, заставляетъ мышечныя оболочки мелкихъ артерій, пронизывающихъ слюнныя железы, разслабляться. Отсюда къ этимъ железамъ притекаетъ больше крови и онѣ отдѣляютъ большее количество слюны. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что когда мы думаемъ о какомъ-нибудь ощущеніи, то та самая часть чувствительныхъ нервныхъ центровъ, или близко связанная съ нею, приводится въ дѣятельное состояніе, точно такимъ же образомъ, какъ въ случаѣ дѣйствительнаго впечатлѣнія. А если такъ, то тѣ же самыя клѣтки мозга должны возбуждаться, хотя быть можетъ и въ меньшей степени, когда мы живо представляемъ себѣ кислый вкусъ и дѣйствительно чувствуемъ его; въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, клѣтки эти будутъ передавать нервную силу сосудодвигательному центру съ одинаковыми результатами» (Дарвинъ. «О выраженіи ощущеній»). Какія глубокія измѣненія въ организмѣ можетъ производить это уподобленіе дѣйствительности, видно изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго Лейкокомъ: 48-ми-лѣтняя женщина, у которой уже 8 лѣтъ не бывало мѣсячныхъ, присутствовала при крайне трудныхъ родахъ своей дочери: подъ вліяніемъ сильнаго волненія, у нея появились рѣзкія боли въ животѣ, вслѣдъ за которыми показалось кровянистое выдѣленіе изъ влагалища, а три дня спустя въ грудяхъ ея оказалось молоко (приведена у Манассеина). Мнѣ лично извѣстенъ слѣдующій случай. Женщина чрезвычайно безпокойнаго и раздражительнаго нрава, но очень любившая животныхъ, ходила за коровами. Однажды, когда ея любимица должна была телиться, эта женщина провела въ величайшемъ волненіи ночь, а на утро въ грудяхъ у нея появилось молоко.

Здѣсь мы имѣемъ случаи, уже вплотную приближающіеся къ стигматизаціи и въ своемъ родѣ нисколько не менѣе поразительные. И тамъ, и тутъ мы видимъ необычайную силу безсознательнаго подражанія. Луиза Лато, вся проникнутая идеей страданій Христа, постоянно мысленно присутствующая на Голгоѳѣ, такъ внѣдряетъ въ себя образъ Христа, что до извѣстной степени повторяетъ его своею личностью, воспроизводя язвы гвоздиныя и ребро, копіемъ прободенное. Мать, трепещущая отъ страха за исходъ родовъ своей дочери, такъ проникается впечатлѣніемъ родовъ, что до извѣстной степени повторяетъ ихъ; то же самое и съ коровницей, переполненной тревогою по случаю разрѣшенія коровы отъ бремени. Во всѣхъ этихъ случаяхъ представленіе, почему-либо обратившее на себя усиленное вниманіе субъекта, вызываетъ, помимо его воли, къ дѣятельности какъ разъ соотвѣтствующія этому представленію части его чувствительно-двигательнаго механизма. И въ результатѣ получается болѣе или менѣе точная копія предмета или душевнаго состоянія, сосредоточившаго на себѣ вниманіе субъекта.

Если читатель потрудится собрать въ одну
картину совокупность приведенныхъ фактовъ
(число которыхъ я намѣренно сократилъ), то
онъ признаетъ, безъ сомнѣнія, что, поддер-
живая и пополняя другъ друга, они вмѣстѣ
съ тѣмъ указываютъ и на истинныя причины
мимичности. Нѣтъ, очевидно, ни надобности,
ни даже возможности изолировать собранные
дарвинистами факты и объяснять ихъ исклю-
чительно дѣйствіемъ медленнаго подбора и
переживанія особей, одаренныхъ «покрови-
тельственной окраской». Какъ только мы вво-
димъ въ кругъ нашего изслѣдованія факты
изъ другихъ областей опыта и наблюденія,
такъ является новый лучъ свѣта, освѣщающій
и мимичность съ неожиданной стороны. Уже
опыты Пуше показываютъ, что не медленный
подборъ, а характеръ зрительныхъ впечатлѣ-
ній опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣко-
торыхъ случаяхъ, приспособленіе цвѣта жи-
вотнаго къ цвѣту его обстановки и убѣжища.
Идя далѣе, мы наталкиваемся на такіе при-
мѣры безсознательнаго подражанія, которые
уже никакимъ образомъ не могутъ быть объ-
яснены естественнымъ подборомъ. И для
насъ становится, наконецъ, яснымъ, что леп-
талисы, воспроизводя всѣ подробности формы,
цвѣта, пятнышекъ и проч. геликонидъ, по-
винуются тому же закону, который воспро-
изводитъ раны на рукахъ, ступняхъ и на лѣ-
вомъ боку Луизо Лато. Безъ сомнѣнія, разъ
подражательная форма установилась, она мо-
жетъ быть подхвачена естественнымъ подбо-
ромъ въ качествѣ «покровительствуемой»,
но происхожденіе ея объяснимо только тѣми
зрительными впечатлѣніями, которыя рефлек-
тивно отражаются на цвѣтѣ и формѣ подра-
жающаго организма. Съ этой точки зрѣнія,
заяцъ, песецъ, горностай, бѣлая куропатка
мѣняютъ свои цвѣта на зиму не только по-
тому, что когда-то ихъ предки получили эту
особенность. Предки ихъ, дѣйствительно, ее

кого-нибудь чувства до извѣстной степени вызываетъ это самое чувство. Такъ, актеръ, увлекаясь своими словами и жестами, переживаетъ и соотвѣтственное состояніе сознанія. Такъ, человѣкъ, фехтующій для забавы, испытываетъ, однако, нѣчто подобное настоящему ощущенію борьбы. Такъ, обезьяны, кошки, собаки, начиная играть и подражая при этомъ дракѣ, кончаютъ настоящей дракой. Такъ и осы. Механика, слѣдовательно, всего процесса слѣдующая: впечатлѣніе особеннымъ образомъ жужжащей и безпокойно движущейся осы возбуждаетъ къ дѣятельности тѣ нервные центры въ осахъ-зрительницахъ, которые въ нихъ возбуждаются, когда онѣ сами точно такъ же безпокоятся; а внѣшнее выраженіе гнѣва вызываетъ въ концѣ концовъ настоящій гнѣвъ, который и овладѣваетъ моментально всѣмъ сборищемъ.

Гнѣвъ этотъ будетъ, кромѣ того, расти пропорціонально числу осъ. Представимъ себѣ собраніе, положимъ, въ 300 человѣкъ, передъ которымъ говоритъ ораторъ. Допустимъ, далѣе, что волненіе, ощущаемое ораторомъ, можетъ быть выражено цифрою 10 и что при первыхъ взрывахъ своего краснорѣчія онъ сообщаетъ каждому изъ трехсотъ слушателей, по крайней мѣрѣ, половину этого своего волненія. Каждый изъ слушателей выразитъ это рукоплесканіями или усиленнымъ вниманіемъ: въ позѣ, въ выраженіи лица каждаго будетъ нѣчто напряженное. И каждый будетъ, слѣдовательно, видѣть не только взволнованнаго оратора, а и еще множество напряженно-внимательныхъ или взволнованныхъ своихъ товарищей по аудиторіи. Это зрѣлище будетъ, въ свою очередь, усиливать что называется въ парламентахъ «движеніемъ» (sensation). Положимъ, что каждый изъ слушателей получаетъ только половину этого всеобщаго возбужденія. Тогда его волненіе выразится не цифрою 5, а цифрою 750 ($2^{1}/_{2}$ помноженное на 300). Что же касается самого оратора, этого центра, къ которому со всѣхъ сторонъ возвращается потокъ возбужденнаго имъ волненія съ преувеличенною силою, то онъ можетъ быть даже совершенно подавленъ этимъ потокомъ, какъ оно часто и бываетъ съ неопытными, неприспособившимися ораторами. Понятно, что въ дѣйствительности лавинообразный ростъ волненія не можетъ быть такъ быстръ, потому что не каждый же изъ трехсотъ слушателей видитъ съ своего мѣста 299 взволнованныхъ товарищей. Но общій законъ процесса все-таки именно таковъ.

Такимъ образомъ, въ явленіяхъ стигматизаціи и въ другихъ поразительныхъ случаяхъ вліянія воображенія на растительную и животную жизнь мы нашли переходную ступень между мимичностью, съ одной стороны, и проявленіями подражательности въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ и въ записанныхъ исторіей и психіатріей нравственныхъ эпидеміяхъ—съ другой. Примѣръ же оратора, увлекающаго слушателей даже до совершеннаго забвенія дѣйствительности, представляетъ переходъ отъ случаевъ одиночнаго подражанія Христу, казненному, палачу, роженицѣ и т. д. къ массовымъ движеніямъ и до извѣстной степени уясняетъ самый процессъ заразы. Если читатель посѣтуетъ на меня за нѣкоторую безпорядочность изложенія, то я укажу въ свое извиненіе на чрезвычайное разнообразіе матеріала, относящагося къ предмету предлагаемой статьи. Передъ нами точно калейдоскопъ, который, какъ его ни поворачивай, даетъ очень разнообразныя, но всегда правильныя и одноцентренныя звѣздообразныя фигуры. Какъ ни разнообразны вышеприведенные факты, набранные и изъ житейскаго опыта, и изъ разныхъ областей научнаго знанія, а каждая ихъ группа имѣетъ все-таки одинъ и тотъ же центръ — безсознательное или мимовольное подражаніе. И если читатель, какъ я надѣюсь, убѣдился въ чрезвычайной силѣ и распространенности этого психическаго двигателя, то намъ остается только разрѣшить вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ склонность къ подражанію присутствуетъ и отсутствуетъ, появляется и исчезаетъ, выражается съ большею и меньшею силою: при какихъ слѣдовательно, условіяхъ складывается то, что мы условились называть «толпой»—податливая масса, готовая идти «за героемъ» куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія.

VI.

Изъ какихъ людей составляется «толпа»? Въ чемъ заключается секретъ ихъ непреодолимаго стремленія къ подражанію? Нравственныя-ли ихъ качества опредѣляютъ это стремленіе, или умственныя, или какія другія особенности?

Если мы обратимся съ этими вопросами къ людямъ, спеціально трактовавшимъ о предметѣ, то получимъ въ отвѣтъ необычайную разноголосицу и цѣлый рядъ противорѣчій.

Адамъ Смитъ, если не ошибаюсь, первый обратилъ достаточное вниманіе на явленія подражанія и положилъ ихъ даже во главу угла своей «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Онъ начинаетъ съ самыхъ элементарныхъ фактовъ, а впрочемъ, ими же и оканчиваетъ. «Источникъ нашей чувствительности къ страданіямъ постороннихъ людей—говоритъ онъ—лежитъ въ нашей способности переноситься

умѣть подъ симпатіей или сочувствіемъ самостоятельное нравственное начало, противоположное эгоизму. При чемъ, въ самомъ дѣлѣ, симпатія, сочувствіе, способность переживать чужую жизнь въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда цѣлый женскій монастырь начинаетъ кусаться или мяукать по-кошачьи? При чемъ этотъ нравственный элементъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ или нѣсколько человѣкъ одолѣваются слѣпымъ тяготѣніемъ, единственно подъ вліяніемъ примѣра, къ поступкамъ жестокимъ или подлымъ? Можетъ даже показаться, что передъ нами находится дилемма: или подражательность не имѣетъ ничего общаго съ симпатіей, или симпатія не можетъ служить основаніемъ для теоріи нравственныхъ чувствъ. Намъ, впрочемъ, здѣсь нѣтъ дѣла до системъ морали, а потому мы можемъ ограничиться простымъ замѣчаніемъ, что различіе между симпатіей и подражательностью не такъ ужъ рѣзко. Справедливо говоритъ Бэнъ: «По своимъ тенденціямъ и результатамъ симпатія и подражанія различны, но въ своихъ основаніяхъ они имѣютъ много общаго». («Психологія», Спб. 1881, стр. 277). Ошибка Адама Смита состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ не усмотрѣлъ или недостаточно подчеркнулъ существенный рубежъ между подражательностью и симпатіей: элементы *воли* и *сознанія*, которые необходимо должны быть на лицо въ основаніи системы морали и столь же необходимо болѣе или менѣе подавлены въ явленіяхъ подражательности и нравственной заразы. Быть можетъ, даже вся задача изслѣдованія явленій подражательности состоитъ въ опредѣленіи условій, способствующихъ или противодѣйствующихъ тому специальному виду подавленія сознанія и воли, который въ нихъ выражается.

Бѣглую ошибку Адама Смита, сдѣланную имъ, такъ сказать, мимоходомъ, отчасти повторилъ Гербертъ Спенсеръ въ четвертомъ томѣ «Основаній психологіи» (глава «Общественность и симпатія»). Но повторилъ пространно и обстоятельно.

Поговоривъ о томъ, какъ вырабатывается въ стадномъ животномъ удовольствіе отъ *присутствія* другихъ, ему подобныхъ животныхъ, Спенсеръ переходитъ къ душевнымъ состояніямъ, производимымъ въ немъ *дѣйствіями* другихъ, подобныхъ ему животныхъ. Члены стада, испуганные отдаленнымъ движущимся предметомъ или какими-нибудь звуками, производятъ также движенія и звуки, сопровождающіе испугъ. Каждый видитъ и слышитъ, что эти движенія и звуки производятся остальными товарищами въ то самое время, какъ и онъ производитъ ихъ, и въ то самое время, какъ въ немъ присутствуетъ чувство, побуждающее его къ этимъ движеніямъ и звукамъ. Частое повтореніе неизбѣжно установляетъ прочную ассоціацію между сознаніемъ страха и сознаніемъ наружныхъ знаковъ этого страха у другихъ. Испуганные члены стада, будучи видимы и слышимы остальными, возбуждаютъ въ этихъ остальныхъ то чувство, которое они сами обнаруживаютъ, послѣ чего остальные, побуждаемые чувствомъ, возбужденнымъ въ нихъ этимъ симпатическимъ путемъ, начинаютъ производить такія же движенія и звуки. Затѣмъ эта привычка унаслѣдуется въ ряду поколѣній и поддерживается, кромѣ того, процессомъ выживанія приспособленнѣйшихъ, потому что индивиды, наиболѣе усвоившіе себѣ эту привычку, наичаще избѣгаютъ различныхъ опасностей.

Подъ конецъ, одинъ крикъ тревоги, свойственный данному виду, будетъ вызывать во всемъ стадѣ чувство страха. Въ этомъ лежитъ происхожденіе той паники, которая такъ часто и въ такихъ рѣзкихъ чертахъ наблюдается у стадныхъ животныхъ. Напримѣръ, стадо овецъ долго стоитъ неподвижно и глупо глазѣетъ на приближающуюся фигуру; но едва одна овца побѣжала, какъ и всѣ остальныя пускаются въ бѣгство. При этомъ каждая изъ нихъ продѣлываетъ то же самое движеніе и на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ предыдущая, хотя бы въ этомъ не было ни малѣйшей надобности; такъ, напримѣръ, подражая первой овцѣ, прыгнувшей на извѣстномъ мѣстѣ, каждая слѣдующая овца прыгаетъ на этомъ мѣстѣ, хотя бы тутъ не было ничего, черезъ что нужно перепрыгивать.

Кромѣ симпатическаго страха, продолжаетъ Спенсеръ, существуютъ и другіе роды симпатическихъ чувствованій, устанавливающихся подобнымъ же образомъ. Радостное возбужденіе точно такъ же быстро передается отъ одного индивида къ другому въ табунѣ лошадей, стаѣ охотничьихъ собакъ и проч. Собаки, вслѣдствіе старинной дружбы и постояннаго общенія съ человѣкомъ, способны возбуждаться симпатическими обнаруженіями человѣческаго чувства. Такъ, слыша пѣніе, собаки иногда подвываютъ, а иной разъ даже слѣдуютъ за голосомъ по ступенямъ выполняемой гаммы. Нѣкоторыя собаки симпатически возбуждаются даже молчаливыми проявленіями страданія или удовольствія своего хозяина: улыбка хозяина отражается въ нихъ радостью, уныніе — уныніемъ. «Этотъ фактъ приводитъ насъ самымъ естественнымъ образомъ къ той истинѣ, что степень и ширина сочувствія или симпатіи зависятъ отъ ясности и обширности воспроизводительности мысли. Симпатическое чувствованіе есть такое чувствованіе, которое не возбуждается непосредственно естественною причиною та-

кого чувствованія, но возбуждается посредственно, вслѣдствіе представленія внѣшнимъ чувствамъ нѣкоторыхъ знаковъ или обнаруженій, которые обыкновенно ассоціированы съ такимъ чувствованіемъ. Слѣдовательно, симпатическое чувствованіе предполагаетъ способность воспринимать и комбинировать эти знаки, такъ же, какъ и способность воспроизводить въ умѣ подразумѣваемыя ими вещи, внѣшнія или внутреннія, или и тѣ, и другія заразъ. Такъ что сочувствіе или симпатія можетъ существовать только въ степени, пропорціональной силѣ умственнаго воспроизведенія... Расширеніе умственныхъ способностей есть одно изъ условій, хотя далеко не единственное условіе, расширенія области сочувствія».

Этимъ своимъ выводомъ Спенсеръ очень дорожитъ и неоднократно къ нему возвращается, перефразируя его и иллюстрируя примѣрами. Жестокость представляется ему результатомъ недостатка умственныхъ способностей, которыя не могутъ представить жестокому человѣку съ достаточною ясностью тѣ страданія, которыя онъ наноситъ. Наоборотъ, заразительность зѣвоты есть для Спенсера наглядный образчикъ проявленія значительныхъ умственныхъ силъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда мы зѣваемъ не только при видѣ зѣвающаго, а при одной мысли о зѣвотѣ.

Итакъ, если по Адаму Смиту выходитъ, что люди, склонные къ нравственной заразѣ, суть наиболѣе «чувствительные» и наиболѣе нравственные люди, то, по Спенсеру, это люди съ сравнительно высокими умственными способностями. Между тѣмъ вотъ нѣсколько почти на удачу взятыхъ мнѣній спеціалистовъ о томъ же предметѣ:

«Наблюденіе показываетъ, что сила подражанія бываетъ сильнѣе выражена тамъ, гдѣ сѣрое корковое вещество мозга менѣе развито, или въ томъ случаѣ, когда человѣкъ такъ воспитанъ, что его систематически пріучили смотрѣть съ одинаковымъ вниманіемъ на измышленныя и дѣйствительныя явленія и придавать имъ равносильное значеніе. Понятно, что такіе умственные процессы возможны лишь при отсутствіи всесторонней критики, не мыслимой безъ дѣятельнаго участія корковаго мозгового вещества. Если оно пріучено не увлекаться въ раздраженія, поступающія извнѣ, то очевидно, что послѣдними должны обусловливаться рефлексы изъ центровъ ощущенія, а не изъ центровъ представленія. Этимъ объясняется множество общественныхъ явленій, какъ, напримѣръ, мода, эпидемическое распространеніе тѣхъ или другихъ странныхъ воззрѣній, дѣйствій, религіозно-фанатическихъ движеній, сопряженныхъ съ разнаго рода странными тѣлодвиженіями, оргіями, неистовствами, лишеніями, самобичеваніями, самоизувѣченіями и даже самоуничтоженіемъ» (*Пеликанъ. «Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества», стр. 82*).

Цитируемый тутъ же Пеликаномъ профессоръ Балинскій говоритъ: «Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, какъ легко въ заведеніяхъ воспринимаются слабоумными отрывочныя, нелѣпыя идеи, высказываемыя другими больными, какъ легко и съ какою механическою необходимостью повторяются ими чужія дѣйствія, безъ всякаго пониманія цѣли и значенія этихъ дѣйствій».

Г. Кандинскій пишетъ:

„Инстинктивною подражательностью отличаются нѣкоторыя животныя, напримѣръ, обезьяны; въ весьма высокой степени мы иногда видимъ ее у дѣтей, а также у идіотовъ и у нѣкоторыхъ слабоумныхъ... Вообще, можно сказать, что наклонность къ инстинктивной имитаціи уменьшается съ развитіемъ ума... Чувственное впечатлѣніе, воспринимаясь *высшими* мозговыми центрами, пробуждаетъ въ послѣднихъ дѣятельность представленія, мысли. Такимъ образомъ, отвѣтомъ на чувственное впечатлѣніе можетъ быть не только двигательная, но и мыслительная реакція. У взрослаго человѣка, при видѣ извѣстнаго жеста другого лица, кромѣ безсознательнаго побужденія воспроизвести этотъ жестъ, рождается въ мозгу извѣстное представленіе, вызывающее, въ свою очередь, другое представленіе и т. д., то есть результатомъ будетъ не воспроизведеніе видѣннаго жеста, а мысль или чувство (напримѣръ, чувство смѣшного). У обезьяны же то же самое зрительное впечатлѣніе вмѣсто мыслительной реакціи, обусловитъ реакцію двигательную и видѣнный жестъ будетъ автоматически повторенъ. Точно то же бываетъ и у человѣка, если онъ въ умственномъ отношеніи немного отличается отъ обезьяны, то-есть когда онъ рожденъ идіотомъ или когда онъ сдѣлался слабоумнымъ. Напримѣръ, Паршаппъ сообщаетъ весьма любопытное наблюденіе относительно двухъ слабоумныхъ больныхъ, сосѣдей по кроватямъ: одинъ изъ нихъ служилъ какъ бы зеркаломъ другому и съ неизмѣнною правильностью и поразительною полнотою повторялъ каждый жестъ каждое движеніе и дѣйствіе послѣдняго („Общепонятные психологическіе этюды“, стр. 179).

Мы можемъ, пожалуй, удовольствоваться этими выписками, достаточно, кажется, выразительными въ смыслѣ рѣшительной противоположности ихъ содержанія вышеприведенному выводу Спенсера. Мы можемъ, впрочемъ, сослаться и на самого Спенсера, утверждающаго въ другомъ мѣстѣ (вполнѣ согласно съ самыми основаніями своего міроразумѣнія), что «мѣриломъ какъ интеллектуальнаго развитія, такъ и развитія чувствъ можетъ служить разстояніе, которое отдѣляетъ ихъ проявленіе отъ первичнаго отраженнаго движенія». Въ приложеніи къ нашему вопросу это, между прочимъ, именно, и значитъ, что быстрая отзывчивость на внѣшнія впечатлѣнія отнюдь еще не свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ умственныхъ силъ. Если обезглавленная лягушка тщательно стираетъ правой

что же общаго между условіями жизни современной якутки или забайкальскаго казака и, напримѣръ, итальянца XIV вѣка, неистово и вмѣстѣ послушно отплясывающаго тарантеллу, или крестоносца, почти автоматически примыкающаго къ походу? Почему во всѣхъ этихъ случаяхъ рефлексъ получаетъ именно подражательный характеръ, а не какой-нибудь другой? Въ отвѣтъ мы получимъ или простой итогъ: «имитативность, стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми, есть существенное свойство человѣка, существенная черта его психо-физической природы, данная въ самомъ устройствѣ нервно-мозгового механизма» (Кандинскій, «Общепонятные психологическіе этюды»). Или же намъ предложатъ отдѣльныя отрывочныя объясненія того, какъ крупное общественное несчастіе въ родѣ труса, глада или нашествія иноплеменниковъ, парализировало сознаніе и волю современниковъ; какъ въ томъ или другомъ случаѣ вниманіе человѣка или цѣлой группы людей до такой степени поглощено однимъ какимъ-нибудь предметомъ или идеей, что внѣ этого предмета или идеи для нихъ въ данную минуту ничего не существуетъ. Все это очень справедливо, но не удовлетворяетъ нашего ума, не даетъ, такъ сказать, физіономіи, рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ явленію, представляющему въ дѣйствительности нѣчто очень рѣзкое.

Понятное дѣло, что при этомъ остается еще очень много недоразуменій. Мы видѣли, напримѣръ, что г. Кандинскій, въ противоположность мнѣнію Герберта Спенсера, прямо говоритъ: «наклонность къ инстинктивной имитаціи уменьшается съ развитіемъ ума». Между тѣмъ, говоря о быстромъ распространеніи спиритизма, г. Кандинскій вынужденъ признать, что «и при высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія человѣкъ никогда *вполнѣ* не избѣжитъ дѣйствія нервно-психическаго контагія». Положимъ, что г. Кандинскій подчеркиваетъ слово *вполнѣ* и тѣмъ ослабляетъ впечатлѣніе своего горькаго вывода. Но нѣкоторая неопредѣленность все-таки остается. А затѣмъ она даже усиливается мотивировкой: «главнѣйшіе источники душевныхъ эпидемій—религіозное чувство, мистическія стремленія, страсть къ таинственному и необычайному—во всякомъ случаѣ не скоро изсякнутъ». А вѣдь намъ только-что сказали, что «имитативность, стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми, есть существенное свойство человѣка, существенная черта его психо-физической природы, данная въ самомъ устройствѣ нервно-мозгового механизма»...

VII.

Мимоходомъ сказать, часто упоминаемая книжка г. Кандинскаго представляетъ любопытный примѣръ того, какъ часто люди науки сами себя обворовываютъ, если позволительно такъ выразиться при полномъ уваженіи къ автору. Вторая часть этой книжки, озаглавленная «Нервно-психическій контагій и душевныя эпидеміи», цѣликомъ посвящена занимающему насъ здѣсь предмету, какъ показываетъ и самое заглавіе. Это очень интересный этюдъ. Но любопытно, что г. Кандинскій ни единымъ словомъ не касается мимичности и происхожденія покровительственно - подражательныхъ органическихъ формъ; это для него въ нѣкоторомъ родѣ «чиновникъ совершенно посторонняго вѣдомства». О явленіяхъ стигматизаціи упомянуто вскользь, въ двухъ словахъ. Но самое любопытное—это отношеніе автора къ гипнотизму. Гипнотическіе опыты, повидимому, особенно дороги г. Кандинскому въ качествѣ полемическаго орудія противъ «чудесъ спиритизма». Г. Кандинскій, совершенно справедливо негодуя противъ податливости и легковѣрія не только «публики», а и ученыхъ людей, насколько они увлечены «эпидеміей спиритизма», стремится главнымъ образомъ опровергнуть чудесность спиритизма при помощи разъясненія гипнотическихъ опытовъ. Похвальная цѣль, конечно. Но удивительно все-таки, что въ трактатѣ, спеціально посвященномъ подражательности, едва-едва упоминается о той громадной роли, которую подраженіе играетъ въ самомъ составѣ гипнотическихъ сеансовъ. Между тѣмъ здѣсь-то, можетъ быть, и лежитъ ключъ къ уразумѣнію всей тайны «героевъ и толпы».

Явленія гипнотизма всѣмъ извѣстны, благодаря представленіямъ Ганзена, надѣлавшимъ столько шуму. Для насъ самое интересное въ этихъ явленіяхъ есть наклонность гипнотиковъ къ подражанію: они повторяютъ съ большою точностью всѣ продѣлываемыя передъ ними движенія. Гипнотизированный субъектъ покорно идетъ за «магнетизеромъ», сжимаетъ кулакъ, когда тотъ сжимаетъ свой передъ его глазами, открываетъ и закрываетъ, по примѣру магнетизера, ротъ и т. п. При извѣстныхъ условіяхъ, онъ столь же автоматически повторяетъ слышимые имъ звуки, будетъ ли то звукъ камертона или человѣческая членораздѣльная рѣчь. Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ фокусовъ Ганзена называется «нянька съ ребенкомъ» и состоитъ въ слѣдующемъ: Ганзенъ придаетъ тѣлу гипнотизированнаго положеніе няньки, держащей ребенка на рукахъ горизонтально, и кладетъ ему на руки куклу. Затѣмъ самъ магнетизеръ становится передъ этимъ жи-

ціонирующій у вторыхъ. Далѣе, одни безсознательно подражаютъ всѣмъ производимымъ передъ ними движеніямъ, но не исполняютъ обращенныхъ къ нимъ приказаній, если приказанія эти не сопровождаются движеніями, такъ сказать, подсказывающаго свойства. Такой гипнотикъ пойдетъ, пожалуй, за вами, если вы ему прикажете, но онъ пойдетъ, именно, за вами, подражая вамъ, а отнюдь не потому, что ваше приказаніе дошло по адресу. Есть, наоборотъ, и такіе, которые дѣйствительно повинуются самымъ нелѣпымъ приказаніямъ, напримѣръ, пьютъ чернила, суютъ руки въ огонь и т. п., не нуждаясь въ томъ, чтобы передъ ними продѣлывалось то же самое. Ясно, что повинующіеся погружены въ менѣе глубокій сонъ (если можно въ данномъ случаѣ употребить это слово), чѣмъ подражающіе, ибо первые все-таки способны воспринять приказаніе.

Все это достигается однообразными, равномѣрными и слабыми вліяніями на органы чувствъ. Таково физіологическое объясненіе. Что касается объясненія психологическаго, то читатель можетъ его найти въ статьѣ Шнейдера «О психическихъ причинахъ гипнотическихъ явленій» («Новое Обозрѣніе» 1881, № 2). Я приведу только окончательный выводъ Шнейдера: «Гипнотизмъ есть не что иное, какъ искусственно произведенная ненормальная односторонность сознанія, то-есть ненормально односторонняя концентрація сознанія... Вслѣдствіе продолжительной фиксаціи блестящаго предмета, вслѣдствіе прислушиванія къ извѣстному равномѣрному звуку процессъ сознанія постепенно концентрируется въ ненормальной степени на одномъ данномъ явленіи, такъ что другія явленія очень трудно или вовсе не доходятъ до сознанія».

Читатель видитъ, что объясненія Гейденгайна и Шнейдера говорятъ, собственно, одно и то же, только на разныхъ языкахъ. Вульгарно выражаясь, можно сказать, что гипнотикъ, поставленный экспериментаторомъ въ условія крайне скудныхъ и однообразныхъ впечатлѣній, начинаетъ жить однообразною жизнью и, очень быстро исчерпавъ самого себя, превращается въ выѣденное яйцо, которое собственнаго содержанія не имѣетъ, а наполняется тѣмъ, что случайно вольется въ него со стороны.

Спрашивается, въ какой мѣрѣ можемъ мы обобщить этотъ выводъ? Въ какой мѣрѣ можно допустить, что и въ другихъ случаяхъ подражанія самостоятельная жизнь индивида поѣдается скудостью и однообразіемъ впечатлѣній.

Прежде всего сюда сами собой входятъ многіе факты, хорошо изученные и прочно поставленные въ наукѣ. Таковы состоянія экзальтаціи и экстаза, какъ мы видѣли, весьма часто сопровождающія нѣкоторыя поразительныя формы подражательности. Экстатикъ весь поглощенъ однимъ какимъ-нибудь предметомъ, образомъ, идеей, почему-нибудь сосредоточившимъ на себѣ его вниманіе. Все остальное онъ видитъ и не видитъ, слышитъ и не слышитъ, то есть впечатлѣнія отъ постороннихъ предметовъ, хотя, можетъ быть, и доходятъ до него, но не сознаются имъ. Вслѣдствіе чего на высшихъ ступеняхъ экстаза замѣчаются та же потеря чувствительности и та же потеря чувства боли, которыя характеризуютъ гипнотическое состояніе. Экстатикъ не чувствуетъ, что его жжетъ огонь костра, на который его ввела святая инквизиція, не чувствуетъ пытокъ и ранъ, ибо вся его психическая жизнь, вся безъ остатка, сосредоточена на той идеѣ, за которую онъ подвергается наказанію. Онъ могъ бы, по истинѣ, смѣяться надъ своими палачами, всѣ усилія которыхъ причинить ему боль пропадаютъ даромъ. Съ этимъ состояніемъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать состояніе внѣшнимъ образомъ выражающееся точно такъ же, но совершенно противоположное по внутренней психической механикѣ. Исторія знаетъ много примѣровъ людей, по наружности спокойно терпѣвшихъ величайшія мученія, но не потому, чтобы они не чувствовали боли, а потому, что не хотѣли показать, что имъ больно, причемъ естественной потребности выразить боль крикомъ, стономъ, жестомъ противопоставляли страшное напряженіе сознанія и воли. Эти люди, такъ полно владѣющіе собой, такъ сильно задерживающіе самыя, повидимому, неизбѣжныя двигательныя реакціи на внѣшнія впечатлѣнія, очевидно, не могутъ быть склонны къ подражанію. Наоборотъ, экстатики и люди, въ состояніи болѣе или менѣе близкомъ къ состоянію экстаза, совершенно не могутъ управлять собой, и потому пунктъ ихъ односторонне направленнаго вниманія имѣетъ надъ ними всеподавляющую власть. Наиболѣе выразительнымъ примѣромъ можетъ служить въ этомъ отношеніи стигматикъ. Св. Францискъ, напримѣръ, уединеніемъ, постомъ, всякими лишеніями сокративъ свой жизненный бюджетъ до minimum'а, затворилъ, такъ сказать, свою душу на-глухо для всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній и оставилъ просвѣтъ для одного только луча: для образа страданій Христа. И этотъ образъ заставилъ Франциска подражать себѣ, пригнавъ кровь къ ладонямъ, ступнямъ и лѣвому боку экстатика. Правда, Францискъ, можетъ быть, и желалъ уподобиться Христу, но *такое* уподобленіе совершилось, конечно, помимо его воли. То же самое происходитъ въ случаяхъ мгновеннаго сильнаго впечатлѣнія, если оно по-

ствуетъ еще сильнѣе, если человѣкъ или цѣлое населеніе живетъ среди дикой, пустынной, гористой природы, производящей неблагопріятное вліяніе на нервную систему и психическую сторону человѣка своимъ однообразіемъ или бурными атмосферными явленіями; происхожденіе болѣзни изъ этого источника въ особенности замѣчается у насъ на крайнемъ сѣверѣ» («Кликушество и его судебно-медицинское значеніе». Архивъ судебн. медицины, 1870, № 2).

Г. Штейнбергъ выражается очень неточно, говоря о «понятіяхъ, міросозерцаніяхъ, изъ которыхъ развивается болѣзнь». «Понятія, міросозерцанія» даютъ и могутъ давать только извѣстную окраску болѣзни. Мудрено, разумѣется, представить себѣ человѣка, не вѣрящаго въ чорта и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣсоодержимаго (то-есть, по его собственному мнѣнію, бѣсоодержимаго). Но изъ этого не слѣдуетъ, что человѣкъ, не вѣрящій въ чорта, тѣмъ самымъ гарантированъ отъ той формы нервнаго разстройства, которую люди невѣжественные и суевѣрные называютъ бѣсноватостью. Справедливо, однако, что параллельно съ разсѣяніемъ мрака невѣжества и суевѣрія должно идти устраненіе, въ большей или меньшей степени, той «обособленности» и того «однообразія» жизни, которыя составляютъ, по нашему предположенію, коренныя условія эпидемическаго распространенія нѣкоторыхъ нервныхъ страданій. Самая даже вѣра въ чорта, напримѣръ, ослабѣваетъ, благодаря прямому вліянію увеличивающагося разнообразія *личной* жизни. По мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденіе расширяютъ и разнообразятъ сферу представленій и понятій человѣка, слабѣетъ суевѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ (если справедливо наше основное предположеніе) должна ослабѣвать склонность къ подражанію, вообще, и рѣзко патологическія ея формы, въ особенности.

Но я не даромъ подчеркнулъ выше слово: разнообразіе *личной* жизни. И читатель, удостоившій своимъ вниманіемъ мои прежнія писанія, конечно, этому не удивится. Разнообразіе общественной жизни, взятой въ цѣломъ, можетъ, какъ я много разъ это доказывалъ, находиться въ прямомъ противорѣчіи съ богатствомъ личной жизни и даже обусловливать собою ея однообразіе, скудость, односторонность. И въ такомъ случаѣ мы найдемъ, можетъ быть, чрезвычайную наклонность къ подражанію. Ниже мы увидимъ блистательные тому примѣры, а теперь оставимъ пока это обстоятельство въ сторонѣ, равно, какъ и отмѣченное г. Штейнбергомъ вліяніе «бурныхъ атмосферныхъ явленій». Во всякомъ случаѣ, однообразіе и обособленность жизни въ Якутской области не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тамъ есть мѣстности, куда почта рѣдко приходитъ и которыя, слѣдовательно, сообщаются съ остальнымъ міромъ разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ. Тамъ зима тянется шесть мѣсяцевъ. Тамъ можно проѣхать 500 верстъ, не встрѣтивъ того образа и подобія Божія, который называется человѣкомъ. Тамъ ѣдятъ рыбу, рыбу и опять рыбу, и рѣдька, и капуста составляютъ мѣстами едва ли не лакомство. Тамъ человѣкъ можетъ въ теченіе цѣлаго дня не услышать, кромѣ воя вѣтра, почти никакого другого звука и не видѣть, кромѣ бѣлаго, никакого другого цвѣта. Сгустите еще немножко краски скудости и однообразія—и вы получите настоящій, только чудовищно-огромный, залъ, приспособленный для гипнотическихъ опытовъ.

Распространяться объ этомъ, кажется, не стоитъ, но очень стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что жертвами олгинджи являются въ замѣткѣ доктора Кашина солдаты и женщины. Это, конечно, не есть своего рода монополія солдатъ и женщинъ. Безъ сомнѣнія, и всякіе другіе мужчины подвергаются омеряченью. Но любопытно все-таки, что наиболѣе характерные случаи, невольно выдвинутые наблюдателемъ на первый планъ, относятся именно къ женщинамъ и солдатамъ. Возьмемъ же роту солдатъ, автоматически повторяющихъ слова команды и ругательства командира, и якутку, автоматически исполняющую постыдное приказаніе мѣстнаго донъ-жуана.

Мнѣ сообщали наблюденіе доктора Лихонина, такъ успѣшно повторившаго въ Петербургѣ опыты Ганзена, что гвардейскіе солдаты оказались чрезвычайно склонными къ гипнозу. Будто бы, именно 60% изъ нихъ впадаютъ въ гипнотическое состояніе очень быстро. Результатъ, на первый взглядъ, совершенно парадоксальный или, по крайней мѣрѣ, совершенно противорѣчащій обыкновеннымъ, ходячимъ представленіямъ о гипнотическихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гвардейскіе солдаты въ физическомъ отношеніи представляютъ цвѣтъ и красу русскаго народа, избранныхъ изъ избранныхъ по росту и здоровью, съ сильными мускулами и несокрушимыми нервами. А между тѣмъ, мы привыкли думать, что къ гипнотическому состоянію наиболѣе склонны, то-есть преимущественно быстро и легко въ него впадаютъ, люди слабые, вообще, и слабонервные въ особенности. Это ходячее мнѣніе, до извѣстной степени, вѣроятно, дѣйствительно соотвѣтствующее истинѣ, подтверждается и научными авторитетами. Такъ, Гейденгайнъ говоритъ, что гипнотизму подвергаются преимущественно блѣдные, анемичные субъекты. Далѣе, онъ полемизируетъ съ Ганзеномъ по

дѣйцы, гипнотизируемые самою жизнью, быстро впадаютъ въ настоящее гипнотическое состояніе и подражаютъ «магнетизеру» и повинуются ему. А если такъ, то не столь уже удивительнымъ представляется и эпизодъ съ омеряченными солдатами, разсказанный д-мъ Кашинымъ, тѣмъ болѣе, что тутъ къ спеціально-солдатской скудости примѣшивается еще скудость спеціально-якутская. Конечно, многое въ этомъ эпизодѣ остается все-таки не только непривычнымъ для нашей мысли, не вникавшей до сихъ поръ въ подобныя вещи, а и совершенно темнымъ. Почему, напримѣръ, солдаты, всегда аккуратно исполнявшіе команду «на плечо», въ такой-то день и часъ, именно въ такой, а не въ другой, не исполнили этой команды, а сами закричали «на плечо»? Почему они, обыкновенно внимательно выслушивавшіе командирское «такъ и такъ», на этотъ разъ сами отвѣтили «такъ-и-такомъ»? Кто былъ «героемъ» этой омеряченной толпы, и какъ, слѣдовательно, начался процессъ подражанія: всѣ ли солдаты мгновенно были охвачены волной подражанія или между ними выискался одинъ какой-нибудь особенно болѣзненно воспріимчивый солдатикъ, который увлекъ своимъ примѣромъ остальныхъ? Чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, надо знать дѣло со всѣми мельчайшими подробностями, каково, напримѣръ, времяпровожденіе солдатъ въ роковой и предшествовавшіе ему дни. А такого подробнаго описанія г. Кашинъ не только не даетъ, а конечно, и не могъ бы дать. Однако, въ общихъ чертахъ физіономія эпизода съ омеряченными солдатами для насъ выясняется, благодаря сопоставленію съ явленіями, хотя и недостаточно еще изученными, но все-таки извѣстными и притомъ доступными не только наблюденію, а и опыту.

Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ покончить съ одной областью явленій подражанія, которыя, несмотря на свою повторяемость, по всей вѣроятности, навсегда останутся для насъ въ подробностяхъ неизвѣстными. Я говорю о явленіяхъ покровительственной окраски и мимичности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я надѣюсь, что переодѣваніе песца, горностая, зайца, бѣлой куропатки на зиму въ бѣлые покровы, что и всѣ другіе случаи приспособленія цвѣта животнаго къ цвѣту его обстановки сами собой выяснились читателю, какъ результаты однообразія и постоянства зрительныхъ впечатлѣній (въ связи, разумѣется, съ наслѣдственностью и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ индивидовъ). Но когда, напримѣръ, лепталисы подражаютъ геликонидамъ или когда бабочка подражаетъ пчелѣ или осѣ, то дѣло становится гораздо сложнѣе, и эта-то сложность, надо думать, всегда останется для насъ нераспутанною. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, дознаться, почему вниманіе такой-то бабочки сосредоточилось на обликѣ такой-то пчелы, избравъ ее своимъ «героемъ», предметомъ подражанія?

Дѣлаю это замѣчаніе мимоходомъ, чтобы болѣе уже не возвращаться къ покровительственной окраскѣ и мимичности, которыя и введены-то нами въ изслѣдованіе только для полноты фактическаго матеріала, для показанія всей обширности района подражанія.

Возвратимся къ солдатамъ.

Мы видѣли, что какъ гипнотическое состояніе, такъ и омеряченье выражаются въ двухъ формахъ: автоматическомъ подражаніи и автоматическомъ повиновеніи, разница между которыми сводится къ различію въ степени подавленности сознанія. Повинующійся автоматъ способенъ воспринимать приказаніе, которое до сознанія автомата подражающаго не доходитъ. Такъ какъ разница здѣсь только въ степени, то одна форма можетъ переходить въ другую, при благопріятныхъ для этого условіяхъ. Такъ, напримѣръ, якутка, которая сегодня безпрекословно исполняетъ позорное приказаніе, завтра при усиленіи болѣзненнаго состоянія, можетъ, оказаться глуха къ приказанію и только автоматически повторять слова и дѣйствія, доходящія до ея слуховыхъ и зрительныхъ нервовъ, но уже не переступающія за порогъ ея сознанія. Весьма можетъ быть, что солдаты, наблюдавшіеся г. Кашинымъ, страдали олгинджей и наканунѣ рокового дня. Въ этотъ день болѣзнь приняла высшую, подражательную форму: люди, вмѣсто того, чтобы *сдѣлать* «на плечо», то-есть исполнить команду, *закричали* «на плечо». Но и прежде, когда они безпрекословно повиновались командѣ, они, можетъ быть, уже находились въ омеряченномъ состояніи, которое выразилось, именно, этимъ автоматическимъ повиновеніемъ. Объ этомъ трудно судить, конечно, потому что солдатъ и долженъ повиноваться, «слушать команду». Но читатель глубоко ошибается, если думаетъ, что солдатское повиновеніе, особливо въ строю, вполнѣ сознательно. Не только въ якутской снѣжной пустынѣ, а и гдѣ-нибудь въ центрѣ цивилизаціи, на майскомъ парадѣ, напримѣръ, огромная доля солдатскихъ движеній, криковъ и т. п. совершается помимо участія сознанія. Такъ бываетъ со всѣми людьми, занятыми дѣломъ очень привычнымъ и, слѣдовательно, не нуждающимся въ постоянномъ контролѣ высшей психической инстанціи. Но на стройное и вполнѣ автоматическое исполненіе команды несомнѣнно вліяютъ, кромѣ того, и вышеупомянутые элементы однообразія впечатлѣній, получаемыхъ солдатами изо дня въ день, а подобные элементы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыя условія обѣихъ формъ гипно-

безконечной снѣжной пелены и всею, вообще, страшною скудостью своей жизни. Ей нельзя просто приказать исполнить то, что требуется Ричарду. По отношенію къ ней приказаніе должно растянуться въ просьбу, мольбу, выраженную какими-нибудь дѣйствіями или словами, въ концѣ-концовъ, столь же осязательно парализующими волю, какъ при другихъ, менѣе сложныхъ условіяхъ, покоряется она простымъ, короткимъ приказаніямъ. Такъ, въ Австріи, мы знаемъ, «балассируютъ» горячихъ и злыхъ лошадей: укротитель устремляетъ упорный, неподвижный взглядъ въ глаза лошади или однообразно поглаживаетъ ее по лбу и по глазамъ—и лошадь укрощена. (Болѣе простой и менѣе опасный опытъ каждый читатель можетъ сдѣлать надъ рѣчнымъ ракомъ: легкими, однообразными движеніями руки надъ ракомъ по направленію длины тѣла самый пугливый и топорящійся ракъ успокаивается въ нѣсколько секундъ). Если якутка омерячена, то лэди Анна балассирована упорнымъ однообразіемъ отвѣтовъ Ричарда англійскаго, а якутскому Ричарду нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, потому что предметъ его вожделѣній уже препарированъ надлежащимъ образомъ всею своею предыдущею жизнью и обстановкой. Читатель замѣтилъ, можетъ быть, что поведеніе лэди Анны гораздо проще объясняется женскимъ тщеславіемъ, женскою склонностью къ лести и похваламъ. Я вовсе не отрицаю наличности этого мотива, но думаю, что его слишкомъ мало для объясненія укрощенія Анны. Поэты такъ давно и много занимаются перипетіями «торжествующей любви», что было бы не трудно набрать цѣлый ворохъ художественныхъ иллюстрацій къ процессу обольщенія, покоренія женщины. Но я довольствуюсь Шекспиромъ, потому что онъ Шекспиръ, и исторіей лэди Анны, потому что въ ней роль спеціально женскихъ слабостей крайне ничтожна. Несмотря на нѣкоторую грубость красокъ и какъ бы схематичность изображенія процесса, всякій, наблюдавшій болѣе или менѣе пристально жизнь, чуетъ художественную правду въ сценѣ у гроба Генриха VI. Нельзя только приступить къ этой правдѣ съ запасомъ тѣхъ вульгарныхъ, слишкомъ уже простыхъ наблюденій, которыми довольствуются обыкновенно заурядные художники. Не красота и не какой-нибудь внѣшній блескъ Ричарда покорилъ лэди Анну: онъ безобразенъ; не лесть—она на своемъ вѣку слышала ея довольно; не какія-нибудь нѣжныя струны сочувствія—Ричардъ прямо говоритъ о «спальнѣ»; не мотивы благодарности или сострaданія, столь часто переходящіе въ женскомъ сердцѣ въ любовь,—Ричардъ убилъ ея тестя и мужа, и она его ненавидитъ. *Лэди Анна* просто балассирована. И тщеславіе представляетъ при этомъ развѣ только маленькую щелку, сквозь которую, между прочимъ, вторглась упорная воля Ричарда и покорила ея волю. Наконецъ, что касается этого тщеславія, то оно само есть результатъ и показатель спеціально усвоенной женщинамъ функціи «нравиться», той функціи, благодаря которой жизнь женщины «однообразна и пестра, и завтра та же, что вчера». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, обладающая болѣе разностороннимъ запасомъ представленій и понятій, чѣмъ какой допускается исключительною функціей «нравиться», не будетъ балассирована столь легко. Словесные «пассы», въ чемъ бы они ни состояли, встрѣтятъ въ этомъ случаѣ гораздо больше препятствій въ достиженіи своей цѣли—ненормально односторонней концентрація сознанія и соотвѣтственнаго омраченія воли. Понятно, что этотъ результатъ можетъ облегчиться или, напротивъ, еще затрудниться какими-нибудь обстоятельствами, стоящими внѣ всякой связи съ непосредственнымъ предметомъ нашего изученія. Мы ихъ касаться не будемъ и, что касается любовныхъ отношеній, отмѣтимъ еще одно только соображеніе.

Ричардъ побѣдилъ Анну не какими-нибудь своими достоинствами, а единственно упорствомъ своей воли. Воля же эта не представляетъ ничего мистическаго или таинственнаго. Она выразилась въ томъ, что на всѣ взрывы негодованія и скорби Анны Ричардъ съ равномѣрностью и однообразіемъ маятника отвѣчаетъ легкими варіаціями на одну и ту же крайне скудную тему. Если бы въ его рѣчахъ отразились какія нибудь сомнѣнія, колебанія, уклоненія въ другія, хотя бы и гораздо высшія сферы мысли и чувства; если бы онъ затрагивалъ въ душѣ Анны какія-нибудь другія струны,—его успѣхъ не былъ бы столь рѣшителенъ. И вотъ почему происходятъ иногда такія страшныя на первый взглядъ дѣла, что мозглякъ Монсъ оказывается счастливымъ соперникомъ Петра, ничтожный Раковицъ—предпочитается Лассалю, Пушкинъ—умираетъ на дуэли и т. п. Совсѣмъ не въ томъ тутъ дѣло, что Петръ уже не молодъ и суровъ, а Монсъ красивъ, какъ фарфоровая кукла. Петръ *въ этомъ случаѣ* просто не годился въ «герои». Онъ былъ слишкомъ широкъ, его воля, направляясь въ разныя стороны, не могла неустанно и равномѣрно ложиться на женщину. Деспотическій и жестокій, онъ въ сущности гораздо менѣе гнулъ волю женщины, чѣмъ мягкій и податливый Монсъ, который могъ добиться своей цѣли съ постоянствомъ всегда себѣ равнаго бле-

Есть величіе въ подобныхъ картинахъ торжества духа надъ мечомъ, и немудрено, что ими увлекались не только правовѣрные католики, а и, напримѣръ, позитивисты съ самимъ Контомъ во главѣ. Они любовались этою, въ наше время почти непонятною, силою авторитета, настоящаго авторитета, себѣ довлѣющаго, поддерживаемаго не штыками или пушками, а сердцами тысячъ и сотенъ тысячъ людей. Этотъ авторитетъ обнялъ собою всю Европу и окружилъ каждую отдѣльную личность своею атмосферою. Онъ породилъ рыцарство, эту прирученную военную силу, вызвалъ множество подвиговъ самоотверженія, преданности нѣкоторому идеальному началу. Такъ говорятъ благорасположенные къ среднимъ вѣкамъ историки и говорятъ, разумѣется, совершенно справедливо. Но правы и историки неблагорасположенные, которые рисуютъ средніе вѣка мрачными красками насилія, притѣсненія, жестокости, постоянной драки. Все это дѣйствительно было, и никакія соображенія о стройности и гуманизирующемъ вліяніи феодально-католической организаціи, никакіе примѣры самоотверженія и преданности тому или другому идеальному началу не могутъ стереть со страницъ средневѣковой исторіи потоковъ невинной крови, инквизиціонныхъ костровъ, безправія и позора слабыхъ, дикаго разгула сильныхъ. И все это были не случайные историческіе прожилки, теряющіеся въ компактной массѣ совершенно другого вида и свойства матеріи. Нѣтъ, все это столь же неизбѣжно проистекало изъ самыхъ нѣдръ средневѣковаго строя, какъ и тѣ явленія, которыми любуются историки благорасположенные. Полная истина, какъ это часто бываетъ, находится не на той или другой сторонѣ, а въ нихъ обѣихъ, приведенныхъ къ нѣкоторому высшему единству.

Да не поскучаетъ читатель пробѣжать страницу изъ исторіи одного любопытнаго средневѣковаго учрежденія.

Уже очень рано застаемъ мы во многихъ странахъ Европы вольные союзы торговцевъ, мелкихъ собственниковъ, промышленниковъ, владѣльцевъ недвижимой собственности въ городахъ, крестьянъ, подъ именемъ гильдій. Члены гильдій обязывались взаимною помощью въ случаяхъ болѣзней, несчастій, оскорбленій кого-либо изъ нихъ посторонними лицами и т. п. Для поступленія въ гильдію требовалось, кромѣ, разумѣется, жительства въ извѣстномъ мѣстѣ, только незапятнанная репутація и поручительство одного изъ членовъ. Отношенія между членами были вполнѣ братскія, да и къ постороннимъ людямъ гильдіи относились весьма гуманно. По крайней мѣрѣ, въ статутахъ говорится о помощи бѣднымъ, пилигримамъ и т. п. изъ гильдейской кассы. Во главѣ гильдіи стоялъ выборный старшина съ помощниками. Смотря по комбинаціи другихъ общественныхъ единицъ, стоявшихъ рядомъ съ гильдіями и выше ихъ, гильдіи покровительствовались одними, преслѣдовались другими. Такъ, въ Англіи онѣ едва ли не съ самаго своего основанія пользовались охраною закона, а капитуляріи Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ грозятъ, напротивъ, членамъ гильдій плетьми, вырываніемъ ноздрей, изгнаніемъ и проч. Впослѣдствіи, однако, враждебные гильдіямъ короли, ища въ нихъ опоры для борьбы съ феодалами, измѣнили свою политику. Что же касается феодаловъ, то они естественно очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ гильдіями, и мирные гильдейцы не разъ съ успѣхомъ мѣрялись силами съ гордыми баронами. Члены гильдіи необыкновенно высоко чтили честь своего союза (который часто ставился подъ покровительство какого нибудь святого) и достигали часто всеобщаго уваженія. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суды довольствовались половиннымъ и даже меньшимъ числомъ присяжныхъ свидѣтелей, если они были членами гильдій. Отношенія гильдіи къ городу были разнообразны. Во многихъ мѣстахъ именно изъ гильдій выросло городское муниципальное устройство, но вообще опредѣленной связи между гильдіей и городомъ не было. Хотя первоначально личный составъ гильдіи и города часто бывалъ одинъ и тотъ же, но все-таки требовался особый актъ для вступленія въ гильдію. Иногда въ одномъ и томъ же городѣ было нѣсколько гильдій, которыя сливались впослѣдствіи въ одну или же оставались самостоятельными единицами. Въ послѣднемъ случаѣ старѣйшая, раньше другихъ основанная гильдія, пользовалась нѣкоторыми преимуществами, которыя оберегали чрезвычайно ревниво. И этотъ-то моментъ ревности составляетъ главнѣйшій факторъ дальнѣйшей внутренней исторіи гильдейскихъ союзовъ. Гильдіи стали замыкаться, затрудняя доступъ въ себя постороннимъ лицамъ и обращаясь въ наслѣдственные, родовые союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри ихъ историческій ходъ вещей проводилъ рѣзкія грани. Первоначально торговцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками: они торговали сырьемъ, которое обрабатывали. Съ теченіемъ времени эти двѣ функціи отдѣлились и, напримѣръ, суконные торговцы перестали быть портными, торговцы кожами оставили кожевенное, дубильное, сапожное мастерство и т. д. Какъ только это общественное раздѣленіе труда достигло достаточной полноты и яркости, такъ двери гильдій заперлись для ремесленниковъ, и подъ сѣнью союза оказались только торговцы и владѣльцы недвижимой собственности. Въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ, датскихъ, бельгійскихъ статутахъ постоянно встрѣчаются

во время борьбы за свою независимость: тутъ зашла рѣчь о равноправности принциповъ недвижимаго имущества, землевладѣнія и капитала. Однако, этотъ характеръ цеховъ вполнѣ обособился и выяснился только съ теченіемъ времени. Первоначально же ремесленники были вмѣстѣ съ тѣмъ и работниками, и хотя извѣстный капиталъ былъ необходимъ для самостоятельнаго веденія ремесла, но, по условіямъ тогдашняго производства, онъ не могъ быть великъ. Правда, ремесленники имѣли при себѣ батраковъ, рабочихъ, но имъ не возбранялось вступать въ цехъ, если они отбыли срокъ ученія и удовлетворяли другимъ требованіямъ цеховой конституціи. Вообще, до средины XIV вѣка о батракахъ почти не упоминается въ статутахъ. Повидимому, до этого времени батраковъ было весьма мало, такъ что не могло быть и рѣчи о существованіи въ средѣ цеховъ особаго, чисто рабочаго сословія, имѣющаго спеціальные интересы. Исключеніе составляли только цехи фландрскихъ и брабантскихъ ткачей. И тамъ, собственно говоря, каждый ткачъ имѣлъ очень мало батраковъ, но самихъ-то ткачей было очень много, а потому въ цѣломъ число батраковъ было до такой степени значительно, что потребовались для нихъ особыя организаціи. Но при этомъ не было явной вражды между двумя фракціями ремесленниковъ. Все улаживалось пока мирно. Въ XIII вѣкѣ батраки посылали своихъ депутатовъ въ цеховыя собранія; они имѣли голосъ въ рѣшеніяхъ. Что же касается до заработной платы, то она стояла въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ доходу мастера, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Брюгге, батраки были формально участниками дохода.

Съ половины XIV вѣка эти мирныя отношенія исчезаютъ. Чѣмъ болѣе процвѣтала извѣстная отрасль ремесленной промышленности, чѣмъ большій кругъ сбыта она пріобрѣтала, тѣмъ яснѣе становилось, что члены цеховъ не работники, а капиталисты. Цехи съ недовѣріемъ смотрѣли на массы бывшихъ или настоящихъ рабовъ, приливавшія въ города по мѣрѣ развитія промышленности. Съ одной стороны, приливъ рабочихъ рукъ былъ для нихъ выгоденъ, но съ другой—это были все-таки конкурренты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Отсюда-то и возникли истинныя цеховыя монополіи. Была возвышена сумма, уплачиваемая при вступленіи въ цехъ. Явился обычай требовать дорогого Meisterstück'а, то-есть образчика работы, удостовѣряющаго, что испытуемый достоинъ, по своему искусству, быть принятымъ въ цехъ. Удлиннился въ нѣкоторыхъ ремеслахъ до совершеннаго безсмыслія срокъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники старыхъ членовъ получали всяческія облегченія при зачисленіи въ цехъ.

Наконецъ, принципъ наслѣдственности завоевалъ себѣ мѣсто въ цеховой *системѣ или* съ занесеніемъ его въ статуты, *или*, по крайней мѣрѣ, фактически. Цеховая *система*, постепенно развертывая заключенные въ ней и дотолѣ скрытые элементы, дошла до того, что во многихъ мѣстахъ для вступленія въ цехъ требовался извѣстный цензъ въ видѣ движимаго или даже недвижимаго имущества. Весьма своеобразно измѣнился и цензъ, такъ сказать, нравственный. Прежде для вступленія въ цехъ требовалась безукоризненная репутація, чѣмъ устранялось сообщество порочныхъ людей. Въ XIV же вѣкѣ цехи преградили доступъ къ себѣ цѣлымъ категоріямъ лицъ, въ родѣ незаконныхъ дѣтей, сыновей крестьянъ, дѣтей золотарей, живодеровъ, актеровъ; въ германскихъ цехахъ не принимались славяне и т. п. Старый духъ братства исчезъ совершенно и въ средѣ самыхъ цеховъ появились различныя дифференцированія, цехи распадались на болѣе бѣдныхъ и богатыхъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного и того же цеха обособились цехи кожевниковъ, сапожниковъ и чеботарей. Появились неслыханные дотолѣ споры и судебные процессы о предѣлахъ компетенціи разныхъ цеховъ. Тяжбы эти тянулись иногда цѣлыми столѣтіями. Сапожники тягались съ починяльщиками поношенной обуви, ременщики съ кожевниками, продавцы стараго платья съ портными, а тѣ, въ свою очередь, съ сукноторговцами и т. д., и т. д. Женщины устранялись отъ занятій, наиболѣе имъ свойственныхъ, но за то и женщины, если имъ удавалось овладѣть правомъ на какое-нибудь производство, не допускали къ себѣ мужчинъ. Вся жизнь подѣлилась на маленькія клѣточки, ревниво оберегавшія свои узенькія рамки и усиленно враждовавшія со всѣмъ, что лежало внѣ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама промышленность замерла для какихъ бы то ни было усовершенствованій въ качественномъ или количественномъ отношеніи: мастеръ большею частью обязывался приготовить опредѣленное число извѣстнаго продукта въ годъ, именно этого продукта, а не другого, не больше и не меньше, не хуже и не лучше.

Не менѣе важнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе важнымъ явленіемъ было распаденіе однороднаго или почти однороднаго цеха на мастеровъ, учениковъ, имѣвшихъ право и возможность вписаться по окончаніи курса въ цехъ, и, такъ сказать, вѣчныхъ подмастерьевъ, батраковъ, рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи противоположность интересовъ мастеровъ и подмастерьевъ обнаружилась съ совершенною ясностью послѣ чумы 1349 г. Это было страшное время. Вымирали цѣлые села и города; страна обезлюдѣла. Цѣны поднялись на все.

бочно было бы для обозначенія сельскаго населенія этой эпохи употреблять такое выраженіе, съ которымъ соединялось бы понятіе о чемъ-то цѣломъ, объ обществѣ, напримѣръ, слово «народъ». Населеніе это не составляло общества; дѣятельность его была исключительно мѣстная. Внѣ занимаемой има территоріи колоны не имѣли дѣла ни до кого, не были связаны ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ» («Исторія цивилизаціи въ Европѣ»).

Еще ближе къ истинѣ стоитъ Мишле въ главѣ «Отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе», въ извѣстной книгѣ «La sorcière», «Въ теченіе цѣлыхъ десяти столѣтій тоска, неизвѣстная прежнимъ временамъ, держала средніе вѣка въ состояніи не то бодрствованія, не то сна, и надъ людьми господствовала конвульсія скуки, называемая зѣвотой. Пусть неустанный колоколъ звонитъ въ привычные часы—люди зѣваютъ; пусть тянется старое латинское пѣніе въ носъ—люди зѣваютъ. Все предвидено, надѣятся не на что, дѣла будутъ идти все такъ же. Несомнѣнная скука завтрашняго дня заставляетъ зѣвать уже сегодня, и перспектива будущихъ дней, годовъ скуки ложится тяжелымъ гнетомъ на жизнь. Автоматическая и фатальная конвульсія безъ конца и надежды раздвигаетъ челюсти. Настоящая болѣзнь, которую благочестивая Бретань приписываетъ дьяволу: онъ, говорятъ бретанскіе крестьяне, прячется въ лѣсу и поетъ прохожимъ обѣдни и другія церковныя службы до того, что они, наконецъ, умираютъ отъ зѣвоты». Конечно, средневѣковые люди не болѣли зѣвотой въ буквальномъ смыслѣ слова; они жили, любили, чувствовали, мыслили, но все это было вогнано въ непомѣрно узкія стойла, гдѣ царило томительное и дѣйствительно почти усыпляющее, почти гипнотизирующее, однообразіе впечатлѣній. Сами гордые бароны, гнѣздившіеся въ замкахъ съ высокими стѣнами и глубокими рвами, выѣзжавшіе оттуда только для грабежа и турнировъ и опять прятавшіеся за свои стѣны, были обречены на ту же истому однообразія, а ихъ жены и подавно. Вообще, всякая личная жизнь, отлившись въ однообразныя, узкія формы, замерла.

Но Мишле находитъ еще другую причину, «отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе»: необезпеченность личности. Несмотря на неподвижность формъ, въ которыя отлилась средневѣковая личная жизнь, всякій свободный человѣкъ могъ оказаться вассаломъ, вассалъ—слугой, слуга—рабомъ, сервомъ. Фактически это, конечно, вѣрно, но едва ли справедливо переносить теперешнюю европейскую жажду личной свободы на средневѣковые нравы. Безъ сомнѣнія, и тогда были люди, считавшіе личную свободу благомъ и гнушавшіеся всякаго рода зависимостью. Но отнюдь не таково было общее правило. Вообще говоря, средневѣковой человѣкъ не только не тяготился зависимостью, а даже, напротивъ, искалъ ея. Одною изъ наиболѣе выдающихся психологическихъ чертъ типическаго тогдашняго человѣка была какая-то странная потребность повиноваться, отдавать свою волю въ чужія руки, чему вполнѣ соотвѣтствовала средневѣковая лѣстница зависимости, необходимыя ступени которой составляли зюзеренъ, вассалъ и рабы, колоны, крѣпостные. Каждый феодалъ, имѣя своихъ вассаловъ, самъ былъ или могъ быть вассаломъ другого сюзерена, и вся эта лѣстница упиралась въ безконечность, ибо дотягивалась до престола Всевышняго, непосредственно подъ которымъ находился намѣстникъ Божій на землѣ—папа, по мнѣнію однихъ, императоръ—по мнѣнію другихъ. Обыкновенно происхожденіе этой лѣстницы объясняется насиліемъ или голымъ разсчетомъ: дескать, слабый человѣкъ либо насильственно ставился въ вассальныя или рабскія отношенія къ сильному, либо добровольно отдавался подъ его защиту и покровительство, дабы охранить себя отъ вящшаго гнета. Не отрицая того и другого источника, надо, однако, замѣтить, что средніе вѣка представляютъ множество образчиковъ добровольнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно безкорыстнаго самоподчиненія. Вышеприведенный случай съ королемъ Аррагонскимъ, добровольно и безъ всякаго давленія извнѣ объявившимъ себя ленникомъ папскаго престола, не составляетъ чего-нибудь рѣдкаго или исключительнаго. Напротивъ, множество всякаго званія людей самозакрѣпощали себя такимъ образомъ Богу, тому или другому святому, а въ сущности, конечно, папѣ или тому, или другому духовному лицу, духовной коллегіи. Затѣмъ рыцарское «служеніе дамѣ», и по внутреннему характеру, и даже по нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ весьма близкое къ вассальнымъ отношеніямъ, представляетъ другой любопытный примѣръ добровольнаго средневѣковаго самоподчиненія. Рыцарь весь отдавался своей дамѣ, совершалъ, по ея приказанію, въ угоду ей или въ честь ея, блистательные подвиги, возмутительныя злодѣйства и невѣроятныя глупости. Надо при этомъ имѣть въ виду, что, налагая на себя это иногда вовсе не легкое бремя, рыцарь въ то же время оставался подъ игомъ своего сюзерена и своей корпораціи. Наконецъ, средневѣковые люди готовы были служить и дьяволу, и цѣлыми массами принимали страданіе и смерть ради этого фантастическаго объекта поклоненія. Если, такимъ образомъ, средневѣковой человѣкъ добровольно и безкорыстно служилъ, подчинялся, повиновался папѣ и женщинѣ, чорту и Богу, то

нихъ пахнетъ, по крайней мѣрѣ для человѣческаго обонянія, невыносимо скверно.

Гораздо интереснѣе роль упорнаго и сосредоточеннаго взгляда, которымъ курумбы очаровываютъ птицу. Мы не видимъ въ этомъ фактѣ ничего невѣроятнаго, но и ничего отъ «черной магіи», столь знакомой, по словамъ г-жи Радда-Бай, курумбамъ. Кто присутствовалъ при представленіяхъ укротителей звѣрей, тотъ знаетъ, что укротитель выходитъ изъ клѣтки льва или тигра непремѣнно задомъ, не спуская глазъ со звѣря, ибо стоитъ ему только повернуться, какъ звѣрь съ нимъ покончитъ. Въ брошюрѣ Бенедикта «Каталепсія и месмеризмъ» есть свѣдѣніе о практикуемомъ въ австрійской арміи «балассированіи» горячихъ и злыхъ лошадей. Этотъ способъ укрощенія предложенъ венгерцемъ Баласса и состоитъ или въ крестообразномъ поглаживаніи ладонью по лбу и по глазамъ, или въ упорномъ, неподвижномъ взглядѣ, при помощи котораго лошадью «можно завладѣть до такой степени, что многія лошади не двинутся, если даже вблизи ихъ выстрѣлить». Змѣя тоже только упорнымъ и неподвижнымъ взглядомъ очаровываетъ птицу или какое-нибудь мелкое млекопитающее до такой степени, что оно, какъ бы во исполненіе ея желанія или приказанія, падаетъ къ ней прямо въ раскрытую пасть. Такъ и курумбы. Но прежде, чѣмъ разсмотрѣть, въ чемъ тутъ собственно дѣло, позабавимся, разъ ужъ зашла рѣчь о глазахъ и вліяніи взгляда, небольшимъ букетомъ анекдотовъ.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1883 г. (№ 84) разсказана со словъ одного иностраннаго журнала слѣдующая исторія.

Въ числѣ любимцевъ парижской публики временъ второй имперіи видное мѣсто занималъ оперный пѣвецъ Массоль. Это былъ странный человѣкъ: угрюмый, молчаливый, несообщительный, съ мрачно блестящими черными глазами, по поводу которыхъ ходилъ слухъ, что у него «дурной глазъ». Однажды давали оперу Галеви «Король Карлъ VI», лучшимъ номеромъ которой считалась такъ называемая «арія проклятія», всегда вызывавшая бурные аплодисменты. Когда эту арію пѣлъ однажды Массоль, онъ, согласно роли, обратилъ глаза къ небу, умоляя Всевышняго ниспослать проклятіе на головы его враговъ. Притаивъ дыханіе, публика слѣдила за пѣвцомъ и, едва онъ кончилъ, раздались оглушительные аплодисменты. Но вдругъ замерли оваціи; съ высоты, куда обращены еще были взоры пѣвца, упалъ на сцену машинистъ-рабочій и былъ вынесенъ уже трупомъ. Тяжкое впечатлѣніе, произведенное этимъ случаемъ, побудило снять на нѣкоторое время «Карла VI» съ репертуара.

Но, наконецъ, опера снова появилась на афишѣ. Массоль, на котораго случай съ рабочимъ произвелъ сильное впечатлѣніе, во время аріи проклятія смотрѣлъ уже не наверхъ, а на оркестръ, преимущественно на дирижера. Но какъ только пропѣта была «арія проклятія», капельмейстеръ Габенекъ почувствовалъ себя дурно, уѣхалъ домой и на третій день умеръ. Теперь упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, сталъ держаться слухъ о «дурномъ глазѣ» Массоля. Когда опера Галеви снова была назначена, многіе побоялись ѣхать въ театръ. Но все-таки народу набралось много, и изъ ложъ всего одна была пустая. На нее-то и смотрѣлъ Массоль, самъ съ волненіемъ относясь къ «аріи проклятія». Какъ разъ, однако, въ это время вошелъ въ ложу человѣкъ, и попалъ какъ разъ подъ взоры пѣвца. Это былъ богатый негоціантъ, который вскорѣ умеръ отъ разрыва сердца. Наконецъ, Массоль, утомленный артистическою дѣятельностью, рѣшилъ сойти со сцены. Прощальный спектакль происходилъ 14 января 1858 г. Назначенъ былъ «Вильгельмъ Телль». Избраннѣйшее общество наполнило театръ. Императоръ и императрица тоже хотѣли проститься съ Массолемъ, но когда они ѣхали въ театръ, произошло покушеніе Орсини, не помѣшавшее, впрочемъ, Наполеону и Евгеніи явиться въ ложѣ и досидѣть до конца представленія.

Эта любопытная исторія есть въ цѣломъ именно букетъ анекдотовъ, въ составъ котораго входятъ, однако, элементы весьма различной цѣнности. Понятно, что совпаденіе покушенія Орсини съ прощальнымъ спектаклемъ Массоля не имѣетъ никакого отношенія къ глазамъ пѣвца; оно не случайно развѣ только въ томъ отношеніи, что заговорщики, зная, что Наполеонъ пріѣдетъ на прощальный спектакль общаго любимца, выбрали этотъ день для исполненія своего предпріятія. Но легенды всегда складываются по принципу поговорки о бѣдномъ Макарѣ и валящихся на него шишкахъ. Герою легенды, не говоря о прямыхъ выдумкахъ, ставятся на счетъ всякія случайности, способныя придать его облику таинственный блескъ. И въ этомъ отношеніи разсказанная исторія Массоля поучительна своею типичностью. Да и вообще человѣкъ, такъ или иначе обратившій на себя общественное вниманіе, всегда можетъ разсчитывать на подобные біографическіе наросты. Едва ли, однако, будетъ благоразумно такъ-таки прямо признать этого же рода случайными наростами два первые эпизода изъ приведенной исторіи, то-есть смерть машиниста и капельмейстера (смерть негоціанта, повидимому, должна быть отнесена къ числу наростовъ). Дѣло тутъ, конечно, не въ «дурномъ глазѣ»

капельмейстеръ, находясь подъ вліяніемъ репутаціи «дурного глаза» Массоля и въ частности надѣлавшей шуму и можетъ быть на его глазахъ случившейся исторіи съ машинистомъ, видя вдобавокъ этотъ страшный «дурной глазъ» прямо на себя устремленнымъ, трепетно ожидалъ худа и вслѣдствіе этого дѣйствительно получилъ его.

Возвращаясь къ чарамъ змѣи, вспомнимъ, что и на эту пресмыкающуюся чаровницу есть управа, и именно при помощи чаръ, аналогичныхъ тѣмъ, которыми она сама пользуется. Индійскій заклинатель дудитъ на своей дудкѣ монотонные, простые звуки, заслышавъ которые, змѣя подползаетъ къ нему, приподнимаетъ переднюю часть тѣла, и этою вертикально стоящею частью туловища автоматически повторяетъ движенія музыканта-заклинателя; онъ качнется вправо и она— вправо, онъ влѣво, и она тоже, а по прошествіи нѣкотораго времени заклинатель схватываетъ змѣю и спокойно кладетъ ее въ корзинку. Почему змѣи оказываются столь музыкальными натурами, это остается и вѣроятно всегда останется неизвѣстнымъ. Надо замѣтить, что отнюдь не однѣ змѣи столь чувствительны въ этомъ отношеніи, а и животныя, гораздо ниже стоящія на зоологической лѣстницѣ. Мнѣ самому случалось быть свидѣтелемъ, какъ черные скорпіоны выползали изъ щелей на звуки музыки. Интересующая насъ часть индійскаго фокуса состоитъ, впрочемъ, не въ музыкальности змѣи, а въ той безвольности, до которой ее доводятъ однообразные звуки индуской дудки. Мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ моноидеизмомъ, достигаемымъ на этотъ разъ не зрительнымъ впечатлѣніемъ, которое подкашиваетъ жертву змѣи, а слуховымъ: змѣя, подстрекаемая своею любовью къ музыкѣ, выползаетъ на звуки, а затѣмъ все ея вниманіе цѣликомъ поглощается источникомъ этихъ звуковъ: она уже ничего не видитъ, вообще ничего не воспринимаетъ, кромѣ дудящаго музыканта, и потому не можетъ дѣлать иныхъ движеній, кромѣ тѣхъ, какія продѣлываетъ предметъ ея сосредоточеннаго вниманія.

Въ настоящее время нѣтъ никакихъ сомнѣній или пререканій относительно условій, при которыхъ наступаетъ гипнозъ. Всѣми признано, что условія эти состоятъ въ однообразномъ, равномѣрномъ и слабомъ раздраженіи зрительныхъ, слуховыхъ или кожныхъ нервовъ, каковое равномѣрное однообразіе, опустошая сознаніе, вслѣдъ затѣмъ сосредоточиваетъ его на одномъ какомъ-нибудь явленіи. Широкій умъ Брэда, впервые установившаго эти условія и этотъ основной принципъ гипнотизма и выразившаго этотъ послѣдній словомъ «моноидеизмъ», охватывалъ и нѣкоторыя отсюда вытекающія соціологическія слѣдствія. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Извѣстно, что курица становится неподвижною, если держать ея клювъ на полу или на столѣ, принуждая ее такимъ образомъ смотрѣть на черту, проведенную мѣломъ, или на положенную передъ ней полоску цвѣтной бумаги. Совершенно такъ же, уже 2.400 лѣтъ, поступаютъ индійскіе факиры, которые, для удовлетворенія своей религіозной потребности, приводятъ себя въ оцѣпенѣніе, напряженно созерцая кончикъ своего носа или другую часть тѣла, или какой-нибудь неодушевленный предметъ, напримѣръ, изображеніе бога. Главное дѣло здѣсь въ духовномъ отвлеченіи, въ сосредоточеніи вниманія, причемъ душевная дѣятельность до такой степени поглощается извѣстными представленіями и идеями, что постороннія впечатлѣнія или совсѣмъ не воспринимаются, или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ ясно сознаются» (op. cit. 99—100). Въ другомъ мѣстѣ, опредѣливъ послѣдовательность ступеней гипноза, Брэдъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя явленія наступаютъ почти у всѣхъ паціентовъ во второй стадіи, частью и въ первой, а «если они (паціенты) умственно ограничены, легковѣрны, слишкомъ богаты фантазіей или *приспособились къ узкому кругу интересовъ*, то иногда и *въ бодрственномъ состояніи*... Явленіе это есть результатъ не внѣшняго физическаго впечатлѣнія, но извнутри дѣйствующаго психическаго навожденія (Blendwerk въ нѣмецкомъ переводѣ), которое до такой степени помрачаетъ разумъ и волю нѣкоторыхъ людей, что, безусловно управляемые другимъ человѣкомъ и дѣйствуя какъ маріонетки, они только по его волѣ и подъ его руководствомъ видятъ, слышатъ, ощущаютъ, чувствуютъ и двигаются» (34). Проистекающее отсюда повелительное наклоненіе гласитъ, что для сохраненія здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ необходимо управленіе *всѣхъ* нашихъ способностей; одностороннее же замыканіе въ кругъ узкихъ интересовъ, крайне вредное вообще, въ частности ведетъ къ тѣмъ уродствамъ души, которыя въ своей явно-патологической формѣ составляютъ область гипнотизма (114 и др.).

Такимъ образомъ Брэдъ уже въ сороковыхъ годахъ указалъ, правда, очень бѣгло и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ условія, при которыхъ безъ всякихъ искусственныхъ техническихъ пріемовъ гипнотизированія самою жизнью устанавливается благодарная почва для автоматической покорности и подражанія, а слѣдовательно и для патологической магіи. Условія эти состоятъ въ однообразіи впечатлѣній, скудости жизни, узости интересовъ, односторонности духовной дѣятельности. Всякій разъ, какъ обстоятельства

по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. По этой самой причинѣ нѣтъ миѳологической системы, могущей насчитать достаточное число горячихъ приверженцевъ, которая не могла бы похвастать чудесами этого рода». Порукой въ справедливости этихъ словъ можетъ служить хотя бы то удивительное, что происходило въ Парижѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, на могилѣ діакона Пари. Среди всякаго рода неистовствъ, конвульсій, передававшихся отъ одного къ другому путемъ психической заразы, здѣсь происходили и дѣйствительныя исцѣленія. То же было и съ Месмеромъ и проч., и проч.

Въ статьѣ «Герои и толпа» были приведены нѣкоторые поразительные примѣры тѣхъ глубокихъ измѣненій, какія способно производить въ организмѣ человѣка чрезмѣрно усиленное вниманіе, внезапно ли настороженное какимъ-нибудь чрезвычайнымъ явленіемъ, или какъ результатъ продолжительной фиксаціи. Намъ не зачѣмъ поэтому тревожить теперь относящійся сюда обширный фактическій матеріалъ, тѣмъ болѣе, что въ основѣ его лежитъ тотъ же принципъ, на которомъ покоятся и вышеприведенныя чудеса гипнотизма, «чудеса въ рѣшетѣ науки», какъ выразился одинъ развязный газетный скептикъ. Если, напримѣръ, въ вышеприведенномъ случаѣ Брэда молоко появилось въ груди женщины вслѣдствіе внушенія въ состояніи гипноза, то ему въ совершенную параллель можетъ быть поставленъ фактъ, сообщаемый Лейкокомъ (приведенъ у проф. Манассеина «О значеніи психическихъ вліяній»): 48-ми-лѣтняя женщина, давно вступившая въ климактерическій періодъ, была сильно взволнована присутствіемъ при крайне трудныхъ родахъ своей дочери, и ея настороженное страданіями дочери вниманіе вызвало и у нея аналогичныя рѣзкія боли, а затѣмъ появилось и молоко въ грудяхъ. Дѣло здѣсь, очевидно, все въ томъ же, говоря языкомъ Брэда, моноидеизмѣ. Но на этотъ разъ мы не можемъ довольствоваться тѣмъ чисто логическимъ объясненіемъ, которое удовлетворяло насъ при разсужденіи о животномъ, безвольно ввергающемся въ пасть змѣи, и о самой змѣѣ, столь же безвольно отдающейся во власть заклинателя. Тамъ мы имѣли дѣло съ движеніемъ всей массы животнаго по направленію къ предмету поглотившему его вниманіе, и намъ казалось вполнѣ понятною и легко объяснимою эта моноидео-динамическая мускульная дѣятельность, направленная къ единственной существующей для очарованнаго животнаго точкѣ. Но въ занимающихъ насъ теперь случаяхъ дѣло не въ движеніи всего организма, а въ специальныхъ измѣненіяхъ, имѣющихъ при извѣстныхъ условіяхъ мѣсто въ отдѣльныхъ органахъ.

Одно изъ общихъ положеній физіологіи гласитъ, что всякое представленіе, возникающее въ мозгу человѣка, отражается непроизвольною дѣятельностью разныхъ частей организма, причемъ между характеромъ представленія, съ одной стороны, и возбужденными къ дѣятельности частями чувствительно-двигательнаго механизма, съ другой—имѣется опредѣленное соотвѣтствіе. Такъ, когда голодный человѣкъ представляетъ себѣ что-нибудь вкусное, то нервное возбужденіе, распространяясь на слюноотдѣлительные нервы, вызываетъ усиленную дѣятельность слюнныхъ железъ, каковая усиленная дѣятельность была бы необходима въ томъ случаѣ, если бы въ ротъ голоднаго человѣка дѣйствительно попало это заманчивое, лишь представляемое имъ вкусное. Благодаря яркости представленія ѣды, человѣкъ переживаетъ до извѣстной степени состояніе ѣдящаго. Точно такъ же, благодаря яркости представленія страданій родовъ, женщина Лейкока пережила состояніе роженицы до такой полноты, что у нея появились настоящія боли и спеціальныя отдѣленія молочныхъ железъ. Этимъ же властнымъ вторженіемъ духа, этою же реакціей его на физическую жизнь организма, объясняется и явленіе стигматизаціи, съ котораго мы начали нашу бесѣду. Понятное дѣло, что весь тотъ нелѣпый вздоръ, который Эмберъ разсказываетъ о бальзамѣ, истекающемъ изо рта Пальмы, о сжигающемъ бѣлье внутреннемъ пламени и проч., и проч., не заслуживаетъ никакого вниманія. Но фактъ стигматизаціи, нуждающійся, разумѣется, въ каждомъ частномъ случаѣ въ провѣркѣ, не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ несомнѣнно и объясненіе этого факта, столь удивительнаго, если его взять въ отдѣльности, и столь естественнаго въ ряду массы другихъ фактовъ того же порядка. Подробности читатель найдетъ въ статьѣ «Герои и толпа». Здѣсь замѣтимъ только, что соотвѣтствіе стигмъ съ язвами Христа далеко не всегда бываетъ полнымъ и у всѣхъ субъектовъ одинаковымъ, такъ какъ все явленіе опредѣляется характеромъ субъективнаго представленія. Бурневиль (Science et miracle. Louise Lateau ou la stigmatisée belge, 1878) замѣчаетъ, что у Луизы Лато боковая язва была съ лѣвой стороны, тогда какъ у первообраза всѣхъ стигматиковъ она помѣщалась справа, что болѣе соотвѣтствуетъ преданію, какъ можно судить по картинамъ великихъ мастеровъ, помѣщающихъ обыкновенно воина, вооруженнаго копіемъ, съ правой стороны Распятаго.

Такимъ образомъ, вполнѣ признавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ высокое молитвенное

Этотъ опытъ, свидѣтельствующій, вмѣстѣ со
множествомъ другихъ фактовъ, о необыкно-
венной повышенности воспріимчивости къ
внѣшнимъ впечатлѣніямъ у гипнотиковъ,
весьма близокъ къ чтенію или отгадыванію
мыслей. Естественно поэтому предположить,
что психическое состояніе чтеца мыслей
родственно состоянію гипноза.
Изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ г. Сикор-
скій наиболѣе рѣзко отрицаетъ это предположе-
ніе. Онъ подробно разсказываетъ, какъ онъ
самъ учился «читать мысли», какъ спокойно
и сознательно слѣдилъ онъ въ этого рода опы-
тахъ за психо-моторными движеніями, подле-
жавшими истолкованію: его воля и сознаніе
при этомъ настолько бодрствовали, что о ка-
комъ бы то ни было сходствѣ съ состояніемъ
гипноза здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Г.
Чирьевъ, наоборотъ, прямо говоритъ: «Несо-
мнѣнно, что при этихъ опытахъ эксперимен-
тируемые субъекты впадаютъ въ состояніе,
близкое къ гипнотическому». Но въто же вре-
мя, что касается Бишопа, г. Чирьевъ набра-
сываетъ на него нѣкоторую тѣнь фокусниче-
ства и, объясняя его удивительные опыты зна-
чительнымъ развитіемъ осязанія и мышечнаго
чувства, склоненъ, повидимому, думать, что
Бишопъ пускаетъ въ ходъ эти свои преиму-
щества вполнѣ сознательно. Г. Тархановъ,
опять же наоборотъ, готовъ допустить, что
собственно Бишопъ находится въ «состояніи
помраченнаго сознанія, зависящаго отъ со-
средоточенія вниманія въ одномъ только на-
правленіи»; что и вообще состояніе чтецовъ
«напоминаетъ начальныя фазы гипноза». Но
затѣмъ почтенный профессоръ охотно выра-
жается въ томъ смыслѣ, что чтецъ, при по-
мощи зрѣнія, слуха, осязанія, «зорко слѣдитъ»
за выраженіемъ лица, движеніемъ губъ, со-
кращеніемъ мышцъ, звукомъ шаговъ, непроиз-
вольными толчками лица, мысли котораго
взялся читать; «даетъ себѣ отчетъ» и т. д.
Выразивъ, по поводу одной группы опытовъ,
увѣренность, что чтецъ руководится въ этомъ
случаѣ изощреннымъ обоняніемъ, г. Тарха-
новъ разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ,
который обладалъ столь исключительно раз-
витымъ обоняніемъ, что сдѣлалъ себѣ профес-
сію изъ «вынюхиванія воровъ», за что его, въ
концѣ концовъ, воры убили. Затѣмъ г. Тар-
хановъ замѣчаетъ: «ждать признанія въ этомъ
отношеніи со стороны профессіональнаго чте-
ца, что онъ руководится именно этими ощуще-
ніями, конечно, нельзя, такъ какъ онъ, открывъ
свой секретъ, лишился бы своего заработка».
Едва ли этотъ скептицизмъ вполнѣ осно-
вателенъ, хотя бы уже потому, что профессія
«вынюхивателя воровъ», вѣроятно, была тоже
небезвыгодна, да, наконецъ, человѣкъ, обла-
дающій столь исключительнымъ обоняніемъ,
могъ бы и просто показываться за деньги,
какъ показываются великаны, силачи, акро-
баты и проч. Во всякомъ случаѣ такого рода
субъектъ есть рѣдкостный экземпляръ чело-
вѣческой породы, своего рода геній обонянія,
слуха и проч., очень интересный въ своей ис-
ключительности, но о которомъ не стоитъ
говорить въ виду постановленной общей за-
дачи. Поставленъ, положимъ, вопросъ о влія-
ніи нервнаго возбужденія на мускульную си-
лу, а вы при этомъ напоминаете о Милонѣ
Кротонскомъ, въ совершенно спокойномъ со-
стояніи поднимавшемъ быка. Это можетъ быть
и очень любопытно, но вовсе не относится къ
обсуждаемому вопросу. Одно дѣло—приростъ
силы подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія,
и другое дѣло—возможный предѣлъ физиче-
ской силы въ нормальномъ состояніи. Такъ и
въ интересующемъ насъ кругѣ явленій: одно
дѣло—изощренность чувствъ и повышенная
воспріимчивость, какъ результаты извѣстнаго
патологическаго, подлежащаго изслѣдованію па-
тологическаго состоянія, и другое дѣло—ис-
ключительная способность внѣ круга этого
изслѣдованія. Точно также, если, напримѣръ,
г. Сикорскій вполнѣ сознательно, путемъ уло-
вимыхъ для него самого логическихъ выво-
довъ и умозаключеній, истолковываетъ психо-
моторныя движенія индуктора, то, какъ бы
ни были интересны эти опыты сами по себѣ,
они, очевидно, не имѣютъ ровно никакого от-
ношенія къ тѣмъ случаямъ, когда «чтецъ» на-
ходится въ нѣкоторомъ патологическомъ со-
стояніи. Правда, г. Сикорскій рѣшительно
отрицаетъ подавленность сознанія и воли въ
чтецѣ мыслей, но, во-первыхъ, онъ дѣлаетъ это
безъ достаточнаго основанія, а во-вторыхъ,
для тѣхъ, кто, какъ, напримѣръ, г. Тархановъ,
до извѣстной степени признаетъ патологиче-
ское состояніе чтеца, опыты г. Сикорскаго не
имѣютъ никакого значенія. А между тѣмъ г.
Тархановъ сочувственно цитируетъ г. Сикор-
скаго въ качествѣ единомышленника. Это,
очевидно, простое недоразумѣніе. Оба назван-
ные ученые едино мыслятъ лишь въ томъ об-
щемъ и элементарномъ смыслѣ, что одина-
ково ищутъ научнаго объясненія для «чтенія
мыслей». Но одинъ видитъ въ этомъ чтеніи
просто фокусъ, то-есть достигаемое отчасти
ловкостью и навыкомъ, отчасти исключи-
тельными способностями умѣнье, а другой
готовъ признать въ изучаемыхъ фактахъ
одно изъ явленій патологической магіи, ре-
зультатъ нѣкотораго анормальнаго состоя-
нія нервной системы. Но ни г. Тархановъ,
ни стоящій на той же почвѣ г. Чирьевъ
не проводятъ своей точки зрѣнія до ея логи-
ческаго конца. Горя похвальнымъ желаніемъ
отстоять интересы и достоинство науки, они
впадаютъ въ обличительный тонъ, на что, ко-
нечно, имѣютъ полное право. Всякая вещь
должна называться своимъ именемъ, въ томъ

правильная функція организма становится невозможной,—она дѣлается болѣзненной».

Мы подчеркнули слова г. Спиро: *по моему мнѣнію*. Это отнюдь не личное мнѣніе почтеннаго одесскаго ученаго, ибо, какъ мы видѣли, къ нему приходили всѣ серьезные и самостоятельные изслѣдователи гипнотическихъ явленій, а Брэдъ и Гейденгайнъ даже весьма точно его формулировали. И это обстоятельство способно, конечно, придать только вѣсъ мнѣнію г. Спиро. Во всякомъ случаѣ, принимая въ соображеніе, что гг. Тархановъ и Чирьевъ, равно какъ и многіе другіе, признаютъ состояніе чтеца близкимъ къ гипнотическому; принимая далѣе въ соображеніе всю совокупность вышеизложенныхъ фактовъ, касающихся подражательныхъ формъ нервнаго разстройства,—мы можемъ, кажется, съ большою вѣроятностью придти къ слѣдующему заключенію: чтецъ, строго говоря, не улавливаетъ психо-моторныхъ движеній индуктора и тѣмъ паче не истолковываетъ ихъ; онъ ихъ совершенно пассивно воспринимаетъ и повторяетъ, и все искусство профессіональнаго чтеца состоитъ въ умѣньи приводить себя въ состояніе, наиболѣе пригодное для такого акта безсознательнаго и невольнаго подражанія. Съ этой точки зрѣнія чтецъ и индукторъ въ моментъ опыта находятся во власти одного и того же физіологическаго закона, хотя соотвѣтственный процессъ идетъ у одного изъ нихъ въ направленіи, обратномъ тому, въ которомъ онъ происходитъ у другого. Чтецъ и индукторъ представляютъ какъ бы одно цѣлое, въ которомъ свободно бѣжитъ токъ подражанія,—да простится намъ это фигуральное и, конечно, не точное выраженіе. Все явленіе въ цѣломъ имѣетъ такой видъ: индукторъ задумываетъ, положимъ, фигуру треугольника; такъ какъ, по условію опыта, онъ обязанъ думать о треугольникѣ сосредоточенно и исключительно, отгоняя отъ себя всякія другія представленія и постороннія впечатлѣнія, то воля его въ большей или меньшей степени утрачиваетъ свой властный контроль надъ мышечными движеніями; онъ невольно и безсознательно чертитъ рукой образъ треугольника, всецѣло овладѣвшій его вниманіемъ: чтецъ столь же невольно и безсознательно повторяетъ эти психо-моторныя движенія, каковыя передаются извѣстными путями его головному мозгу, гдѣ и слагаются въ представленіе треугольника,—чтецъ прочиталъ мысль индуктора. Мысль, представленіе треугольника, какъ бы бѣжитъ по чувствительно-двигательному аппарату индуктора до чувствительно-двигательнаго аппарата чтеца и затѣмъ поднимается до головного мозга послѣдняго. Что эта вторая половина процесса дѣйствительно имѣетъ мѣсто, объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ опытамъ съ настоящими гипнотиками. Если вы сожмете руку гипнотика въ кулакъ или сложите его ладони какъ бы для молитвы, то это простое сокращеніе мышцъ руки передается его мозгу, вызоветъ тамъ соотвѣтственныя представленія, и вся его фигура приметъ отпечатокъ сильнаго гнѣва или молитвеннаго настроенія. Такимъ образомъ, если представленія, мысли, психическія состоянія выражаются сокращеніями мышцъ, то и обратно, сокращенія мышцъ способны вызывать строго соотвѣтственныя имъ представленія, мысли, психическія состоянія. И вотъ эти-то два противоположные по направленію процесса и связываютъ мысль индуктора съ мыслью чтеца, безъ всякаго участія воли и даже, напротивъ того, при условіи ослабленія воли какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Объясняемое такимъ образомъ чтеніе мыслей занимаетъ свое мѣсто въ обширномъ кругѣ явленій патологической магіи, на ряду съ омеряченьемъ, latah, стигматизаціей, внушеніемъ, очарованіемъ, психической заразой и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ общемъ весьма мало изученныхъ и даже слабо намѣченныхъ для изслѣдованія, мы имѣемъ таинственное на первый взглядъ вліяніе одного существа (реальнаго или, какъ въ стигматизаціи, воображаемаго) на другое; вліяніе это обусловливается патологическимъ состояніемъ организма, и именно большею или меньшею степенью помраченія сознанія и ослабленія воли. Простѣйшимъ и вмѣстѣ поразительнѣйшимъ примѣромъ этого вліянія можетъ служить группа явленій покровительственной окраски и вообще мимицизма у животныхъ, группа, о которой мы достаточно говорили въ «Герояхъ и толпѣ» и о которой, къ сожалѣнію, никогда не говорятъ наши физіологи, занятые разъясненіемъ таинственностей и чудодѣйствъ. Какъ малайская женщина, больная latah, не можетъ не раздѣваться при видѣ раздѣвающагося, не подражать ему, несмотря на протестующіе остатки сознанія, такъ бабочки лепталисы не могутъ не подражать геликонидамъ, не одѣваться, такъ сказать, въ ихъ платье; такъ заяцъ не можетъ не бѣлѣть зимой на бѣломъ снѣгу, такъ чтецъ мыслей не можетъ не повторять психо-моторныхъ движеній индуктора, и т. д., и т. д. Все это—явленія чистаго подражанія. Къ нимъ примыкаютъ факты безсознательнаго повиновенія и невольной покорности, въ основаніи которыхъ лежитъ тотъ же принципъ. Когда американскій гимнастъ, больной jumping'омъ, получивъ приказаніе сдѣлать ненужный и безсмысленный прыжокъ, дѣйствительно его дѣлаетъ, въ его мозгу съ такою яркостью загорается представленіе прыгающаго человѣка, что онъ не можетъ ему не подражать. Вообще повиновеніе этого рода,

средственнымъ давленіемъ гипнотическихъ опытовъ, цѣлая теорія не безызвѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Дю-Прелемъ («Die Philosophie der Mystik, 1885 г.).

Дю-Прель утверждаетъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ различныхъ между собою, хотя и слитыхъ воедино субъектовъ,—эмпирическаго и трансцендентальнаго, изъ которыхъ каждый обладаетъ особымъ, типическимъ, отличнымъ отъ другого сознаніемъ. Эмпирическое сознаніе руководствуется докладами органовъ чувствъ и имѣетъ свое сѣдалище въ мозгу. Это—то самое сознаніе, которое преимущественно работаетъ при обыкновенномъ, нормальномъ состояніи человѣка. При помощи его мы познаемъ эмпирическую, чувственную сторону вещей медленнымъ и труднымъ путемъ опыта и наблюденія, дѣлаемъ открытія и впадаемъ въ заблужденія, исправляемъ ихъ и вновь заблуждаемся. Но какъ только по какимъ-нибудь обстоятельствамъ эмпирическій субъектъ съ своимъ эмпирическимъ сознаніемъ въ насъ временно замираетъ, такъ выступаютъ на первый планъ трансцендентальный субъектъ и трансцендентальное сознаніе, которое, впрочемъ, и въ нормальномъ состояніи человѣка не совершенно бездѣйствуетъ. Этотъ субъектъ и это сознаніе не нуждаются ни въ какихъ органахъ чувствъ; они состоятъ въ непосредственномъ общеніи съ самою сущностью вещей. Чувственный субъектъ даже не подозрѣваетъ, что во всѣхъ сферахъ умственной, нравственной, художественной дѣятельности ему даетъ толчки въ извѣстномъ направленіи этотъ могучій и таинственный, сплетенный съ нимъ неразрывною связью сосѣдъ. Zwei Seelen wohnen in der Brust не одного Фауста, это—тайна человѣческой природы вообще. Безсознательно для ограниченнаго эмпирическаго субъекта, субъектъ трансцендентальный внѣдряетъ въ него въ свѣтлыя минуты истину, добро, красоту, приподнимаетъ для него таинственное покрывало Изиды и озаряетъ лучами высокаго художественнаго творчества. Такую высшую форму душевной жизни человѣкъ переживаетъ въ состояніяхъ обыкновеннаго сна, сомнамбулизма и его видоизмѣненія—гипнотизма. Въ этихъ состояніяхъ человѣкъ прозрѣваетъ истинную и всестороннюю связь вещей, скрытую отъ глазъ, ушей и проч., равно какъ и отъ логической способности эмпирическаго субъекта.—Эти свои фантастическія положенія Дю-Прель развиваетъ въ толстомъ томѣ «Философіи мистики», уснащая его многочисленными и якобы фактическими свидѣтельствами изъ богатой литературы вѣщихъ сновъ, сомнамбулическихъ предсказаній, изреченій и проч. Эволюціонисты могли бы наговорить много остроумныхъ вещей на ту тему, что какъ гипнотическое состояніе есть возрожденіе низшихъ ступеней психической жизни, такъ и «философія мистики» Дю-Преля есть возрожденіе первобытныхъ взглядовъ на психическую жизнь. Дѣйствительно, всѣ древніе, равно какъ и современные, дикари смотрѣли и смотрятъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ на особыя, высшія существа, на людей, психически разстроенныхъ вообще, и въ частности на людей, находящихся въ состояніи, подобномъ гипнотическому; равнымъ образомъ, всѣ они придавали и придаютъ пророческое значеніе сновидѣніямъ. Мало того. Исторія и этнографія накопили множество данныхъ относительно тѣхъ искуственныхъ мѣръ и пріемовъ, при помощи которыхъ люди достигали и достигаютъ, говоря языкомъ Дю-Преля, подавленія эмпирическаго сознанія и вызова къ дѣятельности сознанія трансцендентальнаго. Мы уже упоминали вскользь о нѣкоторыхъ изъ этихъ искусственныхъ мѣръ, пускаемыхъ въ ходъ для проникновенія въ будущее и въ міръ невидимыхъ вещей вообще, равно какъ и для магическаго воздѣйствія на внѣшній міръ.

Таковъ прежде всего пріемъ упорнаго и сосредоточеннаго созерцанія какого-нибудь предмета, что возводитъ, какъ намъ уже извѣстно, субъекта на ту или другую ступень развитія гипноза. У многихъ народовъ мѣрѣ этой предшествуютъ продолжительное воздержаніе отъ пищи и половыхъ сношеній, удаленіе въ пустыню, всякаго рода аскетическія упражненія и самоистязанія, достигающія почти невѣроятной жестокости. И вотъ, когда всѣмъ этимъ чувственный, эмпирическій субъектъ до послѣдней возможной степени заморенъ, трансцендентальный субъектъ выступаетъ на первый планъ и сообщаетъ человѣку такое могущество, что онъ, по мнѣнію индусовъ, становится выше самихъ боговъ и можетъ повелѣвать ими. Въ дѣйствительности факиръ или іогинъ, такъ наивно-дерзко поднимающійся, и по собственному мнѣнію, и по мнѣнію окружающихъ, на недосягаемую высоту знанія и могущества, есть не болѣе, какъ гипнотикъ, доведенный страшною скудостью и однообразіемъ впечатлѣній до помраченія сознанія и воли. Цитируемый Тайлоромъ Добрицгофферъ разсказываетъ о колдунахъ у абипоновъ: «Претенденты на званіе кудесника должны влѣзть на старую иву, свѣшивающуюся надъ какимъ-нибудь озеромъ, и воздерживаться отъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока не начнутъ прозрѣвать будущее. Мнѣ всегда казалось, что эти плуты начинаютъ страдать отъ долгаго поста умственнымъ ослабленіемъ, головокруженіями и родомъ бреда, заставляющимъ ихъ воображать, что они одарены высшею мудростью, и

жденіемъ, она, напротивъ того, составляла результатъ разсужденія и связывалась сотнями нитей со всѣмъ строемъ тогдашней мысли.

Этотъ-то древній строй мысли и пытается возстановить Дю-Прель своей теоріей двухъ сознаній. Попытка эта не имѣетъ, конечно, никакихъ шансовъ на успѣхъ. Было бы, однако, простымъ, ни къ чему не ведущимъ празднословіемъ трактовать ее лишь какъ возрожденіе древнихъ вѣрованій. Это во всякомъ случаѣ попытка оріентироваться въ массѣ фактовъ, правда, далеко не всегда критически провѣренныхъ, но вѣдь не сплошь же выдуманныхъ злонамѣренно или созданныхъ добросовѣстно, но пылкою фантазіей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы высоко мы ни поднялись надъ уровнемъ первобытнаго міросозерцанія, только крайне ослѣпленное самодовольство можетъ даже не останавливаться надъ вопросомъ: нѣтъ ли какого-нибудь зерна фактической правды въ вѣрованіяхъ, столь распространенныхъ и притомъ самостоятельно возникавшихъ въ разныя времена и въ разныхъ углахъ земного шара? Пусть первобытный человѣкъ невѣжественъ и легковѣренъ. пусть мысль, не дисциплинированная наукой, слѣпа и вмѣстѣ необуздана, пусть выдвигаемыя ею для объясненія фактовъ теоріи ребячески фантастичны и имѣютъ для насъ только цѣну историческихъ памятниковъ въ родѣ каменныхъ ножей и бронзовыхъ мечей; все это такъ, но упомянутые способы одуренія имѣютъ въ виду практическія цѣли, а практика необходимо ведетъ за собой провѣрку того положенія, на которомъ она основана. Мы можемъ, разумѣется, съ полною увѣренностью отвергнуть мнѣніе Дю-Преля и всѣхъ дикарей, будто состояніе омраченнаго тѣмъ или другимъ способомъ сознанія поднимаетъ человѣка на какую-то высшую ступень. Но, независимо отъ квалификаціи этого состоянія, оставляя оцѣнку его, какъ высшаго или низшаго, совсѣмъ въ сторонѣ, трудно допустить, чтобы цѣлые народы и цѣлые вѣка рѣшительно и грубо заблуждались, ожидая отъ своихъ одуренныхъ чудодѣевъ такихъ проявленій духа, которыя немыслимы въ нормальномъ состояніи. Какіе-нибудь дикіе мундрукусы ошибаются, вѣря, что ихъ духовидецъ побывалъ гдѣ-то внѣ чувственнаго міра и оттуда принесъ имъ нужныя для нихъ свѣдѣнія, но свѣдѣнія-то онъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принесъ; и если дѣйствительно принесъ, то надо доискаться, откуда и какимъ путемъ онъ ихъ получилъ. Конечно, здѣсь имѣется еще обширное поле для всякаго рода обмановъ и чисто случайныхъ совпаденій, но мудрено себѣ представить, чтобы такъ-таки ничего, кромѣ обмановъ и случайныхъ совпаденій, не было въ основаніи вѣрованій, встрѣчаемыхъ и у американскихъ индѣйцевъ, и у древнихъ грековъ, и у самоѣдовъ, и у африканскихъ негровъ, и у древнихъ галловъ, и у новозеландскихъ дикарей и проч. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ, съ которымъ въ интересахъ самой науки неудобно кончать голымъ отрицаніемъ, какъ бы ни были нелѣпы вѣрованія и теоріи, выставляемыя для объясненія фактовъ. Умбиликанъ, досмотрѣвшійся на свой собственный пупокъ до полнаго умопомраченія, ошибался, полагая, что онъ тѣмъ самымъ поднялся на высшую ступень совершенства и общенія съ божествомъ. Ошибается и Дю-Прель, утверждая, что во снѣ, сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ человѣкъ развертываетъ какое-то трансцендентальное сознаніе, обнимающее и чувственный, и сверхчувственный міръ, но изъ этого только то и слѣдуетъ, что онъ ошибается, частью безъ критики принимаетъ факты, а частью невѣрно ихъ толкуетъ и обосновываетъ.

Мы уже видѣли, что гипнотикъ, совершенно недоступный болевымъ ощущеніямъ,— его можно рѣзать, жечь, колоть, — вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно воспріимчивъ къ слабымъ раздраженіямъ. Образчикомъ этой ненормально повышенной воспріимчивости органовъ чувствъ можетъ служить вышеприведенный опытъ Брэда съ обоняніемъ. Но не одно обоняніе достигаетъ такой утонченности при гипнозѣ: слухъ, осязаніе, зрѣніе, мышечное чувство точно такъ же доходятъ у гипнотика до такой степени тонкости, какая совершенно недоступна нормальному человѣку. На этой повышенной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ основаны и удивительныя эквилибристическія упражненія сомнамбулъ, которые счастливо минуютъ опасности, неизбѣжно гибельныя для нормальнаго, бодрствующаго человѣка, если бы онъ рѣшился продѣлать то, что совершенно спокойно и увѣренно дѣлаетъ лунатикъ. Уже этихъ двухъ обстоятельствъ, — анестезіи, съ одной стороны, и повышенной воспріимчивости—съ другой,—достаточно для объясненія многихъ изъ чудодѣйствъ, относимыхъ Дю-Прелемъ на счетъ трансцендентальнаго сознанія. Индусскій факиръ, напримѣръ, доведя себя упорнымъ созерцаніемъ какой-нибудь точки въ пространствѣ до умопомраченія, можетъ претерпѣвать жесточайшія самоистязанія, не чувствуя при этомъ никакой боли; но можетъ также видѣть, осязать, обонять, слышать, вообще воспринимать такія впечатлѣнія, которыя недоступны никакому изъ окружающихъ его нормальныхъ людей. Въ его распоряженіи, значитъ, есть такія средства познанія вещей, которыя, отнюдь не

ныхъ безсознательно, о трудныхъ задачахъ, не поддававшихся бодрствующему сознанію и разрѣшенныхъ въ бреду или въ состояніи, близкомъ къ сомнамбулическому. И многіе изъ этихъ разсказовъ вполнѣ достовѣрны. Мимоходомъ сказать, на подобныхъ матеріалахъ частью основываются параллели между геніемъ и сумасшествіемъ. Мы не можемъ касаться здѣсь этого сложнаго вопроса и отмѣтимъ только одинъ пунктъ пресловутой параллели. И геній, и сумасшедшій усматриваютъ сходство или даже тождество тамъ, гдѣ никто этого сходства до нихъ не усматривалъ. Поприщинъ усмотрѣлъ сходство между Испаніей и Китаемъ, такъ что, по его словамъ, если написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Ньютонъ усмотрѣлъ сходство между яблокомъ, падающимъ на землю, и землею, обращающеюся вокругъ солнца. До Поприщина и Ньютона никто этихъ сопоставленій не дѣлалъ, но сопоставленіе сумасшедшаго пропадаетъ втунѣ, а сопоставленіе генія ложится въ основаніе науки, и въ этомъ, кажется, достаточная разница между геніемъ и сумасшествіемъ. Безспорно, однако, что работа генія — художественнаго, научнаго, философскаго, практическаго — отнюдь не сплошь идетъ при свѣтѣ вполнѣ бодрствующаго сознанія. Повидимому, работа эта идетъ въ общихъ чертахъ такъ: мысль сознательно и подъ давленіемъ опредѣленнаго волевого импульса направляется на извѣстный планъ и разрабатываетъ его; но по происшествіи нѣкотораго времени въ работу врывается быстрая, кипучая волна автоматизма, вызывающаго памятью изъ нѣдръ сознательно и безсознательно усвоенныхъ фактовъ подходящіе элементы и комбинирующаго ихъ воображеніемъ въ стройное цѣлое; на это время сознаніе какъ бы удаляется, воля бездѣйствуетъ, образы и идеи самостоятельно текутъ и группируются, повинуясь лишь собственнымъ механическимъ законамъ ассоціаціи. Затѣмъ сознаніе и воля опять вступаютъ въ свои права и кладутъ на работу послѣдніе штрихи, но періодъ безсознательнаго, автоматическаго творчества, повидимому, необходимъ, и вотъ почему труднѣйшія части работы дѣйствительно могутъ совпадать съ моментами алкоголическаго возбужденія или другихъ видовъ помраченнаго сознанія, даже просто сна. «Есть сильное основаніе думать, — говоритъ Карпентеръ, — что лучшими своими сужденіями умъ нашъ часто, особенно въ трудныхъ случаяхъ, бываетъ обязанъ безсознательнымъ выводамъ, разрѣшающимъ всѣ затрудненія въ то время, когда (послѣ предварительнаго внимательнаго разсмотрѣнія) вопросъ бывалъ предоставленъ самому себѣ». Вотъ это-то «предоставленіе вопроса самому себѣ» и составляетъ истинную задачу тѣхъ разнообразныхъ пріемовъ устраненія контроля сознанія и воли, которые практикуются кудесниками, духовидцами, чудодѣями всѣхъ странъ и народовъ. Всякому, «кто жилъ и мыслилъ», случалось, безъ сомнѣнія, испытывать борьбу бодрствующаго сознанія съ внутренними безсознательными голосами, идущими, безъ сомнѣнія, изъ того же «эмпирическаго субъекта» и составляющими результатъ безсознательныхъ наблюденій. Эти внутренніе голоса толкаютъ насъ въ ту или другую сторону въ видѣ предчувствій; предчувствіе сложилось на основаніи наблюденій и впечатлѣній, не дошедшихъ до порога сознанія, безъ контроля сознанія, такъ сказать, въ его отсутствіе. Поэтому сознаніе протестуетъ противъ предчувствія и часто ошибается и заставляетъ человѣка принять рѣшеніе, не соотвѣтственное его интересамъ и истинному положенію вещей, хотя это положеніе вещей и было уловлено его чувствами, только безсознательно. Если бы на время рѣшенія сознаніе было какимъ-нибудь способомъ заглушено, то рѣшеніе было бы, можетъ быть, гораздо правильнѣе. Едва ли нужно распространяться о томъ, что бываютъ предчувствія ложныя, и что отнюдь не каждый человѣкъ можетъ, безъ вреда для себя и для другихъ, полагаться на внутренніе безсознательные голоса въ ущербъ голосу сознанія. Мы только хотимъ объяснить себѣ, какимъ образомъ помраченное сознаніе разныхъ чудодѣевъ можетъ не только не мѣшать правильнымъ предчувствіямъ, предвидѣніямъ и предсказаніямъ, а даже обусловливать собою эту правильность. Если прибавить къ этому отмѣченную выше усиленную воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, то получится, кажется, достаточно полное объясненіе тѣхъ случаевъ, когда шаманы, факиры, ясновидящіе, кудесники открывали не только безъ фантастическаго трансцендентальнаго, а и безъ всякаго сознанія, истину, недоступную проницательности обыкновенныхъ людей.

Послѣ всего этого уже не покажется удивительною возможность дѣйствительно вѣщихъ сновъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ, хорошо констатированныхъ случаяхъ, когда люди видѣли во снѣ окончаніе работы, начатой днемъ: здѣсь автоматическая дѣятельность мозга, не отвлекаемая никакими внѣшними впечатлѣніями, дѣйствительно доканчиваетъ дневную работу, давшую уже всему механизму извѣстный толчокъ. Но сны могутъ имѣть характеръ въ самомъ дѣлѣ пророческихъ, хотя пророчество состоитъ и въ этомъ случаѣ лишь въ комбинированіи все тѣхъ же данныхъ безсознательнаго опыта и, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ есть проро-

кихъ головахъ или съ двойнымъ числомъ конечностей мы встрѣчаемъ то же самое затрудненіе. Жофруа Сентъ-Илеръ говоритъ, что съ анатомической и физіологической точки зрѣнія двойной уродъ всегда больше одного индивидуума и меньше двухъ. Сколько же?

Говоря о сіамскихъ близнецахъ, можно вспомнить тѣ приводимые Труссо и Гальтономъ загадочные, но достовѣрные случаи, когда нормальные, свободные близнецы, будучи въ различныхъ пунктахъ, на разстояніи многихъ сотенъ верстъ другъ отъ друга, въ одно и то же время заболѣвали одною и тою же болѣзнью, причемъ каждый изъ нихъ угадывалъ по себѣ, чѣмъ другой боленъ, а слѣдовательно, они до извѣстной степени жили одною, общею жизнью. Съ другой стороны, извѣстны патологическіе случаи—такъ называемое раздвоеніе личности, когда въ одномъ недѣлимомъ какъ бы живетъ два и болѣе. Далѣе, въ безрукихъ, безногихъ, скопцахъ и т. п. мы имѣемъ фактъ дробленія, который не мѣшаетъ видѣть въ этихъ калѣкахъ индивидовъ. Справедливо, однако, замѣчаетъ Прейеръ: «Случалось, что человѣкъ оставался живъ послѣ ампутаціи обѣихъ рукъ и ногъ, но конечности все-таки необходимы для сохраненія жизни, потому что въ такихъ случаяхъ человѣкъ могъ оставаться въ живыхъ, только пользуясь руками и ногами другихъ людей». (Ueber die Erforschung des Lebens, Jena, 1873).

Но оставимъ случаи загадочные и патологическіе, которые, въ качествѣ исключеній, развѣ очень немногихъ заставятъ призадуматься надъ вопросомъ объ единомъ и многомъ, о цѣломъ и части, да, наконецъ, можетъ быть, и дѣйствительно не стоило бы ради нихъ тревожить индивидуальности. Вообще говоря, высшіе представители животнаго царства, попадающіеся намъ на глаза наиболѣе часто и долго, еще не очень давно поглощавшіе исключительное вниманіе даже людей науки—зоологовъ, являются очень опредѣленными конкретными недѣлимыми, не могущими возбудить относительно своей индивидуальности ни малѣйшаго сомнѣнія. Понятія объ индивидѣ какъ просто образованныхъ людей, такъ и спеціалистовъ-зоологовъ до сравнительно недавняго времени суть обобщенія впечатлѣній, производимыхъ на насъ именно высшими формами животной жизни. И потому проблема единаго и многаго, цѣлаго и части, представилась для животнаго міра только со времени утвержденія клѣточной теоріи и ближайшаго ознакомленія съ организаціей низшихъ представителей животной жизни.

Иное дѣло съ растительнымъ царствомъ. По обыкновенному ходячему воззрѣнію, всякое дерево, всякій кустъ, словомъ, всякое отдѣльно взятое растеніе со всѣми своими вѣтвями, листьями, почками, цвѣтками есть недѣлимое, единица и вмѣстѣ цѣлое. И, дѣйствительно, напримѣръ, дерево представляетъ собой нѣкоторое конкретное, замкнутое, способное къ самостоятельной жизни и къ продолженію своего вида цѣлое, повидимому, совершенно подобное замкнутымъ единицамъ высшихъ слоевъ животнаго міра. Но, напримѣръ, корни деревьевъ сростаются подъ землей и образуютъ сѣть, которая до извѣстной степени позволяетъ смотрѣть на цѣлый лѣсъ, какъ на единое, индивидъ, причемъ отдѣльныя деревья будутъ его частями. Правда, мы можемъ срубить любое изъ этихъ деревьевъ, не потревоживъ остальной рощи. Но вѣдь и отъ отдѣльнаго дерева можно отнять вѣтви, не мѣшая жить и расти цѣлому. Мало того, можно эти срубленныя вѣтви посадить и онѣ пустятъ корень и дадутъ новое цѣлое растеніе. Можно привить одно растеніе къ другому, даже другого вида. Нѣкоторыя растенія распространяются побѣгами, изъ которыхъ каждый даетъ начало новому индивиду, хотя и невозможно съ точностью опредѣлить, гдѣ кончается старый индивидъ и гдѣ начинается новый. Эта неопредѣленность индивидуальности растеній обратила на себя вниманіе уже Аристотеля, который призналъ необходимымъ считать индивидомъ каждую почку съ соотвѣтствующей ей осью. Каждая такая ось, будучи отдѣлена отъ цѣлаго растенія, можетъ вести самостоятельную жизнь и, слѣдовательно, имѣть полное право на титулъ индивидуальности. Это воззрѣніе, развитое Линнеемъ, Гете и другими, принимается и теперь. Но оно встрѣчаетъ затрудненія при опредѣленіи индивидуальности нѣкоторыхъ низшихъ растеній, вслѣдствіе чего предложены были другія понятія о растительномъ недѣлимомъ. Одни, опираясь на изслѣдованія Гете о метаморфозѣ растеній, видѣли недѣлимое въ листѣ, вслѣдствіе чего все растеніе оказалось бы, такъ сказать, колоніей листьевъ, а стеблевыя образованія не болѣе какъ скученными нижними частями листьевъ. Другіе, напротивъ того, приписывали индивидуальность стеблевымъ образованіямъ, видя въ листьяхъ ихъ модификацію.

Въ этихъ теоріяхъ имѣлась главнымъ образомъ въ виду способность той или другой части растенія, принимаемой за недѣлимое, при извѣстныхъ условіяхъ вести самостоятельную жизнь и поддерживать существованіе вида. Но если мы обратимъ вниманіе, напримѣръ, на такой фактъ, что листъ бегоніи, будучи разрѣзанъ на множество частей, даетъ при благопріятныхъ условіяхъ столько же цѣлыхъ самостоятельныхъ растеній, то станетъ очевиднымъ, что листъ—органъ, по однимъ воззрѣніямъ, и недѣлимое, по мнѣнію другихъ—самъ представляетъ собою «многое», аггрегатъ

тунисскій фернтандсменшъ. Тутъ-же есть и тунисскіе гефюльсменши, которые въ живомъ видѣ подаютъ, вѣроятно, бею трубку, пекутъ миндальные пирожки, расшиваютъ золотомъ чепраки и сѣдла и подставляютъ, не знаю, спину или пятки для палочныхъ ударовъ. Въ турецкомъ отдѣлѣ есть довольно некрасиваго фасона золоченый экипажъ, въ которомъ сидитъ модель жены турецкаго ферштандсменша и т. п. Въ европейскихъ отдѣлахъ подобныхъ моделей, конечно, нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ манекеновъ въ колоніальныхъ отдѣлахъ выставки. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всенивеллирующая мода задаетъ тонъ, въ противоположность національности, не мѣсту, а времени. Но, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ національныхъ костюмовъ, вы, подвигаясь къ западу, можете наблюдать постепенное исчезновеніе и всякихъ другихъ національныхъ особенностей. Напримѣръ, нѣкоторыя русскія серебряныя издѣлія, по справедливому замѣчанію вышеупомянутаго нѣмца, еще сохраняютъ извѣстный своеобразный, національный отпечатокъ, но въ болѣе западныхъ отдѣлахъ искать его будетъ все труднѣе и труднѣе, хотя окончательное его исчезновеніе можно наблюдать далеко не на всякаго рода продуктахъ.

Причину или, по крайней мѣрѣ, одну изъ главныхъ причинъ этого явленія узнать очень не трудно. Вы увидите ее съ перваго взгляда, если вы знатокъ, сличивъ, напримѣръ, какую-нибудь бумажную или шерстяную ткань, которая украшаетъ модель тунисскаго бея, съ таковою же матеріею, висящею въ витринѣ, напримѣръ, австрійскаго фабриканта Либиха. Для знатока сравненіе восточныхъ тканей, въ числѣ которыхъ есть превосходныя, съ западными вообще поучительно. Но я не знатокъ и потому поведу васъ совсѣмъ вонъ изъ дворца промышленности въ расположенный параллельно ему механическій отдѣлъ. Это огромная галлерея, длиною безъ малаго въ версту, въ которой свистятъ, шумятъ и щелкаютъ различныя машины. Въ этомъ отдѣленіи выставки Востока нѣтъ вовсе, все Западъ. Оканчивается оно Россіей. Да и то при взглядѣ на русскій механическій отдѣлъ, въ которомъ, между прочимъ, стоятъ экипажи,—потому-ли, что для русскихъ экипажей нѣтъ мѣста, или потому, что для русскаго механическаго отдѣла русскихъ машинъ не хватало—не знаю,—при взглядѣ, говорю, на русскій механическій отдѣлъ вспоминаются слова поэта:

Вы зачѣмъ здѣсь, несчастныя дѣти!?

Итакъ, здѣсь нѣтъ Востока. Ткань, изъ которой сшиты шаровары великолѣпнаго тунисскаго ферштандсменша, изготовлена самымъ первобытнымъ способомъ, прямо руками тунисскаго гефюльсменша на какомъ-нибудь грубѣйшемъ станкѣ, сколоченномъ изъ деревянныхъ палокъ. Тогда какъ на фабрикахъ барона Либиха дѣйствуетъ множество водяныхъ колесъ, турбинъ и паровыхъ машинъ, дающихъ 1,830 лошадиныхъ силъ; работниковъ у него 6,300 человѣкъ; газу онъ у себя на фабрикахъ ожигаетъ въ годъ 6.000,000 куб. футовъ, податей платитъ 140,000 гульденовъ. Почтенныя цифры! Я понимаю, что баронъ Либихъ отказался отъ предложеннаго ему пожизненнаго званія члена палаты господъ. Я понимаю также, что знаменитый Круппъ, который блистаетъ и на вѣнской всемірной выставкѣ, какъ блисталъ на предыдущихъ, и который располагаетъ цифрами, еще болѣе почтенными, чѣмъ баронъ Либихъ, отказался отъ предложеннаго ему въ 1864 году прусскаго дворянскаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ оно человѣку съ такими цифрами? Зачѣмъ ему, представителю, одному изъ воплощеній новыхъ боговъ, надѣвать на себя ветхую хламиду старыхъ боговъ? Впрочемъ, это мимоходомъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ подвернулось нужное слово: старые боги и новые боги—вотъ чего слѣдуетъ искать на всемірной выставкѣ, кромѣ сотрудничества ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Надъ палаткой тунисскаго бея, въ складкахъ его шароваръ, въ миндальномъ печеньи, стоящемъ передъ нимъ, витаютъ старые боги. Машинное отдѣленіе есть храмъ новыхъ боговъ. И то простое обстоятельство, что шаровары великолѣпнаго бея сшиты изъ матеріи, вытканной чуть не голыми руками тунисскаго гефюльсменша, а матеріи барона Либиха изготовлены при помощи великолѣпныхъ машинъ Platt и K°,—это простое обстоятельство указываетъ на одно изъ существеннѣйшихъ различій между старыми и новыми богами. Тунисскій гефюльсменшъ вложилъ въ свой продуктъ непосредственно свой личный талантъ, свой глазомѣръ, свою фантазію, свою физическую силу. Но что такое личный талантъ, личныя фантазіи, лич ный глазомѣръ тунисскаго человѣка? Эт національный талантъ, національная фант зія, осмѣливаюсь даже сказать, національ ный глазомѣръ. Какъ ни странно на перв взглядъ это выраженіе, но оно вѣрно. К видѣлъ, напримѣръ, снимки съ рисунко древнихъ египтянъ,—а кто ихъ не видѣлъ? тотъ знаетъ, что глазомѣръ можетъ бы національнымъ. Въ созданіи матеріи баро Либиха или всякаго другого европейска фабриканта личныя свойства гефюльсменш напротивъ, не принимаютъ, можно сказат никакого участія, особенно съ тѣхъ пор какъ самыя машины приготовляются пр посредствѣ машинъ. Поэтому если бы да

фантазіи древнихъ, тѣ самые гефюльсменши, облегченіе труда которыхъ составляетъ, повидимому, цѣль машинъ, возстаютъ противъ этихъ новыхъ благодѣтельныхъ боговъ, возстаютъ со всею страстностью и необузданностью голоднаго звѣря. Позволю себѣ напомнить вамъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи машиннаго дѣла. Въ механическомъ отдѣлѣ публичнаго отчета цивилизаціи воспоминанія эти какъ нельзя болѣе умѣстны. Еще въ началѣ XVI вѣка въ Данцигѣ было изобрѣтено нѣкоторое подобіе теперешней ткацкой машины. Но городской совѣтъ запретилъ ея употребленіе и даже, разсказываютъ, велѣлъ удушить или утопить изобрѣтателя. Лѣтъ черезъ сто такая же машина была пущена въ ходъ въ Лейденѣ, но противъ нея возстали ткачи, требуя ея уничтоженія. Ткацкая же машина произвела возстанія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Кельнѣ, въ Гамбургѣ, въ Англіи, и въ Гамбургѣ, напримѣръ, разъяренные гефюльсменши добились того, что ихъ благодѣтельница и освободительница была публично сожжена. Въ первыхъ годахъ нашего вѣка изобрѣтеніе и введеніе парового ткацкаго станка вызвало чуть не во всей Англіи грозное движеніе: ткачи жгли и ломали машины. Мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести многое въ этихъ удивительныхъ явленіяхъ на счетъ грубости и невѣжества гефюльсменшовъ. Но все-таки такая безсмысленная, черная неблагодарность немыслима, если на солнцѣ новаго божества нѣтъ болѣе или менѣе крупныхъ пятенъ. Должны же были у свирѣпыхъ гефюльсменшовъ быть какіе-нибудь, положимъ, грубые, эгоистическіе, но все-таки резонные и вполнѣ реальные мотивы. А мотивы были слѣдующіе. Данцигскій городской совѣтъ запретилъ употребленіе ткацкой машины и утопилъ ея изобрѣтателя въ тѣхъ видахъ, что машина можетъ пустить массу ткачей по міру, отнявъ у нихъ работу. Введеніе въ Англіи машины для стрижки шерсти отняло работу у 100,000 человѣкъ, которые и предавались всякимъ неистовствамъ. Аркрайтова машина для расчески шерсти вызвала протестъ 50,000 рабочихъ, которые до тѣхъ поръ занимались этимъ дѣломъ.

При прежнихъ отношеніяхъ компаніоновъ фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ», при тѣхъ, надъ которыми высились или еще до сихъ поръ высятся старые боги, подобные случаи немыслимы. Возставали гефюльсменши—рабы, крѣпостные или какъ бы они ни назывались—и въ прежнее время и съ еще большею дикостью, но всегда потому, что они были завалены работой. При новыхъ богахъ гефюльсменши возстаютъ, напротивъ, потому, что у нихъ отнимаютъ работу. Старые боги насильно совали въ руки гефюльсменша рабочій инструментъ, новые боги насильно

всѣхъ этихъ, дѣйствительно, прекрасныхъ узо-
ровъ рѣзьбы. Но, господа растопыренные
патріоты, будьте новыми Шамполіонами, дай-
те ключъ къ этимъ іероглифамъ, разскажите,
что бродило въ головѣ и на сердцѣ тѣхъ
древнихъ гефюльсменшовъ, которые впервые
вывели эти хитрые узоры. Быть можетъ,
кнутъ ферштандсменша напрягъ эстетиче-
скую способность гефюльсменша, быть можетъ,
тутъ вырѣзана цѣлая повѣсть о «горѣ-зло-
счастіи», быть можетъ, это вложенный въ кусокъ
дерева заунывный тонъ русской пѣсни, а мо-
жетъ и мечта «лихого человѣка» о лѣсѣ
дремучемъ тутъ засѣла. Впрочемъ, вамъ, мои
растопыренные, не подъ силу разобрать эти
іероглифы, да и никому, должно быть, эта
работа не подъ силу. А вы, вы знаете толь-
ко, что деревянныя постройки съ деревян-
ными украшеніями національны, ибо соот-
вѣтствуютъ нашему лѣсному богатству. На-
блюденіе удивительно тонкое: но мнѣ всегда
казалось, что если маленькій деревянный
домъ лучше большой каменной болѣзни, то
даже маленькій каменный домъ лучше ма-
ленькаго деревяннаго. И право, если ужъ
въ домѣ коммерціи совѣтника И. Ф. Гро-
мова окна съ цѣльными, чуть ли даже не
зеркальными стеклами, то почему бы ему не
быть каменнымъ. Вѣдь національное русское
стекло есть, кажется, слюда, а то такъ и
просто дыра. Если бы въ домѣ коммерціи
совѣтника И. Ф. Громова оставить рѣзьбу
но разбить стекла и кое-гдѣ заткнуть дыры
грязными тряпками, навалить на крышу со
ломы и проч., и проч., то это былъ бы дѣй
ствительно русскій крестьянскій домъ, rus-
sichses Bauernhaus, а теперь это домъ во
лостного старшины идеальной всесословно
волости петербургскихъ дворянъ. Положимъ
что разбитыя стекла, ѣдкій дымъ въ «parad
naya Kommoda», кучи грязи въ «Kladewoya
и проч. неумѣстны на публичномъ отчет
цивилизаціи. Это было бы слишкомъ уж
правдиво. Но все-таки est modus in rebus
Тутъ же въ международной деревнѣ живым
укоромъ русскому красавцу стоитъ, напри
мѣръ, домъ галиційскаго мужика: маленькій
одноэтажный, тоже деревянный, но безъ за
витковъ, съ крошечными окнами, крытъ со
ломой, внутри чисто, но очень бѣдно: го-
лыя деревянныя кровати, прикрытыя гру-
быми одѣялами, на печкѣ и на полкахъ
грубая глиняная посуда, по стѣнамъ лубоч-
ные образа. А воображаю, какова внутрен-
ность русскаго крестьянскаго дома: посуда
должно быть отъ Сазикова или Овчинникова,
но за то въ національномъ стилѣ, мебель
должно быть изумительная, образа въ золо-
ченыхъ ризахъ «съ яхонты и лаллы» и т. п.
Говорю: должно быть, потому что, до сихъ
поръ, по крайней мѣрѣ, въ русскій крестьян-

Она есть ложь, потому что ростъ цивилизаціи совершается viribus unitis не народовъ, а ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ.

Какъ публичный отчетъ цивилизаціи, она есть ложь, потому что скрадываетъ всю тѣневую сторону поступательнаго шествія цивилизаціи.

Она ложь потому, что частности ея нарумянены и подбѣлены до нелѣпости, до постройки, напримѣръ, дворца подъ именемъ мужицкой избы.

Наконецъ, она есть ложь, потому что, по своимъ собственнымъ свойствамъ и по свойствамъ публики, не въ силахъ показать дѣйствительное торжество новыхъ боговъ, со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами.

Правды слѣдуетъ искать не на выставкѣ, не въ зданіяхъ ея, а въ балаганахъ Пратера, на улицѣ, въ ресторанахъ, въ театрѣ. Тамъ вы вездѣ поймете и то, что народы готовы сейчасъ же разодраться, и то, что цивилизацію дѣлаютъ ферштандсменши и гефюльсменши, и взаимныя отношенія этихъ двухъ подвидовъ вида Homo sapiens, и фактическое торжество новыхъ боговъ.

Но прежде, чѣмъ идти туда, гдѣ цвѣтетъ и приноситъ плоды правда, я долженъ сознаться, что сильно забѣжалъ впередъ. Я началъ собственно разсказывать, что я увидѣлъ на выставкѣ въ первый день моего посѣщенія. Но ни въ этотъ день, ни во многіе послѣдующіе на выставкѣ не было ни правды, ни лжи, а были неразкупоренные ящики, надписи: verbotener Eingang, разноязычные крики ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ, расколачиваніе, распаковка, разстановка, вообще нѣчто напоминающее картину г. Айвазовскаго «Сотвореніе міра». Духъ барона Шварца носился надъ этимъ хаосомъ. Усталый отъ ходьбы и тщетныхъ поисковъ публичнаго отчета цивилизаціи, я вышелъ въ паркъ, присѣлъ на стулъ, за что надзирающая за стульями миловидная дѣвица немедленно взыскала съ меня 10 крейцеровъ, и закурилъ папиросу. Сосѣдъ нѣмецъ попросилъ у меня огня, вслѣдствіе чего, какъ водится, завязался разговоръ.

— Позвольте, говорю, спросить, что собственно теперь дѣлаютъ на выставкѣ?

— Man arbeitet.

Нѣмецъ, очевидно, не понялъ моего вопроса. Я объяснилъ ему, что вижу, что гюфельсменши работаютъ, но чѣмъ занимаются посѣтители, ферштандсменши, вотъ, говорю, какъ мы съ вами?

— Man bummelt.

Нѣмецъ былъ не краснорѣчивъ, но кратокъ и ясенъ до послѣдней степени. Man bummelt! Я не догадался, а между тѣмъ дѣло такъ просто и ясно. Всѣ эти почтенные ферштандс-

менши съ бородам
всѣхъ цвѣтовъ и ф
и безъ оныхъ, эти
церы въ кокетлив
бѣжало-сѣрыхъ, с
мундирчикахъ, в
чащій, суетящій
щій, курящій люд
концовъ свѣта
отчетъ,—все это
въ родѣ какъ фл
селый, праздно
нятіе хорошее, б
въ пищеварител
ное. Наткнувши
ность бумлерска
что я страшно г
норѣчивому, но
всякаго благопол
ресторанъ.

Въ гастрономі
меня часто одол
родины, которая
бякой. Я патріот
публичномъ отчет
образчики гастро
не народовъ всего
главнѣйшихъ евр
кухня французск
русская, венгерс
И теоретически
ство французско
французскимъ и
дамъ, завоевыва
различныя питат
въ надлежащей
ни слишкомъ г
кухни, ни прит
мецкой, ни, нак
которой тяжело
русской кухни.
щамъ и кулебя
тянетъ. Да про
сколько строкъ
денціи о публ
Дѣло въ томъ, ч
кая важная пт
гастрономія вов
о ней обыкнов
Фурье совершен
«гастрософію». З
тому, чтобы поз
плоти и окружаю
при помощи этого
міромъ. Свойства
сильнѣйшихъ вліяні
слѣдовательно, одн
борьбы съ внѣшни
чено мнѣніе Молеш
изведена распростр
таки, кто знаетъ, ка

топорами, но больше молчали. Удивительный народъ! Дождь пойдетъ, всѣ попрячутся, только японскій гефюльсменшъ въ синей курткѣ съ драконами на спинѣ сидитъ на крышѣ и что-то ковыряетъ, и удивительно ковыряетъ: я такой плотничьей работы не видывалъ; хваленые русскіе плотники въ подметки японцамъ не годятся. Японскіе ферштандсменши тоже народъ очень милый. Когда открылся японскій базаръ, надо было видѣть терпѣніе и любезность, съ которымъ эти маленькіе человѣчки цвѣта нечищеннаго сапога объясняли и руками, и ногами, и головой значеніе и цѣну своихъ вещей какому-нибудь тупоголовому нѣмцу. «Фисъ, фисъ», твердилъ, стараясь выговорить нѣмецкое Fisch, узкоглазенькій человѣчекъ. Это было, конечно, не совсѣмъ удобопонятно. Но то, что выдѣлывалъ при этомъ человѣчекъ руками, ногами и головой, было до послѣдней степени понятно: дѣло шло объ рыболовной удочкѣ. Въ японскомъ отдѣлѣ дворца промышленности и въ японскомъ базарѣ все подъ стать маленькимъ узкоглазенькимъ человѣчкамъ: все такое миленькое, чистенькое, аккуратное, отчетливое, ясное. Только три предмета нарушаютъ нѣсколько эту гармонію. Во-первыхъ, въ японскомъ отдѣлѣ дворца промышленности висятъ зачѣмъ-то у потолка громаднѣйшіе разноцвѣтные бумажные, шарообразные фонари. Во-вторыхъ, тамъ же стоятъ страшные, престрашные латы и шлемы въ видѣ чудовищныхъ какихъ-то рожъ. Должно быть японцы понимаютъ, что ихъ собственными маленькими и миленькими рожицами нѣтъ никакой возможности устрашить врага. Впрочемъ, теперь, когда японцы обзавелись пушками и прусскими фельдфебелями, дѣло пойдетъ у нихъ иначе. Третій предметъ, нарушающій гармонію маленькаго японскаго міра на выставкѣ, всего интереснѣе. Надъ низенькими, чистенькими зданіями японскаго базара возвышается шестъ, а къ концу шеста въ видѣ флага привѣшивается по нѣкоторымъ днямъ, должно быть по праздникамъ, громаднѣйшее изображеніе рыбы, сдѣланное изъ какой-то раскрашенной матеріи. Боюсь соврать, но думаю, что рыба эта длиной около трехъ саженъ, такъ что во чревѣ ея могло бы помѣститься нѣсколько штукъ японскихъ ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Говорю: во чревѣ, потому что у рыбы, дѣйствительно, есть чрево. Японцы—народъ-реалистъ. Отвлеченныя понятія даются имъ крайне плохо, миѳы у нихъ крайне незатѣйливые, а символика ихъ удивительно странно осложняется крайнимъ реализмомъ. Напримѣръ, рыба эта есть какой-то символъ. Ну, мы, напримѣръ, будь у насъ такой символъ, просто вывѣсили бы

раннихъ, торопливыхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ былъ и я, подрывался въ корнѣ. Вмѣсто того, чтобы быть сразу ослѣпленнымъ чудесами цивилизаціи, я присутствовалъ при ростѣ выставки, я видѣлъ, какъ она увеличивалась и развертывалась вершокъ за вершкомъ, фунтъ за фунтомъ. Это было, во-первыхъ, скучно, а во-вторыхъ, ослабляло впечатлѣніе. Я рѣшилъ уѣхать куда-нибудь на нѣсколько дней, чтобы потомъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ предаться созерцанію выставки. Я выбралъ Пештъ. Поѣздка въ столицу Венгріи не входитъ въ планъ этой корреспонденціи, но, съ вашего позволенія, я скажу о ней нѣсколько словъ собственно для заключенія письма.

Въ Пештъ я ѣхалъ по Дунаю, который совсѣмъ не Blau и сравнительно съ нашей Волгой не особенно schön: и желтѣе, и уже, и меньше оживленъ, такъ какъ у него отнимаетъ хлѣбъ желѣзная дорога. Берега, по крайней мѣрѣ, на протяженіи отъ Вѣны до Пешта, вообще скучны и однообразны. Но есть три-четыре мѣста чрезвычайно живописныхъ. Таковъ, напримѣръ, видъ Гайнбурга, лежащаго какъ разъ на границѣ Австріи и Венгріи: на высокой горѣ внушительнаго вида развалины стараго феодальнаго замка, а внизу казенная табачная фабрика. Такъ что и здѣсь вы видите вживѣ то торжество новыхъ боговъ, котораго нѣтъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи. Только здѣсь вы видите схватку фабрики съ феодализмомъ, схватку оконченную, какъ свидѣтельствуютъ развалины замка и спокойная дѣятельность на табачной фабрикѣ.

Красивъ также съ Дуная видъ Буда-Пешта, бывшихъ Песта и Офена, лежащихъ по обѣ стороны рѣки. Что я дѣлалъ въ Пештѣ—разсказывать не стоитъ, потому что, откровенно говоря, ничего не дѣлалъ. Былъ, между прочимъ, въ парламентѣ, слушалъ рѣчи на ни на что не похожемъ венгерскомъ языкѣ и, само собою разумѣется, ничего не понялъ. Тѣнь Меттерниха, я думаю, тоже ничего не поняла бы, не потому, чтобы покойникъ не зналъ венгерскаго языка, а потому, что такія два явленія, какъ Меттернихъ и венгерскій парламентъ, не могутъ быть другъ другу понятны ни на какомъ діалектѣ. Бѣдный Меттернихъ! Могъ ли *онъ*, краса и гордость государственныхъ людей своего времени, предвидѣть венгерскій *парламентъ*! Могъ ли онъ думать, что на его мѣстѣ, на мѣстѣ машиниста великой австрійской государственной машины, будетъ когда-нибудь стоять бывшій мятежникъ, венгерецъ графъ Юлій Андраши, сподвижникъ Кошута, бѣглецъ, заочно приговоренный къ смерти!

Выходя изъ парламента, я купилъ номеръ Пештскаго Ллойда и

Da hört
Въ Вѣн
кое Krach
Это нѣчто
ная эпиде
И надо я
въ мину

Удалас
Одни гов
концовъ,
кѣ зрѣні
ставку. С
удалась и
выставка
него был
кое-чего
сточныхъ
ки и рест
сказалъ
чрезвычай
ся въ сам
сти. Въ
красивый
лучшія пр
лучшія з
красивѣйш
не оставл
красоты
тонда уст
млеровъ,
ныя въ не
сказать,
но и пот
ще крас
бору на
знаю, чт
описаніе
водевил

*Конечн
и по вели
чѣмъ этот
Но она на
своего сос
арина на п
ная же гип
нальнаго мо
эффектно р
ныя трубы и
ные манекен*

*) *1873, іюль.*

новенными драгоцѣнностями, конечно, богаты; но на публичномъ отчетѣ цивилизаціи этого рода богатства должны были-бы, собственно говоря, играть только отрицательную роль, потому что не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, цивилизація хвастаться тѣмъ, что у турецкаго султана есть триста-тридцать необычайныхъ драгоцѣнностей. Оставляя въ сторонѣ болѣе крайнія требованія, можно, по малой мѣрѣ, сказать, что цивилизаціи до этихъ драгоцѣнностей нѣтъ никакого дѣла. А между тѣмъ о появленіи ихъ много хлопотала дирекція выставки; появленіе ихъ сопровождается особенно почетной обстановкой: такъ, ихъ ждутъ очень долго (въ ту минуту, какъ я пишу, во второй половинѣ іюня, ихъ все-таки не показываютъ), ихъ ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ, и носятся слухи, что видѣть ихъ удостоятся только тѣ, кто пробылъ на выставкѣ извѣстное, довольно продолжительное время. Такой парадный выходъ султанскихъ драгоцѣнностей былъ-бы вполнѣ естественъ въ самой Турціи, гдѣ съ ними связывались-бы и понятія о величіи священной особы падишаха, и тупое удивленіе его частнымъ богатствамъ, и восторгъ невѣжественныхъ людей передъ красотою и блескомъ алмазовъ, рубиновъ и проч. Но вѣдь мы не въ Турціи, мы на публичномъ отчетѣ цивилизаціи!..

До какой степени неприложимы къ выставкѣ требованія, какія могли бы быть предъявлены публичному отчету цивилизаціи, видно изъ слѣдующаго примѣра, который мнѣ хотѣлось привести еще въ прошломъ письмѣ, да забылъ. На маленькой хорошенькой полянкѣ, окруженной тѣнистыми деревьями, стоитъ вигвамъ, палатка американскихъ индійцевъ, можетъ быть тѣхъ самыхъ модоковъ, истребленіемъ которыхъ нынѣ занята Сѣверная Америка. Но въ вигвамѣ нѣтъ ни модоковъ, ни ихъ утвари, ни ихъ оружія, словомъ, ничего модокскаго. Въ немъ устроенъ буфетъ, въ которомъ продаются различныя американскія «mixed drinks»; какъ-то: sherry cobbler, milk punch, claret punch и проч., названій до десяти. Это довольно вкусныя смѣси разныхъ напитковъ, преимущественно спиртуознаго свойства; подаются они со льдомъ и тянутся черезъ соломину. Подаютъ ихъ негры, черныя лица которыхъ очень эффектно выдѣляются на фонѣ ихъ бѣлыхъ костюмовъ. Разберите теперь, зачѣмъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи sherry cobbler подается въ модокскомъ вигвамѣ, а главное, зачѣмъ цивилизація вывезла на свой публичный отчетъ лакеевъ-негровъ? Вѣдь цивилизація такъ гордится, и справедливо гордится, освобожденіемъ негровъ, а тѣ времена, когда лакей-негръ составлялъ въ Европѣ своего рода шикъ, тоже

вѣдь были и быльемъ поросли. Оставляя въ
сторонѣ вигвамъ, приспособленіе котораго,
во всякомъ случаѣ, несообразное, можетъ
быть объяснено какою-нибудь случайностью,—
не преслѣдовала-ли здѣсь цивилизація ка-
кой-нибудь коварной цѣли? Не хотѣла-ли
она наглядно показать тотъ пройденный уже
фазисъ развитія справедливости, экономиче-
скаго быта и умственнаго характера, когда
южно-американскій плантаторъ, не въ вигва-
мѣ, конечно, наслаждался разными про-
хладительными mixed drinks, подаваемыми
руками покорныхъ и забитыхъ рабовъ-не-
гровъ? Но вы, разумѣется, чувствуете сами,
до какой степени этотъ вопросъ наивенъ,
до какой степени неудовлетворимы вытека-
ющія изъ него требованія. На своемъ пу-
бличномъ отчетѣ цивилизація самымъ нелѣ-
пымъ образомъ извращаетъ даже то, чѣмъ
она имѣетъ полное право хвалиться, и един-
ственно для удовлетворенія буммлерскаго
любопытства вывозитъ изъ Америки осво-
божденныхъ рабовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ
лакеевъ.

Даже относительно царящей на выставкѣ
красоты публичный отчетъ цивилизаціи даетъ,
въ сущности, весьма неудовлетворительныя
свѣдѣнія. Красоты здѣсь столько, что можно
подумать, что современная цивилизація
имѣетъ чуть не исключительно эстетическій
характеръ. Это ужъ само по себѣ ложь, или
по малой мѣрѣ односторонность, но тѣмъ не-
удовлетворительнѣе отвѣты отчета на раз-
личные, относящіеся сюда побочные вопро-
сы. Не ищите, напримѣръ, на выставкѣ
данныхъ для исторіи развитія эстетической
стороны цивилизаціи. Только кое-гдѣ, въ вос-
точныхъ и колоніальныхъ отдѣлахъ, вы на-
тыкаетесь на вещи, о которыхъ можно
сказать: вотъ, приблизительно, какъ она пони-
малась красота прежде и какъ она пони-
мается и до сихъ поръ въ странахъ, мало
цивилизованныхъ. Въ европейскихъ-же от-
дѣлахъ нечего искать какой бы то ни было
градаціи понятій красоты. Я не имѣю при
этомъ въ виду такъ называемаго «павильо
на любителей», составляющаго часть худ
жественной выставки и наполненнаго сре
невѣковыми рѣзными, скульптурными и др
гими художественными произведеніями. Эт
во-первыхъ, случайное явленіе на выстав
обязанное своимъ существованіемъ иниц
тивѣ нѣсколькихъ любителей и специа
стовъ, а во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ рѣчи с
ственно объ искусствѣ, вопросъ о которо
несравненно сложнѣе, чѣмъ вопросъ о к
сотѣ. Я просто ищу различныхъ ступен
развитія понятій о красотѣ и ничего подо
наго не нахожу, а разъ нѣтъ поля для сра
ненія, нѣтъ и возможности какихъ-нибу
выводовъ. Единственный выводъ, котор

мірныя выставки суть шарлатанство. И дѣйствительно, побывавъ на выставкѣ, всякій, при помощи самыхъ нехитрыхъ соображеній, не замедлитъ убѣдиться, что это для однихъ — дорого стоящее, но грандіозное развлеченіе, для другихъ—мутная вода, въ которой удобно ловить рыбу. Тѣмъ не менѣе все современное общество до такой степени воспитано на идеяхъ международнаго соперничества, международной дружбы и всякихъ другихъ международностей, что на всемірную выставку мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ съ вытекающей отсюда точки зрѣнія. Связанныя съ патріотизмомъ страсти и страстишки отводятъ людямъ глаза отъ мишурности этого рода отчетовъ цивилизаціи, и будущность ихъ была бы надолго обезпечена, если бы не огромная вѣроятность, что они будутъ убиты рублемъ, т.-е. дефицитами.

Вотъ еще нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ о неблистательномъ состояніи финансовой стороны вѣнской выставки. 21-го іюня было 88,000 посѣтителей. Но это былъ день совершенно исключительный: Троицынъ день, превосходная погода, 50 крейцеровъ входной платы. Но и изъ этихъ 88,000 далеко не всѣ заплатили входную плату, а, какъ я уже говорилъ, дирекція разсчитывала на 50,000 гульденовъ въ день. 4-го іюня было всѣхъ, и платящихъ, и не платящихъ, и половину платящихъ посѣтителей—30,377; 5-го іюня—26,372; 11-го іюня—29,252; 12-го іюня—53,494 (50 крейц. за входъ); 14-го іюня—30,751; 29-го іюня—27,656; 1-го іюля—31,452; 2-го іюля—27,640. А на парижской выставкѣ среднимъ числомъ въ день приходилось 50—60,000 посѣтителей. Это уже осязательная, прямая неудача вѣнской выставки, отчасти даже затрагивающая интересы буммлеровъ. Причины этой неудачи многоразличны и нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны, какъ проблескъ той жизненной правды, которой нѣтъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи.

Самые завзятые изъ австрійскихъ патріотовъ, восторженные поклонники выставки, сваливаютъ всю вину на дурную погоду и отчасти на запоздалое открытіе выставки. Но это причины наименѣе важныя и интересныя. Погода въ Вѣнѣ стояла, дѣйствительно, непривлекательная почти до настоящей минуты *). Но ни буммлеръ, ни спеціалистъ, ни наивный мечтатель, разсчитывающій присутствовать при публичномъ отчетѣ цивилизаціи, конечно, не посмотрятъ на погоду. Открыта была выставка въ свое время, т. е. 1-го мая, какъ и обѣщалъ баронъ Шварцъ. Правда, что открыты были, главнымъ образомъ, закупоренные тюки и запертыя двери. Но это неудача только сама по себѣ, не влекущая за собой другихъ неудачъ. Къ болѣе интереснымъ, отчасти дурнымъ предзнаменованіямъ, отчасти дѣйствительнымъ причинамъ неудачи выставки относятся, во-первыхъ, стачка извозчиковъ, окончившаяся, впрочемъ, своевременно и благополучно, если не считать неблагополучіемъ вытребованное извозчиками довольно значительное возвышеніе таксы. Надо, впрочемъ, замѣтить, что вѣнскіе извозчики, несмотря на свои прекрасные экипажи, народъ въ высшей степени непріятный, пьяный, грубый, избалованный биржевыми денди. И я, по крайней мѣрѣ, старался обходиться безъ ихъ услугъ, что въ Вѣнѣ очень удобно, благодаря обилію носильщиковъ, комиссіонеровъ, дилижансовъ и конно-желѣзныхъ дорогъ. Далѣе—дороговизна. Дороговизна, во-первыхъ, входной платы, а кромѣ того, вы должны еще заплатить, присѣвъ на стулъ, смотря по тому гдѣ, 5 или 10 крейцеровъ; за самыя необходимыя отправленія 10 или 20 крейц., да еще 50 крейц., если вы пожелаете послушать тутъ-же на выставкѣ играющій въ опредѣленные часы оркестръ Штрауса; да еще васъ обдерутъ въ ресторанахъ. Вѣнскія сатирическія газеты потратили много остроумія на изображеніе бѣдственнаго положенія посѣтителей выставки. Но дороговизна существуетъ и внѣ выставки, хотя, вообще говоря, далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ расписывали англійскія, германскія и отчасти русскія газеты. Во всякомъ случаѣ, жители веселой Вѣны не обнаружили древней добродѣтели — гостепріимства, и стремленіе ободрать ближняго нѣсколько парализируетъ торжественно дружественный характеръ всемірной выставки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грабежъ достигаетъ дѣйствительно громадныхъ размѣровъ. Вотъ напечатанный въ Le Danube счетъ, поданный одному англичанину въ гостинницѣ Métropole.

27-го	мая	комната	12	гульд.	—	крейц.
»	»	свѣчи	1	»	80	»
»	»	прислуга	1	»	50	»
»	»	два обѣда	7	»	—	»
»	»	рюмка ликеру	1	»	50	»
»	»	привозъ багажа со станціи	4	»	20	»
28-го	»	комната	12	»	—	»
»	»	прислуга	1	»	50	»
»	»	бѣлье	1	»	35	»
»	»	2 кофе, 4 яйца	1	»	90	»

*) Стихіи продолжаютъ не благопріятствовать выставкѣ. 29-го іюня надъ Вѣной разразилась страшная буря, и многія зданія выставки потерпѣли огромныя поврежденія отъ вѣтра и воды.

минуту, и притомъ на томъ же пути, на которомъ изловлена синица. Понятно, какъ вредно такое закрѣпленіе и безъ того уже господствующаго настроенія. Оно вредко уже потому, что оно ложно. Совсѣмъ не такъ гладокъ путь цивилизаціи, какъ думаютъ настроенные выставкой Маниловы. Если мы будемъ искать наиболѣе живой струны современной цивилизаціи, то найдемъ ее въ производствѣ матеріальныхъ богатствъ. Здѣсь бьется теперь пульсъ исторіи, и только по временамъ притягиваютъ себѣ общее вниманіе чисто политическіе и притомъ старозавѣтные идеалы. Но производство, какъ центръ всѣхъ стремленій, чувствъ и мыслей, есть просто грабежъ природы и будущихъ поколѣній, и рано или поздно ему предстоитъ печальный конецъ. Цивилизація до такой степени погрузилась въ задачу производства, что даже и не помышляетъ о необходимости возмѣщенія силъ, занятыхъ у природы. Разсчитываютъ, что къ 1945 году Англія сожжетъ и распродастъ весь свой каменный уголь. Нѣкоторые русскіе патріоты радуются этому обстоятельству, имѣя въ виду хотя отчасти замѣнить на рынкѣ англійскій уголь нашимъ. Съ патріотической точки зрѣнія это разсужденіе безукоризненно. Но не значитъ ли это разсчитывать на ту же пропасть, въ которую провалится въ свое время Англія? Во всякомъ случаѣ, впереди насъ ждетъ многое непредвиденное, а можетъ быть и непредвидимое, можетъ быть страшныя катастрофы. Можетъ быть, конечно, и Аркадія, но все-таки дѣло это не безпроигрышное. Его надо стараться выиграть. Складывать руки или, пожалуй, давать работу только рукамъ, производить, производить и производить—тѣмъ болѣе неблагоразумно, что опасности предстоятъ не только со стороны природы. Допустимъ, что развитіе технологіи ни на шагъ не отстанетъ отъ истощенія запасовъ природы. Допустимъ, что, напримѣръ, въ Англіи къ тому самому времени, когда сожжется или продастся послѣдній пудъ угля, будетъ изобрѣтенъ способъ добыванія теплоты, какъ двигателя и для другихъ надобностей, непосредственно изъ солнечныхъ лучей. Такимъ образомъ, истощеніе запаса теплоты отодвинется на громадное, практически безконечно далекое время. Но, кромѣ нашихъ отношеній къ природѣ, существуютъ еще наши отношенія другъ къ другу. И какъ бы ни гарантировала намъ Аркадію технологія, этой гарантіи все-таки мало. Когда въ Германіи были изобрѣтены и вошли въ употребленіе вѣтряныя мельницы, между королями, баронами и духовенствомъ возникли жаркіе споры по вопросу—кому принадлежитъ вѣтеръ? Не можетъ ли повториться подобный споръ относительно тѣхъ солнечныхъ

лучей, которые отдастъ намъ со временемъ
въ услуженіе технологія? Можно сказать на-
вѣрное, что формы спора будутъ иныя, иные
будутъ и тяжущіеся. Но только это и можно
сказать навѣрное. Самый споръ будетъ даже
неизбѣженъ, если современная форма циви-
лизаціи доживетъ до того времени. Какъ бы
дикъ ни казался намъ теперь споръ изъ-за
права на вѣтеръ, онъ органически вытекаетъ
изъ формы тогдашней цивилизаціи, тогдаш-
нихъ междуличныхъ отношеній, а потому ка-
зался всѣмъ натуральнымъ. Но стоитъ только
оглянуться вокругъ себя, хотя бы на той же
самой вѣнской всемірной выставкѣ, и вы
увидите и услышите массу дикостей, призна-
ваемыхъ вполнѣ натуральными, потому что
онѣ органически вытекаютъ изъ современной
формы цивилизаціи. Internationale Ausstel-
lungs Zeitung, обозрѣвая ліонскую часть
французскаго отдѣла, ни съ того, ни съ сего,
можно сказать, вполнѣ ни къ селу, ни къ го-
роду, припомнила, что вотъ, молъ, эти шелки
и бархаты исполнены тѣми самыми рабочими,
которые нѣкогда написали на своемъ зна-
мени: «vivre en travaillant ou mourir en com-
battant». Почтенная газета на этомъ не оста-
новилась. Она замѣтила, что со стороны
ліонскихъ рабочихъ было весьма странно и
противорѣчиво возставать противъ роскоши,
когда они ею живутъ. Это разсужденіе есть
своего рода перлъ дикости, но оно показы-
ваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ форма циви-
лизаціи овладѣваетъ людьми, какъ трудно отъ
нея отрѣшиться на краю даже самыхъ оче-
видныхъ пропастей софизма и безсмыслицы.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если бы
на вѣнской всемірной выставкѣ успѣхи про-
мышленности и техники были представлены
даже вполнѣ удовлетворительно, то все-таки
еще не было бы резону праздновать имени-
ны сердца цивилизаціи. Все-таки надо бы-
ло бы потребовать громаднаго дополненія
къ отчету; нужно указать, какъ распредѣ
ляются дары цивилизаціи и каковы отно
шенія между участниками фирмы «фер
штандсменшъ и гефюльсменшъ». Сдѣлать эт
было бы, абстрактно говоря, вовсе не та
трудно, какъ оно кажется съ перваго взгляд
Зародышъ этой стороны отчета циви
заціи даже имѣется на выставкѣ, хотя
въ извращенномъ видѣ, — это междунар
ная деревня, къ сожалѣнію, мѣстами б
совѣстно подкрашенная. Абстрактно гово
было бы очень легко наглядно показа
чѣмъ довольствуется гефюльсменшъ въ об
сти красоты, богатства, справедливос
истины. Но ни одна всемірная выстав
разумѣется, этого не сдѣлаетъ, потому ч
она есть выставка лучшихъ вещей. В
ставка распредѣленія даровъ цивилизац
немыслима. Точно такъ же немыслима вы

игра—удобнѣйшее средство для ея осуществленія. Но пока биржевой денди еще не успѣлъ сдѣлаться крезомъ, онъ довольствуется ненумерованнымъ извозчикомъ. Эти подобія нашихъ лихачей—люди крайне избалованные и гордые своимъ привилегированнымъ положеніемъ. И вдругъ Крахъ подрѣзалъ крылья ихъ кліентамъ, а вмѣстѣ и имъ самимъ: они должны были превратиться въ обыкновенныхъ нумерованныхъ извозчиковъ или прекратить свое существованіе, какъ прекратили свое существованіе тридцать вѣнскихъ газетъ, жившихъ крохами со стола биржевыхъ тузовъ. Поучительное сходство судебъ! Поучительно оно особенно по своей обстановкѣ, по совпаденію несчастія газетъ и извозчиковъ съ минутой хвастовства цивилизаціи.

Биржевой погромъ богатъ чрезвычайно характерными эпизодами. Я уже не говорю о дракахъ въ зданіи биржи и объ очищеніи его при посредствѣ полиціи. Я не говорю о многочисленныхъ самоубійствахъ, на которыя рѣшались даже совсѣмъ молодые люди, полные силъ и надеждъ. Тѣмъ паче не стоитъ говорить о банкротствахъ. Изъ нихъ надѣлало особеннаго шума банкротство банкирскаго дома Плахта, пассивъ котораго простирался до трехъ милліоновъ, а активъ равнялся чему-то въ родѣ 50,000. Плахтъ, печатавшій въ газетахъ свои заманчивыя объявленія еще нѣсколько дней спустя послѣ перваго удара грозы, имѣлъ въ провинціи многочисленныхъ агентовъ, которые сплавляли къ нему сбереженія бѣднѣйшаго люда. Такъ, въ числѣ кредиторовъ оказалась одна скотница изъ Штейермарка, которая вложила три гульдена. Но оригинальнѣе всего исторія, называемая въ Вѣнѣ исторіей о томъ, какъ «евреи Бога проиграли». Разсказываютъ ее разно, и я могу передать только суть дѣла. Гдѣ-то въ Венгріи еврейская община имѣла въ рукахъ капиталъ тысячъ въ тридцать, собранныхъ, не умѣю сказать, на постройку ли синагоги, или уже въ готовой синагогѣ, во всякомъ случаѣ деньги ассигнованы были на священныя цѣли. Благочестивые сыны Израиля, желая по возможности быстро и безъ труда увеличить священный капиталъ, выпустили его на биржу, какъ выражаются въ Вѣнѣ, zur höchsten Fruktifizirung, и капиталъ погибъ въ водоворотѣ Краха. Это весьма характерно для современной цивилизаціи. Но публичный отчетъ ея, называемый вѣнскою всемірною выставкой, конечно, умолчалъ о лежащемъ въ основаніи этого эпизода элементѣ.

Крахъ естественно отразился на выставкѣ. Приходятъ или не приходятъ кому-нибудь въ голову соображенія о противорѣчивости выставки съ окружающею ее жизненной правдой, но физіономія Вѣны должна была пострадать. Газетъ меньше, ненумерованныхъ извозчиковъ нѣтъ, ряды ловкихъ наѣздниковъ съ еврейскими лицами порѣдѣли, вездѣ мрачные толки о самоубійствахъ, разореніяхъ; разсчеты на наплывъ иностранныхъ и иногородныхъ гостей значительно подорваны. Крахъ поразилъ не одну Вѣну, потому что вся Австрія болѣе или менѣе вовлечена въ игру своей столицы. А чтобы видѣть, какъ это можетъ отразиться на успѣхахъ выставки, возьмемъ наглядный примѣръ. Есть въ Венгріи небольшой городъ Эденбургъ, а въ немъ много лѣтъ тому назадъ открылъ мелочную лавку нѣкто Фландорферъ. Крейцеръ за крейцеромъ, гульденъ за гульденомъ наколачивалъ онъ деньгу и оставилъ своему сыну уже довольно круглую сумму, которую тотъ, въ свою очередь, увеличилъ. Но внукъ владѣльца мелочной лавки, какъ человѣкъ вполнѣ современный, повелъ дѣло на широкую ногу: имъ овладѣла биржевая и акціонерная горячка, онъ основалъ эденбургскій кредитный банкъ, эденбургскій торговый банкъ и скоро сталъ милліонеромъ. Но Крахъ не пощадилъ его,—онъ застрѣлился. Представимъ себѣ, что Крахъ нѣсколько запоздалъ и далъ эденбургскому Ротшильду возможность людей посмотрѣть и себя показать на вѣнской выставкѣ. Какихъ лошадей, какую толпу прихвостней привезъ бы онъ съ собою въ столицу, какіе пиры задавалъ бы онъ у Frères Provenceaux и Захера, какихъ картинъ и статуй накупилъ бы онъ для украшенія своихъ дворцовъ и въ поощреніе искусству! И все это унесъ Крахъ...

Въ Вѣнѣ теперь очень многіе заняты дѣйствительно любопытнымъ вопросомъ: какое вліяніе окажетъ Крахъ на судьбы искусства? Вліяніе онъ окажетъ, это несомнѣнно: оно уже обнаруживается тѣмъ, что никто не покупаетъ картинъ ни на выставкѣ, ни внѣ ея, у торговцевъ художественными произведеніями. Впрочемъ, это относится только къ картинамъ. Лучшія итальянскія статуи были выставлены во дворцѣ промышленности задолго до открытія собственно художественной выставки (она была оффиціально, т. е. императоромъ австрійскимъ, открыта только 15 мая, и то далеко не вся). Почти всѣ онѣ были немедленно раскуплены за весьма почтенныя деньги англичанами, преимущественно какимъ-то мистеромъ Джономъ Льюисомъ. Но на этомъ дѣло стало: картины не идутъ въ ходъ, хотя художественная выставка всегда биткомъ набита. Знатоки дѣла, торговцы художественными произведеніями, приписываютъ этотъ застой доселѣ очень ходкаго товара исключительно биржевому погрому. Они утверждаютъ, что нѣтъ лучшихъ покупателей, какъ биржевые тузы. Вопросъ теперь въ

г. Каменскаго, «Возвращеніе съ базара» г. Корзухина и нѣкоторыя другія русскія картины. Но какъ ни хороши многія изъ находящихся на выставкѣ жанровъ, они оставляютъ большею частью какое-то неудовлетворительное впечатлѣніе. Какъ-то обидно становится, что такія большія силы затрачиваются на такіе узкіе сюжеты; это спеціализируетъ наслажденіе и не даетъ простора мысли и художника, и зрителя. Поэтому, въ концѣ концовъ, даже лучшіе изъ жанровъ приходится по плечу Плахтамъ и Фландорферамъ. Въ нихъ нѣтъ ничего такого, что могло бы нарушить миръ души новѣйшихъ меценатовъ, а между тѣмъ есть нѣчто прекрасное и нѣчто забавное.

Одно меня поразило: на выставкѣ чуть не въ каждомъ отдѣлѣ есть по изображенію, а то и по два, похоронъ, и нѣкоторыя изъ нихъ очень хороши. Напримѣръ, въ швейцарскомъ отдѣлѣ есть превосходная картина Вотье: деревенскія похороны. Гробъ выносятъ изъ бѣдной сельской церкви, а передъ нею стоитъ толпа народу—мужчинъ, женщинъ, ребятишекъ съ самыми разнообразными и необыкновенно-правдиво схваченными выраженіями лицъ. Чѣмъ объяснить это пристрастіе современной живописи къ похоронамъ—не знаю.

Художественныхъ произведеній, имѣющихъ хоть какой-нибудь общественный интересъ, дающихъ работу чему-нибудь, кромѣ эстетической способности, на выставкѣ весьма мало. Венгрія, хотя и заполненная въ экономическомъ отношеніи евреями, еще живетъ своимъ политическимъ прошедшимъ и будущимъ. Поэтому ея художники выставили рядъ картинъ изъ исторіи своей родины. И какъ ни плохи и барабанны многія изъ нихъ, на нихъ все-таки останавливаешься съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что все-таки тутъ художника занимало нѣчто высшее, чѣмъ желаніе угодить современнымъ меценатамъ. Право, даже батальнымъ картинамъ, во множествѣ выставленнымъ Германіей, и многочисленнымъ портретамъ нѣмецкихъ героевъ послѣдней войны, многое можно простить по тѣмъ же соображеніямъ. Какъ ни какъ, а они даютъ не голое эстетическое наслажденіе. Художники, ихъ писавшіе все-таки вдохновлялись худо ли, хорошо ли понятыми общественными интересами. Можно желать, чтобы интересы эти были шире, чтобы они правильнѣе понимались, можно всей душой ненавидѣть вдохновляющія художниковъ идеи и чувства, но нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они служатъ не личностямъ, не личному наслажденію, а по своему понимаемымъ идеямъ правды и добра. Къ сожалѣнію, почти всѣ эти картины проникнуты барабанно-патріотическимъ характеромъ. Исключеній очень мало, хотя существуютъ и они. Во французскомъ отдѣлѣ есть прекрасная картина Глеза (Glaize)—«Театръ человѣческой глупости». На переднемъ планѣ, какъ бы вылѣзая изъ рамы, стоитъ во весь ростъ человѣкъ. Написана эта фигура прекрасно. Онъ стоитъ въ качествѣ зазывателя публики въ театръ человѣческой глупости, а сзади находится и самый театръ: три картины, изображающія преслѣдованія и казни, одна—христіанъ, другая—еретиковъ; содержаніе третьей не помню, но она тоже изображаетъ религіозныя гоненія. Это чисто вольтеровскій пошибъ. И что особенно замѣчательно, эта картина, изображающая театръ человѣческой глупости, есть государственная собственность,—собственность нынѣшней Франціи.

Перлы русскаго отдѣла художественной выставки—«Грѣшница» г. Семирадскаго и «Бурлаки» г. Рѣпина, я думаю, уже успѣли вамъ набить оскомину. Я могу о нихъ только сказать, что, во-первыхъ, не понимаю, какъ можно сравнивать эти двѣ картины, не имѣющія между собою ничего общаго; что, во-вторыхъ, фигура Христа г. Семирадскаго такова, что грѣшница не имѣла никакого резона пугаться, тѣмъ паче, обращаться на путь евангельской истины; что, въ-третьихъ, наконецъ, картина г. Рѣпина превосходна. Не берусь развивать эти скромныя мысли, но за то приведу курьезное сужденіе о картинѣ г. Рѣпина одного нѣмца, одного изъ корреспондентовъ «Augsburger Allgemeiner Zeitung». Оно, кстати, покажетъ, до чего можетъ доходить нелѣпость отношеній къ публичному отчету цивилизаціи. «Картина г. Рѣпина есть на всей выставкѣ одна изъ очень немногихъ вещей, соединяющихъ въ себѣ глубокую жизненную правду съ широтою мысли. Это не дворецъ-изба г. Громова. Это цѣлая соціальная задача въ образѣ нѣсколькихъ бурлаковъ. Приглядитесь къ ихъ лицамъ и потомъ посмотрите на летящій вдали пароходъ, и вы поймете, что задача искусства велика и священна, что его роль состоитъ не въ щекотаніи эстетической способности, что она можетъ будить совѣсть, будить мысль и чувство. Вотъ обдѣленная цивилизаціей кучка людей, вотъ механическая сила пара, которая со временемъ освободитъ ихъ отъ тяжелаго, воловьяго труда. Но кончатся ли на этомъ всѣ ихъ мытарства? Исторія цивилизаціи даетъ отвѣтъ условный: да, если сила пара будетъ принадлежать этимъ самымъ труженикамъ; нѣтъ, если она очутится въ другихъ рукахъ». Но корреспондентъ «Augsburger Allgemeiner Zeitung» не дотянулъ даже первой половины этихъ мыслей, невольно возникающихъ при

жаются, и очень удачно, прядями расчесаннаго льна, резервуаръ фонтана украшенъ листьями и плодами изъ пряжи и клубковъ нитокъ, наверху стоитъ, тоже очень искусно сдѣланная, женская фигура съ веретеномъ и т. д. Это очень красиво и даже остроумно, даже, пожалуй, дѣльно, потому что тутъ находятся налицо всѣ переходныя ступени производства. Но понятно, что въ виду красоты фонтана рѣдко кому придетъ въ голову тщательно вглядываться въ продукты, и я склоненъ думать, что даже неподкупные жюри будутъ нѣсколько подкуплены пріятнымъ видомъ ансамбля выставки остроумнаго фабриканта.

Тѣмъ паче подкуплены посѣтители. Вообще, посѣтители довольны, а посѣтители-нѣмцы даже самодовольны. Если кое-кто изъ сѣверныхъ нѣмцевъ и поглядываетъ съ нѣкоторою завистью на блескъ Вѣны, то австрійцы и южные нѣмцы въ восторгѣ: нѣмецкій городъ сравнялся съ Парижемъ и Лондономъ! Патріотизмъ тратится по случаю вѣнской выставки цѣлыми пудами. Идутъ вѣковѣчные нѣмецкіе толки объ общемъ фатерландѣ; пруссаки, австрійцы и южно-германцы приглашаются къ братскимъ объятіямъ и—кстати на поприщѣ мирнаго соперничества народовъ всего міра—проповѣдуется вражда къ французамъ. Если читатель желаетъ имѣть понятіе о характерѣ нѣмецкаго самодовольства по случаю вѣнской выставки, я рекомендую ему корреспонденціи «Augsburger Allgemeiner Zeitung», собранныя и изданныя нынѣ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Kunst und Kunstindustrie auf der Wiener Weltausstellung 1873». Я выбираю для образца эти корреспонденціи только для того, чтобы не рыться въ газетахъ. Замѣчу еще, что авторъ ихъ, нѣкто Пехтъ, относительно говоря, человѣкъ умѣренный и безпристрастный.

Есть на выставкѣ картина мюнхенскаго живописца Пилоти «Тріумфъ Германика». Это—одинъ изъ перловъ художественной выставки. Написана она на тему одного изъ разсказовъ Тацита. Германикъ, побѣдивъ германцевъ отчасти благодаря измѣнѣ Сегеста, проѣзжаетъ тріумфаторомъ передъ трономъ Тиверія. Императоръ, окруженный женщинами и блестящей свитой, въ числѣ которой виднѣется и предатель Сегестъ, смотритъ исподлобья и, вообще, не особенно сочувственно на торжественный въѣздъ побѣдителя. Шествіе открывается превосходно написаннымъ римскимъ воиномъ, который одной рукой ведетъ на цѣпи медвѣдя, а другой схватилъ за длинную сѣдую бороду плѣннаго связаннаго барда. Затѣмъ идутъ нѣсколько германскихъ плѣнниковъ, а за ними—главное дѣйствующее лицо картины, дочь Сегеста, Туснельда. Вся въ бѣломъ, она идетъ гордо, безъ стоновъ, безъ какого бы то ни было выраженія отчаянія и точно не видя ничего окружающаго. Такою именно описана она у Тацита. Въ противоположность ей, гораздо лучше, по моему, сдѣланы заднія фигуры германскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, полныя ярости и безсильной злобы. Дальше ѣдетъ на колесницѣ самъ тріумфаторъ съ своими пятью сыновьями, а еще дальше—необозримая толпа ликующаго народа.

Картина превосходна и затрагиваетъ массу общечеловѣческихъ мотивовъ, но нѣмецкому корреспонденту этого мало, или, пожалуй, много. Ему нужно сдѣлать изъ нея національно-гражданскій подвигъ и онъ его дѣлаетъ. Онъ благодаритъ художника за Туснельду, которая въ своей величавой гордости затмеваетъ собой истасканный, хотя еще побѣждающій римскій міръ. Онъ видитъ въ ея сдержанной фигурѣ залогъ того конца борьбы романскаго и германскаго элементовъ, который наступилъ въ послѣднюю войну. По другому поводу онъ распространяется насчетъ испорченности французовъ и величія нѣмцевъ, говоритъ о вѣковѣчной и *никогда не имѣющей завершиться* противоположности и взаимной враждѣ этихъ двухъ націй. Чуть не на каждой страницѣ онъ мѣряетъ нѣмцевъ съ французами и, разумѣется, рѣшаетъ дѣло почти всегда въ пользу первыхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совершенно безпристрастенъ, въ его словахъ звучитъ грубая нота самодовольства и самохвальства. Напримѣръ, замѣчая, что многочисленныя нѣмецкія батальныя картины оставляютъ многаго желать, особенно сравнительно съ подобными же произведеніями французовъ и итальянцевъ, онъ иронически прибавляетъ: «иной подумаетъ, что насъ всегда бьютъ!» Такія-то рѣчи раздаются на поприщѣ мирнаго соперничества народовъ всего міра (Пехтъ тоже называетъ такъ вѣнскую выставку). Сообразно этому, нѣмцы, естественно, видятъ въ самомъ существованіи вѣнской выставки торжество нѣмцевъ и, нѣкоторымъ образомъ, конецъ франко-прусской войны. Это—альфа и омега всѣхъ нѣмецкихъ писаній и разговоровъ о выставкѣ. Но и этого мало. Благодаря нѣкоторымъ особенностямъ отношеній нѣмцевъ къ французамъ, ихъ воззрѣнія на выставку еще болѣе искривляются и суживаются. Послѣ войны нѣмцы великодушно уступали французамъ область моды, изящества, вкуса. Они снисходительно замѣчали, что въ этомъ отношеніи имъ еще можно и должно кое-чему поучиться у французовъ. Въ снисхожденіи этомъ звучало не мало презрѣнія къ «націи парикмахеровъ и модистокъ». Но это было презрѣніе поддѣль-

на чучело бѣлаго медвѣдя. Но, какъ мнѣ говорили по крайней мѣрѣ, четверорукій токарь вовсе не монстръ, и въ Египтѣ такихъ работниковъ не мало. Глядя на него, многіе изъ публики острятъ въ такомъ родѣ, что вотъ—дескать—ближайшій родственникъ гориллы, четырерукій человѣкъ. Я не нахожу, впрочемъ, чтобы это было очень ужъ остроумно, и поразилъ меня въ черномазомъ токарѣ не ближайшій родственникъ гориллы, а художникъ. Да, художникъ, какихъ мало на выставкѣ, несмотря на очевидную скудость находящихся въ его распоряженіи идей и образовъ. И не только художникъ, а импровизаторъ, во всемъ своемъ составѣ покорный овладѣвшей имъ въ данную минуту мысли. Если бы возможно было заглянуть къ нему въ душу, то тамъ оказалось бы, вѣроятно, въ миніатюрѣ, нѣчто подобное тому состоянію міра, когда земля еще не была отдѣлена отъ воды и не были сотворены ни звѣри, ни птицы, ни рыбы, ни гады. Ничего яснаго, опредѣленнаго, никакихъ рамокъ и обособленій, но то нѣчто, которое выходитъ изъ-подъ рукъ и ногъ художника, самымъ тѣснымъ образомъ связано со всѣми сторонами его существа, вполнѣ отражаетъ въ себѣ состояніе его души, со всею его смутностью и скудостью. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляю я себѣ работу черномазаго токаря, и, во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ не просто работаетъ, а творитъ. Его исполняетъ свою собственную задачу. Его стаканъ не великъ, но онъ пьетъ изъ своего стакана. Остановимся пока на этомъ несомнѣнномъ пунктѣ. Подвигаясь по выставкѣ отъ востока къ западу, отъ дикости къ цивилизаціи, мы увидимъ слѣдующія измѣненія въ процессѣ работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ техникѣ. Во-первыхъ, орудія производства становятся постепенно все сложнѣе и сложнѣе; вмѣстѣ съ этимъ, уменьшается спросъ на человѣческую силу: не только не приходится работать ногами, а едва пальцемъ шевелить. Далѣе, экономія времени достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Въ венгерскомъ отдѣлѣ есть шитый бисеромъ коверъ, надъ которымъ одна дама сидѣла *тридцать лѣтъ*. Знатоки говорятъ, что это—работа превосходная въ техническомъ отношеніи и весьма художественная по замыслу. Но все-таки она есть монстръ, допотопный звѣрь, образчикъ того, на что тратились женскія силы тридцать лѣтъ тому назадъ, и того, что такое первобытная работа вообще. Не умѣю въ точности сказать, какое время требуется для выдѣлки ковра машиной, и потому приведу примѣръ не совсѣмъ подходящій, но за то въ своемъ родѣ очень яркій. Въ американской части машиннаго отдѣла есть двѣ любопытныя машины, изъ которыхъ одна шьетъ въ семь минутъ изъ куска кожи сапоги, а другая—приготовляетъ въ четверть часа пару платья.

Преимущества современной техники очевидны. Если относительно прочности издѣлій это сомнительно, то обстоятельство это съ избыткомъ окупается экономіей времени и силы. Но... «Этотъ сапогъ не имѣетъ никакой идеи», говорилъ одному моему пріятелю петербургскій нѣмецъ-сапожникъ, мастеръ и любитель своего дѣла. Сапогъ, который критиковалъ мастеръ-нѣмецъ, былъ изготовленъ такимъ же, какъ онъ самъ, мастеромъ-нѣмцемъ. Что же бы сказалъ строгій критикъ объ идеѣ сапога, сшитаго на американской машинѣ въ семь минутъ? Подумать страшно о томъ, какому негодованію предался бы онъ, и онъ былъ бы съ своей точки зрѣнія совершенно правъ. Очевидно, что чѣмъ больше будетъ посредниковъ между человѣческой силой и ея продуктомъ, тѣмъ слабѣе отразится на продуктѣ личность, міросозерцаніе, чувства, идеи работника. Произведеніе машины будетъ всегда страдать, сравнительно съ ручной работой, отсутствіемъ оригинальности, отсутствіемъ мысли, отсутствіемъ художественности. А такъ какъ машинная работа постепенно и повсемѣстно вытѣсняетъ ручную, то въ дѣлѣ техники оригинальность, идея, художественность должны исчезать по мѣрѣ роста цивилизаціи. Какъ ни страннымъ можетъ показаться это заключеніе, но что въ немъ есть значительная доля правды, въ этомъ убѣдится всякій, прогуливаясь по выставкѣ. Сравните, напримѣръ, японскія и австрійскія кожаныя издѣлія, особенно рисунки и другія украшенія на нихъ. И тѣ и другія, въ своемъ родѣ, превосходны, но вы сразу видите, что японскую вещь дѣлалъ художникъ, положившій въ свое произведеніе душу, а австрійская вещь сдѣлана ремесленникомъ, никакой идеи въ виду не имѣвшимъ. Съ перваго взгляда, можно придти, пожалуй, къ противоположному заключенію. Многія изъ наполняющихъ ротонду вещей представляютъ такую художественную роскошь и изображаютъ идеи до такой степени намъ ясныя и знакомыя, что смутныя, фантастическія арабески и другія украшенія японскихъ кожаныхъ издѣлій, или русскихъ серебряныхъ вещей Сазикова и Овчинникова, или персидскихъ серебряныхъ работъ и ковровъ могутъ показаться, въ сравненіи съ ними, крайне бѣдными во всѣхъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи логически возможно такое-же рѣзкое и непримиримое раздѣленіе мнѣній, какое въ другой области существуетъ между экономистами и соціалистами.

«Вѣстникъ Европы» недавно обозвалъ «умственными кастратами» всѣхъ, сомнѣ-

тайцевъ и китайскіе рисунки и сочетанія красокъ. Въ испанскомъ отдѣлѣ есть превосходное оружіе и посуда въ старомъ мавританскомъ стилѣ, — и это, можетъ быть, единственная, достойная вниманія часть всего испанскаго отдѣла. Пройдитесь по бронзамъ, и вы увидите египетскіе саркофаги, египетскихъ сфинксовъ и т. д. Спрашивается, чѣмъ объяснить это обращеніе къ вымершимъ и вымирающимъ цивилизаціямъ за художественными мотивами? Или современная, наша, европейская цивилизація исчерпала себя до дна, такъ что уже ничего своего произвести не можетъ? Конечно, нѣтъ. Европейская цивилизація можетъ сказать словами Мольера: je prend mon bien partout où je le trouve; беру китайскіе, египетскіе, мавританскіе, персидскіе рисунки и комбинаціи цвѣтовъ, потому что они, по моему, красивы. Да, но для насъ они *только* красивы, тогда какъ для китайца, араба и т. д. они не только красивы. Персъ, турокъ, арабъ, выдѣлывая на коврѣ, на серебряной вещи, на деревянной или глиняной посудѣ свои странныя, на нашъ взглядъ ничѣмъ не мотивированныя арабески, кладетъ въ нихъ или, по крайней мѣрѣ, клалъ въ свое время всю душу свою. Вы видите, что арабески эти въ оригиналахъ очень часто пересыпаны надписями, говорящими нѣчто—намъ непонятное—не только глазамъ восточнаго человѣка, а и его разуму, чувству, фантазіи. Въ китайскомъ, въ японскомъ, въ сіамскомъ, въ индійскомъ, отдѣлахъ сравнительно очень мало вещей, служащихъ исключительно цѣлямъ украшенія, идеѣ красоты. Идея эта осложняется въ нихъ другими элементами, главнымъ образомъ, религіознымъ. Да и еще бы имъ не вкладывать въ свои произведенія всего своего содержанія, когда они, нецивилизованные люди, руками и ногами работаютъ. Прудонъ въ своей книгѣ о справедливости, если не совсѣмъ точно, то весьма глубоко выражался, что умъ работника не только въ головѣ, но и въ рукахъ. Но для насъ эти чуждыя намъ формы и сочетанія линій и красокъ не имѣютъ никакого смысла и тѣшатъ только наши глаза. Денди, который поставитъ на свой письменный столъ преспапье въ видѣ египетскаго саркофага, дама, которая надѣнетъ французскую поддѣлку подъ турецкую шаль, будутъ имѣть въ виду исключительно красоту, если не курьезъ. Мы смѣемся надъ дикарями, которые съ гордостью носятъ европейскій мундиръ на голомъ тѣлѣ или цилиндрическую шляпу при костюмѣ Адама. Но эти европейскія вещи для дикарей, во-первыхъ, красивы, а во-вторыхъ, много, хотя и смутно говорятъ о величіи, могуществѣ европейцевъ, о необходимости усвоить себѣ ихъ преимущества и т. д. И мундиръ, и цилиндрическая шляпа для нихъ не только красивы, они для нихъ представляютъ нѣкоторые символы. Мы же окружаемъ себя вещами, имѣющими для насъ исключительно эстетическое значеніе.

Конечно, поддѣлки подъ Востокъ, подъ дикость, подъ древность, подъ вымершія и вымирающія цивилизаціи, какъ ни бросаются они въ глаза на выставкѣ, составляютъ предмалое меньшинство выставленныхъ предметовъ. Огромное большинство ихъ обязано своимъ существованіемъ европейской, современной фантазіи. Но какъ скудна, какъ, не скажу, бѣдна, но узка и мелка эта фантазія! Вы видите, во-первыхъ, формы, плоскостныя изображенія и цвѣта людей, звѣрей, цвѣтовъ, то очень вѣрныхъ природѣ, то совершенно невозможныхъ. И все это, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безсмысленно или, что, по моему, то же самое, бьетъ исключительно на удовлетвореніе чувства зрѣнія. Есть, напримѣръ, во французскомъ отдѣлѣ превосходно сдѣланная изъ бронзы огромная птица, кажется, журавль, а впрочемъ, не помню. Стоитъ птица, и именно журавль, и въ японскомъ базарѣ, въ саду. Французскій журавль и къ природѣ ближе, и исполненъ тщательнѣе, и красивѣе, но онъ — журавль и больше ничего, тогда какъ японскій журавль есть символъ, дорогой и близкій японцу, исполненный для него глубокаго смысла и значенія, связанный со всѣмъ его міросозерцаніемъ.

Далѣе мы увидимъ въ европейскихъ отдѣлахъ удивительно красивыя сочетанія дерева съ бронзой и перламутромъ, драгоцѣнныхъ камней всевозможныхъ цвѣтовъ съ золотомъ и серебромъ, кожи съ бронзой, сталью, серебромъ, камнями, пенки съ янтаремъ и проч., и проч. Но обо всемъ этомъ можно только сказать, что это красиво или некрасиво, да еще развѣ очень дорого или не очень дорого. Индусъ, яванецъ, китаецъ, арабъ, проходя по своимъ отдѣламъ, навѣрное гдѣ заплакали бы, гдѣ помолились, гдѣ улыбнулись, а гдѣ и просто задумались бы. Европейцамъ, проходя по европейскимъ отдѣламъ, приходится только ахать, разводить руками и восклицать: «prachtvoll! colossal! famos! unübertrefflich!» И это не потому, разумѣется, что европейская цивилизація уже, мельче какой-нибудь яванской или египетской. Напротивъ, она слишкомъ широка и глубока, чтобы могла быть схвачена спеціалистомъ идеи красоты, оторванной отъ остальныхъ сторонъ міросозерцанія и жизни.

Спеціализація художественной идеи и эстетической способности даетъ себя знать

вмѣстѣ съ тѣмъ и въ техникѣ. Въ людяхъ интеллигенціи онѣ, вообще говоря, до послѣдней степени спеціализируются, отрываются отъ всѣхъ другихъ сторонъ жизни и мысли. Я думаю, что относительно этихъ другихъ сторонъ жизни и мысли пришлось бы сдѣлать совершенно параллельныя заключенія, если бы онѣ были уловимы на выставкѣ. Но онѣ неуловимы.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ 1874 ГОДА.

I *).

„Гражданинъ", № 51.—„Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи", экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карновича.—„Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи" Дж.-Ст. Милля, изд. 2.—„Автобіографія" Дж.-Ст. Милля.—Г. Головачовъ и нравственные кастраты.

Я не приглашаю васъ, читатель, заглядывать въ «Гражданинъ» слишкомъ часто: хорошенькаго понемножку. Но, право, иногда стоитъ, любопытно. Прочтите, напримѣръ, въ № 51 статью «О русскомъ дворянствѣ передъ военною реформою». Я не думаю, чтобы вы оцѣнили ее по достоинству, ибо очень трудно ее понимать. Но все-таки она навѣрное васъ наведетъ на размышленія, а чего же больше нужно? По затруднительности постигнуть означенную статью, я не берусь передать ея содержаніе и приведу наиболѣе характерныя мѣста прямо въ выдержкахъ:

«Есть люди у насъ, и государственные, и негосударственные, которые не столько радуются военной реформѣ, какъ улучшенію, какъ полезному общественному преобразованію, сколько какъ привлеченію русскаго дворянства къ дѣлу, отъ котораго, будто бы, оно было изъято въ силу своихъ сословныхъ правъ, дозволявшихъ ему всю тягость военной службы оставлять на податныхъ сословіяхъ».

Таково вступленіе, за которымъ идетъ цѣлый рядъ непостижимостей. Однако, и въ этихъ немногихъ строкахъ непостижимостей не мало. Почему дворянство было «будто бы» изъято отъ обязательной службы рядовыми, когда оно дѣйствительно было изъято? Если военной реформѣ должно радоваться не какъ привлеченію дворянства къ военной повинности, а какъ улучшенію и полезному общественному преобразованію, то въ чемъ состоитъ это улучшеніе и полезное преобразованіе? Впрочемъ, комментировать глубину размышленій «Гражданина» дѣло слишкомъ трудное, и потому будемъ продолжать выдержки:

«Тѣ, которые такъ, повидимому, узко и близоруко смотрять на военную реформу,—радуются еще и другому: военная служба уравняетъ, говорять они,—всѣ сословія, это разъ; военная же реформа дастъ всѣмъ сословіямъ право быть офицерами, а черезъ офицерство дворянами! Эти же люди, прославляя будущую реформу, заранѣе признаютъ за нею, кромѣ практической пользы, нравственное значеніе торжества *принципа одной интеллигенціи!* Различій по сословіямъ не будетъ: будетъ различіе только по образованію! Мы беремъ перо въ руки не для того, чтобы спорить, съ какой именно точки зрѣнія, съ этой ли, или съ другой, менѣе отвлеченной, оцѣнивать достоинство великой реформы будущаго года, но для того, чтобы освѣжить, такъ сказать, въ памяти читателей прежнія отношенія русскаго дворянства къ военному дѣлу на Руси. Въ ту минуту, когда дворянство призвано будетъ наравнѣ со всѣми подходить къ урнѣ военнаго жребія, оно имѣетъ право выставить впередъ историческую истину: что хотя законъ и давалъ право со временъ Екатерины русскому дворянству не служить, но никто болѣе русскаго дворянства не сознавалъ въ себѣ самомъ долга военной службы».

«Это добродушное отношеніе русскаго дворянства къ своей государственной роли было такъ постоянно, что не даромъ сложилась въ обществѣ мысль въ видѣ политическаго афоризма, что *русскаго дворянства не существуетъ!* И, дѣйствительно, русскаго дворянства, какъ особой, внѣшней государствен-

*) 1874 г., январь.

ки, можно быть ретроградомъ, но быть консерваторомъ весьма и весьма трудно, чтобы не сказать невозможно. «Гражданинъ» не желаетъ отстаивать право дворянства не служить. Но предположимъ, что онъ пожелалъ бы сдѣлать это съ консервативной точки зрѣнія. Что почерпнулъ бы онъ по этому поводу изъ «міра извѣстныхъ, изъ рода въ родъ завѣщаемыхъ и свято сберегаемыхъ преданій»? Издревле русское дворянство было исключительно служилымъ классомъ и единственно за службу пользовалось помѣстнымъ и вотчиннымъ правомъ. Петръ Великій привелъ этотъ стародавній принципъ русскаго дворянства въ соотвѣтствіе съ своимъ планомъ реформы, обязавъ дворянъ постоянною, до старости или увѣчья, службою, военною (начиная съ солдата) и гражданскою. Онъ строго преслѣдовалъ «нѣтчиковъ», «огурщиковъ», «отлынивавшихъ» отъ службы, которыхъ было не мало. При преемникахъ Петра, отчасти по злоупотребленію, а потомъ и законодательнымъ путемъ, дворянская служба облегчилась, а Петръ III и Екатерина II, манифестомъ 1762 г. и жалованною дворянству грамотою, отмѣнили обязательную службу дворянъ. Однако, при императорахъ Павлѣ, Александрѣ и Николаѣ было не мало уклоненій отъ жалованной дворянству грамоты. Затѣмъ, такъ называемое дворянское самоуправленіе, возникшее съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы, было, по выраженію г. Лохвицкаго, только перечисленіемъ изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ; или, какъ говоритъ г. Романовичъ-Славатинскій, «преобразованіемъ военной обязательной службы дворянства, сообразно потребностямъ правительства центральнаго, въ мѣстную обязательную службу гражданскую, сообразно потребностямъ мѣстнаго управленія; въ сущности, это самоуправленіе было *обязанностью* губернскихъ дворянскихъ обществъ *наряжать* мѣстныхъ судей и полиціймейстеровъ». Опять пошли «нѣтчики» и «огурщики», и опять штрафы и другія взысканія за отлыниваніе отъ службы.

Спрашивается, можно ли въ виду всего этого серьезно охранять право русскаго дворянства служить и не служить, серьезно относиться къ этому праву съ консервативной точки зрѣнія? Вообще охранять небывалое столь же трудно, какъ и постигнуть непостижимое. Поэтому принципы охранительной партіи въ Россіи, совершенно независимо отъ степени грамотности и умственнаго развитія отдѣльныхъ ея представителей, всегда нѣсколько непостижимы. Напримѣръ, институтъ общиннаго землевладѣнія, существующій многіе вѣка и, дѣйствительно, передающійся изъ рода въ родъ, всѣми нашими охранителями отрицается. При чемъ тутъ охранительные принципы? Принципу общиннаго землевладѣнія наши охранители противопоставляютъ начало личной собственности, или просто собственности, какъ они любятъ обобщать. Мы охраняемъ, говорятъ они, священное право собственности. Но это они только копируютъ европейцевъ, которые, дѣйствительно, уже довольно давно пользуются правами личной собственности и которымъ, поэтому, есть что охранять. У насъ же издревле была извѣстна только государственная и общинная собственность и потому защитникамъ личной собственности предстоитъ созидать и разрушать, но охранять имъ нечего. Нашъ почтенный цивилистъ, г. Побѣдоносцевъ, выражается на этотъ счетъ весьма опредѣлительно. «Понятіе о полномъ правѣ собственности на землю,— говоритъ онъ,—явилось и выразилось только тогда, когда служебная повинность снята съ дворянства жалованною грамотою Петра III и Екатерины II, а вслѣдъ затѣмъ (въ 1785 году) явилось то опредѣленіе, которое мы встрѣчаемъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ (420 ст. гражд. зак.). Съ этой эпохи, можно сказать, только-что начинается гражданская исторія русскаго права собственности» («Курсъ гражданскаго права», I, 1873, стр. 133). Такимъ образомъ, праву личной собственности у насъ не болѣе ста лѣтъ. Но этого мало. Не говоря уже о томъ, что принципъ личной собственности не можетъ войти въ культурный обиходъ народа при помощи одного или нѣсколькихъ указовъ, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: личная собственность, обособленная, освобожденная отъ служебной повинности Петромъ III и Екатериной, состояла, главнымъ образомъ, въ населенныхъ имѣніяхъ, т.-е. была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ крѣпостнымъ правомъ, которое нынѣ охранять уже нѣсколько поздно, такъ какъ его нѣтъ. Въ виду того, что личное право собственности еще такъ недавно, можно сказать, на дняхъ, подверглось коренной переборкѣ, равно какъ и въ виду всей исторіи частной собственности въ Россіи, можно, кажется, сказать, что охранители, толкующіе о священномъ правѣ собственности, находятся во власти нѣкотораго недоразумѣнія.

Много любопытныхъ данныхъ по этому вопросу читатель найдетъ въ недавно вышедшемъ «экономическо-историческомъ изслѣдованіи» г. Карновича: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи». Книга г. Карновича содержитъ въ себѣ не особенно много новыхъ фактовъ, но они, кажется, впервые являются у него сгруппированными въ одно цѣлое. Она далеко не вполнѣ оправдываетъ свое заглавіе, такъ какъ имѣетъ

вещей. Но понятно также, что при такихъ условіяхъ исторія собственности въ Россіи должна отличаться крайнею безпорядочностью. И дѣйствительно, это какой-то первобытный хаосъ, въ которомъ всѣ принимаемые гражданскимъ правомъ способы пріобрѣтенія и потери имущества видоизмѣняются самымъ страннымъ образомъ. Пожалованія, дареніе, купля, продажа, мѣна, конфискація, приданое комбинируются точно въ калейдоскопѣ. Напримѣръ, императрица Екатерина подарила Потемкину въ 1773 году Таврическій дворецъ. Черезъ нѣсколько времени онъ продалъ дворецъ казнѣ, а въ 1791 г. опять получилъ его въ подарокъ. Нынѣшній Аничковскій дворецъ былъ подаренъ Потемкину въ 1776 г. Онъ передалъ его откупщику Шемякину, у котораго дворецъ былъ купленъ казною и опять подаренъ Потемкину. Или: Петръ Великій устроилъ свадьбу одного изъ своихъ денщиковъ, Григорія Чернышева, съ 17-лѣтнею Евдокіей Ивановной Ржевской, причемъ далъ новобрачному въ приданое за покровительствуемой имъ невѣстой 4,000 душъ крестьянъ. Потомъ рождавшимся отъ этого брака сыновьямъ жаловалъ на зубокъ деньги и деревни, и отсюда пошло знаменитое богатство Чернышевыхъ. Таково же происхожденіе богатства Румянцевыхъ.

Единственная путеводная нить по исторіи почти всѣхъ безъ исключенія замѣчательныхъ богатствъ частныхъ лицъ въ Россіи есть внезапность. Она именно придаетъ этой исторіи занимательность и дѣлаетъ изъ нея въ нѣкоторомъ родѣ романъ, «и романъ не простой, а этакъ Рафаила Михайловича Зотова, съ бенгальскимъ освѣщеніемъ финала». Но она же мѣшаетъ уловить какой бы то ни было общій типъ происхожденія и роста богатства. Внезапно возникаютъ и внезапно проваливаются,—вотъ все, что можно сказать о нашихъ и легально, и не легально добытыхъ крупныхъ состояніяхъ.

Богатства, нажитыя нелегальнымъ путемъ. въ большинствѣ случаевъ по необходимости внезапны. И любопытны здѣсь развѣ только нѣкоторые особенные, исключительные способы наживы. Такъ, напримѣръ, послѣ 1812 г. въ Москвѣ внезапно оказались громадные купеческіе капиталы у лицъ, дотолѣ совершенно бѣдныхъ. Это объясняется тѣмъ, что многимъ обитателямъ первопрестольной столицы, украшенію которой такъ много способствовалъ пожаръ, удалось захватить прекрасно сдѣланныя фальшивыя ассигнаціи, привезенныя въ Россію Наполеономъ. При Екатеринѣ нѣкто Кашенскій, дослужившись до офицера, получилъ порученіе надзирать за калмыками, признавшими надъ собой верховную власть Россіи. Онъ грабилъ калмыковъ даже совершенно безумно, такъ что въ 1770 г. 75,000 кибитокъ откочевало въ Китай. Это обстоятельство повело къ раскрытію продѣлокъ Кашенскаго, но онъ остался цѣлъ и невредимъ. «Впослѣдствіи онъ имѣлъ чинъ генералъ-маіора и съ пышностью кровнаго барина проживалъ въ Петербургѣ плоды своего хищничества».

Богатства, нажитыя исключительно легальнымъ путемъ, отличаются тою же внезапностью. Генералъ-адъютантъ Екатерины П. Ермоловъ, въ теченіе 16 мѣсяцевъ получилъ: два помѣстья, одно цѣною въ 100,000, другое въ 300,000 рублей; деньгами 150,000, кромѣ единовременной выдачи въ 100,000, пенсіи и жалованья по 12,000 рублей въ мѣсяцъ. Генералъ-адъютантъ Екатерины, Ланской, получилъ: деньгами 3.000,000. брильянтовъ на 80,000, на уплату долговъ 80,000 и домъ въ 100,000 рублей. Генералъ-адъютантъ Римскій-Корсаковъ въ 16 мѣсяцевъ получилъ: 150,000 деньгами, 4,000 душъ крестьянъ, 100,000 на уплату долговъ, 100,000 на экипировку, 170 или 200,000 на путешествіе за границу, жалованья по 2,000 руб. въ мѣсяцъ и домъ, проданный имъ потомъ за 200,000. Братья Орловы въ сложности получили 45,000 душъ крестьянъ и 17.000,000 деньгами и драгоцѣнностями. Пожалованіемъ не исчерпываются легальные способы необычайно быстрой наживы. Не мало громадныхъ состояній порождено преимущественно винными откупами. Такъ, въ царствованіе Екатерины II саратовскій крестьянинъ Злобинъ понемногу разжился на откупахъ до того, что получалъ 1,000 р. доходу въ день. Таково же происхожденіе богатствъ Сапожниковыхъ и Яковлевыхъ, предокъ которыхъ пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ «съ полтиной въ карманѣ и съ родительскимъ благословленіемъ», а капиталъ его правнука простирался до 60.000,000.

Конечно, сдѣлаться, помимо всякаго пожалованія, изъ бѣднаго крестьянина владѣльцемъ капитала, приносящаго 365,000 годового дохода, очень трудно исключительно легальнымъ путемъ. Но дѣло въ томъ, что въ тѣ времена, о которыхъ повѣствуетъ книга г. Карновича, понятія о собственности были до такой степени смутны, что не всегда было легко отличить не только способы пріобрѣтенія, удовлетворяющіе какому бы то ни было высшему началу справедливости, отъ неудовлетворяющихъ ему, но даже просто легальные отъ нелегальныхъ. Взятки, грабежъ на большихъ дорогахъ, конечно, легальными путями не признавались. Но какъ назвать, напримѣръ, такой способъ пріобрѣтенія: Мазепа (въ другомъ мѣстѣ у

онъ не довольствовался этимъ. Въ одинъ изъ своихъ крымскихъ походовъ онъ взялъ съ татаръ двѣ бочки съ золотой монетой и донесъ въ Москву, что дальше Перекопа идти невозможно. Однако, татары надули Голицына, и деньги ихъ оказались мѣдными позолоченными. Подобную же сдѣлку Голицынъ устроилъ съ поляками. У малороссійскаго гетмана Дорошенко онъ прямо отнялъ осыпанную брильянтами булаву. Жилъ онъ роскошно. Польскій посланникъ говорилъ, что онъ нигдѣ въ Европѣ не видалъ дворца, подобнаго палатамъ Голицына. Но Петръ Великій уничтожилъ все это дѣло царевны Софіи однимъ почеркомъ пера. Онъ лишилъ Голицына боярскаго достоинства, сослалъ въ Яренскъ и отобралъ все имѣніе. При описи его имущества оказалось, кромѣ недвижимаго, 100,000 червонцевъ, 40 пудовъ серебряной посуды и множество драгоцѣнностей. А потомки его, вслѣдствіе Петровскаго разгрома, до такой степени обѣднѣли, что внукъ великаго Голицына былъ шутомъ при Аннѣ Ивановнѣ, получилъ при заключеніи Бѣлградскаго мира 3,000 рублей за охраненіе любимой собаки императрицы и былъ обвѣнчанъ въ ледяномъ домѣ съ калмычкой Авдотьей Бужениновой.

Князь В. Ѳ. Одоевскій, извѣстный писатель, не имѣлъ, кажется, никакого состоянія. Но предки его были очень богаты, какъ видно уже изъ того, что одинъ изъ нихъ завѣщалъ Троицко-Сергіевской лаврѣ 6,000 душъ крестьянъ. Въ особенности богатъ былъ прадѣдъ Владиміра Ѳедоровича, дѣйствительный тайный совѣтникъ и президентъ вотчинной коллегіи князь Иванъ Васильевичъ, получившій въ наслѣдство часть имѣнія князей Лыковыхъ, Однако, этотъ вельможа любилъ такъ шибко пожить, что долженъ былъ распродать всѣ свои деревни и остался при одномъ хорѣ крѣпостныхъ музыкантовъ, которые, играя за деньги въ разныхъ мѣстахъ, содержали себя и барина. Тотъ же вельможа дошелъ, наконецъ, до того, что прямо воровалъ у Разумовскаго во время карточной игры деньги.

По вступленіи на престолъ Анны Ивановны, гофмейстеру ея Петру Бестужеву-Рюмину было поручено похитить изъ Кильскаго архива подлинное завѣщаніе императрицы Екатерины I, по которому, въ случаѣ пресѣченія мужского поколѣнія дома Романовыхъ, престолъ долженъ былъ перейти въ потомство старшей дочери Петра Великаго, герцогини Голштинской. Удачное исполненіе этого щекотливаго порученія положило основаніе богатству Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Сынъ ловкаго похитителя графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ былъ однимъ изъ главныхъ угодниковъ Бирона и получалъ отъ него, помимо жалованья, щедрые подарки деньгами и вещами. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ, будучи сначала вице-канцлеромъ, а потомъ государственнымъ канцлеромъ, постоянно клянчилъ о разныхъ подачкахъ и пользовался такой репутаціей, что Фридрихъ Великій говорилъ о немъ: «онъ продалъ бы самую императрицу, если бы у кого-нибудь нашлось достаточно денегъ, чтобы купить ее». Чтобы имѣть понятіе о разнообразіи способовъ наживы Бестужева-Рюмина, приведемъ слѣдующій разсказъ г. Карновича. Вдова Ивана Толстого, у отца котораго было конфисковано все имущество, обратилась къ канцлеру съ просьбой исходатайствовать у императрицы Елизаветы возвращенія отобраннаго. Канцлеръ принялъ, повидимому, большое участіе въ дѣлѣ Толстой, но объяснилъ, что императрица всѣхъ имѣній ни въ какомъ случаѣ не возвратитъ, а пусть Толстая составитъ два списка конфискованныхъ имѣній—одинъ лучшихъ, другой худшихъ; онъ, канцлеръ, берется похлопотать о возвращеніи ей лучшихъ имѣній. Вдова такъ и сдѣлала. Черезъ нѣсколько дней Бестужевъ-Рюминъ выпросилъ у императрицы лучшія по списку Толстой имѣнія—для себя. Вскорѣ, однако, онъ былъ сосланъ, а имущество его конфисковано. Петръ III возвратилъ ему движимое имущество, Екатерина возвратила изъ ссылки. У канцлера былъ единственный сынъ, графъ Андрей, который, несмотря на чинъ генералъ-поручика и александровскую ленту, былъ, по просьбѣ отца, посаженъ за пьянство и развратную жизнь въ монастырь на смиреніе. Со смертію его пресѣкся родъ графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, такъ какъ и онъ, и старшій братъ канцлера были бездѣтны. Богатство ихъ перешло въ другіе роды.

Этихъ примѣровъ, число которыхъ мы могли бы весьма значительно увеличить, достаточно, чтобы видѣть, что въ нашемъ давнемъ и недавнемъ прошедшемъ не было рѣшительно никакихъ данныхъ для укрѣпленія идеи собственности. Благодаря отчасти самой задачѣ автора, а отчасти отрывочному, анекдотическому характеру книги, въ изслѣдованіи г. Карновича имѣются только весьма скудныя свѣдѣнія о томъ, какъ отражался этотъ порядокъ вещей на низшихъ слояхъ населенія. Нѣсколько связную, хотя очень краткую и далеко не полную картину этого рода представляетъ въ его книгѣ только описаніе судебъ землевладѣнія на Дону. Донскіе казаки признавали занятыя ими свободныя и отвоеванныя у татаръ земли общинною войсковою собственностью и пользовались земельными участками на правѣ временнаго владѣнія. До второй половины XVIII вѣка донскіе казаки не были знакомы ни съ крѣпостнымъ правомъ, ни съ потом-

ваютъ порицанія за противорѣчія своихъ старо-экономическихъ догматовъ своимъ новѣйшимъ стремленіямъ, тѣмъ не менѣе было бы величайшею несправедливостью смѣшивать ихъ съ шайкой рутинно-экономическихъ апологистовъ» («Капиталъ», 528, примѣчаніе).

Кстати вышла помѣченная уже 1874 годомъ «Автобіографія Джона-Стюарта Милля». Читатель, жаждущій отъ біографій и автобіографій разсказа о событіяхъ, эффектныхъ эпизодовъ и т. п., не найдетъ здѣсь ничего подобнаго. Милль и самъ говоритъ, что его жизнь не ознаменована никакими любопытными событіями. Его автобіографія представляетъ добросовѣстно и обстоятельно написанную исторію его умственнаго и нравственнаго развитія. Однимъ изъ главныхъ соображеній, побудившихъ Милля составить свою автобіографію, было слѣдующее: «полезно сохранить память о воспитаніи необыкновенномъ и замѣчательномъ, которое, несмотря на прочіе свои результаты, доказало, что можно обучить ребенка, и хорошо обучить, гораздо большему, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ возможнымъ, въ тѣ ранніе годы, которые, при обычныхъ теоріяхъ воспитанія, почти пропадаютъ даромъ». И дѣйствительно, воспитаніе Милля было необыкновенно и замѣчательно, но я осмѣливаюсь думать, что оно ровно ничего не доказываетъ, что оно не подлежитъ никакимъ обобщеніямъ.

Милль не помнитъ, когда онъ началъ учиться греческому языку, но слышалъ отъ другихъ, что ему было тогда три года. Первыя его воспоминанія относятся къ заучиванію наизусть длинныхъ списковъ греческихъ словъ съ англійскимъ переводомъ. Изъ грамматики онъ долгое время зналъ только склоненія существительныхъ и спряженія, а послѣ вокабулъ прямо перешелъ къ переводамъ. До семи лѣтъ онъ прочелъ Эзопа, Ксенофонта, всего Геродота, кое-что изъ Діогена Лаерція, Лукіана и проч., а, кромѣ греческаго, занимался только ариѳметикой. Семи лѣтъ онъ началъ учиться латинскому языку вмѣстѣ съ сестрой, которую долженъ былъ, собственно говоря, обучать, давая отцу отчетъ и въ собственныхъ, и сестриныхъ занятіяхъ. Отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ Милль прочелъ изъ латинскихъ книгъ Буколики Виргилія, первыя шесть книгъ Энеиды, всего Горація, за исключеніемъ Эподъ, басни Федра, первыя шесть книгъ Ливія, всего Саллюстія, значительную часть метаморфозъ Овидія, часть Лукреція, Теренція, Цицерона, а по-гречески: всю Иліаду, всю Одиссею, нѣсколько пьесъ Софокла, Эврипида и Аристофана, всего Ѳукидида, Эллиники Ксенофонта, большую часть Демосѳена, Эсхина и Лизія, также Феокрита, Анакреона, часть Антологіи, немного Діонисія, нѣсколько книгъ Полибія, наконецъ, реторику Аристотеля. Кромѣ того, въ тѣ же годы онъ «основательно прошелъ элементарную геометрію и алгебру и далеко неосновательно дифференціальное исчисленіе и другіе отдѣлы высшей математики». Обязательными занятіями маленькаго Милля было также въ это время писаніе стиховъ и выразительное чтеніе вслухъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ приняться за логику: читалъ Органонъ Бэкона, нѣсколько латинскихъ схоластическихъ сочиненій, Гоббза. Греческіе и латинскіе писатели шли своимъ чередомъ. Тринадцати лѣтъ Милль прошелъ «полный курсъ» политической экономіи. Сначала отецъ преподавалъ ему эту науку въ формѣ разговоровъ, а затѣмъ усадилъ за Рикардо и Смита. Кромѣ того, у мальчика были занятія необязательныя, состоявшія въ чтеніи нѣкоторыхъ, очень немногихъ дѣтскихъ книгъ, и полуобязательныя—чтеніе историческихъ сочиненій, выписки изъ нихъ, компиляціи.

За дальнѣйшимъ образованіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, Милля мы слѣдить уже не будемъ, такъ какъ оно, послѣ всего вышеприведеннаго, не представляетъ уже ничего необыкновеннаго: онъ познакомился съ сочиненіями Бентама и нѣкоторыми психологическими ученіями, которыя, въ особенности Бентамъ, обратились, такъ сказать, въ цементъ набранныхъ имъ съ самаго ранняго дѣтства кирпичиковъ знанія. Занимался съ нимъ всегда самъ отецъ, Джемсъ Милль, авторъ «Анализа ума», «Исторіи Британской Индіи» и «Основъ политической экономіи», другъ Бентама и Рикардо, человѣкъ въ свое время весьма замѣтный. Милль полагаетъ, что отецъ его разрѣшилъ трудную педагогическую задачу—утилизировать ранніе годы дѣтства, не отягощая памяти голыми фактами и готовыми фразами и не ослабляя умственныхъ способностей загораживаніемъ развитія самостоятельной мысли. «Мой отецъ, говоритъ Милль, никогда не позволялъ, чтобъ я чему-нибудь учился одной зубряжкой. Онъ старался, чтобъ не только я понималъ все, чему учусь, но чтобъ сознаніе, если возможно, предшествовало знанію» (33). Въ этомъ позволительно, однако, усомниться. Миллю довольно часто приходится припоминать, что такой-то разговоръ Платона «было бы лучше пропустить, такъ какъ я рѣшительно не могъ его понимать; но отецъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ со мною требовалъ не только того, что я могъ сдѣлать, но и многаго такого, что мнѣ было совершенно не по силамъ» (6); что Джемсъ Милль «выражалъ неудовольствіе, когда я не могъ сдѣлать трудной задачи, и онъ нисколько не бралъ въ соображеніе, что у меня не было необходи-

вспоминаетъ Милль,—чтобы измѣнить мнѣнія людей и заставить ихъ вѣрить только въ очевидность, а также сознавать ихъ истинные интересы; однажды достигнувъ этого, мы были увѣрены, что сами люди, путемъ общественнаго мнѣнія, распространятъ между собой должное уваженіе къ своимъ дѣйствительнымъ интересамъ. Вполнѣ сознавая высокое достоинство безкорыстной доброты и любви къ справедливости, мы ожидали возрожденія человѣчества не отъ непосредственной дѣятельности этихъ чувствъ, а отъ вліянія умственнаго развитія, которое придаетъ должное направленіе эгоистичнымъ чувствамъ человѣка» (115). Хотя «утилитаристское» общество съ теченіемъ времени и распалось, но составилось нѣкоторое подобіе школы или секты. Кромѣ того, Милль участвовалъ въ особомъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью изученіе сначала нѣмецкаго языка, а потомъ политической экономіи, логики и психологіи. Затѣмъ, онъ участвовалъ въ публичныхъ преніяхъ экономистовъ съ послѣдователями Овена, въ другихъ публичныхъ ораторскихъ упражненіяхъ, сталъ писать въ періодическихъ изданіяхъ и притомъ съ большимъ успѣхомъ. Казалось бы, оставалось только летѣть на всѣхъ парахъ по жизненному полю. Онъ и самъ чувствовалъ, что ему нечего гоняться за счастіемъ, что оно у него подъ рукой. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ былъ молодъ, здоровъ, уменъ, ученъ, имѣлъ передъ собой блестящую перспективу, съ успѣхомъ работалъ для сознанной широкой цѣли,—чего еще нужно?

Скоро, однако, оказалось, что чего-то не хватаетъ. Дѣло было въ 1826 году. Миллю, двадцатилѣтнему тогда юношѣ,—онъ родился въ 1806 году,—было что-то не по себѣ. Нездоровье было, собственно говоря, самое пустое: нервное разстройство, мрачное настроеніе духа. Но случилось такъ, что ему какъ разъ въ это время пришелъ въ голову вопросъ: я стремлюсь къ извѣстнымъ перемѣнамъ въ человѣческихъ мнѣніяхъ и учрежденіяхъ, желаю реформировать міръ; что, если эта реформа осуществится сейчасъ же? Буду ли я счастливъ? Голосъ совѣсти рѣшительно отвѣтилъ молодому человѣку: нѣтъ! И этотъ голосъ былъ до того силенъ, что все счастіе Милля рухнуло разомъ, онъ утратилъ цѣль жизни. Напрасно садился онъ за любимыя книжки, напрасно составлялъ и говорилъ въ своемъ обществѣ рѣчи,—сознаніе внутренней пустоты не давало ему покоя. День за днемъ проходили мучительной чередой, до такой степени мучительной, что Милль рѣшилъ, что и годъ такъ протянуть невозможно. Близкихъ людей, людей по душѣ, у него не было, подѣлиться горемъ было не съ кѣмъ и на лицо оставался только привычный съ дѣтства анализъ. За него и принялся несчастный юноша. Его воспитаніе, основанное на принципахъ Бентама, убѣдило его, что всѣ добрыя и злыя качества и чувства суть результаты ассоціаціи идей съ извѣстными явленіями; что мы любимъ одно и ненавидимъ другое, благодаря тому, что воспитаніе или жизненный опытъ соединили съ извѣстными явленіями идеи удовольствія и страданія. Изъ этого слѣдовало, что воспитаніе должно имѣть задачей развить ассоціацію идеи удовольствія со всѣмъ, что ведетъ къ наибольшему счастію наибольшаго числа людей, и идеи страданія со всѣмъ, что нарушаетъ общее благоденствіе. Обычныя средства для этого, которыми пользовались и руководители Милля, суть похвала и порицаніе, награда и наказаніе. Этими средствами, конечно, многое можетъ быть достигнуто, но теперь Миллю казалось, что «въ созданныхъ такимъ образомъ ассоціаціяхъ всегда должно быть нѣчто искусственное. Идеи страданія и удовольствія, насильственно придаваемыя извѣстнымъ предметамъ, не соединены съ ними какими либо естественными узами, и потому я полагалъ необходимымъ для долговѣчности этихъ ассоціацій, чтобы онѣ окрѣпли и стали неразрывны до начала обычной дѣятельности могучей силы анализа. Теперь я видѣлъ, что постоянная привычка анализа убиваетъ чувства, и дѣйствительно это случается, когда не развиваютъ никакихъ другихъ умственныхъ привычекъ, и духъ анализа остается безъ его естественныхъ дополненій и смягченій» (142). Въ чемъ состоитъ задача и достоинство анализа?—разсуждалъ далѣе Милль. Въ томъ, что онъ разсѣкаетъ всѣ случайныя, не связанныя причинно соединенія. Вслѣдствіе этого анализъ оказывается громадной силой въ дѣлѣ уничтоженія предразсудковъ и въ уразумѣніи истинной связи явленій въ природѣ, независимой отъ нашей воли и чувствъ. Но въ то же время онъ ослабляетъ «тѣ ассоціаціи идей съ извѣстными предметами, которыя, говоря обыкновеннымъ языкомъ, основаны на чувствѣ». Теоретически молодой Милль вполнѣ признавалъ, что имѣть цѣлью жизни благо человѣчества весьма выгодно для личности, такъ какъ чувства, сопровождающія эту цѣль, суть вѣрнѣйшіе источники счастія. «Я былъ убѣжденъ въ справедливости этого, но сознаніе, что извѣстное чувство могло бы сдѣлать меня счастливымъ, если бы я имъ обладалъ, не давало мнѣ этого чувства. Мое воспитаніе не развило во мнѣ этихъ чувствъ въ достаточной силѣ, чтобы противостоять разлагающему вліянію анализа, тогда какъ весь ходъ моего умственнаго развитія пріучилъ меня къ раннему, преждевременному анализу. Такимъ образомъ я, съ

(Читатель припомнитъ, безъ сомнѣнія, при этомъ главу «о неподвижномъ состояніи» въ «Основаніяхъ политической экономіи»). Другой пунктъ мучительныхъ сомнѣній Милля составляла усвоенная имъ теорія образованія характера подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Эта теорія казалась ему истинной, но въ то же время въ ней было что-то давящее и безотрадное. «Я думалъ,—говоритъ онъ,—что было бы большимъ счастіемъ, если бы теорію необходимости можно было признавать только относительно образованія характера другихъ и отвергать относительно образованія своего собственнаго характера» (178). Вдумываясь, подъ вліяніемъ пережитаго, въ этотъ вопросъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ его (въ томъ смыслѣ, какъ дѣло изложено во второмъ томѣ «Системы логики», стр. 406—414 русскаго перевода) и «уже болѣе не страдалъ подъ бременемъ мысли, чрезвычайно тягостной для человѣка, стремящагося быть реформаторомъ мнѣній, что одна теорія истинна, а другая, противоположная, нравственно благодѣтельна».

Въ концѣ концовъ, Милль вылѣчился, хотя и неизвѣстно, надолго ли, потому что, какъ мы уже упоминали, онъ не говоритъ, къ какой порѣ его жизни относятся послѣдующіе припадки унынія. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ, кажется, право поставить вопросъ: разрѣшилъ ли дѣйствительно отецъ Милля задачу воспитанія? Милль говоритъ, что онъ былъ мальчикъ посредственныхъ способностей, такъ что его воспитаніе и образованіе не представляютъ ничего такого, что не могло бы быть приложено къ большинству дѣтей. Едва ли, однако, такого рода осязательный урокъ представляетъ автобіографія Милля. Несмотря на ея искренность и обстоятельность, она не уясняетъ многихъ вещей, существенно важныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, насколько воспитаніе Милля удовлетворяло разумнымъ требованіямъ педагогіи. Прежде всего трудно положиться на показаніе Милля о посредственности его способностей въ дѣтскомъ возрастѣ, потому что и вообще объ этомъ трудно судить самому человѣку, а другихъ свидѣтельствъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Милль, конечно, далеко не былъ геніальнымъ человѣкомъ. Во всѣхъ своихъ работахъ онъ оригиналенъ только въ нѣкоторыхъ частностяхъ, въ общемъ же онъ является и въ логикѣ, и въ психологіи, и въ политической экономіи умнымъ и добросовѣстнымъ продолжателемъ другихъ изслѣдователей. Ничего, какъ говорятъ нѣмцы, Epochemachendes онъ не совершилъ. Любопытно, что въ молодости Милль производилъ впечатлѣніе «сдѣланнаго, искусственнаго человѣка, который могъ повторять только тѣ мнѣнія, печать которыхъ была на него наложена» (162). Но эта неоригинальность и отсутствіе идей, выходящихъ изъ ряду вонъ, еще ничего не рѣшаютъ. Можетъ быть, дѣйствительно, Милль правъ, говоря, что воспитательные пріемы его отца сдѣлали изъ мальчика посредственныхъ способностей ученаго и способнаго человѣка. Но можетъ быть и наоборотъ, что педагогическіе пріемы Джемса Милля лишили человѣчество оригинальнѣйшаго и глубочайшаго мыслителя. Вообще автобіографія Милля оставляетъ весьма широкое поле для апріорныхъ рѣшеній. Одинъ можетъ сказать: если бы Джемсъ Милль не засадилъ сына съ трехъ лѣтъ за греческія вокабулы и затѣмъ не вкладывалъ бы ему въ голову ежедневно новыхъ знаній, то мы не имѣли бы «Системы логики», «Основаній политической экономіи», «Размышленій о представительномъ правленіи», книги «О свободѣ». Другой можетъ сказать: если бы въ мягкій мыслительный аппаратъ ребенка не всаживали, начиная съ трехлѣтняго возраста, знаній и анализа, а дали бы нѣкоторый просторъ его природной умственной инціативѣ, то мы имѣли бы не свѣтлую только личность, а блестящую. Далѣе, приведенный выше разсказъ Милля о его душевномъ недугѣ долженъ во всякомъ поколебать вѣру въ пригодность педагогическихъ пріемовъ его отца, хотя опять-таки на основаніи автобіографіи трудно указать степень негодности различныхъ элементовъ этихъ пріемовъ. А между тѣмъ Миллемъ затронутъ вопросъ весьма важный, — вопросъ о возможности, безъ ущерба для полноты жизни, сократить періодъ дѣтства и, прибавимъ отъ себя, старчества.

Мы забыли упомянуть еще одну любопытную особенность воспитанія Милля: онъ не получилъ никакого религіознаго воспитанія. Не будучи атеистомъ, такъ какъ онъ признавалъ нелѣпыми всѣ догматическія теоріи атеизма, Джемсъ Милль отрицалъ, однако, всѣ положительныя религіи и всѣ клерикальныя доктрины. Поэтому онъ очень рано внушилъ своему сыну убѣжденіе въ невозможности разрѣшить вопросы о существѣ вещей. Онъ давалъ ему читать исторію религій, вообще разъяснялъ, какъ разрѣшались эти вопросы въ разное время и велъ это дѣло, по словамъ Дж.-Ст. Милля, очень искусно. «Мнѣ нисколько не было странно,—говоритъ Милль,—что мои соотечественники думали иначе, чѣмъ я: зная изъ исторіи, что человѣчество въ различныя эпохи придерживалось различныхъ вѣрованій, я считалъ и это явленіе продолженіемъ того-же историческаго факта» (43). Отецъ внушилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Миллю, что было бы неблагоразумно открыто передъ всѣми

которой свобода производства и торговли была послѣднимъ словомъ соціальнаго прогресса» (157). Однако, идеалы сенъ-симонистовъ не удовлетворяли его ума, онъ видѣлъ въ нихъ главнымъ образомъ высокій нравственный стимулъ. Въ томъ же направленіи вліяла на него и мистриссъ Тэлоръ, впослѣдствіи его жена. Нелегко, впрочемъ, опредѣлить степень этого вліянія. Милль, очевидно, нѣсколько путается въ своихъ воспоминаніяхъ. То онъ намекаетъ, что еще передъ іюльской революціей онъ былъ уже умѣреннымъ соціалистомъ (181); то, говоря о позднѣйшемъ времени, замѣчаетъ: до мистриссъ Тэлоръ, «одинокій, я не шелъ далѣе старой школы экономистовъ въ вопросѣ коренного улучшенія соціальныхъ условій» (244). Какъ бы то ни было, но при помощи мистриссъ Тэлоръ онъ увидѣлъ «соціальную задачу будущаго въ соединеніи наибольшей индивидуальной свободы дѣйствія съ общиннымъ землевладѣніемъ и одинаковымъ участіемъ всѣхъ въ прибыляхъ общаго труда» (245). Далѣе, извѣстную главу «о вѣроятномъ будущемъ рабочихъ классовъ» въ «Основаніяхъ политической экономіи» Милль цѣликомъ приписываетъ своей женѣ. Наконецъ, онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ея роль въ его экономическихъ трудахъ: «все, что въ нихъ отвлеченнаго и чисто научнаго, принадлежитъ преимущественно мнѣ, а человѣчный элементъ приданъ ею». Главнымъ же образомъ ея вліяніе выразилось въ опредѣленіи различія между законами производства богатствъ, которые суть настоящіе, естественные законы, и законами распредѣленія богатствъ, которые зависятъ отъ человѣческой воли. Какъ бы, однако, ни было велико сближеніе умовъ и сердецъ Милля и его жены, оно не могло же дойти до полнаго отождествленія, и ни ея благотворное вліяніе, ни другія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи, не были въ силахъ окончательно стереть закваску, съ такимъ рѣдкимъ упорствомъ навязанную ему съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Отсюда двойственность Милля, его усилія, не всегда удачныя, выбиться изъ круга старыхъ идей. Помянемъ же добрымъ словомъ этого честнаго труженика, условія развитія котораго были далеко не такъ выгодны, какъ кажется ему самому, за неустанную работу надъ самимъ собой, за готовность всегда откликнуться на голосъ правды и добра, что, однако, было труднѣе для него, чѣмъ для кого-нибудь.

Парламентскую дѣятельность Милля мы обойдемъ совсѣмъ, такъ какъ она была очень недолга и не представляетъ ничего выдающагося. При томъ же намъ нужно отмѣтить еще одно литературное явленіе.

«Мы нисколько не думаемъ создавать преградъ для промышленнаго развитія и не принадлежимъ къ тѣмъ умственнымъ кастратамъ, которые полагаютъ, что современное развитіе цивилизаціи противоположно интересамъ большинства; къ тѣмъ нравственнымъ недоноскамъ, которые, замѣтивъ одну изъ сторонъ дѣла, временно невыгодную для какой-нибудь части общества, или даже злоупотребленія капитала своей силой, закрываютъ глаза на всѣ полезные результаты, вызываемые промышленнымъ прогрессомъ въ общемъ историческомъ развитіи человѣчества, думаютъ, что они открыли Америку и возвѣщаютъ міру великія идеи, никому другому неизвѣстныя. Что касается этихъ людей, то мы смѣемъ увѣрить ихъ, что все то, что они говорили и имѣютъ высказать въ будущемъ, очень хорошо извѣстно каждому образованному человѣку, наблюдавшему настоящій экономическій порядокъ, недостатки котораго не могли остаться незамѣченными. Но такъ какъ совершенство не есть удѣлъ человѣчества, то люди, менѣе близорукіе, не роются на одномъ заднемъ дворѣ, а стараются расширить свой кругозоръ, ищутъ средствъ къ улучшенію существующаго порядка и относятся къ будущему съ полною вѣрой. Намъ кажется, что вооружаться въ принципѣ противъ самого капитала въ виду тѣхъ злоупотребленій, которыя онъ себѣ позволяетъ, или противъ машинъ, въ виду тѣхъ рабочихъ, которые въ данную минуту лишаются заработка,—все равно, что вооружаться противъ ножа, которымъ можно зарѣзать человѣка, или противъ свободнаго слова, которымъ можно сдѣлать пользу и принести вредъ. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на эти ограниченные и односторонніе умы, которые думаютъ защитить интересы большинства, вооружаясь противъ современной цивилизаціи, противъ свободнаго промышленнаго прогресса, не замѣчая, какъ непослѣдовательны они и какое ужасное оружіе они даютъ противъ себя лицамъ, принадлежащимъ къ крайней ретроградной партіи».

Мы заимствовали эту тираду не у какого-нибудь дрянного писаки и не изъ какой-либо газетной статьи, гдѣ голая, бездоказательная ругань и извращеніе чужихъ мнѣній если не извиняются, то, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени объясняются спѣшностью работы, увѣренностью, что написанное сегодня будетъ завтра же забыто, различными личными раздраженіями и т. д. Нѣтъ, мы заимствовали приведенныя слова изъ серьезнаго и весьма почтеннаго изслѣдованія одного изъ нашихъ замѣтныхъ публицистовъ, г. Головачова. Читатель найдетъ ихъ въ статьѣ «Вѣстника Европы»: «Операціи государственнаго банка», перепечатанной въ сборникѣ «Вопросы государственнаго хозяй-

ковъ. Но, увы! это уже не ересь. Мы даже лишены удовольствія быть еретиками! Г. Головачовъ совершенно справедливо говоритъ, что Америка умственныхъ кастратовъ и нравственныхъ недоносковъ уже открыта и что лежащія въ основаніи этого открытія великія идеи извѣстны каждому образованному человѣку, наблюдавшему современный экономическій порядокъ. Но, къ сожалѣнію, эти великія идеи часто забываются образованными людьми, а иногда и извращаются, какъ это случилось и съ г. Головачовымъ. Разъ забвенію и извращенію предаются такіе почтенные изслѣдователи вопросовъ государственнаго хозяйства, чего же требовать отъ людей, хотя и образованныхъ, но знакомыхъ съ дѣломъ по наслышкѣ и изъ вторыхъ или третьихъ рукъ? Можно себѣ представить, какія они говорятъ и пишутъ нелѣпости, несмотря на то, что они люди образованные, а Америка давно открыта. По несчастію, экономическіе вопросы принадлежатъ къ числу такихъ, о которыхъ каждый считаетъ себя въ правѣ трактовать. Вѣдь и щедринскій помпадуръ Митенька, человѣкъ, безъ сомнѣнія, образованный, говорилъ: «я полагаю посмотрѣть здѣшній гостиный дворъ, и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ. «Спросъ»—это вообще... требованіе товара: «предложеніе» — ... это предложеніе товара же».

«Мы вовсе не смѣшиваемъ, — говоритъ г. Головачовъ, — экономическую свободу съ произволомъ капитала и его тенденціей эксплуатировать рабочаго, котораго необходимость можетъ заставить подчиняться всякимъ условіямъ. Человѣческое общество необходимо должно дорожить интересами большинства, и одна изъ задачъ политической жизни настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы оградить интересы этого большинства отъ произвола капитала. Но ограниченіе произвола не есть еще стѣсненіе свободы. Опредѣленіе границы между первымъ и послѣдней составляетъ задачу нашего времени, которую должна разрѣшить только практика» (73). Если первая наша цитата изъ произведенія г. Головачова полна голословной ругани и побѣдъ надъ карточными домиками собственной фабрикаціи, выдаваемыми за неприступнѣйшія изъ непріятельскихъ крѣпостей, то вторая—совершенно противоположнаго свойства. «Необходимость можетъ заставить рабочаго подчиняться всякимъ условіямъ», «человѣческое общество необходимо должно дорожить интересами большинства», «одна изъ задачъ политической жизни настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы оградить интересы большинства отъ произвола капитала», «ограниченіе произвола не есть еще стѣсненіе свободы», — все это такія истины, подъ которыми умственные кастраты и нравственные недоноски не подписались бы развѣ только потому, что онѣ, истины, значительно отдаютъ азбукой. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Мы не станемъ попрекать г. Головачова тѣмъ, что онъ думаетъ, будто открылъ Америку, и вѣщаетъ міру великія идеи, никому доселѣ неизвѣстныя. Мы остановимся только на заключительной его мысли, что опредѣленіе границы между произволомъ и свободой должно быть разрѣшено практикой. Практика, конечно, вещь хорошая въ смыслѣ пробнаго камня. Но едва ли намъ, русскимъ, предстоитъ особенная надобность продѣлывать всѣ подробности пробы, ибо нѣкоторыя изъ этихъ подробностей могутъ насъ завести, чего добраго, въ такія трущобы, изъ которыхъ выбраться будетъ весьма и весьма трудно. Г. Головачовъ разсказываетъ въ своей книгѣ исторію нѣкоторыхъ нашихъ пробъ въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ и, конечно, согласится самъ, что было бы не худо, если бы мы ихъ избѣжали. Само собою разумѣется, что избѣжать болѣе или менѣе неудачныя пробы совсѣмъ—дѣло невозможное. «Совершенство не есть удѣлъ человѣчества», какъ замѣчаетъ поразительно вѣрно и оригинально г. Головачовъ. Но мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ, какъ можно перейти отъ этой посылки къ выводу: должно «относиться къ будущему съ полной вѣрой». Намъ кажется напротивъ, что именно потому, что совершенство не есть удѣлъ человѣчества, именно поэтому къ будущему слѣдуетъ относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Но, спрашивается, какъ же быть, если подвергать благосостояніе милліоновъ народа всѣмъ подводнымъ камнямъ практическихъ экспериментовъ не желательно, а одними теоріями пробавляться, конечно, тоже нельзя? Существуетъ очень простой выходъ изъ этой дилеммы: надо прибавить къ теоріямъ и къ практикѣ на свой страхъ (которая въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ неизбѣжна) практику другихъ народовъ. Присматриваясь къ ходу цивилизаціи въ странахъ, насъ опередившихъ, прикидывая затѣмъ результаты, до которыхъ они дошли, къ особенностямъ условій нашей жизни, мы можемъ получить не одинъ полезный урокъ и избѣжать не одного неловкаго шага. Такія сравненія и сопоставленія съ общественно-педагогическими цѣлями даже неизбѣжны. Какъ только русская мысль получила мало-мальски возможность осмотрѣться, ея представители распались не на какія-нибудь опредѣленныя, самостоятельныя политическія, соціальныя, философскія и т. д. партіи, а на славянофиловъ и западниковъ. Только съ теченіемъ времени уяснилось, что это группировка со-

что общество не выросло изъ нерефлектирующаго состоянія, не освободилось отъ звѣрства; она ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ наша умственная рефлексія очищается, и если человѣчеству не суждено осуществить на землѣ идеальнаго мира и согласія, то все же прогрессивное наше умиротвореніе есть такой же необходимый законъ для насъ, людей, какъ борьба за существованіе для звѣрей». Подробныхъ, удачно выраженныхъ и совершенно правильныхъ положеній въ статьѣ г. Мамонова не мало, и тѣмъ не менѣе она производитъ чрезвычайно странное впечатлѣніе. Въ ней много хорошаго, но нѣтъ именно того, чего читатель въ ней поневолѣ ищетъ—защиты славянофильства. То-есть, есть, пожалуй, и защита, но такая особенная, такая странная, что ею ни славянофилы, ни западники удовлетвориться никакимъ образомъ не могутъ. Что касается славянофиловъ, то неудовлетворительность протеста г. Мамонова съ ихъ точки зрѣнія обнаруживается напечатаннымъ въ томъ же номерѣ «Русскаго Архива» письмомъ къ издателю И. С. Аксакову. Это письмо также заслуживаетъ вниманія. Оно представляетъ вполнѣ обстоятельную критику статьи г. Мамонова, и если посторонній человѣкъ признаетъ, что г. Мамоновъ судитъ о вещахъ, вообще говоря, правильнѣе г. Аксакова, то въ частности къ ученію славянофиловъ послѣдній относится несравненно правдивѣе, искреннѣе и резоннѣе. Г. Аксаковъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за защитой г. Мамонова и доказываетъ вездѣ весьма ясно и просто, что эта защита крайне неудовлетворительная. Далѣе г. Аксаковъ подводитъ итогъ своимъ замѣчаніямъ, причемъ не безъ основанія утверждаетъ, что авторъ задался цѣлью представить славянофильство въ очищенномъ, «такъ сказать, *облупленномъ* видѣ», представить его въ выгодномъ, *либеральномъ* свѣтѣ; что для этого авторъ систематически ограничивается отрицательною стороною славянофильства, «тщательно отсѣкая внутреннее содержаніе, положительную сторону славянофильской проповѣди». Съ этимъ нельзя не согласиться каждому мало-мальски, хотя бы только по наслышкѣ, знакомому со взглядами славянофиловъ.

Вотъ нѣсколько опредѣленій г. Мамонова. «Славянофилы,—говоритъ онъ,—требовали искренности, неподкупной честности, безкорыстнаго и свободнаго служенія народу». Г. Аксаковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что отъ такого требованія не откажется ни одна партія и ни одна школа. Славянофилы, говоритъ г. Мамоновъ, думали, что «когда наука насильно навязывается, да еще отмѣренная чиновничьей мѣркой, то польза ея сомнительна. Впрочемъ, если бы западники ограничились доказательствомъ, что и такая наука лучше, чѣмъ совсѣмъ ничего, то очень возможно, что они не встрѣтили бы рѣшительныхъ противниковъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ противники не почувствовали бы нужды сплотиться въ особую боевую фалангу, съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ». Г. Аксаковъ опять-таки вполнѣ резонно возражаетъ, что если бы ларчикъ открывался такъ просто, то онъ навѣрное былъ бы въ свое время открытъ. На знамени славянофиловъ было, по мнѣнію г. Мамонова, написано: «недовѣріе къ оффиціальнымъ цивилизаторамъ, недостаточность одного усвоенія всего чужого, необходимость тщательной и бережной провѣрки основъ роднаго быта прежде огульнаго ихъ осужденія и, наконецъ, непригодность нѣкоторыхъ началъ европейской цивилизаціи для нашей земли». Г. Аксаковъ возражаетъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, что это опредѣленіе отчасти совсѣмъ невѣрно, а отчасти не полно; что славянофилы даже предпочитали оффиціальныхъ цивилизаторовъ цивилизаторамъ неоффиціальнымъ или, какъ выражется г. Аксаковъ, «непризнаннымъ»; что славянофилы не допускали никакого осужденія «основъ роднаго быта»; что «непригодность нѣкоторыхъ началъ европейской цивилизаціи для нашей земли» есть понятіе въ такой мѣрѣ общее, что и «самый отчаянный западникъ» можетъ безпрепятственно его держаться. Г. Мамоновъ говоритъ: «не менѣе западниковъ славянофилы чувствовали, что цивилизація безплодна, пока она составляетъ исключительное преимущество высшаго слоя общества; но они чувствовали еще и другое, именно, что для того, чтобы привить ее, сдѣлать доступною и понятною народу, необходимы два условія. Во-первыхъ, нужно цивилизаторамъ съ народомъ сблизиться и пріобрѣсть его довѣріе», что въ ту пору было фактически невозможно. «Во-вторыхъ, нужно было отыскать способъ связать само просвѣщеніе съ даннымъ существующимъ міровоззрѣніемъ народа и должно открыть въ понятіяхъ народныхъ такое мѣсто, такой органъ, который бы могъ служить звеномъ между наукою, приходящею извнѣ, и непосредственнымъ туземнымъ преданіемъ... Для достиженія своей цѣли славянофиламъ больше ничего не оставалось, какъ вдумываться, вживаться въ народное міровоззрѣніе, насколько это возможно людямъ, уже оторваннымъ отъ него, принять въ себя народное міровоззрѣніе, глубоко проникнуться основами, лежащими въ русскомъ бытѣ... Здѣсь-то кроется причина всѣхъ славянофильскихъ обращеній отъ философіи къ православію, и это набрасывало на ихъ школу ту романтическую черту, ко-

бовало бы какой-нибудь особенной смѣлости. Но въ литературѣ есть не мало примѣровъ вовсе не огульнаго отношенія къ славянофиламъ. Достаточно напомнить автора «Очерковъ гоголевскаго періода» и «Замѣтокъ о журналахъ» или хоть того же г. Пыпина. Ясно, что въ хирургической операціи, произведенной г. Мамоновымъ надъ славянофильствомъ, должно играть нѣкоторую роль то обстоятельство, что онъ самъ былъ нѣкогда славянофиломъ.

Судьбы славянофильскаго ученія нынѣ уже такъ мало интересуютъ людей, что, можетъ быть, читатель посѣтуетъ на меня за то, что я нѣкоторымъ образомъ поднимаю мертвеца изъ гроба, говоря о полемикѣ гг. Аксакова и Мамонова. Но я имѣю свои резоны. Небезынтересно отмѣтить кесарское сѣченіе, предпринятое г. Мамоновымъ, даже просто какъ единичный фактъ. Но оно не есть единичный фактъ. Читатель, безъ сомнѣнія, встрѣчалъ за послѣднее время и въ литературѣ, и въ жизни людей, признаваемыхъ по старой памяти и признающихъ себя славянофилами, которые, однако, столь же мало славянофилы, какъ и г. Мамоновъ. Я по крайней мѣрѣ имѣлъ случай дѣлать подобныя наблюденія и предаваться по поводу ихъ не весьма веселымъ размышленіямъ. Не то, чтобы я скорбѣлъ о паденіи славянофильства. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что его живыя стороны не пропадутъ, а сольются съ подходящими сторонами стараго западничества. Но въ этомъ паденіи славянофильства прискорбно очевидное желаніе прислониться къ преданію, въ которое сами прислоняющіеся не вѣрятъ, къ которому они даже и прислониться не могутъ, не выворотивъ его предварительно на изнанку. Быть первымъ портнымъ, конечно, вовсе не лестно, да вѣдь его никогда и не было, перваго-то портного. Поэтому потребность опереться на преданіе, на задатки своихъ собственныхъ убѣжденій въ прошедшемъ, вполнѣ естественна и законна. Но это не мѣшаетъ относиться къ самому дорогому преданію вполнѣ свободно и критически. Отношеніе же гг. Мамоновыхъ къ славянофильскому преданію отнюдь нельзя назвать свободнымъ и критическимъ. Это не свобода, а только развязность, которая весьма часто есть признакъ именно отсутствія свободы. Свободно ли относились славянофилы къ до-петровской Руси, когда систематически скрадывали ея темныя стороны? Конечно, нѣтъ. Такъ и гг. Мамоновы, скрадывая непривлекательныя на ихъ собственный взглядъ стороны славянофильства, отнюдь свободы не обнаруживаютъ. Не принимая особенно близко къ сердцу судебъ славянофильскаго ученія и не имѣя личныхъ причинъ протестовать противъ его извращенія съ тою энергіей и негодованіемъ, какъ это дѣлаетъ г. Аксаковъ, мы отмѣчаемъ приведенный фактъ только какъ одно изъ проявленій общаго недуга, одолѣвающаго русскую жизнь и русскую литературу. Этотъ недугъ, о которомъ нами было говорено много разъ, можетъ быть выраженъ извѣстнымъ терминомъ: отсутствіе всякаго присутствія. Сверху небо, снизу земля, и затѣмъ на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ ничего, кромѣ сквозного вѣтра, который одинъ гуляетъ смѣло и свободно. Только кое-гдѣ проскальзываетъ странное желаніе ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы прожить но-человѣчески. Но и этому страстному желанію не соотвѣтствуютъ ни воля, растраченная по мелочамъ, ни вѣра, надорванная неудачами. Напрасно мыкаются даже тѣ, кто ищетъ только гвоздика, на который можно бы было повѣсить старое, не держащееся уже на плечахъ «рубище издранно». Даже и этой простой операціи мы не въ силахъ сдѣлать съ достоинствомъ и норовимъ надуть самихъ себя, припрятывая и заштопывая на живую нитку дырья завѣдомо негодной, въ нашихъ собственныхъ глазахъ негодной, хламиды. «Русская Старина» 1900 года напечатаетъ наши дневники и мемуары. Будутъ между ними фальшивые и лживые, но будутъ и искренніе, которые разскажутъ, въ поученіе потомству, во что обходится намъ наша теперешняя жизнь... Впрочемъ, занавѣсъ! Не надо мрачныхъ картинъ и мрачныхъ мыслей. Будемъ веселиться. Читатель получитъ этотъ номеръ «Отечественныхъ Записокъ» въ великомъ посту, но пишу я на масляницѣ. На балаганы, что ли, сходить?

Не все пропало. Кругомъ не все колебанія, сомнѣнія, извороты, невѣріе, двоедушіе, ложь. Есть и искренность, и непреклонность, и смѣлость, и правда, и самоувѣренность, и законный апломбъ. Сомнѣвающимся рекомендую статью г. S. о балетѣ, въ № 8 «Петербургскихъ Вѣдомостей». Здѣсь есть все вышеисчисленное, да въ придачу еще эрудиція, достойная изумленія. «Въ былое время,—говоритъ г. S.,—когда не было земства, концессій, интересныхъ судебныхъ дѣлъ и проч., новый балетъ составлялъ крупное явленіе петербургской общественной жизни, и «весь Петербургъ», забывъ канцелярское производство и маршировку, погружался въ аналитическое изслѣдованіе разныхъ *cambrures des reins* и *entrechats six de volé*, а сильные міра сего, заранѣе предвкушая блаженство, ѣздили на репетиціи и подавали кордебалету необходимыя указанія. Теперь не то. Балетъ, считавшійся чуть не національнымъ нашимъ учрежденіемъ и

сказать, совсѣмъ посторонняго вѣдомства, отчасти даже карамзинская нота: пластика, грація никогда не потеряютъ своей силы, потому что искусство вѣчно... Но это только на одну минуту, этого совсѣмъ ненужно, далѣе идутъ подъ руку только по-реформенный человѣкъ и человѣкъ не лыкомъ шитый. По-реформенный человѣкъ цинически намекаетъ на самарскій голодъ и безденежье, а человѣкъ не лыкомъ шитый гаркаетъ: но какіе пуанты! И выходитъ такъ, что одна половина человѣка—человѣкъ по-реформенный—оплевываетъ другую — человѣка не лыкомъ шитаго, а эта, въ свою очередь, оплевываетъ первую, но вмѣстѣ они составляютъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, вооруженное одной парой глазъ, одной парой ушей, однимъ носомъ — вотъ что достойно удивленія, — и, смѣю прибавить, отвращенія. Въ какой мѣрѣ по-реформенному человѣку въ самомъ г. S долженъ быть отвратителенъ въ немъ же сидящій не лыкомъ шитый человѣкъ, объ этомъ читатель можетъ судить по слѣдующему отзыву его объ одномъ представленіи въ театрѣ Буффъ: актеру недоставало таланта, одной актрисѣ—голоса, а другой—*икръ*. Браво! Г. Бобарыкинъ въ своемъ романѣ представилъ нѣсколько типовъ «дѣльцовъ», несомнѣнно схваченныхъ прямо изъ жизни, можетъ быть даже слишкомъ прямо изъ жизни. Но у него только намѣчена эта характернѣйшая для нашего времени черта: потребность оплеванія своей собственной утробы, потребность, если хотите, совершенно невинная, потому что безсознательная. Рекомендую нашимъ романистамъ слѣдующіе типы. X, желающій имѣть репутацію, во-первыхъ, серьезнаго человѣка, во-вторыхъ, Казановы. Онъ, навѣрное, вовсе не серьезный человѣкъ и, легко можетъ быть, имѣетъ только отдаленное сходство съ Казановой. Но онъ страстно жаждетъ этой двойной репутаціи. Это совсѣмъ не такая цѣльная натура, какъ Саламатовъ, котораго одолѣваютъ страсти и который не думаетъ ни прятать, ни показывать своихъ грѣховъ, а ужъ такъ выходитъ, что все у него видно, а ему все равно, видно или нѣтъ. Это и не Малявскій, не Воротилинъ, все-таки кое-какъ сводящіе въ своей душѣ концы съ концами. Нѣтъ, X готовъ соврать на себя въ обоихъ направленіяхъ своей двойной репутаціи. У него хватитъ смѣлости объявить, что онъ глубоко изучилъ предметъ, который онъ видалъ только во снѣ, и тутъ же рядомъ дать понять, что онъ не лыкомъ шитъ, что онъ именно обольстилъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ, которыя его даже и во снѣ не видали. Другой типъ... Но другіе когда-нибудь въ другой разъ. Вообще теперешнему человѣку нужно, чтобы въ немъ сидѣли два человѣка, чтобы одинъ былъ современнѣйшій общественный дѣятель, а другой, чтобы не былъ лыкомъ шитъ по части того или другого грѣха, который былъ въ до-реформенное время въ почетѣ, затѣмъ заклейменъ «страха ради либеральна», а нынѣ почему-то вновь попадаетъ въ передній уголъ. Такимъ образомъ, у насъ воочію осуществляется гегелевская тріада съ ея тезисомъ, анти-тезисомъ и синтезисомъ, положеніемъ, отрицаніемъ и примиреніемъ. Однако, послѣднее звено тріады, будучи возвращеніемъ къ первому, не есть все-таки его буквальное повтореніе. Возьмемъ хоть бы тѣ же *икры* г-жи Андреани или какой другой актрисы, — не помню хорошенько, кто именно не удостоился въ этомъ отношеніи одобренія академической газеты. Въ до-реформенную эпоху можно было встрѣтить весьма часто разслабленнаго старца или юнаго гусарскаго корнета, которые объявляли: такая-то актриса—ничего, только икры плохи. Окружающіе смѣялись и поддакивали. Затѣмъ, реформы и нигилизмъ изгнали эти игривости изъ общественнаго обихода, такъ что заикнуться о красотѣ икръ было подчасъ страшно даже разслабленному старцу и юному корнету. Нынѣ идутъ дебаты объ этомъ предметѣ въ серьезной газетѣ, и г. S, занимающійся этимъ, даетъ понять, что онъ имѣетъ множество серьезныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и лежитъ разница между первою и третьею ступенями тріады. Гусарскій корнетъ связывалъ въ своей головѣ понятіе о своемъ спеціальномъ занятіи—защитѣ отечества самыми неразрывными узами со всевозможными игривостями. Такъ ужъ выходило какъ-то и пѣсни даже такія все пѣлись, что, дескать, гусаръ долженъ храбро защищать отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ быть знатокомъ и любителемъ по части игривостей. Почтенный старецъ былъ, конечно, въ иномъ положеніи, онъ не могъ такъ удобно связать свое фолишонство съ своею сановитостью. Но онъ и не пытался быть или казаться тѣмъ и другимъ заразъ: либо сановникъ, либо фолишонъ. Ему приходилось притворяться, но потому, что ему все-таки было стыдно. Нынѣ не то. Возьмемъ книжку Скальковскаго, изображающую его «Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи». Вѣдь ужъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній въ серьезности, дѣльности почтеннаго автора. А если кто и предастся подобному, ни на чемъ не основанному скептицизму, то самъ же г. Скальковскій посрамитъ его, разсказавъ, напримѣръ, что изъ его книги о Суэзскомъ каналѣ было сдѣлано извлеченіе на англійскомъ языкѣ и перепечатано во всѣхъ калькутскихъ, мадрасскихъ и бомбейскихъ

*

рода, такое общество говоритъ про себя: любовь къ отечеству не требуетъ любви къ большинству народа: довольно любить и меньшинство. Нѣтъ, любовь къ отечеству не должна быть только частью любви къ народу... Какая можетъ быть любовь къ народу въ тѣхъ, кто установилъ и поддерживалъ крѣпостное право, или въ тѣхъ, кто желаетъ его продолженія? Какая любовь къ народу можетъ быть въ томъ обществѣ, гдѣ смотрятъ равнодушно на лишенія, бѣдствія, страданія тѣхъ людей изъ народа, чьи права свободы и самостоятельности были прерваны въ дѣйствіи, чья кровь пролита для цѣлости и силы государства, которымъ держится общество, а если нѣтъ состраданія къ нимъ, то можетъ ли оно быть къ тѣмъ массамъ народа, въ которыхъ каждый стремится къ своимъ личнымъ, а не къ общимъ цѣлямъ, и хотя порабощается, эксплоатируется обществомъ, но не менѣе того ведетъ съ нимъ борьбу за свое существованіе. Если общество и дорожитъ этими массами, то лишь потому, что извлекаетъ изъ нихъ средства для своей безопасности, для своего усиленія и развитія... Пріидетъ часъ, и нынѣ есть, когда народы покроютъ негодованіемъ, заклеймятъ позоромъ имена тѣхъ завоевателей, которые жертвовали ими для государствъ, имена, которыя они такъ долго, безсознательно и по заказу величали, принимая за любовь къ отечеству тотъ облагороженный эгоизмъ, который жертвуетъ не только чужою, но иногда, въ минуты сильнаго возбужденія и самозабвенія, и своею жизнью—для своей чести и славы и самыми блистательными подвигами доказываетъ только, что государство не есть сила сверхъестественная, разумная и нравственная, которой какъ существу высшей природы, смертные должны быть приносимы въ жертву» (Предисловіе).

«Благотворныя преобразованія, совершенныя и совершаемыя государемъ нашимъ, имѣютъ ближайшею цѣлью прекращеніе страданій разнаго вида, присущихъ народной жизни въ каждомъ государствѣ, пока оно развивается болѣе внаружу, нежели внутрь себя; пока народъ есть нечто иное, какъ извѣстное число пѣшекъ, сбрасываемыхъ и удерживаемыхъ для выигранія партіи внѣшняго и внутренняго значенія правительства; пока общество составляется только изъ меньшинства народа, не побуждаемаго къ труду ни гнетомъ нужды, ни жезломъ закона; тогда какъ порабощаемое имъ громадное большинство обрекается жить не для себя, а если и удѣляютъ ему кое что отъ пира общественныхъ благъ, то это только по тому побужденію, по которому ѣздокъ бережетъ своего коня» (Рѣчь въ дворянскомъ собраніи).

«Каждый изъ насъ можетъ сдѣлаться нищимъ, но солдатъ не долженъ быть нищимъ, это должно стать первымъ нашимъ общественнымъ правиломъ, войти въ число основныхъ законовъ. Я не счелъ бы за безчестіе, если бы законъ обязывалъ меня стоять на улицѣ безъ шапки передъ безрукимъ или безногимъ солдатомъ. Онъ несъ за меня жизнь свою, а я для него ничѣмъ не жертвовалъ. И что же: вмѣсто благодарности отъ меня, онъ долженъ валяться въ ногахъ моихъ, чтобъ получить кусокъ черстваго хлѣба или какого-нибудь лохмотья для прикрытія наготы своей» (Рѣчь въ уѣздномъ земскомъ собраніи).

«Я заканчиваю свой трудъ въ увѣренности, что и по сознанію всѣхъ лучшихъ изъ моихъ согражданъ въ огражденіи и обезпеченіи военныхъ инвалидовъ отъ бѣдствій нищеты было бы для Россіи еще болѣе и гораздо болѣе чести и славы, нежели въ томъ, что она простирается «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Я завершаю этотъ трудъ въ несокрушимомъ убѣжденіи, что языческая, безотчетная любовь къ отечеству съ ея оракулами, жрецами, жертвами и кумирами,—должна уступить христіанской, сознательной, дѣятельной, самоотверженной любви къ природному въ отечествѣ народу, и особенно къ тѣмъ массамъ или группамъ его, которыя терпятъ и страдаютъ» (Еще дополненія и послѣднее слово).

Таковы странныя мысли и чувства, овладѣвшія г. Энскимъ. Свой основной принципъ онъ называетъ принципомъ «не Бонапартовъ, не Бисмарка и даже не Тьера, но многихъ безкорыстныхъ, возвышенныхъ умовъ, отъ которыхъ бѣдствующее человѣчество ждало и ждетъ еще чего-то лучшаго». Очевидно, «Гражданинъ» долженъ дать ему кличку citoyen du monde civilisé, «Петербургскія Вѣдомости» должны съ своей обычной, наповалъ бьющей ироніей, выронить презрительное: «народолюбецъ», а иные органы печати, пожалуй, даже его нигилистомъ обзовутъ. Мы, разумѣется, не можемъ сдѣлать ни того, ни другого, ни третьяго, ибо, читатель знаетъ, мы сами всѣ эти клички получали и приблизительно за то же, за что ихъ долженъ получить г. Энскій. Но къ его основнымъ принципамъ мы еще вернемся ниже, а теперь обратимся къ исторіи его усилій добиться своей цѣли — улучшенія положенія отставныхъ солдатъ.

Самъ непосредственно г. Энскій сдѣлалъ слѣдующее: во-первыхъ, онъ съ 1868 года вноситъ ежегодно по 300 рублей уѣздному предводителю дворянства для употребленія на пользу тѣхъ отставныхъ солдатъ, которые не могутъ работать и ничѣмъ не обезпечены. Во-вторыхъ, въ 1869 году онъ передалъ сельскому обществу своихъ бывшихъ крѣпо-

кое время». Несмотря на все это, г. Энскій все-таки исполнилъ то, что считалъ своимъ долгомъ и повторилъ свое предложеніе. Отмѣтимъ два любопытные эпизода. Г. Энскій, между прочимъ, сказалъ «я не говорю, чтобы долгъ призрѣнія военныхъ инвалидовъ лежалъ на насъ однихъ, чтобы въ немъ не должны были участвовать другія сословія, лица и положенія. Есть положенія и въ особенности лица, еще болѣе насъ нравственно отвѣтственныя за небреженіе о тѣхъ, кто служилъ живой оградой для нихъ и для всѣхъ своихъ согражданъ, но мы не въ правѣ здѣсь говорить о томъ, что должны дѣлать другіе: мы можемъ разсуждать только о нашихъ собственныхъ обязанностяхъ». Какъ бы то ни было, но предложеніе г. Энскаго прошло. Однако, фактически это не повело ни къ чему, такъ какъ никто не пожертвовалъ ни копѣйки.

Г. Энскій толкнулся въ періодическую печать. Здѣсь также не повезло. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что г. Энскій, полный вѣры въ свое дѣло, сдѣлалъ въ своихъ обращеніяхъ къ періодической печати не мало практическихъ промаховъ. Совершенно естественно, что «Биржевыя Вѣдомости» не напечатали его письма, въ которомъ есть, между прочимъ, слѣдующія слова: «къ инымъ вліятельнымъ вѣдомостямъ, не знаю, стоитъ ли обращаться по этому дѣлу. Что значитъ для гг. редакторовъ этихъ вѣдомостей страданіе нѣсколькихъ тысячъ отставныхъ солдатъ, нѣсколькихъ, можетъ быть немногихъ, ибо сколько ихъ ужъ выстрадало и вымерло, передъ тѣмъ могуществомъ, которымъ должна просіять болѣе и болѣе объединяющаяся Россія, состоящая, по внутреннему убѣжденію этихъ господъ, изъ людей съ общественнымъ положеніемъ, можетъ быть даже только изъ подписчиковъ на ихъ вѣдомости съ тѣмъ числомъ «простого народа», какое необходимо для охраненія общественной безопасности и для доставленія питомцамъ фортуны средствъ пользоваться своимъ положеніемъ, наслаждаться жизнью и подписываться на вѣдомости». А «Московскія Вѣдомости» онъ попотчевалъ слѣдующимъ: общество существуетъ для человѣка; это «принципъ не Бонапартовъ, не Бисмарка и даже не Тьера, но многихъ безкорыстныхъ, возвышенныхъ умовъ, отъ которыхъ бѣдствующее человѣчество ждало и ждетъ еще чего-то лучшаго. Вамъ, милостивые государи, слишкомъ хорошо долженъ быть извѣстенъ истинный смыслъ этого принципа, чтобы онъ не казался вамъ отговоркою къ избавленію гражданъ отъ службы государству, началомъ разложенія государства; но въ передовыхъ статьяхъ вашихъ вѣдомостей, насколько я могу понимать ихъ, мнѣ всегда представляется прин-

ципъ обратный, по к
знается существующи
Итакъ, въ литера
скій обратился къ пр
страціи. Онъ предст
военному, государст
внутреннихъ дѣлъ, а
вителямъ администра
записку объ улучшені
лидовъ. Чего добраго
въ этихъ странствіях
S, потому что, кто е
дина, можетъ онъ и а
онъ именно бесѣду с
виду, когда трактов
«безотлагательныхъ
дѣлъ» съ утренними
товъ. Я представляю
«Положеніе отстав
— Да, Магометов
«Великій принцип
— Икры плохи, п
«Человѣкъ, лишив
службѣ отечеству...
— Сильную стор
ляютъ пуанты, оча
свидѣтельствуетъ о
сической школѣ»...
Конечно, это я т
всей вѣроятности, н
Но картину стран
канцеляріямъ я м
отчасти, ибо онъ в
ный министръ отн
просу», какъ его
г. Энскій, вполнѣ
щественнѣйшія за
таковы: дѣло это н
ствій общества по
предлагаемыя г.
частной инціатив
няты по распоряж
а потому автору з
вать путемъ печ
земскихъ собрані
пробовалъ эти пу
г. военному мин
разсмотрѣніи объ
ствѣ, военный м
бы полезно учре
комитеты для с
кованій и для у
довъ и положит
тетовъ часть ин
му предмету бы
треннихъ дѣлъ,
житъ прежде в
та о раненыхъ.
военному мин
ныхъ и безср
Россіи устрое

правды, искренности и высокаго нравственнаго убѣжденія, что авторъ далъ все-таки драгоцѣннѣйшую картину русской жизни, картину, полную живыхъ, типическихъ фигуръ. Вотъ вамъ 70-тилѣтніе Никифоры Сошины, защитники отечества, орудія русской славы, видавшіе, безъ всякой для себя надобности, и венгровъ, и турокъ, и нѣмцевъ, и французовъ, разгуливающіе по улицамъ съ шарманкой или нищенствующіе у Исаакія и говорящіе, при полученіи 3 руб. въ мѣсяцъ: «теперь я какъ графъ». Вотъ другіе, одобряющіе и аплодирующіе, но аплодисментами и ограничивающіеся, и втайнѣ посылающіе въ столичную газету насмѣшливую корреспонденцію о паденіи «пикантно-гуманнаго» предложенія. Вотъ администрація, литература, вотъ вся Русь многогрѣшная... Прикиньте сюда еще пуанты и икры... И среди всего этого бьется, какъ рыба объ ледъ, мечется русскій Донъ-Кихотъ, осмѣиваемый и оскорбляемый, но все-таки мечущійся; этотъ обрызганный «Гражданиномъ» и «Петербургскими Вѣдомостями», citoyen du monde civilisé и «народолюбецъ», имѣющій смѣлость говорить, что администрація, журналистика, учрежденія, государство существуютъ для народа, а не наоборотъ. А еще г. Энскій, какъ видно изъ книги, весьма не бѣдный землевладѣлецъ, могущій бесѣдовать съ министрами и самымъ своимъ положеніемъ огражденный отъ многихъ и многихъ непріятныхъ неожиданностей... Г. Энскій не унываетъ. У него, пожалуй, скоро составится второй томъ «Отставныхъ солдатъ». Онъ прислалъ намъ свое письмо въ редакцію «Сына Отечества», свой протестъ противъ рецензента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», свой циркуляръ губернскимъ земскимъ управамъ. Не мало еще ему, должно быть, придется огрызаться.

Въ книгѣ г. Энскаго много хорошаго. Очень удаются ему, между прочимъ, характеристики типовъ и положеній. Нѣсколько строкъ, часто въ технически литературномъ отношеніи очень неуклюжихъ,—и передъ вами стоитъ знакомая живая фигура съ плотью и кровью. Я, не обинуясь, приписываю это не какимъ-либо особымъ дарованіямъ автора, а его точкѣ зрѣнія. Она для меня особенно дорога, такъ какъ я давно уже говорилъ, что пока литература не станетъ именно на эту точку зрѣнія, она, не взирая ни на какіе таланты и эрудицію, останется такою, какова она нынѣ, т. е. внутренно и внѣшне безсильною, себя самой и всѣхъ боящеюся, мелкою и безсодержательною. Да проститъ мнѣ читатель, да проститъ мнѣ и г. Энскій, если я постараюсь выяснить его точку зрѣнія при помощи соображеній, высказанныхъ и развитыхъ мною на этомъ же мѣстѣ годъ тому назадъ.

Нація и народ
щія, покрывающі
но признается вс
полагаетъ, что на
народнаго, такъ
дитъ и народъ,
другіе классы об
болѣе, какъ опт
столько, однако, о
духовный глазъ к
иногда значительн
бы высвободиться
необходимые для
находятся у всѣх
номъ количествѣ.
мы постоянно вид
ное величіе, въ см
гущества *націи*, и
съ угнетеніемъ, п
чему *національное*
всѣми добросовѣстн
разнообразныхъ ш
щетою народа? По
ціональнаго искусс
ся рядомъ съ груб
рода? Если понят
рода, обнимаетъ е
нія немыслимы.
же ихъ объяснить
о національномъ
кусствѣ, мы разу
нѣкоторое расчле
ставныхъ частей
ственны. При это
особенно ярко в
ные интересы,
общества, которы
сти (существующ
насъ), распростра
цѣлое. Возьмемъ,
на или Лермонтов
бою моментъ яркаг
нальнаго искусства
можетъ по справед
можетъ гордиться,
нація? Собственно
меньшинство людей
почерпаемъ въ про
Лермонтова эстетич
ственные идеалы и
емъ національномъ и
совершенно ошибочн
значеніе, а между тѣмъ
большинство, читает
и Георга милорда анг
лѣе, хоть наши сре
и, оставя въ сторон
болѣе сложныя экон
посмотримъ на них
ціональнаго величія.
себѣ «любовь къ оте

письмѣ къ неизвѣстному *лицу* (стр. 103) говорится: «Органы печати, изъ числа имѣющихъ большой кругъ читателей, занимаясь трактатами о введеніи русскаго языка и пропагандѣ православной вѣры на окраинахъ Россіи, не хотятъ согласиться, что ни русскій языкъ, ни православіе не могутъ убѣдить никого, чтобы въ Россіи отслужившіе престолу и отечеству воины были достаточно вознаграждаемы государствомъ или даже только обезпечены отъ нищенства; также какъ не убѣдятъ и въ томъ, чтобы государственные налоги не лежали у насъ всею тяжестью на рабочемъ, особенно земледѣльческомъ классѣ. Эти патріоты упускаютъ изъ виду, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ движенія неуклонное тяготѣніе разноплеменныхъ окраинъ государства къ центру — объединеніе вѣрою и языкомъ—можетъ быть дѣйствіемъ одной только силы: силы правды, положенной въ основу всѣхъ государственныхъ учрежденій и отношеній сословій и лицъ между собою и къ государству». Другими словами: уничтоженіе племенной вражды и розни, дѣло *на*ціональное, достигнется попутно, само собою, если, вмѣсто измышленія спеціально національныхъ средствъ, будетъ обращено должное вниманіе на дѣло народное. Такимъ образомъ не пропадетъ даромъ ни одна капля крови, пролитая въ прежнее время ради чисто политическихъ цѣлей, поскольку онѣ были, дѣйствительно, необходимы, а существующая племенная вражда рушится гораздо проще, вѣрнѣе и безкровно. Этотъ именно путь примиренія всего длиннаго ряда нравственно-политическихъ противорѣчій мы и рекомендовали русской литературѣ.

Мы доказывали, напримѣръ, что публицисты наши, провоцирующіе развитіе отечественной, національной промышленности, работаютъ на гибель русскаго народа; что, наоборотъ, если бы они направили всѣ свои усилія на возвышеніе благосостоянія *только* народа, то національное богатство, поскольку оно соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ нуждамъ страны, пришло бы само собой, было бы достигнуто попутно, т. е. природныя силы страны эксплуатировались бы, и притомъ не хуже, а лучше, чѣмъ это дѣлается теперь. Мы доказывали, далѣе, что литература наша, сдѣлавъ *только* народъ центромъ своихъ помысловъ, не только не утратила бы своего національнаго значенія и имѣющихся на лицо талантовъ, но вызвала бы новые и пріобрѣла бы небывалую силу. Намъ взялись отвѣчать «Петербургскія Вѣдомости» и отвѣтили какой-то невообразимой ерундой, какого-то «Непризнаннаго поэта».

Г. Энскій сосредоточилъ свое вниманіе на частномъ вопросѣ, обнимающемъ поло-

женіе всего нѣс
человѣкъ. Мы,
его за это упре
гіе; во-первыхъ,
долгъ не измѣря
ровъ, а во-втор
очевидно, очень
роту предполага
видно и изъ им
тельныхъ стран
стемѣ, и, након
новки вопроса
Но мы также
журналистика н
манія на его
ней что, такъ
глаза практич
наго автора и
тельно судьбы
же теоретичес
влена соверше
чемъ, къ сожал
ста Миллера
г. Энскій ссыл
Повторяю, въ
стики къ кни
существенны
не представля
тельнаго. Кн
разрѣзъ съ о
листики. Моя
ней слѣдует
тельно, напр
мости», на к
роятно недос
теръ ихъ е
претендуетъ,
увидѣли въ
филантропію
Но если бы
сказать, вел
ложенныхъ
стей и п
какой «го
нили бы он
ній, вотрѣч
не претенд
мическую г
васъ не по
за одну фра
быть тольк
Мнѣ ост
предлагае
для обезпе
ныя изъ
основных
суждасть
дѣю обш
что пода
женны с
со держа

Старинѣ» за 1872 годъ). Группы, на которыя Щербина раздѣлилъ свои произведенія, весьма рѣзко отграничиваются другъ отъ друга. Въ установленіи и расположеніи ихъ поэтъ обнаружилъ большой тактъ и значительно облегчилъ задачу критики. Онѣ могутъ быть сравниваемы съ напластованіями земной коры, изъ которыхъ каждое отличается отъ сосѣднихъ и своимъ минеральнымъ составомъ и заключающимися въ ней остатками органической жизни. При каждомъ стихотвореніи указанъ годъ его созданія, и хотя при этомъ оказывается, что отдѣлы, установленные самимъ Щербиной, расположены въ подробностяхъ не строго хронологически, но все-таки мы можемъ сказать съ большимъ приближеніемъ къ полной точности: вотъ что преимущественно занимало и волновало поэта въ такую-пору, а вотъ за что ухватился онъ потомъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ ключъ въ исторіи развитія поэта.

Но что такое исторія развитія поэта? Что такое самъ поэтъ? Мнѣ не случалось встрѣчать опредѣленія, которое я могъ бы признать удовлетворительнымъ, и потому предлагаю свое: поэтъ есть человѣкъ, умѣющій говорить и за себя, и за другого. Это опредѣленіе (не совсѣмъ вѣрное только развѣ въ смыслѣ неполноты) можетъ, впрочемъ, кажется, обнять не только поэта, а художника вообще. У Щербины есть чрезвычайно злая и остроумная эпиграмма на представленіе «Смерти Іоанна Грознаго». Вотъ она:

Талантливыхъ нашихъ актеровъ навѣрное тѣмъ не обижу,
Когда бы имъ правду въ глаза я сказалъ,
Что Павла Васильича *) видѣлъ, Василья Васильича **) вижу,
Ивана-жъ Васильича ***) я не видалъ.

Это значитъ, что, по мнѣнію Щербины, гг. Васильевъ и Самойловъ не прониклись духомъ грознаго царя, не пережили его, не сумѣли говорить за него. Пройдитесь по заламъ любой художественной выставки и вы убѣдитесь, что предлагаемая мною простая мѣрка вполнѣ приложима и здѣсь, что и здѣсь есть люди, умѣющіе и не умѣющіе говорить красками и образами за другихъ, за молящагося, негодующаго, любящаго, ненавидящаго, страдающаго, радующагося человѣка. Относительно жанра, исторической живописи, портретовъ въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній, но я думаю, что та же мѣрка приложима и къ ландшафтной живописи; приложима она и къ музыкѣ. Не стану, впрочемъ, настаивать на этомъ, потому что я имѣю дѣло только съ поэзіей. Поэзія же, и лирика, и эпосъ, и драма не-

*) Павелъ Васильевичъ—Васильевъ.
**) Василій Васильевичъ—Самойловъ.
***) Иванъ Васильевичъ—Грозный.

сомнѣнно вся построе
за другихъ. Въ этомъ
зимая сила поэзіи въ
кое соціальное значе
начертательной геомет
въ пространствѣ опре
проэкціями на горизонт
ной плоскостяхъ, такъ к
дѣлять ростъ поэта, во-пер
говорить за другихъ и,
чественнымъ и качестве
этихъ *другихъ*.

Первыя вдохновенія
ниспосланы ему древней
стный авторъ предисловія к
нію его сочиненій говори
ранней юности тщательно
ческій міръ. И этому слѣду
только потому, что Щербин
надцати лѣтъ, написалъ поэм
слѣдствіи имъ уничтоженную,
что многія изъ его «греческ
реній» положительно превосх
веду образцы, нарочно выбир
и образы, съ нашей теперешней
по малой мѣрѣ неважные и да
вые и неудобные:

Вечеромъ яснымъ она у потока с
Моя прозрачныя ножки во влагѣ
Струйка воды ихъ съ любовью собо
Тихо шипѣла и брызгала пѣной во
Кто-бъ любовался красавицей этой
Какъ надъ потокомъ она будто лото

Змѣйкою станъ изогнула, и бѣлой н
Стала на черный обрывистый камень
Грудь наклонивши надъ зыбью зе
п

Кто-бъ посмотрѣлъ на нее, облитую л
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно,
Прядали волны на грудь ей толпами,
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разби
блѣд

Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ
мгнове

Въ мраморъ она превратилась, какъ
Ніоб

Вѣчно-бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкам
наслаждені
(Купанье, 20).

Сбрось-же, красавица, сбрось, умоляю, одежд
и поясъ!

Прелестямъ тѣла они безобразье, а не прикрас
Что ты стыдишься напрасно!.. Оставь предра
судки и мнѣнья

Суетно-глупой толпы предъ лицомъ человѣка
поэта!..

Что ты ему созерцать позволяешь лишь только
отдѣльно

Части прекраснаго тѣла... Зачѣмъ бы тебѣ не
явиться

Творческимъ взорамъ его въ наготѣ нестыдли-
вой и чистой!

Только порокъ лишь стыдится, скрываясь отъ
яснаго свѣта!..

Иль тебѣ больно, что драхмой наемщицы бѣдной
Я заплатилъ за безцѣнность, твою красу покупая?..

оказался на первыхъ порахъ Щербина, не только избѣжать этой жажды, но такъ сильно и полно проникнуться безмятежными принципами греческой жизни: «того, что недостойно, я искусству не даю, зло безъ образовъ таю». Создать «греческія стихотворенія» Щербины совсѣмъ не то, что написать ученѣйшій и превосходнѣйшій трактатъ о древней Греціи. Первое требуетъ гораздо большаго, полнѣйшаго усвоенія древне-греческой жизни, требуетъ умѣнья говорить за нее, чего вовсе не требуется отъ ученаго трактата. Это и не то, что потребовать въ критической статьѣ, чтобы художникъ поклонялся только красотѣ и таилъ въ себѣ зло безъ образовъ. Извѣстно, что la critique est aisée, mais l'art est difficile. Такому критику всякій можетъ сказать: попробуй-ка самъ. И кабы онъ попробовалъ, такъ можетъ быть ничего и не вышло бы. Но у Щербины вышло. У него мы видимъ не рецептъ, не правило, а исполненіе, и притомъ блистательное. Значитъ, на душѣ у него было дѣйствительно антично—свѣтло и спокойно, несмотря на все, что дѣлалось вокругъ него. Но, какъ ни хороша сама по себѣ античная ясность и цѣльность, въ русскомъ юношѣ сороковыхъ годовъ она представляетъ собою аномалію, которая только тѣмъ и объясняется, что Щербина съ раннихъ лѣтъ жилъ въ греческомъ обществѣ, чуждомъ русскимъ, да и европейскимъ тревогамъ и болѣзнямъ.

То, что было такъ широко для древней Греціи, было слишкомъ узко для второй половины XIX вѣка, и талантливый, чуткій человѣкъ не могъ на вѣки погрязнуть въ красотахъ древне-греческой поэзіи. Дѣйствительно, въ позднѣйшихъ греческихъ стихотвореніяхъ античная ненависть ко всякой раздвоенности, ко всякому дуализму не исчезаетъ:

Вѣрь мнѣ, одна безъ различія жизнь и людей, и природы:
Всюду единая царствуетъ мысль, и душа обитаетъ
Въ глыбахъ камней бездыханныхъ и въ радужныхъ листьяхъ растеній...
Нѣтъ для меня, Левконоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа,
Нѣтъ для меня, Левконоя, и духа безъ стройнаго тѣла!
Умственнымъ взоромъ гляжу я на образъ жены полногрудой.
Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ богиней природой,
Душу и цѣлую жизнь и поэму созданья читаю...
(Моя богиня, 82).

Но рядомъ съ этимъ чисто античнымъ монизмомъ и чисто античнымъ же воззрѣніемъ на самую богиню Природу, какъ на художника, попадаются уже такія строки:

тря на весь блескъ наличныхъ первостепенныхъ поэтовъ въ этомъ родѣ. Но это былъ послѣдній шагъ Щербины впередъ. Онъ вдругъ круто оборвался и полетѣлъ внизъ, его оставили и мысль, и форма, и *умѣнье* говорить за *другихъ*. Въ немъ не осталось ничего, кромѣ злобнаго, узкаго, безсмысленно на всѣ стороны огрызающагося я...

Повторяю, исторія развитія поэта не такъ проста, не такъ хронологически прямолинейна, какъ я представилъ. Три указанные фазиса только постепенно вытѣсняли другъ друга. Но если читатель пожелаетъ позаняться статистикой, то онъ увидитъ, что наибольшее количество «греческихъ стихотвореній» написано Щербиной въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ; затѣмъ все чаще и чаще проглядываютъ пантеистическія прожилки, а наибольшее число «ямбовъ и элегій» выпадаетъ на самый конецъ сороковыхъ и пятидесятые годы, хотя и тутъ еще отзываются по временамъ старыя струи.

Но читатель, можетъ быть, спроситъ, почему я считаю исторію развитія Щербины до того момента, до котораго я ее довелъ, исторіей прогрессивнаго развитія. Сдѣлалъ ли дѣйствительно Щербина шагъ впередъ, заразившись болѣзнями мѣста и времени, схвативъ скорбь о настоящемъ и тоску по будущемъ? Не лучше ли было ему оставаться «пѣвцомъ зимой погоды лѣтней» и стоять одиноко съ классическимъ спокойствіемъ среди волнъ отрицательнаго и безпокойнаго теченія? Я полагаю, впрочемъ, что читатель мнѣ подобнаго вопроса не задастъ и жеванную азбуку пережевывать не заставитъ. Я скажу только нѣсколько словъ собственно въ разъясненіе моего опредѣленія поэта и поэзіи, пожалуй, искусства вообще.

Я не вѣрю въ такъ называемое чистое искусство или искусство для искусства. Не то, чтобы я ему не сочувствовалъ или не одобрялъ его, я въ него именно не вѣрю, я полагаю, что его никогда не было, нѣтъ и не будетъ, какъ не было, нѣтъ и не будетъ безусловной справедливости, т. е. справедливости для справедливости, объективной морали, т. е. морали для морали, науки для науки. То, что понимается подъ всѣми этими категоріями, есть не болѣе, какъ замаскированное служеніе данному общественному строю. Эстетическая способность, способность познаванія, способность этическая, идеалы красоты, личной нравственности и общественной справедливости переплетены другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ и безчисленными перекрещивающимися нитями. Древній грекъ, художникъ по преимуществу, преклоняясь предъ красотою Фидіева созданія, прекло-

нялся не
въ немъ
Онъ прек
поэтическ
строемъ а
и отблеск
ской своб
Греція. Д
Апеллеса
составлял
Отсюда сл
ли говори
ставляли
чественни
интересы
они въ св
ихъ не по
тѣлъ, да
хоть когда
онъ ихъ,—
ми онъ, ка
ливость къ
тѣла прек
стигла бы
жественны
нючій и ра
съ негодов
евъ «Бѣсов
это негодов
конечно, н
нравственн
таки его дв
еще въ сор
сказывалъ
стоятельств
не Богъ зна
донъ по это
вотъ тоже
ваны.

Итакъ, сл
ствуетъ, а
немъ, есть с
дей, усвоивш
тія о красот
ную комбина
ной способн
рявшая дре
великіе па
кости носит
растетъ уж
но, и нынѣ
въ себѣ,
тельствъ,
тепличныя
кимъ-нибуд
по міру ч
древняго г
тель судеб
ея, явился
вторично
канцелярск

Плачь, русскій людъ,
Голодный людъ!

(Это поетъ юродивый, остающійся одинъ на сценѣ). Не честолюбіе Бориса, не приключенія Лжедмитрія, не надменная красота Марины оковали фантазію художника: послѣднее слово его драмы, послѣднее впечатлѣніе, съ которымъ онъ выпускаетъ зрителей изъ залы—вопль наболѣвшаго сердца: «плачь русскій людъ, голодный людъ»! Хотя только въ намекѣ, но въ вѣскомъ и чувствительномъ намекѣ, намъ показываютъ бѣдствія и страданія народа, предъ громадностью которыхъ мельчаютъ и исчезаютъ отдѣльныя историческія фигуры съ ихъ судьбой и характерами. Вторженіе гражданскаго плача, столь обыкновеннаго въ русской литературѣ, въ русскую музыку—явленіе небывалое; ни Даргомыжскій, ни кто либо изъ его адептовъ не думали объ этомъ, и г. Мусоргскій сдѣлалъ положительно новый шагъ на пути музыкальнаго реализма. Но у него этотъ гражданскій плачъ звучитъ не въ первый разъ: многіе изъ его романсовъ, вышедшихъ раньше «Бориса», особенно «Свѣтикъ Савишна», «Колыбельная Еремушки» и «Сиротка», посвящены изображенію «меньшого брата», его сиротской доли, его голода, его смиренія и переносимыхъ имъ униженій и жестокостей. И въ романсахъ слова, на ряду съ музыкой, нерѣдко принадлежатъ г. Мусоргскому: онъ не только находитъ скорбные мотивы въ нашей собственной лирикѣ, но и самъ создаетъ ихъ себѣ, сочиняя тексты, полные гражданскихъ слезъ».

Какое, однако, удивительное и прекрасное явленіе пропустилъ я, прикованный къ литературѣ, но болѣе или менѣе слѣдящій за разными сторонами духовнаго развитія нашего отечества! Въ самомъ дѣлѣ, музыканты наши до сихъ поръ такъ много получали отъ народа, онъ далъ имъ столько чудныхъ мотивовъ, что пора бы ужъ и расплатиться съ нимъ хоть мало-мальски, въ предѣлахъ музыки же, разумѣется. Пора, наконецъ, вывести его въ оперѣ не только въ стереотипной формѣ: «воины, дѣвы, народъ». Г. Мусоргскій сдѣлалъ этотъ шагъ. Спѣшу подѣлиться указаніемъ г. Лароша съ читателемъ. Я слыхалъ о новой «реальной» русской музыкальной школѣ и почитывалъ критическія статьи о ней. Но до сихъ поръ дѣло вертѣлось преимущественно на сочностяхъ, вкусностяхъ, на гнусящихъ нотахъ, изображающихъ гнусный характеръ, на септимахъ и доминантъ-аккордахъ. Я убоялся премудрости и возвратился вспять, не подозрѣвая, что одинъ изъ представителей новой школы сдѣлалъ такой, дѣйствительно, важный шагъ. Честь и слава г. Мусоргскому, но честь и слава г. Ларошу, который первый, по край-

ней
ніе, и
вый
подне
данти
дорог
Но
татели
кальна
вовсе
вый в
фессіи
ли вы
товъ
чтобы
цію «
вѣрите.
веду тѣ
торыя
«Нельзя
вокальн
мать въ
симпатіи
тенденці
терпя уз
лирическ
не долж
появлені
бы оно
бительно
Бедламѣ
респонде
зываетъ
телемъ ка
принявши
предписат
поражаю
видомъ, п
дарь мой,
ный дика
если вы п
мотивы»
упоминаете
вамъ прид
лаго всего
вину Бера
Жоржъ-За
какой вѣдь
ный нравст
стоитъ съ
Европа и
мотивы сов
кусства. Но
это собстве
вы». Очень
сковскихъ
именно до
онъ это на
руки. Я м
онъ: такъ
чего; о, ка

лѣтъ его жизни. И что касается лично Щербины, то на этомъ можно покончить. Но вѣдь Щербина не единственный художникъ сороковыхъ годовъ, который росъ, росъ, а какъ показались имъ самимъ прежде призывавшіеся «слабые лучи свѣта и свободы», такъ и окрысился въ большей или меньшей степени и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей или меньшей степени утратилъ свой талантъ. Да и внѣ литературы можно наблюдать аналогичныя явленія. Каждый видалъ, вѣроятно, такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, которые въ свое время даже пострадали за свое пристрастіе къ лучамъ свѣта и свободы и которые въ шестидесятыхъ годахъ вдругъ окрысились, не будучи въ состояніи побѣдить въ себѣ непріязненнаго чувства къ людямъ, въ конечномъ результатѣ имъ, повидимому, вовсе не столь рѣзко противнымъ. И, какъ говорилъ Суворовъ, одинъ разъ удача, другой разъ счастье, надо же, наконецъ, немножко и умѣнья; такъ и здѣсь надлежитъ подумать: одинъ заболѣлъ разстройствомъ печени, другой состарѣлся, третій изъ-за границы не доглядѣлъ, четвертый просто ошибся, но вѣдь должна же быть какая-нибудь общая причина этой распри «отцовъ и дѣтей», можно же подвести къ одному знаменателю эти разрозненные факты. Объясненія имѣются въ литературѣ, даже въ большомъ количествѣ. Но если и признать эти объясненія резонными, то они все-таки представляютъ резоны неполные. Говорятъ, напримѣръ, что «дѣти» вдругъ стали непочтительны, грубы, рѣзки, предались отрицанію всего, составляющаго цвѣтъ и красу цивилизованной жизни и проч. Можетъ быть, оно и вѣрно, но отчего же вдругъ все это случилось? Долженъ же быть какой-нибудь коренной фактъ, который составляетъ ядро всѣхъ этихъ явленій, всей этой внезапно вспыхнувшей въ разныхъ мѣстахъ свалки дѣтей съ отцами—не съ крѣпостниками какими или завзятыми самодурами, озлобленіе которыхъ и не требуетъ никакихъ объясненій; нѣтъ, любопытно знать коренную причину озлобленія людей, дотолѣ стремившихся къ «лучамъ свѣта и свободы». Подобнаго коренного факта, коренной причины я всегда склоненъ искать въ соціальныхъ отношеніяхъ. Пользуюсь и настоящимъ случаемъ, чтобы рекомендовать читателю эту точку зрѣнія, она, навѣрное, окажетъ ему много услугъ и во многихъ весьма запутанныхъ обстоятельствахъ выведетъ его на свѣтлую дорогу. На этотъ разъ мнѣ поможетъ г. Авдѣевъ, нашъ извѣстный романистъ, одинъ изъ писателей сороковыхъ годовъ, не окрысившихся при видѣ блѣдныхъ лучей свѣта и свободы.

Г. Авдѣевъ издалъ недавно книгу: «Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литерату
шедшіе въ со
если не ошиб
мостяхъ» и в
чемъ, не чит
вольствіемъ по
вокупности. Н
тора, что въ е
буки, но въ в
музыкальнаго
лишнее. Очеви
торому нужно
ротикъ, я тебѣ
рика открыта о
комъ количеств
ся закрыть ее,
и не можетъ с
все-таки имѣет
г. Авдѣева не
давно открытой
ніе предотврат
небольшой его
слей, очень цѣн
ма любопытных
двѣ части: «Гер
о «герояхъ», по
мѣетъ литератур
высшія точки ст
ня». Онъ не з
турно-критически
ная правда извѣс
этому образу пра
галлерею г. Авдѣ
нимаются имъ в
вѣческія стороны
ма, въ которой о
вляютъ характери
щій выводъ, къ
шелъ, слѣдя посл
Онѣгинымъ, Печо
и русскими Гамле
вымъ, Базаровымъ
годовъ, таковъ: въ
1820—1870 высш
общества постоянн
ся къ гражданской
янно осаживаются
удовлетворенными.
стоянныя смѣны н
За протестомъ и н
апатія и хандра Он
да дѣятельности пр
годаря обстоятельс
ливо и безплодно,
отрадная пора л
пропаганда Рудин
прямого живого
Инсарова, въ соч
«Накануне», и об
нѣйшая жажда г
дѣятельности; по

очень широкому размаху. Но за то и требованія онъ ставитъ своимъ лучшимъ людямъ безумно широкія. Что дѣлалъ всю жизнь какой-нибудь Прудонъ? — «Разговаривалъ», билъ набатъ, будилъ совѣсть, будилъ мысль— больше ничего. Его практическая попытка— народный банкъ—вещь жалкая въ сравненіи съ ширáной теоретическаго размаха, въ сравненіи съ великимъ значеніемъ его набата, его «разговоровъ». Но Европа его все-таки никогда не забудетъ. А мы оплевали своего Рудина за то, что онъ не практиченъ и только разговариваетъ! Конечно, Прудонъ былъ пуританинъ въ частной жизни, а Рудинъ безхарактеренъ и грѣшенъ, но вѣдь до этого намъ собственно и дѣла нѣтъ, да и кто первый посмѣетъ бросить въ него камнемъ? Конечно, Прудонъ и въ другихъ отношеніяхъ не Рудину чета, но вѣдь по Сенькѣ и шапка. Что Рудинъ былъ не бездушный фразеръ, этого и доказывать нечего, это доказала его смерть. Несмотря на нѣсколько эпилоговъ, которыми г. Тургеневъ окончилъ «Рудина», конца этой повѣсти все-таки нѣтъ. Г. Некрасовъ, по крайней мѣрѣ, своими словами доказалъ этотъ конецъ въ видѣ утвержденія: «сѣетъ онъ все-таки доброе сѣмя, а остальное все сдѣлаетъ время». Это-то «остальное» и составляетъ всю суть, которую г. Тургеневъ могъ бы прослѣдить и въ жизни Натальи, и въ жизни другихъ людей, въ разное время разбуженныхъ Рудинымъ. Тогда бы стало совершенно ясно, что слово этого человѣка, слабаго, но искренняго, грѣшнаго, но способнаго вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими другихъ,—было весьма осязательнымъ дѣломъ. Г. Авдѣевъ совершенно справедливо говоритъ, что Рудинъ есть первый общественный дѣятель между героями литературы. Но отчего же мы на него такъ набросились, не стараясь даже найти для него тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, какія готовы были допустить относительно совершенныхъ уже бездѣльниковъ, въ родѣ Онѣгина и Печорина? Замѣчательно, что такой, въ сущности, негодный человѣкъ, какъ Печоринъ, вызвалъ тьму подражателей и въ литературѣ, и въ жизни. Кто не видалъ или не слыхалъ о людяхъ, корчившихъ Печорина. Рудина никогда никто не корчилъ, несмотря на весь его умъ и на поэтическій ореолъ, обвившій его несчастную голову на дрезденскихъ баррикадахъ. Пустѣйшій, мельчайшій и дрянн[illegible]йшій человѣчекъ, можетъ быть, пре-те[illegible]итъ сравненіе не то, что съ Печориным[illegible]ъ, а хоть съ Малютой Скуратовымъ, но со[illegible]етъ себя до послѣдней степени обиженны[illegible] если вы сравните его съ Рудинымъ. До [illegible]кой степени удалось г. Тургеневу загром[illegible]здить его случайными деталями непри-

влека
на пе
презр
умстве
работы
нихъ н
кружев
вершен
подъ да
стидесят
стремлені
рованной
Преслѣдуя
всѣми сил
въ ущербъ
ности, мы
смотрѣть се
общественны
и, вмѣстѣ съ
презрѣніе к
торыми награ
одна причина.
Презрѣніе къ
время, когда р
надеждъ, мня с
гражданской дѣя
пора дѣла, состо
пагандѣ только.
прошлое, а тѣхъ
стоящемъ, и въ б
желаніи остановит
теперь,—замѣчает
эпохи прошло 10—
лодое поколѣніе того
латься зрѣлымъ и ус
молодымъ, а обществ
тельности внѣ служб
пора трезво взглянуть
людей со связанными
бѣгаютъ; иначе нынѣш
можетъ и еще съ бол
титься къ людямъ шес
тѣми упреками, съ кото
къ людямъ сороковыхъ

Впрочемъ, по отношен
подобн
десятыхъ годовъ
умѣстны. Защита Рудина
и своевременна, но изъ
что надо ломать стулья и
въ ущербъ людямъ шести
Пропаганда словомъ шла с
въ ихъ время, но нельзя
что они нѣчто дѣлали и дру
лись дѣлать и помимо «слове
не назвать дѣломъ ихъ попы
свою личную жизнь, подчин
знаннымъ нравственнымъ пр
зя не назвать дѣломъ и друг
какъ бы кто о нихъ ни су
дѣевъ, къ сожалѣнію, при п
отдать должное людямъ шес

экономически благопріятно обставленный человѣкъ разовьетъ въ себѣ и въ своихъ дѣтяхъ смѣлые помыслы, высокія чувства, глубокія знанія. Вѣдь ему такъ легко всего этого добиться, тогда какъ разночинцу, съ другой стороны, приходится на пути къ свѣту проходить сквозь строй униженій, всяческой грязи, тяжелыхъ нравственныхъ, а то такъ и просто физическихъ тычковъ и пинковъ: вѣдь Шевченко страшные виды видывалъ! вѣдь Помяловскаго, по его собственному счету, въ бурсѣ четыреста разъ выпороли! Въ самомъ непродолжительномъ времени должны выйти сочиненія покойнаго Рѣшетникова (изданіе г. Солдатенкова) съ предисловіемъ, въ которое вошли многочисленныя выдержки изъ дневника и другихъ бумагъ покойнаго. Благодаря любезности автора предисловія, Г. И. Успенскаго, я имѣлъ возможность познакомиться съ этими выдержками и приведу изъ нихъ кое-что здѣсь, не дожидаясь выхода въ свѣтъ сочиненій Рѣшетникова. Надѣюсь, что болѣе выгоднаго для положеній г. Авдѣева примѣра подыскать невозможно.

Отецъ Θедора Михайловича Рѣшетникова былъ сначала дьячкомъ въ Екатеринбургѣ, а потомъ почтальономъ. Поведенія онъ былъ въ такой мѣрѣ нетрезваго и для домашнихъ неудобнаго, что жена съ 9 мѣсячнымъ сыномъ (это и былъ Θедоръ Михайловичъ) должна была уйти отъ него въ Пермь къ его брату, значитъ, дядѣ нашего писателя, служившему также по почтовой части. Мать Рѣшетникова очень скоро умерла, и мальчикъ остался на попеченіи у дяди и тетки. Отца же своего увидалъ онъ въ *первый* разъ уже *десяти* лѣтъ отъ роду. Обстановка была, разумѣется, крайне непривлекательная. «Не можете-ли вы одолжить мнѣ три копѣйки на пиво, ежели у васъ есть»? пишетъ къ Рѣшетникову одинъ его пріятель. «Живемъ между нищими и средними», пишетъ его дядя. «Не знаю, пишетъ отецъ Рѣшетникова, за что преслѣдуетъ почтмейстеръ съ самаго моего прибытія... Я мѣсяца съ три всяко вытягался для почтмейстера, а онъ меня такъ уважилъ... что лучше нельзя... А живу, какъ денщикъ... Покорно прошу, любезный братецъ, чтобы письмо это не узналъ кто дальше, не услыхалъ бы почтмейстеръ нашъ, то онъ меня съѣстъ». Или въ другомъ письмѣ: «Почтмейстеръ проситъ, чтобы меня перевели къ нему; но сохрани меня небесная сила отъ такого ига; онъ тамъ вдосталь изъ меня оставшійся сокъ вытянетъ». Одинъ философствующій представитель этого круга пишетъ: «И вѣрно уже такой рокъ, что все предвидится только сражаться съ терпѣніемъ и хорошо бы было и то, ежели бы этому предвидѣлся хотя конецъ, но ожи-

дать то
никакой
щетник
«песъ»,
рогая
Само со
ствовал
затрещ
попало.
дѣлывал
ню дохл
стое бѣл
мовара
боръ; «ме
куда-ниб
еще так
не узнал
су, значи
вилась
сказамъ
чикъ и
манъ и
терпѣлъ,
мѣсяца.
бѣжалъ
вольно л
и масте
увидѣлъ
нравила
всю жиз
виды ви
съ нищ
насильно
Наконец
вытерпѣ
въ немъ
Усталъ—
ное и сл
го побѣ
его про
каянія,
воспитат
отца въ
встрѣча.
съ вѣро
отцомъ
Разъ ве
рюзглаго
она. По
обижают
бьютъ в
никова.
шой вы
отца»? Н
ну своег
мочи дер
на съ со
нимъ?...
жить». У
«Ну, прог
жело,—гов

который такъ близокъ къ уголовному преступленію... Нѣтъ, г. Авдѣевъ еще слишкомъ мягокъ. Во всякомъ случаѣ, съ высоты вороньяго полета ни малѣйшему сомнѣнію подлежать не можетъ, что вторженіе разночинца должно понизить уровень литературы, ибо онъ, разночинецъ, дѣйствительно нуждается въ элементарныхъ понятіяхъ, досконально усвоенныхъ образованнѣйшимъ меньшинствомъ, не только стоящимъ на землѣ, но и владѣющимъ большею ея частью. Да здравствуетъ высота вороньяго полета!..

Пусть здравствуетъ, но пора, наконецъ, спуститься съ нея на землю. Здѣсь, на этой низменной землѣ, которую ипохондрики зовутъ комомъ грязи и которая иногда такъ странно разрываетъ своею неуклюжею реальностью сѣть нашихъ логическихъ разсужденій, мы увидимъ нѣчто иное. Мы увидимъ, что въ дѣйствительности сочетаніе богатства, смѣлыхъ помысловъ, высокихъ чувствъ и обширныхъ знаній составляетъ явленіе довольно рѣдкое вообще, а на Руси православной и подавно. Нѣсколько блестящихъ исключеній не должны затемнять общую истину. Отчего это зависитъ, это особь статья, но во всякомъ случаѣ таковъ фактъ, противъ котораго, конечно, и г. Авдѣевъ спорить не будетъ. Онъ скажетъ, что никогда и не думалъ игнорировать этотъ фактъ, что онъ имѣлъ въ виду только тѣхъ представителей двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которые обладали означеннымъ сочетаніемъ матеріальной обезпеченности, знаній и высокихъ убѣжденій, только образованнѣйшее меньшинство, руководившее литературу (разумѣя здѣсь не только писателей, а и читателей, не только предложеніе, а и спросъ). Я знаю, что такова мысль г. Авдѣева, но мнѣ нужно было напомнить тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ самой «зажиточности», въ самомъ «владѣніи большею частью земли» есть какіе-то элементы, какъ будто неблагопріятствующіе умственному и нравственному развитію. Сдѣлавъ это общее и пока весьма неопредѣленное замѣчаніе, посмотримъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительно люди сороковыхъ и двадцатыхъ годовъ имѣли преимущество передъ людьми шестидесятыхъ годовъ. Возьмемъ сначала знаніе. Г. Авдѣевъ категорически заявляетъ, что прежніе дѣятели не нуждались въ тѣхъ элементарныхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ потребовали нахлынувшіе въ шестидесятыхъ годахъ разночинцы. Это мнѣніе довольно распространенное и имѣетъ за себя много соображеній съ высоты вороньяго полета. Но какъ его доказать? Гдѣ найти мѣрило знанія? Если мы возьмемъ мѣрило оффиціальное, то найдемъ, что, напримѣръ, двое самыхъ видныхъ въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ разночинцевъ кончили полный курсъ наукъ, одинъ,

Добролюбовъ, въ педагогическ...
другой въ университетѣ. ...
истинный вождь сороковыхъ ...
скій былъ, во-первыхъ, разо...
рыхъ, «недоучившійся студ...
го, напримѣръ, г. Погодинъ ...
поръ (см. «Простая рѣчь о ...
щахъ») громитъ за невѣжество ...
думаю напирать на это обстоятельство ...
вывать на немъ какія бы то ни ...
ченія. Я хочу только убѣдить г. Авдѣ...
есть слова и предложенія, которыя очень ...
ко сказать и обставить весьма ...
силлогизмами, но которыя очень трудно ...
зать фактически. Если мы ухватимся ...
рило не оффиціальное и станемъ сравн...
число журнальныхъ статей и книгъ ...
содержанія въ сороковыхъ и шестидес...
годахъ, то г. Авдѣевъ объяснитъ, пов...
существующій въ этомъ отношеніи про...
именно тѣмъ, что понадобились знанія, ...
рыя прежде представляли нѣчто совер...
уже всѣми усвоенное. А я объясню тѣм...
уровень знаній поднялся. И я думаю, ...
моей сторонѣ будетъ больше правды, п...
что г. Авдѣевъ во всемъ своемъ разсуж...
не примѣтилъ одного маленькаго сло...
Европы. Вотъ если бы г. Авдѣевъ дока...
что съ 1840 по 1860 года и въ Европ...
прибавилось знаній или если бы, по кра...
мѣрѣ, ему удалось установить независим...
нашего умственнаго развитія отъ европ...
скаго за это время, тогда другое дѣло. Но ...
ни того, ни другого, т. е. ни застоя ...
умственномъ развитіи Европы, ни нашей не...
зависимости, не было. Есть, правда, философія, ...
какъ, напримѣръ, гегелевская философія, люди ...
торыя были очень хорошо знакомы ...
сороковыхъ годовъ и, можно сказать, вовсе ...
извѣстны людямъ шестидесятыхъ годовъ. ...
подобныя явленія объясняются общимъ ...
домъ умственнаго прогресса. За эти двадцать ...
лѣтъ въ Европѣ опытныя науки повели ...
обобщеніямъ, подмывшимъ основы гегел...
ской философіи,—тоже случилось и у насъ. ...
За эти двадцать лѣтъ въ Европѣ рѣзко обозна...
чились двѣ противоположныя экономическія ...
доктрины, поднялся уровень естествознанія ...
явились попытки приложенія его къ исторіи ...
явилась теорія Дарвина, теорія единства си...
и проч. Все это принималось и посильно раз...
рабатывалось и у насъ. Вѣдь не пророки ж...
были люди сороковыхъ годовъ и не могли ...
они имѣть свѣдѣнія, можетъ быть, и ставшія ...
впослѣдствіи элементарными, но въ ихъ вре...
мя еще никому недоступныя. Научныя исти...
ны, которыя распространяли и популяриз...
ровали люди шестидесятыхъ годовъ, никоимъ ...
образомъ не могли быть элементарными для ...
образованнѣйшаго меньшинства сороковыхъ ...
годовъ. Напротивъ, для усвоенія этихъ истинъ ...

Хвачено, дѣйствительно, черезъ край, такъ что поневолѣ сомнѣніе беретъ. Я склоненъ думать, что правъ не г. Кропотовъ, а г. Авдѣевъ, что декабристы были не невѣжественныя тупицы, а люди просвѣщенные. Но какая все-таки наивность воображать, что разница между людьми двадцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ состоитъ только въ степени просвѣщенія и что разночинецъ только и сдѣлалъ, что увлекся нѣкоторыми заграничными сочиненіями, дотолѣ ему неизвѣстными! Довольно тоже наивно говорить, что декабристы были жизненнымъ опытомъ богаче разночинцевъ...

Въ движеніи двадцатыхъ годовъ принимали участіе различнаго общественнаго положенія люди, но ядро ихъ составляла военная молодежь аристократическаго происхожденія. Я не могу говорить объ этихъ людяхъ такъ, какъ хотѣлъ бы, а говорить такъ, какъ могу,—не хочу. Поэтому оставимъ ихъ совсѣмъ въ сторонѣ, да они намъ въ настоящемъ случаѣ и не нужны. Такъ называемые люди сороковыхъ годовъ представляютъ группу гораздо менѣе опредѣленную, что касается ихъ общественнаго положенія: тутъ и профессоръ былъ, и помѣщикъ, и литературный работникъ и проч. Но ядро ихъ все-таки различить можно. Это былъ средней руки дворянинъ, человѣкъ достаточно обезпеченный, чтобы получить болѣе или менѣе правильное, въ школьномъ смыслѣ, воспитаніе, т.-е. кончить курсъ въ гимназіи и въ университетѣ, русскомъ или нѣмецкомъ, а затѣмъ еще, можетъ быть, проживать внѣ государственной службы; человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма тонко и, такъ сказать, чутко развитой, способный и къ ухищреннѣйшему самогрызенію и анализу лишнихъ людей, и къ буженію другихъ пламеннымъ краснорѣчіемъ Рудина, и къ наслажденію прекраснымъ и истиннымъ. Но за всѣмъ тѣмъ, міросозерцаніе его страдаетъ крайнею неопредѣленностью, благодаря, конечно, неопредѣленности его общественнаго положенія: онъ «ни въ тихъ, ни въ сихъ». У нѣкоторыхъ эта неопредѣленность доходила до того, что міросозерцаніе ихъ можетъ быть сравниваемо съ весьма каллиграфически изображеннымъ нулемъ необыкновенно большого діаметра. Ихъ божествомъ была, какъ растягиваетъ тургеневскій Потугинъ, ци-ви-ли-за-ція, при-чемъ вырѣзывались съ особенною яркостью два элемента цивилизаціи: философія и искусство. Не имѣя, собственно говоря, никакихъ преданій, стыдясь ... зирая прошлое, не имѣя ничего ... тогдашнимъ настоящимъ, не имѣя ... вѣровать особенно сильно въ будущее ... отечества, они естественно должны ... искать наслажденія по возможности ... шенныхъ отъ жизни сферахъ ... истины и отвлеченной красоты. Они ... жающей ихъ дѣйствительности ... были, конечно, относиться отрицательно ... въ большей части случаевъ, постоянно ... ней въ позѣ красиваго унынія, они ... лись уйти отъ ея скверны въ тихое ... нище гегелевской діалектики и прекра... образовъ. Здѣсь они были вполнѣ ... дома, искренно молились своей ... своимъ образамъ, искренно дорожили ... вѣтственными благами цивилизаціи ... съ теченіемъ времени въ этомъ ... красотѣ и безусловной истинѣ. Однако ... уходили часто очень большія силы на акафист... все слышнѣе и слышнѣе пробивались ... который ... земныя ноты. Геній Бѣлинскаго ... гое изъ того, чему онъ поклонялся, стали ... нился многому, что сжигалъ. ... чисто ... группа стоявшихъ около него ... сжегъ много- ... опредѣлила свое міросозерцаніе ... и покло- ... ванія отъ жизни, и чисто земныя ... Небольшая ... ненныя задачи—освобожденіе людей ... яснѣе ... освѣженіе политической атмосферы, ... свои требо- ... котали подъ красивой короной ... просто жиз- ... крестьянъ и ... искусства—закло- ... ства и философіи.

Разночинецъ пришелъ, съ своей стороны, къ тѣмъ же общимъ задачамъ, но совсѣмъ инымъ путемъ. Я опять обращаюсь къ біографіи Рѣшетникова. Я разсказалъ уже, какъ онъ, послѣ обрушившагося на него уголовнаго дѣла, внезапно проникся сознаніемъ своей виновности передъ воспитателями, и, вообще, совершенно перемѣнился. Его уважаемый біографъ говоритъ по этому поводу: «Это была самая дорогая минута въ развитіи Ѳ. М. Мысль его была возбуждена до высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ ненависти къ врагамъ дойти не только до прощенія ихъ, но даже до боязни какъ они могутъ его держать, оправдать ихъ и благодарить со слезами,—мысль маленькаго Рѣшетникова должна была коснуться массы общественныхъ вопросовъ, должна была работать надъ всѣмъ механизмомъ окружавшей его жизни, вникать въ самыя мельчайшія подробности этого механизма... Минута, повторяемъ, была драгоцѣнная для самаго плодотворнаго принятія знанія». Можетъ быть, въ этихъ теплыхъ словахъ нѣсколько преувеличено значеніе именно этой минуты въ жизни Рѣшетникова. Но вѣрно то, что ему, дѣйствительно, приходилось очень рано усвоивать и развивать въ себѣ такія «элементарныя понятія», какія даже лучшимъ

ментарныхъ понятіяхъ, вы, говорятъ, въ искусствѣ собаку съѣли, а Шекспира съ Шиллеромъ мѣшаете! Я могъ бы по этому случаю предаться нѣкоторымъ громоноснымъ или ироническимъ обобщеніямъ, но, конечно, этого не сдѣлаю.

увлекаясь мелькающими въ воображеніи мечтами»... Это двадцатилѣтній юноша пишетъ! Отправляя своихъ «Подлиповцевъ» въ «Современникъ», Рѣшетниковъ писалъ въ редакцію, что описанные имъ люди дѣйствительно существуютъ, что онъ коротко знаетъ ихъ бытъ и «задумалъ написать бурлацкую жизнь, *съ цѣлью хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ*. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска; по моему, написать все это иначе—значитъ говорить противъ совѣсти, написать ложь. Наша литература должна говорить правду. Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій». Въ числѣ бумагъ Рѣшетникова найдено прошеніе къ оберъ-полицiймейстеру. Въ немъ разсказывается, какъ Ѳедоръ Михайловичъ однажды былъ прибитъ. При этомъ онъ пишетъ: «Я ничего не ищу, Я только объ одномъ осмѣливаюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые не били народъ... Этому «народу» и такъ придется много получать всякой всячины»...

> Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
> Мбя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной...

Опять Щербина вспомнился.

И совсѣмъ не кстати...

Вотъ, значитъ, какъ просто далось Рѣшетникову одно изъ «элементарныхъ понятій», съ которымъ съ такимъ трудомъ справлялись лишь немногіе изъ людей сороковыхъ годовъ. Да и не далось оно ему, а чуть-что не съ нимъ родилось. Добейся этотъ человѣкъ научнаго знанія, онъ направилъ бы его на тѣ же цѣли, имѣй онъ власть, владѣй онъ только физической силой, только грамотностью, онъ все это пустилъ бы въ ходъ на благо народа, какъ пустилъ онъ свою поэтическую способность, свои творческія силы.

Теперь представимъ себѣ, что человѣка этого посадили бесѣдовать со Щербиной или хоть съ г. Ларошемъ. Какой у нихъ разговоръ можетъ выйти? Г. Ларошъ начнетъ снисходительно терпѣть соціальные мотивы въ искусствѣ, Щербина зальется соловьемъ на счетъ того, что нужно «зло безъ образовъ таить». Рѣшетниковъ этого органически понять не можетъ, это для него тарабарская грамота; а онъ еще вдобавокъ человѣкъ грубый, вѣжливости ему научиться негдѣ было, вотъ и жесточайшая перепалка готова. Что касается людей сороковыхъ годовъ, то изъ нихъ лишь немногіе поднялись вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ на послѣднюю ступень его развитія. Да и изъ этихъ немно-

гихъ многіе потомъ обрати...
своемъ извѣстномъ письмѣ...
поводу «Переписки съ дру...
скій очень опредѣленно выра...
литическую программу. Онъ...
живые современные націона...
Россіи теперь: уничтоженіе...
права и отмѣненіе тѣлесно...
введеніе по возможности строгаго...
тѣхъ законовъ, которые...
эти требованія были отчасти уже...
люди сороковыхъ годовъ стали... есть...
ніи: чего-жъ еще теперь надо? Опя...
развѣ дальнѣйшихъ общихъ категорій...
лизаціи: распространенія просвѣщенія...
витія свободы, увеличенія благосост...
Но программа, въ такой мѣрѣ общая...
программа не дѣйствія, а бездѣй...
Значитъ, все обстоитъ благополучно и...
только, чтобы было благополучнѣе. Зна...
можно опять таить зло, безъ обр...
пунктъ, впрочемъ, никогда на дѣлѣ н...
ществлявшійся, потому что исповѣдыв...
его что другое, а зло нигилизма безъ...
зовъ не таили.

Разночинецъ не могъ довольствов... изъ...
общими категоріями цивилизаціи, ... го...
рыхъ выходили люди сороковыхъ отношенія...
Онъ цѣнилъ ихъ лишь по отношенію для...
народу, и благо послѣдняго было для ли...
такимъ же критеріемъ, какимъ для ... к...
сороковыхъ годовъ были отвлеченныя исходн...
горіи цивилизаціи. Это различіе сороков...
точекъ разночинцевъ и людей распрей...
годовъ не всегда отзывалось. Въ соро...
конечномъ пунктѣ ихъ работы. ...мно...
выхъ годахъ, напримѣръ, довольно вопр...
работалъ на почвѣ экономическихъ замѣчательны...
совъ Милютинъ, писатель замѣчательно не оц...
умный, талантливый и вовсе у насъ не изслѣдов...
ненный. Если вы сравните его изслѣдов... поз...
нія съ трудами нѣкоторыхъ нашихъ разночинцевъ...
нѣйшихъ экономистовъ изъ разночинцевъ очевидную...
вы увидите, что несмотря на очевидную...
разницу ихъ исходныхъ точекъ и даже ...
гическихъ пріемовъ, они, въ концѣ концовъ...
говорили одно и то же. Но хотя таким...
образомъ и всѣ дороги ведутъ въ Римъ, на...
все-таки, чтобы въ человѣкѣ какимъ-ни...
будь способомъ засѣло искреннее желаніе...
попасть въ Римъ. А въ этомъ-то и состоитъ...
трудность, которую преодолѣть могли только...
немногіе изъ людей сороковыхъ годовъ. Всл...
ствіе чего различіе исходныхъ точекъ вел...
къ непримиримой враждѣ. Разночинецъ чув...
ствовалъ, а часто даже и понималъ, что...
процессъ цивилизаціи, разумѣемой въ видѣ...
общихъ и отвлеченныхъ категорій, совер...
шается на счетъ народа, что водвореніе...
этихъ общихъ категорій подаетъ народу ка...
мень вмѣсто куска хлѣба. Онъ чувствовалъ...

болѣе или менѣе часто въ жизни каждаго общества, затменіе этакое находитъ. Вы можете все это понимать какъ нельзя лучше, но если у васъ нѣтъ призванія къ преподаванію въ элементарныхъ жизненныхъ курсахъ, вамъ будетъ въ высокой степени трудно напоминать своимъ согражданамъ истины въ родѣ перечисленныхъ. При этомъ я не собственно элементарность истинъ имѣю въ виду. Если извѣстная истина еще не входила въ сознаніе общества, то работать для водворенія ея, какъ бы ни была она элементарна, почти всегда пріятно. Тутъ не нужно какого либо особаго призванія. Но оно становится положительно необходимымъ, когда истина была уже однажды водворена, когда вы видѣли весь процессъ ея водворенія, были ея пропагандистомъ, видѣли успѣхъ своей пропаганды, и когда она вдругъ точно затерялась и опять понадобилась. Тутъ безъ упомянутаго призванія дѣйствительно ничего не подѣлаешь. Не легко отрываться отъ занятій высшимъ анализомъ для преподаванія первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Но человѣкъ, рѣшающійся на такое самопожертвованіе, находится въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ писатель, принужденный водворять истины, уже однажды водворенныя. Математикъ по крайней мѣрѣ спокоенъ: придетъ время, научится ребенокъ слагать, вычитать, умножать и дѣлить. А если придется опять внушать правила сложенія, вычитанія и т. д., то уже другому ребенку. Писателю же приходится поневолѣ часто думать: вѣдь это же мы жевали, и какъ жевали! На весь Божій міръ чавкали. Тутъ большая горечь и обида есть. Далѣе, для математика, какъ бы онъ много ни работалъ и до чего бы ни доработался, четыре правила ариѳметики ни малѣйше не измѣняются. Совсѣмъ иное дѣло съ писателемъ, занимающимся изученіемъ общественныхъ вопросовъ. Самая непоколебимая истина, въ родѣ, напримѣръ, преимущества желѣзныхъ дорогъ передъ проселочными, съ теченіемъ времени можетъ, оставаясь истиной, до такой степени осложниться, обрости новымъ мясомъ и облиться новою кровью, что проповѣдывать ее въ прежнемъ видѣ человѣку безъ призванія станетъ почти невозможно, а проповѣдывать ее со всѣми новыми осложненіями значитъ очень часто быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Поэтому люди, склонные къ преподаванію элементарныхъ жизненныхъ курсовъ, представляютъ необходимое и весьма важное явленіе въ экономіи общественной жизни. Они достойны всякаго уваженія, если отдаются своему дѣлу съ должною искренностью и скромностью, не забываютъ своего шестка. Но это-то и трудно. Представимъ себѣ, что въ

обществѣ, происходитъ водво... истинъ; дѣйствія человѣка управляются извѣстными... полезно; свобода благопрі... ріальному и нравственному... ныхъ личностей и цѣлыхъ... реніе происходитъ съ препятст... бой, но въ концѣ концовъ... даже камни петербургской... которыхъ опредѣляется... усиліями господина градона... эти камни вопіютъ: законы... полезно! свобода благопріятствуетъ! И... землѣ русской отдается тысячекратно... полезно!.. благопріятствуетъ!.. замир... мѣрѣ приближенія къ далеким... окраи... куда эхо доноситъ все-таки... хоть и безфо... тельный знакъ, безсловесный... выразительный, но тѣмъ не менѣе выразительный... вотъ происходитъ перемѣна декорацій. ... исторіи предательски подвертываетъ... рые совершенно непредвидѣнные и... предвидимые казусы; невѣжество... маетъ свою безобразную голову и ста... все бодрѣе, игривѣе, наглѣе. Слова... да» и «благопріятствуетъ», казалось... на манеръ магдебургскихъ полушарій... что ни конская и никакая другая скот... сила не могли ихъ разлучить, разрываются... и гуляютъ по головамъ врозь, испытывая... вершенно различныя мытарства... Какъ... хотите, чтобы послѣ всего того, что... человѣкъ безъ призванія началъ, казалось... конченное дѣло сначала и затянулъ без... нечную сказку про бѣлаго бычка? Этого... отъ кого требовать нельзя. И тысячи благо... дарностей тѣмъ бодрымъ и несмущающимся преподавателямъ элементарныхъ жизненныхъ курсовъ, которые способны вновь обстоятельно доказывать своимъ согражданамъ, что дѣйствія человѣка и ходъ исторіи управляются извѣстными законами, что знаніе полезно, что свобода благопріятствуетъ нравственному и матеріальному развитію отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ. Но иногда эти полезные и достойные уваженія люди становятся уже слишкомъ бодры и несмущенны, такъ что утрачиваютъ даже право на уваженіе и дипломъ полезности. Это случается, когда они забываютъ свой шестокъ и спрашиваютъ за свои истины несообразно высокія цѣны. А они, вообще говоря, къ этому склонны. Обществу, въ которомъ произошла означенная перемѣна декорацій, весьма полезно напомнить, что исторія не есть огромное съ бухту-барахту, которое Бисмаркъ или кто другой можетъ на вѣки вѣчные или даже надолго повернуть, какъ захочетъ и куда захочетъ. И въ этихъ предѣлахъ преподаватели элементарныхъ курсовъ дѣлаютъ важное и полезное дѣло. Но когда они про—

дѣвушка находитъ, что бракъ не есть соединеніе двухъ любящихся голубковъ, а прочно и здраво обсужденный союзъ двухъ сочувствующихъ другъ другу лицъ на трудъ и дѣло жизни. Современная дѣвушка не только не отрицаетъ брака, какъ полагаютъ нѣкоторые, она вполнѣ признаетъ его значеніе и важность въ жизни, и потому строитъ его на твердой почвѣ согласованія большихъ по возможности условій для спокойнаго и счастливаго сожительства, а элементъ страстнаго чувства, съ которымъ невозможно спорить, а иногда и бороться, какъ ненормальный и случайный, ставитъ совершенно отдѣльно... Вообще, самое понятіе о любви поставлено позднѣйшею литературою совершенно на иную почву: женщина, для которой въ прежнія времена любовь служила ореоломъ и подножіемъ, нынѣ срываетъ драпировку съ этого чувства и низводитъ его на настоящій уровень. Начать съ того, что современная женщина не дѣлаетъ для себя изъ любви единственнаго кумира, исключительную цѣль и занятіе жизни. Онъ ищетъ другого, болѣе обширнаго поля дѣятельности. Далѣе. Она увидѣла, что любовь идеальная, мечтательная любовь, не имѣющая подъ собой почвы, которая тѣмъ не менѣе считалась нѣкогда самымъ возвышеннымъ, первѣйшимъ сортомъ любви, есть пустое и вредное раздраженіе и самое глупое препровожденіе времени. Наконецъ, нѣкоторыя женщины пытались завоевать въ дѣлѣ любви хотя часть тѣхъ правъ,—конечно, въ свободѣ выбора, а не легкости и развратности его,—которыя пріобрѣли или, лучше сказать, отмежевали себѣ мужчины, и не стали соединять съ нею условныхъ рыцарскихъ понятій о чести, которыя невѣсть почему приплетены къ ней, а замѣнять ихъ понятіями о честности, т.-е. прямотѣ и разумности дѣйствій... Начавъ дѣло исканія самостоятельности и равноправности съ вопроса о чувствахъ, женщины послѣдняго десятилѣтія не остановились на немъ, а повели его дальше, перенеся на экономическую почву. Въ предыдущихъ очеркахъ мы видѣли рядъ женщинъ, которыя задачу своей жизни ставили въ помощи мужчинѣ и служеніи дѣлу, имъ избранному,—и если возвышали свои требованія до служенія общечеловѣческимъ интересамъ, то и ихъ пытались удовлетворить не непосредственно, а ...же черезъ мужчину, или научая, или ободр... этого мужчину, или ему содѣйствуя. П...днѣйшія женщины, стремясь и въ этомъ сл...чаѣ отдѣлить себя отъ зависимости муж...ы, въ то же время поняли, что эта за...ность и закрѣпощенность произошли отъ ...исто-экономическихъ условій, и потому пере...если и свои заботы прежде всего на

упроченіе своей экономич... сти, на пріобрѣтеніе своего тру... Это исканіе честнымъ ... свой кусокъ хлѣба сдѣлалось ... чертой дѣвушки, выставле... литературой («Живая душа» ... Она указываетъ намъ, между ... тотъ утѣшительный фактъ, ... временная мысль пробила ... такіе классы женщинъ, что ... прежнія времена она была ... для себя ... что главный составъ «новыхъ ... какъ и «новыхъ людей», даже ... пользующіяся экономическою ... ностью. Но, къ несчастію, ... экономи... жизнь, не только въ Россіи, но и в... гахъ болѣе развитыхъ странахъ, стои... на такомъ уровнѣ, что самый упор... постоянный женскій трудъ доставляе... дящейся дѣйствительно немного боль... го куска хлѣба...»

Разсказавъ содержаніе романа г. С... «Трудное время», г. Авдѣевъ закл... «Мы знаемъ, что Щетинину встрѣти... мительная борьба, что ей удастся, ... быть, создать какое-нибудь маленькое ... для себя, но что общему дѣлу она ... сетъ мало пользы или, по крайней ... пользу отрицательную. Тяжелыми усил... и почти непреодолимыми препятств... встрѣчающими одинокихъ труженицъ, ... чтожностью достигаемыхъ результатовъ ... можетъ быть, докажетъ, какъ доказыва... намъ много другихъ героинь современн... повѣстей, ту мысль, которую мы имѣли ... случай высказать въ одномъ литературн... произведеніи, что единичныя усилія отдѣ... ныхъ лицъ мало помогаютъ дѣлу, что ... этого нужны общія усилія всѣхъ женщи... и, что всего важнѣе, усилія, правильно орга... низованныя и разумно руководимыя. И тр... бованія современной женщины, къ счастью, ... таковы, что эта организація не нуждается ... ни въ какой тайнѣ и не можетъ ожида... неодолимыхъ препятствій».

Г. Авдѣевъ, къ сожалѣнію, не говоритъ ... въ какомъ именно литературномъ произве... деніи высказана имъ эта мысль. Тамъ она ... вѣроятно, выражена нѣсколько яснѣе и ос... стоятельнѣе. А то ее трудно понять, не... смотря на то, что авторъ ею же и заканчи... чиваетъ свою книжку: «Мы въ правѣ придти ... къ мысли, высказанной уже нами, какъ мы ... замѣтили, въ одномъ литературномъ произ... веденіи, что одиночныя, неорганизованныя ... точно и разумно стремленія долго не будутъ ... достигать тѣхъ здравыхъ и полезныхъ цѣлей, ... къ которымъ стремится современная жен... щина, хотя цѣли эти по существу своему ... такъ ясно полезны и такъ далеки отъ всякихъ ... кихъ мечтательныхъ преувеличеній, что пре...

*

и дворянокъ прилагали этотъ кодексъ къ дѣлу, разночинецъ Помяловскій или Рѣшетниковъ, надломленные тяжелой жизнью, метались въ бѣлой горячкѣ. Разночинцу не въ чемъ было каяться; онъ отъ другихъ требовалъ покаянія и, встрѣтивъ въ кающихся дворянахъ такую полную готовность, пошелъ съ ними рука объ руку, не смѣшиваясь, однако, съ ними до конца, не упуская изъ виду своей спеціальной миссіи. Конечно, существовало много оттѣнковъ, много переходныхъ типовъ между чистымъ разночинцемъ и чистымъ кающимся дворяниномъ. Но это не мѣшаетъ все-таки различать ихъ характеристическія черты; для одного на первомъ планѣ стояло подчиненіе категорій цивилизаціи идеѣ народа, для другого—идея личной морали. Съ теченіемъ времени разночинецъ исчезъ. Исчезъ совершенно на тотъ манеръ, какъ разсказываетъ Рязановъ, герой «Труднаго времени» г. Слѣпцова: «вотъ какъ въ балетахъ: все танцуетъ, танцуетъ, найдетъ на такое мѣсто—вдругъ хлопъ!—пропалъ». Кающійся дворянинъ еще подержался нѣсколько времени и тоже стушевался.

Вотъ въ короткихъ, но совершенно достаточныхъ для нашей цѣли словахъ исторія «новыхъ людей». Исторія «новыхъ женщинъ» имѣетъ совсѣмъ другую физіономію. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза отсутствіе разночинца и сравнительно слабое вліяніе его идеи. Если онъ и является въ послѣднихъ фазисахъ «женскаго вопроса» ферментомъ, то возбуждаетъ все-таки почти исключительно только покаяніе и жажду личнаго совершенствованія. Возьмемъ, напримѣръ, героиню «Труднаго времени», благо г. Авдѣевъ удѣляетъ разбору этого романа довольно много мѣста.

Молодой, образованный помѣщикъ Щетининъ живетъ въ деревнѣ съ женой, красивой, умной и хорошей женщиной, Марьей Николаевной. Живутъ они хорошо, дружно, собой довольны, потому что съ мужиками обращаются и въ другихъ отношеніяхъ ведутъ себя, съ помѣщичьей точки зрѣнія, добропорядочно. Но вотъ пріѣзжаетъ къ нимъ старый товарищъ Щетинина Рязановъ, писатель. Своими весьма двусмысленнаго и неопредѣленнаго свойства разговорами, до которыхъ намъ здѣсь нѣтъ дѣла, Рязановъ доводитъ Марью Николаевну до того, что она начинаетъ съ отвращеніемъ смотрѣть на свою добропорядочную жизнь. Совсѣмъ это даже не добропорядочная жизнь оказывается. Марья Николаевна нѣсколько времени крѣпится, но, наконецъ, рѣшительно заявляетъ, между прочимъ, мужу: «Пойми, что я съ радостью пошла бы землю копать, если бы это нужно было для общаго дѣла. А теперь... Что я такое? Эконом
дина Щетинина, просто на просто
которая выгадываетъ каждый
только и думаетъ о томъ: ахъ, как
не съѣлъ лишняго фунта хлѣба!
бы!.. Какая гадость!... Я понима
ты—ты ошибся, да я то, не могу
Пойми, не могу я... огурцы соли
разбудившему ее Рязанову Марья Ни-
лаевна начинаетъ чувствовать любо
объявляетъ ему, что между ею
все кончено, что она свободна, и
проситъ: «Теперь я бы желала только
я бы желала устроить такъ,
чтобы я могла всѣ силы, всѣ мою спос
мои употребить на то, чтобы хоть
нибудь быть вамъ полезной. Я въ
желаю, мнѣ хотѣлось бы только хоть ч
чуть помогать вамъ въ вашихъ занятія
Что вы мнѣ скажете, то я и буду дѣлать». Рязановъ не особенно горячо встрѣчаетъ это признаніе и предложеніе помощи. Марья Николаевна объясняетъ, что она во всякомъ случаѣ уѣзжаетъ отъ мужа изъ деревни. «Я ѣду,—говоритъ она,—для того, чтобы начать новую, совсѣмъ новую жизнь. Мнѣ эта опротивѣла; эти люди мнѣ гадки, да и вся эта деревенская жизнь. Я могла здѣсь жить до тѣхъ поръ, пока я ждала чего-то, однимъ словомъ, пока я вѣрила; теперь я вижу, что ждать мнѣ нечего, что здѣсь можно только наживать деньгу, да и то чужими руками. Къ помѣщикамъ и ко всѣмъ этимъ хозяевамъ я чувствую ненависть, я ихъ презираю; мужиковъ мнѣ, конечно, жаль, но что же я могу сдѣлать? Помочь имъ я не въ силахъ, а смотрѣть на нихъ и надрываться я тоже не могу»... «Тамъ», куда Марья Николаевна стремится, по ея мнѣнію, «живутъ такіе отличные люди, такіе умные и добрые, которые все знаютъ, все разскажутъ, научатъ, какъ и что дѣлать, помогутъ, пріютятъ всякаго, кто къ нимъ придетъ... однимъ словомъ, хорошіе, хорошіе люди».

Любовь къ Рязанову, однако, пропадаетъ какъ-то ужъ черезчуръ внезапно, и Марья Николаевна уѣзжаетъ «туда» одна. Рязановъ резюмируетъ ея мужу всю эту исторію такъ: «Жить хочетъ женщина, а мы съ тобой такъ только, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей участвуемъ въ этомъ дѣлѣ. И роли-то наши самыя пустыя: ты ей нуженъ былъ для того, чтобы освободиться отъ матери, а ее отъ тебя освободилъ, а отъ меня ужъ она сама освободилась: теперь ей никто не нуженъ,—сама себѣ госпожа». Что сдѣлалось съ Марьей Николаевной по пріѣздѣ «туда», остается неизвѣстнымъ. Т. е. остается неизвѣстнымъ въ романѣ, а въ сущности-то оно очень хорошо извѣстно. Въ тѣ времена не было ни Цюриха, ни академіи, ни другихъ позднѣйшихъ

угрозъ и проч. Каковы бы ни были сами по себѣ тѣ правила жизни, которымъ онѣ себя подчиняютъ, но онѣ подчиняются имъ, часто цѣною сильной внутренней ломки, и подчиняются вполнѣ сознательно. Русская жизнь представляетъ немного картинъ краше этой. Но, какъ и кающіеся дворяне мужского пола, новыя женщины замыкаются въ секту, упираются въ глухой переулокъ личной морали. Г. Авдѣевъ говоритъ: «Нѣжная и прекрасная половина рода человѣческаго, какъ называли ее прежде, оказалась не только нѣжной и прекрасной, но и болѣе настойчивой и практичной, чѣмъ мужчины. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы должны заключать изъ тѣхъ успѣховъ, съ которыми женщины достигли и еще стремятся достигать своихъ цѣлей». Право, я не знаю зачѣмъ намъ, на память о добромъ старомъ времени, такъ расшаркиваться передъ дамами, разъ мы ужъ перестали быть кавалерами. Мнѣ кажется, что, въ концѣ концовъ, успѣхи новыхъ женщинъ не такъ чтобы ужъ очень велики. Думаю, что новыя женщины добились столь же немногаго, какъ и новые люди вообще. Да и чего онѣ собственно добивались? Осуществленія идеала личнаго совершенства. Въ этомъ отношеніи новыя женщины смотрѣли даже уже на вещи, чѣмъ кающіеся дворяне. Дѣйствительно, напримѣръ, одно время между кающимися дворянами было сильно распространено мнѣніе, что служить не слѣдуетъ. А если кто и не могъ обойтись, по обстоятельствамъ, безъ государственной службы, то нѣсколько конфузился. Мнѣ нѣтъ надобности разбирать это убѣжденіе по существу, но во всякомъ случаѣ оно представляло нѣкоторый мостъ изъ чисто личной морали къ болѣе широкому, болѣе общественному взгляду. Между тѣмъ, въ то же самое время права государственной службы представлялись новымъ женщинамъ весьма заманчивымъ, онѣ ихъ добивались, и не только потому, что успѣхъ въ этомъ отношеніи утвердилъ бы ихъ равноправность съ мужчинами, нѣтъ, онѣ желали служить, какъ желали переводить, переплетать книги, работать въ швейной мастерской и т. п. Новыя женщины не дѣлали разницы между этими профессіями. И такъ ужъ это какъ-то странно устроилось, что сами ненавидѣвшіе службу кающіеся дворяне готовы бы были трубить побѣду при видѣ женщины въ мундирѣ. Точно такъ же и наоборотъ, новая женщина, негодующая на недопущеніе женскаго труда въ канцеляріи, подчасъ съ презрѣніемъ взглянула бы на близкаго ей кающагося дворянина, если бы онъ поступилъ на службу. Эта двойственность осталась до извѣстной степени и до сихъ поръ. Конечно, нынѣ уже никто не высказываетъ такихъ вольнодумныхъ и несообразныхъ мыслей. Совершенно

напротивъ. Но все-таки ... жебныхъ положеній, не ... ныхъ. Такъ, напримѣръ, ... наго. Но представимъ себѣ ... время полной равноправности ... допущенія ихъ на государст... Представимъ себѣ далѣе, что ... склонный читатель, принадле... людей, косо смотрящихъ на ... нителя общественнаго спокойст... васъ есть два близкихъ ... мужского, а другое женскаго пола ... единовременно заняли подобныя ... Весьма вѣроятно, что вы издадите ... поводу два совершенно различныя ... цанія:

— О ужасъ, онъ попалъ въ кварт...

— О восторгъ, она попала въ кв...ные!

Конечно, это только мое предпол... и притомъ, откровенно говорю, предпол...ніе, значительно утрированное. Но в... ваніи его все-таки лежитъ правда, и въ ... нетрудно убѣдиться,—стоитъ только ... шаться къ тѣмъ многочисленнымъ ст...стямъ, которыя такъ часто высказыва... тему женскаго вопроса. Я уже имѣлъ од... случай сослаться на радость, высказ... одною либеральною газетою по тому п... что въ Америкѣ женскій трудъ примѣн... къ дѣлу сыскной полиціи...

Вернемся, однако, къ Марьѣ Никола... Щетининой. Мнѣ могутъ сказать, что я с... комъ обобщилъ исторію этой помѣщицы. ... г. Авдѣевъ утверждаетъ, что, паралле... появленію разночинца, и «новыя женщи... впослѣдствіи стали являться изъ низш... слоевъ общества. Очень можетъ быть. ... вопросъ не въ этомъ. Вѣдь вотъ и желѣзн...рожные концессіонеры нынѣ изъ низш... слоевъ общества берутся: г. Губонинъ, По... бывшій крѣпостной, гг. Варшавскій, Пр... ковъ тоже не изъ аристократовъ и пр... просъ въ томъ, чѣмъ отзывается въ жизни ... явленіе на сценѣ женщинъ изъ низшихъ сло... общества. Возьмемъ же другой примѣръ. Во...мемъ примѣръ изъ Рѣшетникова. Глубже э... писателя никто въ народъ не спускался. ... бралъ иногда для своихъ образовъ почти ... логическіе сюжеты. Таковы его «Подлиповцы», въ которыхъ только онъ, съ его близостью ... народу и теплымъ, искреннимъ отношеніе... къ нему, могъ подсмотрѣть глубоко человѣ... скія, глубоко гуманныя черты (въ этомъ ро... выше «Подлиповцевъ» въ русской литерату... да можетъ быть и не только въ русской, н... ничего; слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что дру... крупныя произведенія Рѣшетникова да... ниже «Подлиповцевъ»). У этого самаго ... шетникова есть романъ «Свой хлѣбъ», на... санный на тему женскаго вопроса. Геро...

знаніе грѣховности окружающей жизни,—по крайней мѣрѣ, говоритъ она о ней въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ,—яснѣе и жажда покаянія, довольство переносимыми лишеніями, приравнивающими ее къ швеямъ, дѣлающими ее не хуже или, пожалуй, по ея очень характерному выраженію, не лучше ихъ. Кающіеся дворяне, вообще говоря, натуры чрезвычайно тонкія, изящныя, несмотря на свою иногда грубую внѣшность. Весь запасъ своихъ психическихъ силъ, унаслѣдованный ими часто отъ длиннаго ряда высокоблагородныхъ предковъ, запасъ, который отцами ихъ растрачивался на наслажденіе красотой и узорами гегелевской философіи, весь этотъ запасъ силъ они направили на выработку кодекса личной нравственности. Немудрено, что въ этомъ дѣлѣ они оказались подчасъ поистинѣ великими виртуозами. Много надо имѣть душевной силы, чтобы искать будничныхъ, повседневныхъ, невидныхъ лишеній, и большая психическая тонкость нужна для того безпощаднаго анализа каждаго своего шага, которому предавались кающіеся дворяне. И «новыя женщины» въ этомъ отношеніи стояли, можетъ быть, даже выше «новыхъ людей» изъ кающихся дворянъ, а тѣмъ паче изъ разночинцевъ. Послѣдніе, конечно, опять-таки вообще говоря, были несравненно грубѣе, не только потому, что происхожденіе, воспитаніе ихъ не гарантировало имъ особенной тонкости чувствъ, но и потому, что значительная часть программы кающихся дворянъ для нихъ не существовала вовсе: какъ уже было замѣчено выше, разночинцу не въ чемъ было каяться и не зачѣмъ было налагать на себя эпитеміи,—на него, неповиннаго, сама судьба, всегда слѣпая и безсмысленная, наложила не мало тяготы. Конечно, и передъ разночинцами стояла задача личной морали, но не она поглощала ихъ силы, и оттого они могли смотрѣть на вещи гораздо шире, чѣмъ кающіеся дворяне вообще и въ особенности чѣмъ новыя женщины.

Дарья Андреевна, подобно Щетининой, уѣзжаетъ въ Петербургъ, и на этомъ же пунктѣ заканчивается романъ Рѣшетникова. Въ Петербургѣ Дарья Андреевна можетъ быть и не затрется въ сектѣ кающихся дворянъ, потому что ей приходятъ иногда въ голову совершенно еретическія мысли. Такъ, напримѣръ, однажды «ей горько стало, что она живетъ только для себя, работаетъ только для того, чтобы заплатить за квартиру, чтобы наѣсться и не ходить босой. Кому я приношу пользу? Одной Эмиліи Карловнѣ (хозяйка магазина). И стало ей досадно, что ея работой живутъ другіе, а никакъ не она, и она успокоилась только тѣмъ, что не одна она приноси[illegible] заевамъ». Раздумье и скептици[illegible] по этому поводу въ Дарьѣ А[illegible] того, что она даже къ нен[illegible] мужеству, по крайней мѣрѣ, времен[illegible] сится гораздо благосклоннѣе. Ее ми[illegible] нимъ дѣти: «вотъ тутъ есть цѣль, ту[illegible] для чего жить; тогда, пожалуй, хорошо[illegible] если мужъ хорошій и любящій человѣ[illegible] Такого рода сомнѣнія весьма [illegible] и весьма р[illegible] вставали передъ новыми женщинами. (Д[illegible] въ Дарьѣ Андреевнѣ [illegible] дальнѣйшее разви[illegible] ихъ незамѣтно). По большей части это было люди, очень довольные собой, разъ имъ удалось добиться трудовой жизни, лишеній, возможности учиться, жить среди хорошихъ людей. Во всякомъ случаѣ, даже если этого самодовольства въ наличности не было, оно было всегда такъ близко, такъ возможно. И это совершенно понятно. Женскій вопросъ, какъ онъ у насъ поставленъ, не только не самый передовой вопросъ въ ряду выдвинутыхъ нашимъ временемъ,—значеніе, которое ему такъ часто приписывается,—а напротивъ, вопросъ запоздалый, стоящій на пережитой уже почвѣ. Дѣйствительно, отдѣлите въ такъ называемомъ женскомъ дѣлѣ осложняющіе его элементы покаянія, элементы сектаторства, и вы увидите, что оно цѣликомъ покоится на общихъ категоріяхъ цивилизаціи, тѣхъ самыхъ, безпощадная провѣрка которыхъ составляла миссію разночинца. Чего хотѣли новыя женщины, какъ женщины? Во-первыхъ, свободы выбора своихъ личныхъ привязанностей, во-вторыхъ, свободы выбора профессій. Что же это, какъ не общая категорія цивилизаціи, какъ не пройденная уже съ точки зрѣнія разночинца ступень. О свободѣ выбора привязанностей, кажется, и говорить нечего. Вопросъ о ней стоялъ достаточно ясно, конечно, для меньшинства, еще въ сороковыхъ годахъ. Г. Авдѣевъ, напримѣръ, понималъ его очень хорошо, когда еще и никакого разночинца не было. Что же касается до свободы выбора профессій, то разночинецъ и всякій, стоящій на его точкѣ зрѣнія, имѣетъ полное право оказать: хорошо, женщины получатъ и право, и возможность занимать соотвѣтствующія силамъ каждой изъ нихъ мѣста въ общественномъ организмѣ. Что же изъ этого произойдетъ? Мы это очень хорошо знаемъ, потому что было время, когда и мужчины не имѣли этого права и этой возможности, а теперь они этого добились, и результаты на лицо. Будетъ то же, только въ большихъ размѣрахъ, что и теперь происходитъ въ сферахъ, открытыхъ для женскаго труда и способностей. Свобода выбора профессій, свобода труда для мужчинъ повела къ тому, что народу въ большинствѣ случаевъ стало

и тому вѣрить, что земля на трехъ китахъ стоитъ. Но встрѣчаются между народными воззрѣніями и довольно правильныя, такъ что отнюдь не слѣдуетъ принимать безъ провѣрки убѣжденіе, что тамъ, въ народѣ-то, нѣтъ ничего, кромѣ сплошного невѣжества и слѣпого фанатизма.

Съ этой точки зрѣнія рекомендую г. Авдѣеву прочитать замѣчательную статью г-жи Ефименко «Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ», напечатанную въ «Знаніи» (№ 1 за нынѣшній годъ). Народныя начала, одно время составлявшія предметъ самыхъ горячихъ споровъ, нынѣ совершенно удалились съ литературной сцены. Неизвѣстно даже, съ какими убѣжденіями на этотъ счетъ разошлись спорившіе: остались ли крайніе западники при томъ убѣжденіи, что ничего путнаго изъ Виѳлеема выйти не можетъ, разубѣдились ли славянофилы въ томъ, что народныя воззрѣнія суть единственный кладезь премудрости. Одно, кажется, вѣрно, что ни тѣ, ни другіе не были достаточно знакомы съ предметомъ спора. Положимъ, что западники его и знать не хотѣли, но славянофилы стояли за него такой горой, что отъ нихъ можно бы было потребовать большаго знанія дѣла. А что у нихъ его не было, что они рисовали народъ и народныя начала совсѣмъ не особенно схоже съ оригиналомъ, въ этомъ, мнѣ кажется, достаточно убѣждаетъ обстоятельное, хотя и частнаго только вопроса касающееся изслѣдованіе г-жи Ефименко. Статья г-жи Ефименко основана на трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, на нѣкоторыхъ другихъ печатныхъ источникахъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора. Цѣль ея — выяснить воззрѣнія народа на бракъ. Помимо чисто научнаго и общаго практическаго значенія, которое имѣетъ изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ вообще, предметъ, избранный г-жею Ефименко, очень важенъ для текущей минуты. Вмѣстѣ съ предполагаемою реформою церковнаго суда въ настоящее время идетъ рѣчь, должны ли бракоразводныя дѣла оставаться въ вѣдѣніи духовной власти, или ихъ слѣдуетъ передать власти свѣтской. Со стороны, не желающей въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій въ нашемъ законодательствѣ, появилась, по словамъ г-жи Ефименко, брошюра (извѣстно, замѣчаетъ г-жа Ефименко, что у насъ брошюры по текущимъ вопросамъ — явленіе, не принадлежащее къ числу обыденныхъ), авторъ которой доказываетъ, что, проектируя законъ, касающійся всего народа, надо знать мнѣніе о немъ «всей многомилліонной массы православнаго русскаго народа». При этомъ авторъ полагаетъ, что народъ видитъ въ бракѣ исключительно таинство, актъ религіозный [illegible] долженъ вмѣшиваться никакой [illegible] элементъ. Опроверженіе этого [illegible] ясненіе глубокой розни между на[illegible] мальнымъ брачнымъ правомъ и ос[illegible] народнымъ — составляютъ всю суть [illegible] о которой идетъ рѣчь. Я не буду с[illegible] за подробностями историческаго очерка [illegible] витія нашего законодательства о бракѣ [illegible] торый дѣлаетъ г-жа Ефименко, и при[illegible] только главные его результаты. Наше бр[illegible] ное право было первоначально заимство[illegible] но изъ Византіи и получено нами съ дво[illegible] ственнымъ характеромъ, причемъ элемент[illegible] гражданскій значительно перевѣшивалъ эле[illegible] ментъ церковный. И хотя бракъ поступилъ у насъ цѣликомъ въ вѣдѣніе духовенства, послѣднее долгое время не стремилось дать преобладаніе церковному значенію брака. Напротивъ, оно даже расширило, напримѣръ, нѣкоторые поводы къ разводу, допускаемые византійскимъ правомъ, и ввело новые. Народа это, однако, не удовлетворяло, такъ что, несмотря на свою терпимость, духовенству приходилось выдерживать не малую борьбу за религіозный элементъ брака. Въ прошломъ столѣтіи происходитъ крутой поворотъ: брачное законодательство переходитъ въ руки общей, свѣтской власти, постановленія которой обязательны и для церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ явленіе удивительное и едва ли имѣющее свои параллели въ исторіи другихъ народовъ: съ переходомъ брачныхъ дѣлъ въ руки свѣтской власти, гражданскій элементъ, имѣвшій дотолѣ такое важное значеніе, начинаетъ уступать мѣсто религіозному. Свѣтская власть ставитъ бракъ на исключительно церковную почву. Уже Петръ Великій запретилъ господствовавшія до него рядныя и сговорныя записи съ обязательнымъ характеромъ и уничтожилъ значеніе гражданскаго обрученія. Это направленіе съ теченіемъ времени все усиливалось: нынѣ наше законодательство видитъ въ бракѣ исключительно таинство.

Этотъ взглядъ, однако, представляя уже позднѣйшій фазисъ развитія нашего брачнаго права, весьма мало отразился на воззрѣніяхъ массы народа, который продолжаетъ смотрѣть на бракъ, главнымъ образомъ, какъ на гражданскій договоръ, только освященный благословеніемъ церкви. Г-жа Ефименко приводитъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ данныхъ, подтверждающихъ это обстоятельство. Собственно церковному браку, вѣнчанію, предшествуетъ въ крестьянскомъ быту очень сложный и очень подробно обычаемъ разработанный чисто гражданскій договоръ, содержаніе котораго составляютъ свадебные расходы, приданое, подарки, усло-

нія», чтобы дать хоть кажущуюся опору своимъ, Богъ-знаетъ на чемъ основаннымъ измышленіямъ: мы видимъ, какое широкое развитіе, охватывающее всѣ стороны дѣла, получилъ у крестьянъ договорный элементъ брака, почти исключающій участіе чего бы то ни было, ему посторонняго; мы видимъ, наконецъ, что онъ, этотъ договорный элементъ, не только широко охватываетъ всѣ стороны дѣла, но и проводится послѣдовательно до крайнихъ своихъ выводовъ, переходя даже за тѣ предѣлы, передъ которыми должно было бы остановиться развитое нравственное чувство. Всѣ теоріи, основанныя на признаніи какого-то особеннаго православнаго народно-русскаго духа, который, исполняя собою все, спеціально присутствуетъ въ бракѣ, какъ зародышѣ гражданственности, кажутся до такой степени несостоятельными съ точки зрѣнія фактовъ, что рѣшительно не постигаешь, чему приписать ихъ возникновеніе: близорукости ли и незнанію, или умышленной недобросовѣстности?... Цѣлая бездна лежитъ между взглядами на бракъ народа и взглядами на тотъ же предметъ законодательства, между народнымъ брачнымъ правомъ и брачнымъ правомъ законнымъ. Введеніе христіанства положило начало этому раздвоенію; но долго, очень долго, почти черезъ всю нашу исторію, дѣло шло путемъ соглашенія различныхъ взглядовъ, путемъ уступокъ, однимъ словомъ, тѣмъ путемъ, на которомъ постоянно была передъ глазами возможность примиренія. Теперь, когда одинъ изъ этихъ взглядовъ получилъ окончательное преобладаніе, развился до своихъ послѣднихъ выводовъ и закрѣпился въ строгія казенныя формы,—возможность примиренія теряется изъ виду. И вотъ представляется явленіе, поражающее своей ненормальностью: одно государство, одна національность, ничего, кромѣ различія сословій—и два брачныхъ права, основанныхъ на существенно различныхъ началахъ.

Какъ же помочь дѣлу, хотя бы въ видахъ единообразія? Г-жа Ефименко полагаетъ, что народное право погнуться не можетъ, какъ не погнулось оно и до сихъ поръ. Но оно можетъ быть совершенно уничтожено, если уничтожить породившія его причины, если перевоспитать народъ и измѣнить условія его жизни, на что, однако, нужны цѣлые вѣка. Законодательство находится въ совершенно иномъ положеніи. Оно можетъ отступить отъ своей исключительной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что брачное законодательство находится у насъ въ рукахъ свѣтской власти. Теперешнее наше брачное право не представляетъ неизбѣжнаго слѣдствія нашего историческаго прошлаго, оно не можетъ опе-рется и на точку народнаго ду- [illegible] дательство руководилось исключительно соображеніями. Г-жа Е[illegible] отнюдь не считаетъ наше народное б[illegible] право, въ его настоящемъ видѣ, в[illegible] удовлетворительнымъ. Напротивъ, она о[illegible] хорошо видитъ его грубыя стороны, особ[illegible] но по сравненію съ высокимъ понятіемъ бракѣ, господствующимъ въ законодательствѣ. Но дѣло именно въ томъ, что это понятіе уже слишкомъ высоко. По закону, бракъ есть «таинство, доступное вступающимъ въ него лишь по взаимной любви и согласію, свободно отъ всякаго принужденія». Юристы наши стоятъ на той же идеальной точкѣ зрѣнія. Г. Побѣдоносцевъ опредѣляетъ цѣль брака такъ: «удовлетвореніе согласной съ разумною природой человѣка потребности общенія всѣхъ органическихъ внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, дарованныхъ человѣку для развитія, труда и наслажденія въ жизни». Эти идеалы почерпнуты изъ области нравственно-религіозной, гдѣ они вполнѣ умѣстны, но, обращаясь въ законодательную норму, они оказываются настолько высокими, что жизнь не можетъ ихъ принимать въ соображеніе. Въ свою очередь, и законъ теряетъ возможность обнять собою жизнь. Законъ, очень послѣдовательно, совершенно игнорируетъ, напримѣръ, обиды и оскорбленія между супругами, они для него совсѣмъ не существуютъ въ силу того, что бракъ есть «таинство, доступное вступающимъ въ него лишь по взаимной любви и согласію». Въ самомъ дѣлѣ, если бракъ доступенъ исключительно только любящимся и согласнымъ людямъ, то какія же тутъ могутъ быть оскорбленія и обиды? А если законъ и привлекаетъ къ суду мужа, наносящаго женѣ увѣчья, раны, тяжкіе побои, то, по отбытіи мужа въ тюрьмѣ, онъ вновь водворяется въ супружескія объятія, ибо, несмотря ни на что, супруги суть все-таки любящіеся и согласные люди. Если супруги живутъ врозь, то отдѣльный видъ на жительство можетъ быть выданъ мужемъ женѣ только на одинъ годъ. Какъ могутъ любящіеся и согласные супруги прожить врозь больше года? Законодательство не знаетъ несчастныхъ, неудачныхъ браковъ, они для него не существуютъ. Но такъ какъ изъ жизни-то формула законодателя ихъ изгнать не можетъ, то семья нерѣдко оказывается сосудомъ всякой лжи, лицемѣрія, гадостей, о чемъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ежедневно всплывающія брачныя и бракоразводныя драмы. Въ послѣднее время несостоятельность нашего брачнаго права передъ требованіями жизни опредѣлилась настолько ясно, что не только мировые судьи, но и высшая судебная ин-

хвастливы, болтливы, трусливы, уродливы, а русскіе казаки умны, благородны, скромны, храбры, красивы; русскій плѣнникъ въ кандалахъ, посаженный въ желѣзную клѣтку, чихаетъ, и толпы вооруженныхъ китайцевъ разбѣгаются отъ страху и проч. Казалось бы, какую болѣе доброкачественную и подходящую духовную пищу можемъ мы, «вверху стоящіе», предложить темному и глупому народу. Но опять-таки, странное дѣло, актерамъ было очевидно весело, несмотря на то, что они эту самую Ѳедосью Сидоровну разъ по десяти въ день продѣлываютъ. А зрители не особенно веселились. Зашибающему деньгу актеру, старику съ бородой изъ пакли, вертельщику весело, а принесшему деньгу скучно. Только когда Ѳедосья Сидоровна побѣждаетъ китайцевъ и заявляетъ, что, молъ, «русская баба вотъ какъ», раздается взрывъ хохота, но и то, кажется, болѣе скептическаго: что, дескать, баба можетъ, развѣ что съ китайцами... Извѣстно, мужичье грубое, глупое, ни женскаго вопроса, ни патріотизма не понимаетъ...

Мнѣ пришло въ голову: а что если народъ очень хорошо, не хуже нашего понимаетъ, какъ глупы и грубы предлагаемыя ему «вверху стоящими» масляничныя увеселенія, и ходитъ на нихъ только такъ, потому масляница? Вообще, большихъ сюрпризовъ можно ожидать...

Большихъ, но совсѣмъ, однако, въ другомъ родѣ, чѣмъ какой изображенъ въ послѣднемъ разсказѣ г. Тургенева «Пунинъ и Бабуринъ» («Вѣстникъ Европы», № 4-й).

Дѣйствіе первое, 1830 годъ. Лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, Петръ Петровичъ Б., двѣнадцатилѣтній мальчикъ, присутствуетъ при томъ, какъ нѣкій Бабуринъ нанимается въ конторщики къ его бабушкѣ. Бабуринъ присланъ однимъ знакомымъ при письмѣ, въ которомъ значится, что онъ человѣкъ трезвый и трудолюбивый, но что за нимъ водятся «двѣ странности». Бабуринъ входитъ.

— Твоя фамилія Бабуринъ? спросила бабушка, и тутъ же прибавила про себя: il a l'air d'un arménien.

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки—«твоя», брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ ему «выкать», говорить ему: вы?!!

Заходитъ рѣчь о «странностяхъ» Бабурина, о которыхъ упоминается въ рекомендательномъ письмѣ:

— Не могу знать, что имъ угодно было назвать странностями. Развѣ вотъ, что я... тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась.—Неужто жъ Яковъ Петровичъ тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не ... надъ крест... наго наказанія...,

Другая странность Бабурина ... въ томъ, что онъ держитъ п... нѣкоего Пунина, бывша... кончившаго курса, содержа... Дѣлаетъ это онъ «по сп... какъ бѣднаго человѣка ... могать другому бѣдному»...

Разсказчикъ не дожида... реговоровъ и, высланн... ляется въ садъ, гдѣ ста... нымъ. Съ этимъ добро... восторженнымъ и глубо... бурину чудакомъ маль... подружился. На другой ... оба друга поселились у ... чикъ отправился навѣстить ... *стучавшись въ дверь — этого* ... *и въ заводѣ не было* ... тому что эта мелкая черта ... на для всего разсказа), ... въ комнату». Тамъ онъ ... только Бабурина.

— Вамъ что угодно?—промолвилъ онъ, не опуская рукъ и насупивъ брови.

— Пунина нѣтъ дома?—спросилъ я самымъ развязнымъ тономъ.

— Господина Пунина, Никандра Вавилыча, въ сію минуту точно нѣтъ дома,—отвѣчалъ, не торопясь, Бабуринъ,—но позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ, развѣ прилично такъ, не спросясь, входить въ чужую комнату?

Я!.. молодой человѣкъ!.. Какъ онъ смѣетъ!.. Я вспыхнулъ весь отъ гнѣва.

— Вы, должно быть, меня не знаете,—произнесъ я уже не развязно, а надменно:—Я здѣшней барыни внукъ.

— Это мнѣ все едино,—возразилъ Бабуринъ, снова принимаясь за полотенце.—Вы хоть и барскій внукъ, а не имѣете права входить въ чужую комнату.

— Какая же она чужая? Что вы?! Я здѣсь вездѣ—дома.

— Нѣтъ, извините, здѣсь дома—я, потому что комната эта назначена мнѣ по условію—за мои труды.

— Не учите меня, пожалуйста,—перебилъ я его,—я лучше васъ знаю, что...

— Васъ надобно учить,—перебилъ онъ меня, въ свою очередь,—потому что вы въ такомъ возрастѣ обрѣтаетесь... Я знаю свои обязанности, но и права свои знаю тоже очень хорошо, и если вы будете продолжать такимъ образомъ со мною бесѣдовать—то мнѣ придется попросить васъ отсюда выйти!..

Но тутъ приходитъ Пунинъ, и распря кончается. Пунинъ уводитъ мальчика въ садъ и тамъ объясняетъ: «Парамонъ Семенычъ (Бабуринъ) человѣкъ достойнѣйшій, строжайшихъ правилъ, изъ ряду вонъ человѣкъ! Ну, конечно, себя онъ въ обиду не дастъ, потому—цѣну себѣ знаетъ. Съ нимъ, мой миленькій, надо обходиться вѣжливенько, вѣдь онъ,—тутъ Пунинъ наклонился къ самому моему уху—республиканецъ!» «Да, мой

тря на свою техническую трудность, съ другой стороны, для мастера, въ высшей степени благодаренъ. При немъ состязаніе, какъ въ «Наканунѣ», «Первой любви», «Дымѣ», «Вешнихъ водахъ», «Пѣвцахъ», или тѣсная дружба, какъ въ «Хорѣ и Калинычѣ», «Чертопхановѣ и Недопюскинѣ», «Пунинѣ и Бабуринѣ», образуютъ нѣкоторый общій фонъ, на которомъ отдѣльныя фигуры вырѣзываются съ особенною отчетливостью, и воображеніе художника можетъ смѣло комбинировать ихъ на разные лады. Къ сожалѣнію, за послѣднее время г. Тургеневъ точно истощилъ свои комбинаціи и безпрестанно повторяетъ самого себя. Такъ, состязающіяся героини «Вешнихъ водъ» очень уже напоминаютъ героинь «Дыма», а отношенія пріятелей Пунина и Бабурина не только въ общемъ, но и во множествѣ мелкихъ подробностей прямо списаны съ отношеній Чертопханова и Недопюскина. Къ еще большему сожалѣнію, копіи эти гораздо слабѣе оригиналовъ. Покровительственно-дружественныя отношенія Чертопханова къ Недопюскину и почтительно-дружественныя отношенія послѣдняго къ первому совершенно ясны и понятны, потому что передъ читателемъ проходитъ и зарожденіе, и развитіе ихъ. Комбинація Пунинъ-Бабуринъ, напротивъ, очень туманна, потому что въ разсказѣ вся она держится на одномъ словѣ Бабурина: «по справедливости». Поневолѣ заподозрѣваешь самое это слово, т. е. заподозрѣваешь, могло ли оно быть сказано, т. е. заподозрѣваешь возможность самого Бабурина. Это одинъ изъ самыхъ неудачныхъ образовъ г. Тургенева. Авторъ на первой же страницѣ заставляетъ «дрогнуть» [его] брови при обращеніи къ нему мѣстоименія «ты» и затѣмъ строго-на-строго [сл]ѣдитъ, чтобы онъ ежеминутно заявлялъ [себ]я «республиканцемъ». Несмотря, однако, [на] этотъ строгій надзоръ или, вѣрнѣе, именно [бла]годаря строгости этого надзора, Бабу[рин]ъ блѣденъ, какъ тѣ листы бумаги, на [кото]рыхъ г. Тургеневъ писалъ свою по[вѣст]ь.

[Во]обще говоря, разсказъ г. Тургенева [по]нравился. Критика, за послѣднее время [не с]овсѣмъ благосклонная къ нашему знаменитому романисту, на «Пунинѣ и Бабу[ринѣ»] съ нимъ помирилась. Критикъ «Го[лоса»] доказываетъ, что разсказъ превосхо[денъ] и что Бабурины—типъ, несомнѣнно [сущес]твующій и впервые эксплоатируемый. [Крити]къ «Петербургскихъ Вѣдомостей» на[ходит]ъ, что разсказъ прекрасенъ, что онъ [дышит]ъ не вымысломъ, а былью,—столько [въ не]мъ правды и такова сила таланта. [Эт]о возразить труднѣе, потому что тутъ [д]ѣло въ фактахъ, а въ томъ, что кому кажется. Мнѣ кажется, что [illegible] меня одна голая неправда, и [illegible] непр[illegible] вершенно ясна причина [illegible] разск[illegible] ее объясняютъ подпись [illegible] разсказъ г. «Парижъ, 1874», и другой [illegible] напечатанный генева «Наши послали», [illegible] «Недѣлѣ».

Въ прошлой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я пытался доказать, что пришествіе разночинца было событіемъ, заставившимъ людей сороковыхъ годовъ—и г. Тургенева ужъ, конечно, не меньше, чѣмъ другихъ—отшатнуться отъ послѣдняго нашего общественнаго движенія. Но вотъ является г. Тургеневъ съ повѣстью, въ которой фигурируютъ разночинцы (они такъ и называются въ разсказѣ «разночинцами», и я глубоко польщенъ этимъ совпаденіемъ) и въ которой авторъ высказываетъ весьма ясную симпатію къ нимъ. Да, mea culpa, mea maxima. Но вѣдь и то сказать: какого разночинца-то подхватилъ г. Тургеневъ! Пунинъ, конечно, въ счетъ не идетъ, но Бабуринъ-то каковъ! Онъ, правда, нѣсколько грубъ, какъ и подобаетъ «сыну толпы», но совершенно по-европейски; онъ формально декларируетъ, именно декларируетъ права человѣка и гражданина; въ 1830 году, въ какой-то Тмутаракани, онъ требуетъ, чтобы къ нему входили по-европейски, постучавъ предварительно въ дверь. Мимоходомъ сказать, г. Тургеневъ, очевидно, придаетъ большое значеніе способу вхожденія къ знакомымъ, потому что и въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о немъ: «Ни у кого не спросясь, по студенческой безцеремонной привычкѣ, я прямо пробрался къ Тархову.» Какой укоръ этимъ безцеремоннымъ студентамъ представляетъ утонченный европеецъ Бабуринъ! Странно только, что мѣщанина, плохо выносящаго мѣстоименіе «ты» и совершенно не выносящаго вхожденія къ нему въ комнату безъ предварительнаго постукиванія, странно, что въ 30—40 годахъ его не прибилъ и не выпоролъ ни одинъ городничій, ни одинъ исправникъ, ни одинъ становой... Такъ вотъ каковъ этотъ разночинецъ... Блага цивилизаціи онъ способенъ оцѣнить вполнѣ, а не то что Маркъ Волоховъ—черезъ окошко или черезъ заборъ все норовитъ, или какъ Михаилъ Ивановичъ—напьется и горланитъ про «прижимку». То азіаты...

Очевидно, г. Тургеневъ зажился за границей. Онъ полагаетъ, что эпизодъ изъ исторіи революціи 1848 года («Наши послали») и русскаго революціонера можно нарисовать однѣми и тѣми же красками. Я увѣренъ, что во французскомъ переводѣ «Пунина и Бабурина» ждетъ большой успѣхъ, но сомнѣваюсь, чтобы французы получили

что именно—хоть убей, не помню. Я долго старался припомнить, мучительно старался. У майора Ковалева только носъ пропалъ, да и то какъ онъ взбѣленился. Суди же о моемъ отчаяніи и усиліяхъ—увы!—тщетныхъ. Долго ли, коротко ли, сладко ли, не сладко ли, а пришлось-таки помириться съ этимъ удивительнымъ положеніемъ. Но ты, написавшій «Взбаломученное море», «Некуда», «На ножахъ», «Марево», «Марину изъ Алаго Рога», ты, авторъ этихъ и многихъ другихъ глубокихъ произведеній, слишкомъ хорошо знаешь человѣческое сердце, чтобы допустить, что я такъ вотъ сейчасъ всѣмъ и разсказалъ о своемъ несчастіи. Кругъ знакомыхъ моихъ не хуже, чѣмъ у майора Ковалева, я не безызвѣстенъ и штабъ-офицершѣ Подточиной. Поэтому на первыхъ порахъ внутренняго примиренія съ моимъ новымъ и едва-ли не единственнымъ въ исторіи человѣчества положеніемъ я довольно долго ломался. Я старался, по крайней мѣрѣ, показать видъ, что очень хорошо помню рѣшительно все, чтобы, понимаешь, передъ посторонними-то людьми не конфузиться. Это мнѣ удалось. Хоть мнѣ и казалось иногда, что я и всѣ окружающіе разыгрываемъ роли авгуровъ и едва удерживаемся, глядя другъ на друга, отъ гомерическаго смѣха, но все-таки мнѣ и виду никто не показалъ, что мое несчастіе извѣстно. На что твоя «послѣдняя страничка» въ «Гражданинѣ»—чего ужъ, кажется, злѣе, ядовитѣе, а и та молчала. Но скоро мнѣ надоѣло притворяться. Мимоходомъ сказать, и тебѣ не совѣтую. Впрочемъ, объ этомъ ниже. Стараться имѣть видъ, что все помнишь, когда не помнишь ровно ничего, это такая адская мука, которую à la longue способны вынести только самые толстокожіе экземпляры вида Homo sapiens. Существовала нѣкогда пытка, извѣстная подъ именемъ «испанскаго осла». Пытаемаго сажали верхомъ на заостренную перекладину, а къ ногамъ подвѣшивали гири; гири тянули внизъ, а остріе перекладины постепенно разрѣзало человѣка на двѣ части. Это, конечно, ужасно; говорятъ, страшнѣе этой пытки изобрѣтательный умъ человѣческій ничего не могъ придумать. Но представь себѣ, что было бы, если бы можно было обязать сидящаго на испанскомъ ослѣ имѣть совершенно бодрый и гордый видъ человѣка, галопирующаго по своей собственной охотѣ... Я не вынесъ. Не вынесъ какъ разъ въ то время, когда уже началъ довольно бойко и ни мало не краснѣя выкрикивать, «можно не соглашаться, но должно признаться»! Я тебѣ разскажу, какъ, почему и при какихъ обстоятельствахъ соскочилъ я съ испанскаго осла. Не долга эта исторія, но глубоко трагична и поучительна.

Нынче лѣтомъ я, вмѣстѣ съ нашимъ об-
щимъ другомъ Иваномъ Либе
печаталъ въ «Биржевыхъ
«Взглядъ и нѣчто» въ защиту
Не помню ужъ, зачѣмъ мы это с
жетъ быть, мы и тогда этого не зна
бы то ни было, но пріемъ-то мы выбр
вольно оригинальный. Именно мы сп
себя: что такое плутократія? и от
весьма резонно: власть, правленіе бо
Это по ученому, по-гречески. Но по-р
выходитъ это какъ-то неладно,—точно в
плутовъ, тогда какъ всякому, даже не у
шемуся у современныхъ педагоговъ, из
стно, что плутъ и богачъ совсѣмъ не одн
то же. А такъ какъ, разсуждали мы дал
съ Иваномъ Либеральнымъ, ученое сло
плутократія происходитъ отъ имени грече
скаго бога Плутона, то надлежитъ упразднить неприличный каламбуръ, поддерживаемый лишь всеобщимъ невѣжествомъ и говорить не плутократія, а *плутонократія*. Кажется, чего бы лучше? Мы обнаружили энергію, обнаружили эрудицію; и принять бы предложенную нами реформу и дѣло съ концомъ. Но оказалось,—чего, впрочемъ, откровенно говоря, всегда слѣдовало ожидать,—что энергія и эрудиція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» превосходитъ нашу. Эта почтенная газета доказала, какъ дважды два четыре, что слово плутократія происходитъ отъ имени не Плутона—бога ада, а Плутоса—бога богатства. Я къ Ивану Либеральному.

— Какъ-же, говорю, такъ?

— А ты чего смотрѣлъ?

— Нѣтъ, ты-то, ты?

— Я, говоритъ, свободенъ вообще, свободенъ и отъ греческой миѳологіи, и греческой грамматики въ частности. А ты выходишь невѣжда...

И такъ это онъ гордо, съ такимъ апломбомъ сказалъ, что я даже опѣшилъ. Выругалъ я его за то, что онъ оставляетъ меня одного подъ мѣткими выстрѣлами энергіи и эрудиціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и сталъ думать, какъ бы мнѣ извернуться, какъ бы мнѣ повернуть дѣло такъ, чтобы повѣрили добрые люди, что я все, все очень хорошо помню, даже греческую миѳологію и греческую грамматику. Такъ оставаться, сложа руки, мнѣ было нельзя, потому что, повторяю, меня даже штабъ-офицерша Подточина знаетъ. Однако, я не нашелся ничего лучшаго сдѣлать, какъ рипостировать «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» такъ: хорошо, пускай отъ Плутоса, тогда, значитъ, надо говорить *плутосократія*, а все-таки не плутократія. Я предлагалъ даже писать это слово такъ: Плуто-Сократія, вводя, такимъ образомъ, имя знаменитаго греческаго мудреца. Но Иванъ Либеральный нашелъ, что это уже слишкомъ, и мы напечатали въ «Бирже-

*

мени, ни кола ни двора, ни отца ни матери, зовутъ Иваномъ Непомнящимъ!

Принявъ такое рѣшеніе—какъ давно уже мнѣ слѣдовало его принять! — спѣшу, любезный другъ, увѣдомить тебя о немъ публично, дабы, во-первыхъ, выразить тѣмъ свое уваженіе къ тебѣ, а во-вторыхъ, преподать тебѣ нѣкоторые добрые совѣты. Скажу тебѣ прежде всего, что я счастливъ. Ты человѣкъ ученый, ты слыхалъ о нирванѣ, о буддистскомъ блаженствѣ небытія. Именно нѣчто въ этомъ родѣ испытываю я теперь, когда соскочилъ съ испанскаго осла и облегчилъ душу публичнымъ заявленіемъ: забылъ, все забылъ! Я знаю, ты съ своей обыкновенной логикой скажешь: что жъ, дескать, хорошаго, что ты все забылъ, оторвался отъ всякой почвы и традиціи, забылъ наконецъ, свои собственныя славныя дѣянія? вѣдь никто другой, какъ ты, обличалъ во взяточничествѣ исправника Z—скаго уѣзда, X—ской губерніи, никто другой, какъ ты, потребовалъ, чтобы слово жидъ было изгнано и на его мѣстѣ водружено слово еврей.—Благодарю, добрый другъ, за память. Дѣйствительно, я, кажется, совершилъ эти славныя дѣянія. Но забывая *все*, я забываю не только эти свои лавры, а и всѣ тѣ гнуснѣйшія и смѣшнѣйшія положенія, въ которыя не разъ приходилось становиться и мнѣ, и тебѣ, и Ивану Либеральному, и Ивану Чувствительному, и Ивану Ничегонепонимающему, и Иванушкѣ Дурачку и всѣмъ прочимъ Иванамъ. А главное, не въ этомъ совсѣмъ дѣло. Я бы и радъ помнить, но что же дѣлать, если все забылъ. Я не тому радуюсь, что забылъ, а тому, что имѣлъ мужество объявить это, тому, что соскочилъ, наконецъ, съ испанскаго осла. Я и тебѣ не говорю: забудь. Напротивъ, припоминай. Въ настоящую минуту ты именно стараешься припоминать, и я съ большимъ сочувствіемъ слѣжу за твоими усиліями. Припоминай, но если ты замѣтишь, что усилія твои тщетны, брось и объяви себя Иваномъ Непомнящимъ. Не послѣдняя выгода этого состоянія заключается въ хладнокровіи и спокойствіи, которыми оно меня надѣлило и образцы которыхъ ты увидишь сегодня же, въ этомъ письмѣ.

Я назвалъ себя счастливымъ. Оно вѣрно. Соскочивъ съ испанскаго осла, я избавился отъ ужаснѣйшихъ мученій. Но нѣтъ добра безъ худа. Во мнѣ развилась подозрительность.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли въ многолюдный храмъ,—

мнѣ все кажется, что кругомъ меня стоятъ, сидятъ, лежатъ, ходятъ въ сущности все такіе же непомнящіе, какъ и я, но только не имѣющіе мужества заявить о своемъ забвеніи или забытьи,—не говорится по-русски. Въ [illegible] овладѣлъ духъ прозелитизма. [illegible] непомнящихъ, но не имѣ[illegible] мнѣ страстно хочется осчастли[illegible] тивъ ихъ въ свою вѣру [illegible] венія. Я долженъ, однако, откровен[illegible] знаться, что до сихъ поръ [illegible] моя мис[illegible] ская дѣятельность была довольно безп[illegible] Напрасно стараюсь я убѣдить неп[illegible] щихъ, но не имѣющихъ мужества, что, т[illegible] достигнувъ той степени безстыдства, [illegible] торой я достигъ, можно разсчитывать [на] полное и прочное счастіе. *Они стыд*[illegible] ся! (я подчеркиваю и [illegible]) *Они*, и *стыдят*[illegible] то-есть они предпочитаютъ останови[ться] ся на переходныхъ ступеняхъ безсты[дства] ства, которыя, по моему, даже хуже без[стыдства] стыдства откровеннаго. Они упорно сидятъ на своихъ испанскихъ ослахъ, и, право, не будь у меня собственнаго опыта, я бы иной разъ, пожалуй, повѣрилъ, что они помнятъ. До такой степени нѣкоторые, даже на испанскомъ ослѣ, умѣютъ сохранить молодцоватую, чисто кавалерійскую посадку. Но меня не проведешь. Идетъ человѣкъ по улицѣ; идетъ онъ очень скоро, очень твердо и съ печатью думы на челѣ, палочкой не помахиваетъ, дамамъ подъ шляпки не заглядываетъ, у магазинныхъ оконъ не останавливается. Но я про себя думаю: шалишь! ничего ты не помнишь! И затѣмъ обращаюсь къ нему: «Милостивый, говорю, государь, а вѣдь вы забыли! (Онъ останавливается, смотритъ на меня во всѣ глаза и затѣмъ съ ужасомъ хватается за карманъ въ брюкахъ, за задній карманъ, за боковой. Несчастный! онъ думаетъ, что забылъ портмонэ, онъ думаетъ», что, кромѣ портмонэ, и забывать нечего... Онъ даже, наконецъ, вытаскиваетъ портмонэ и показываетъ его мнѣ, какъ доказательство, что онъ не забылъ. Я его останавливаю. «Портмонэ, говорю, вы, дѣйствительно, не забыли, но это единственная вещь, которой вы не забыли, а затѣмъ область вашего забвенія, можно сказать, необъятна. На первый случай вы забыли, куда и зачѣмъ вы вышли изъ дому, вы забыли заглянуть подъ шляпку и вотъ этой камеліи, и вонъ той матери семейства, вы забыли остановиться передъ окнами Ліонскаго магазина, гдѣ выставлены новые гобелены, вы забыли»... Но тутъ онъ прерываетъ меня, разражаясь бранью, и круто поворачиваетъ назадъ. Однако, я вижу, какъ походка его утрачиваетъ свою солидность, какъ онъ догоняетъ указанныхъ ему мною дамъ, какъ онъ стоитъ передъ Ліонскимъ магазиномъ. Очевидно, я ему напомнилъ. Но обратилъ ли я его въ вѣру откровеннаго забвенія? Кажется, нѣтъ. И вотъ

это-то меня теперь и мучитъ. Но ты понимаешь, конечно, что неудачи не могутъ остановить моего рвенія. Ты по себѣ знаешь, какъ трудно выгнать изъ себя духъ прозелитизма; ты написалъ много неудачныхъ произведеній, но рвеніе тебя никогда не оставляло.

Итакъ, я обращаюсь съ пропагандой къ тебѣ.

Ты припоминаешь.«Безъ опоры,—пишешь ты въ превосходной передовой статьѣ № 227 «Русскаго Міра»:—безъ опоры твердой середины, безъ установленнаго соборнаго мнѣнія, для котораго у насъ въ настоящее время нѣтъ почвы, люди могутъ только играть въ свободу, злоупотреблять ею во всѣхъ видахъ, но не могутъ ею пользоваться. Наше общественное безсиліе выражается однимъ словомъ: «разбродъ». Нравственная сила всякаго народа заключается въ связности его образованныхъ слоевъ, въ извѣстномъ единствѣ ихъ воззрѣній. И далѣе: «Мы окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще недостаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе». Въ превосходнѣйшей передовой статьѣ, №236 той же газеты, ты весьма мѣтко говоришь: «Въ русскихъ уѣздахъ существуетъ только то разумное общество, которое существуетъ въ русскомъ государствѣ; устройство швейцарскаго кантона въ такой же степени не соотвѣтствуетъ состоянію нашего уѣзда, въ какой общее устройство швейцарскаго союза не соотвѣтствовало бы состоянію русской имперіи».—Въ наипревосходнѣйшей передовой статьѣ, № 237 все того же «Русскаго Міра», ты, съ свойственнымъ тебѣ остроуміемъ, излагаешь: «При культурномъ обществѣ, дѣйствительно сознательномъ и связномъ, завѣдываніе дѣлами всегда будетъ находиться въ рукахъ людей, выносимыхъ впередъ мнѣніемъ, выражающимъ настроеніе большинства... На нашу почву исторія не бросила сѣмянъ парламентаризма въ его европейскомъ и американскомъ видѣ—въ смыслѣ партій, дѣйствующихъ отъ своего лица и побѣждающихъ одна другую временнымъ привлеченіемъ большинства культурнаго слоя на свою сторону» *).—Въ глубокомысленной критической статьѣ «Пугачевцахъ» г. Сальяса, подписанной буквою *А.* («Русскій Вѣстникъ», № 4) ты говоришь: «Мы не дали себѣ труда понять, что литература ничѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго круга, потому что они одни только суть истинные національные интересы въ формѣ сознательной и пріуроченной къ интересамъ цивилизаціи... Образованному человѣку естественно относиться съ гораздо большимъ интересомъ къ драмѣ, возникшей изъ столкновенія сложныхъ и зрѣлыхъ характеровъ, руководимыхъ страстями и побужденіями цивилизованнаго быта, нежели къ прозябанію жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія... Культурная жизнь имѣетъ исторію, владѣетъ идеалами, въ ней вырабатываются сильныя своеобразныя личности, въ ней нарождаются и сталкиваются интересы, открывающіе человѣческой мысли далекіе горизонты... Жизнь культурнаго общества, его положеніе въ виду народныхъ массъ, находящихся въ состояніи стихійной неподвижности или стихійныхъ движеній, уже есть идея».

Но довольно. *И* въ другихъ твоихъ, не менѣе глубокомысленныхъ статьяхъ, подписанныхъ буквою *А.* и напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ очеркахъ текущей литературы, которыми ты, скрываясь подъ буквами *А. О.*, снабжаешь «Русскій Міръ», равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ ты припоминаешь: культура... ну, культура... была культура... Потомъ... Потомъ «разбродъ», прозябаніе жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія... Что такое культурный?.. культурная... Конечно, ты пишешь довольно гладко и не запинаешься такъ ужъ часто. Но я не про печатное говорю,—бумага все терпитъ,—а про очень хорошо знакомый мнѣ процессъ твоей мысли. Это ничего, что ты припоминаешь. Повторяю, я съ большимъ сочувствіемъ слѣжу за твоими усиліями. Мнѣ кажется, я отсюда слышу, какъ въ головѣ твоей отдается какъ колокольный звонъ: культура, культуры, культурѣ, культурою, о культура! культурный, культурная, культурное и т. д. Мнѣ кажется, я вижу, какъ усилія припомнить вызываютъ обильный потъ на твоемъ высокомъ челѣ, ибо, поистинѣ, ты въ потѣ лица зарабатываешь духовный хлѣбъ свой. Мнѣ ли не сочувствовать тебѣ, когда я на себѣ испыталъ всю адскую муку испанскаго осла! Себѣ я помочь не могу, но, старый другъ и товарищъ по несчастію, можетъ быть мнѣ удастся оказать услугу тебѣ. Давай припоминать вмѣстѣ.

Культура! Что такое культура? *И* что было послѣ культуры? Что это за послѣкультурное нѣчто, которое ты называешь интересомъ къ прозябанію низшей жизни, купаніемъ въ безсословности и т. п.? Ты говоришь, что графъ Сальясъ прекрасно изо-

*) Я получилъ на дняхъ анонимное письмо съ упрекомъ, что почему-де я не занимаюсь опроверженіемъ твоихъ «серьезныхъ» передовыхъ статей въ «Русскомъ Мірѣ». Откровенно говоря, я думаю, что ты самъ прислалъ мнѣ это письмо. Но во всякомъ случаѣ какая странная мысль: мнѣ опровергать тебя! мнѣ, который вполнѣ увѣренъ, что передовыя статьи «Русскаго Міра» не только серьезны, а священны, что sacrées elles sont, car personne n'y touche.

какъ будто недостаетъ. Пустяка, конечно, какого нибудь, но все-таки...

Бокль, безъ сомнѣнія, далеко превосходитъ тебя въ односторонности. Но вотъ въ чемъ онъ, кажется, совершенно правъ: одинаковыя причины при одинаковыхъ условіяхъ всегда производятъ одинаковыя слѣдствія. Взять хоть бы насъ съ тобой. Я забылъ, что такое Лермонтовъ и что было послѣ Лермонтова и, не видя выразительной надписи: здѣсь воспрещается производить нечистоты,—исчертилъ мраморную доску остроумными надписями, которыя, однако, многими считаются неприличными. Ты забылъ, что такое культура и что было послѣ культуры и тоже, не видя выразительной надписи, отнесъ на счетъ культуры различныя славныя дѣянія, которыя, однако, многими называются дѣяніями позорными, подлыми, преступными и глупыми. Замѣть, какое сходство. Оба мы забыли и оба же произвели нечистоты тамъ, гдѣ это воспрещается, хотя, по обстоятельствамъ времени, запретительной надписи на лицо и нѣтъ.

Однако, давай опять припоминать. Оставимъ романъ графа Сальяса, о которомъ переговорено уже достаточно, и обратимся къ другимъ источникамъ. Можно бы было, пожалуй, порыться въ «Исторіи блѣднаго молодого человѣка». Но я долженъ тебѣ откровенно сознаться, что я не могъ одолѣть этого едва ли не скучнѣйшаго изъ твоихъ произведеній. Вообще я замѣтилъ, что все, написанное тобою подъ псевдонимомъ Аверкіева, какъ-то напоминаетъ... какъ-то ровно ничего не напоминаетъ. Можетъ быть, конечно, потому, что я Иванъ Непомнящій. Но все-таки, если бы я зналъ тебя только какъ Аверкіева, я бы былъ увѣренъ, что ты этакій блѣдный, блѣдный, бѣлокурый молодой человѣкъ. Но у тебя есть другой псевдонимъ, гораздо болѣе счастливый,—Лѣсковъ-Стебницкій. Зная тебя съ этой стороны, я говорю: о, нѣтъ, его, конечно, не скоро заставишь покраснѣть, но не блѣдный онъ и не бѣлокурый, а этакій кирпичнаго цвѣта брюнетъ, желчнаго темперамента. Дѣйствительно, подъ псевдонимомъ Лѣскова-Стебницкаго тебѣ удавалось писать почти всегда, по крайней мѣрѣ, пикантныя, забористыя вещи. Обратимся же къ «Захудалому роду; семейной хроникѣ князей Протозановыхъ» («Русскій Вѣстникъ», №№ 7, 8), хоть она еще и не кончена.

Въ «Захудаломъ родѣ» мы видимъ уже совсѣмъ не тѣ черты культуры, что изображены въ «Пугачевцахъ». Совсѣмъ не тѣ. Культурныхъ типовъ въ родѣ Зосимы, Данилы, Ивана *) Хвалынскихъ въ семейной хроникѣ князей Протозановыхъ нѣтъ. Здѣсь, напротивъ, все мудрость, красота, благость, кротость, мужество, твердость, цѣломудріе, смиренномудріе, любвеобиліе, словомъ, всевозможныя блестящія качества умственныя, нравственныя и физическія и вдобавокъ богатство и знатное происхожденіе (прямехонько отъ удѣльныхъ князей). Одинъ изъ Протозановыхъ былъ «мудрецъ и праведникъ», такъ что даже смерть его слѣдуетъ называть не смертью, а «успеніемъ». Другой былъ «чистый человѣкъ, совершенно чистый». Объ этихъ только говорится и не совсѣмъ ясно видно, въ чемъ состояли ихъ мудрость, святость и чистота. Но вотъ и дѣйствующее лицо—бабушка (разсказъ ведется отъ имени княжны Протозановой) княгиня Варвара Никаноровна, урожденная Честунова (фамилія эта производится отъ честности). Добродѣтели бабушки изливаютъ свой свѣтъ преимущественно (по крайней мѣрѣ въ первой части хроники) на некультурные элементы.

Мужъ бабушки убитъ на войнѣ. Извѣстіе это привозитъ княгинѣ лакей, Патрикѣй Семенычъ Сударичевъ. Бабушка, конечно, огорчена, ибо супруги нѣжно любили другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ бабушка горда смертью мужа на полѣ битвы и потому даетъ вѣстнику Сударичеву вольную. Сударичевъ упирается, а когда княгиня настояла на своемъ, онъ бросаетъ вольную въ свѣчной ящикъ, гдѣ та и лежитъ безъ употребленія сорокъ лѣтъ, вплоть до смерти вѣрнаго Патрикѣя. Мужъ бабушки врубился въ ряды непріятелей, призывая за собой своихъ однополчанъ. Однако, за нимъ послѣдовалъ въ сѣчу только одинъ трубачъ, который и вынесъ его трупъ. Бабушка посылаетъ вѣрнаго Патрикѣя разыскать вѣрнаго трубача. Несмотря на всѣ препятствія, вѣрный Патрикѣй исполняетъ возложенное на него порученіе и между княгиней и разысканнымъ трубачемъ, Петромъ Грайвороной, происходитъ слѣдующій діалогъ. Княгиня спрашиваетъ Грайворону, за что онъ особенно любилъ ея мужа.—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, въ особину не любилъ».—Отчего жъ ты за нимъ въ сѣчу врубился?—«Командиръ, ваше сіятельство, командира нельзя бросить, на то крестъ цѣловалъ».—А-а! Такъ вотъ ты какой! Это хорошо,

*) Я совсѣмъ забылъ объ этомъ нашемъ тезкѣ. Опредѣлю его нравственную физіономію твоими собственными словами изъ той же критической статьи о «Пугачевцахъ»; Иванъ Хвалынскій «соединяетъ въ себѣ черты сказочнаго Иванушки (т.-е. Иванушки Дурачка) съ чертами Фонвизинскаго недоросля». Вотъ значитъ еще черты культуры. И, конечно, интересы этого дурачка суть именно интересы національные и интересы цивилизаціи.

ломковъ Донъ-Кихота и Чертопханова, основательно изучилъ книгу г. Карновича «Замѣчательныя богатства частныхъ людей въ Россіи» и придерживается политической программы, изложенной тобою въ передовыхъ статьяхъ «Русскаго Міра». Больше о немъ пока ничего не имѣю сказать.

Забывъ все, я не могъ, однако, забыть твоихъ прежнихъ романовъ, написанныхъ подъ псевдонимомъ Лѣскова-Стебницкаго. Безсмертное не забывается. Поэтому я очень хорошо знаю многое изъ ненапечатанныхъ еще частей «Захудалаго рода». Я знаю, что изъ рода Николая Сударичева, которому вѣрный Патрикѣй едва не предложилъ мадеры, выйдетъ то чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй, тѣ нигилисты и нигилистки, какихъ умѣетъ создавать только твоя творческая фантазія. Захуданіе же рода князей Протозановыхъ выразится тѣмъ, что ихъ позднѣйшіе представители будутъ вовлечены въ пасть этого страшнаго чудища. Но ихъ поддержитъ либо змѣиная мудрость и голубиная кротость бабушки, либо стремительность Донъ-Кихота-Чертопханова-Доримедонта Рогожина, либо преданность кого-нибудь изъ безмѣрно благородныхъ холоповъ. Имѣя такимъ образомъ въ рукахъ и начало, и конецъ твоего новаго произведенія, что извлечемъ мы изъ него по части культуры? Очевидно, до появленія чудища обла и озорна господствуетъ культура, а съ этого времени она исчезаетъ. Ты даже довольно отчетливо указываешь отдаленный моментъ зарожденія чудища, поглотившаго впослѣдствіи культуру. Ты находишь, что еще «съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Парижа въ обществѣ нашемъ обнаружился повсемѣстный недостатокъ взаимоуваженія». Но все-таки что такое культура и что было послѣ культуры? Припомнилъ ли ты что-нибудь?

Ничего или очень мало. Перечислю кратко, что ты забылъ.

Ты забылъ, во-первыхъ, все, что говорилъ выше. Ты забылъ, что «литература ни чѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго круга», что образованнаго человѣка не должно интересовать прозябаніе низшихъ формъ жизни. Забывъ все это ты, посвятилъ много страницъ прозябанію низшихъ формъ жизни, потому что что же можетъ быть ниже жизни Петра Грайвороны. Да и интересы Патрикѣя, хотя и безмѣрно благороднаго, все-таки не суть интересы образованнаго круга.

Ты забылъ, создавая образъ Петра Грайвороны, тѣ упреки, которые ты такъ часто дѣлалъ «петербургской» литературѣ за изображеніе низшей жизни вообще и пьяницъ, и идіотовъ въ особенности. Вспомни, какимъ

Соловьемъ *) свисталъ т
заступался за оклеветан
долженъ также вспомнит
литература никогда не
пьяницъ такимъ рѣзк
кой представляетъ анг
Варвара Никаноровна.
Кстати, я рѣшаюсь
передъ тобой за Пете
скую литературу. Еще
отъ этого города, я
только мокренько ос
твоихъ ударовъ и вп ходатаи
годованіе. Но удержи и пете
еще нѣкоторое время твоя стат
бургская литература этой литератур
тебя геніемъ. Удержись Велика си
ихъ близкихъ пріятелей законно твое не
зать благотворителей карающую руку
и Ивана Генералова, можетъ, петер-
поправится и признаетъ
хотя бы ради тво-
и даже можно ска-
князя Ивана Точки
въ Петербургѣ фигурируютъ которые вѣдь тоже
ради одного праведника Вспомни, что
былъ пощаженъ
преступный городъ, и пощади, въ свою оче-
редь. Я не даромъ прошу. Я выведу тебя
за то изъ затрудненія, въ которое ты вовлеченъ забвеніемъ.

Культура, любезный другъ, не есть, какъ ты предполагалъ сначала, система дѣяній, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Изъ данныхъ новыхъ представленныхъ тобою самимъ культура есть ныхъ слѣдуетъ заключить, что культура стороны, нѣчто двухстороннее: съ одной мужество и проч., мудрость, кротость, красота, преданность. и проч., а съ другой — одна формуБлескъ и преданность — вотъ полная выражается ла культуры. Очень характерно Ника въ одномъ мѣстѣ бабушка Варвара причи норовна. Когда ей докладываютъ о иді ея испуга, то-есть о выстрѣлѣ пьянаго вы Грайвороны, она говоритъ: «вотъ вѣрный называете его глупымъ, а онъ вѣрный ловѣкъ». Итакъ, глупость съ успѣхомъ мѣняется преданностью. Культура есть, довательно, нѣкоторое таинство, въ совер нія котораго принимаютъ участіе, по кр ней мѣрѣ, двое лицъ. Первому изъ н вовсе нѣтъ надобности, какъ ты перво чально утверждалъ, непремѣнно потряс нагайкой, жечь, сѣчь, убивать, запир женщинъ въ монастыри, насиловать ихъ проч. Напротивъ, лицу этому нисколько возбраняется быть вмѣстилищемъ всѣхъ бродѣтелей. Оно должно только имѣть пр на блескъ и возможность блистать. Дру лицо, въ свою очередь, можетъ быть и

*) Пишу съ прописной буквы, ибо разу сказочнаго Соловья Будиміровича, отъ бога скаго свиста котораго не то что петербург литература, а и Илья Муромецъ едва устан на ногахъ.

культура, а бабушка Протозанова непремѣнно должна быть освѣщена электрическимъ освѣщеніемъ собственныхъ добродѣтелей и всеобщей преданности. Но напрасно ты думаешь, что ты недостоинъ развязать ремня у сапоговъ Хвалынскихъ и Протозановыхъ и можешь только чистить эти сапоги. Оно можетъ быть и такъ, но не потому, что твое генеалогическое древо не совсѣмъ изслѣдовано. Конечно, ты не аристократъ по рожденію, объ этомъ свидѣтельствуютъ не только твоя подлинная фамилія, но и избираемые тобою псевдонимы: Аверкіевъ, Авсѣенко, Лѣсковъ, Петръ Петровъ,—все это звучитъ не самоаристократически. По однимъ источникамъ, ты ex-лѣкарь, значитъ нѣчто въ родѣ отца Бѣлинскаго, которыхъ (отца и сына) ты нынѣ столь презираешь, какъ недостаточно культурныхъ людей («По поводу одной литературной репутаціи», «Русскій Вѣстникъ», № 8). По другимъ, ты никогда «въ князья не прыгалъ изъ хохловъ», да и не въ князья только, а, вообще, никуда не прыгалъ. Наконецъ, по твоимъ собственнымъ показаніямъ, поэтически изложеннымъ, ты «просто грамотный купецъ». Но все это не мѣшаетъ твоему роду быть весьма древнимъ. Правда, онъ теряется во мракѣ неизвѣстности за поколѣніе, за два до тебя и оставляетъ такимъ образомъ обширное поле предположеніямъ. Быть можетъ, твой дѣдъ—кто знаетъ—былъ не кто иной, какъ Петръ Грайворона. Быть можетъ, сосѣдей твоего прадѣда не разъ поролъ нагайками и Данило Хвалынскій, а Соколъ-Уздальскій безчестилъ ихъ женъ и дочерей. Быть можетъ, твой прапрадѣдъ былъ тотъ самый красавецъ стремянной, котораго Зосима Хвалынскій, заставъ съ женой, покаралъ за недостатокъ преданности. А можетъ быть, именно онъ съ трепетомъ отвѣчалъ на вопросъ стараго звѣря объ участи его сына: «задавили-съ». Конечно, все это предположенія. Не изслѣдовано твое родословное древо, но оно существуетъ. Предки у тебя были, мнѣ вѣрный человѣкъ сказывалъ. Припомни же ихъ, чѣмъ считать чужихъ, припомни ихъ судьбу, ихъ радости и горести и, можетъ быть, увидишь, что ты не только путемъ преданности можешь стать участникомъ культуры...

Не могу опять не отмѣтить сходства между нами. Что былъ на свѣтѣ нѣкоторый поэтъ по фамиліи Лермонтовъ, что его портретъ висѣлъ у меня надъ письменнымъ столомъ, что потомъ я этотъ портретъ бросилъ въ печку и повѣсилъ на его мѣстѣ другіе, что и эти другіе были затѣмъ мною употреблены на растопку плиты, на которой варился мой обѣдъ, — все это я, пожалуй, помню. Но помню я только вещественную сторону дѣла, а невещественная сторона—мои отношенія къ Лер[illegible]
что было послѣ Лермо[illegible]
дившіе меня сначала по[illegible]
монтова, а потомъ сже[illegible]
другіе и опять сжечь, [illegible]
ло изъ моей памяти. [illegible]
ты. Ты знаешь, помн[illegible]
предки, которые, по [illegible]
были въ вышеописан[illegible]
Хвалынскимъ и Прото[illegible]
тилъ способность цѣ[illegible]
сторону этихъ веще[illegible]
Плеть, нагайка, «зад[illegible]
помнишь физически, [illegible]
такъ выразиться. Зву[illegible]
вѣстное впечатлѣніе [illegible]
стояніи твоего созна[illegible]
тѣхъ измѣненій, кот[illegible]
въ сознаніи людей не [illegible]
мы оба опять-таки про[illegible]
гдѣ это воспрещается, [illegible]
ствамъ времени, запретительной надписи на лицо и нѣтъ. Я произвелъ эту операцію въ Лермонтовскомъ гротѣ, ты—надъ безвѣстными могилами своихъ дѣдовъ. Впрочемъ, это матерія во многихъ отношеніяхъ слишкомъ деликатная, и потому умолкаю.

Еще ты забылъ, что у тебя будутъ потомки...

Не забудь, по крайней мѣрѣ, своего друга.

II.

Дневникъ *).

«И будетъ передъ послѣднимъ концомъ родъ рода злѣй и родъ рода пьянѣе; такъ въ книгахъ писано, такъ оно и есть». Это говорилъ мнѣ нынче лѣтомъ лѣсникъ Геннадій. Онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что вс[illegible] забудутъ все, и наступитъ нѣкоторое всеоб[illegible] щее забытье какъ бы отъ опьяненія, ч[illegible] уже и начинается. Что онъ хотѣлъ сказа[illegible] именно это, я заключаю изъ подробносте[illegible] его филиппики противъ нынѣшнихъ поря[illegible] ковъ: онъ говорилъ, что забывается уваж[illegible] ніе къ старшимъ, забываются границы меж[illegible] своимъ и чужимъ лѣсомъ и проч. Фактъ, [illegible] моему, указанъ лѣсникомъ Геннадіемъ вѣрн[illegible] но я не раздѣляю его пессимистическихъ воззрѣній. Нехорошо, когда одни помнятъ, а другіе забыли,—помнящимъ неловко; н[illegible] хорошо тоже, когда кое-что помнится, а ко[illegible] что забывается,—что-то заплатанное выхо[illegible] дитъ. Но когда всѣ забудутъ все,—вѣдь э[illegible] рѣшительно все равно, какъ если бы всѣ в[illegible] помнили, даже лучше, потому что гораз[illegible] свободнѣе и спокойнѣе. Это-то и есть стр[illegible] на, wo die Zitronen blühen, гдѣ текутъ рѣ[illegible] молочныя въ берегахъ кисельныхъ. Тепер[illegible]

*) 1874 г., октябрь.

боксомъ, нелѣпо-милымъ парадоксомъ» и т. п. Для меня эти вопросы не существуютъ, ибо я знаю, что здѣсь, какъ и всегда и вездѣ, восторжествовала добродѣтель, и премія уваровская есть только легкое видоизмѣненіе преміи монтіоновской.

Совѣтъ академіи художествъ присудилъ г. Верещагину званіе профессора. Г. Верещагинъ отказался отъ этой чести, «считая, какъ онъ говоритъ въ письмѣ въ редакцію «Голоса», всѣ чины и отличія въ искусствѣ безусловно вредными». Г. Тютрюмовъ напечаталъ въ № 265 «Русскаго Міра» по поводу этого отреченія «нѣсколько словъ». Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, умѣренно снабженныхъ логикой и грамотностью, доказывается, что г. Верещагинъ человѣкъ дерзкій, неприличный, неевропейскій, жадный, бездарный и недобросовѣстный; что его знаменитыя картины изъ средне-азіатскаго быта нарисованы «въ Мюнхенѣ компанейскимъ способомъ»; что онѣ «не имѣютъ полной общности въ освѣщеніи, какую мы видимъ въ произведеніяхъ древнихъ и новыхъ мастеровъ»; что «фигуры зачастую относительно длинноваты; кисти рукъ и слѣды у многихъ изъ нихъ не соотвѣтствуютъ величинѣ головъ; густая синева южныхъ небесъ почти вездѣ замѣнена нашими свѣтленькими небесами; вездѣ преобладаетъ пестрота». Но за что же академія присудила званіе профессора? Очевидно, за добродѣтель. Академія думала, что г. Верещагинъ добродѣтеленъ, и наградила его. А когда г. Верещагинъ отказался отъ профессорскаго званія и тѣмъ доказалъ свою порочность, г. Тютрюмовъ казнилъ порокъ.

Все на свѣтѣ просто и ясно, если только помнить, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Но, къ сожалѣнію, этимъ все-таки не выясняются пути торжества добродѣтели и способы наказанія порока. Я хотѣлъ освѣжить свою память по этой части чтеніемъ авторитетовъ, но такъ какъ я ихъ всѣхъ перезабылъ, то, подойдя къ тому отдѣлу своей библіотеки, который содержитъ въ себѣ сочиненія нравственно-политическихъ писателей, наугадъ ткнулъ пальцемъ. Попались два толстѣйшіе тома Поля Жане Histore de la science politique dans ses rapports avec la morale (Paris, 1872). Признаюсь, я нѣсколько поморщился, потому что Поль Жане принадлежитъ къ исчезающей породѣ французскихъ животно-растеній, первымъ и самымъ блестящимъ представителемъ которой былъ Кузенъ. Необычайно плоскія мысли, изложенныя прекраснымъ стилемъ,—вотъ что такое всѣ сочиненія Поля Жане. Онъ способенъ написать много и много страницъ на тему о торжествующей добродѣтели и о наказанномъ порокѣ; и написать такъ гладко,

что, когда рѣшительно дѣ... даже, пожалуй, прочитать... затѣмъ, навѣрное, никто... деть передать, что име... и не столько по слабости... тому, что и передава... Жане встрѣтится какой... пунктъ, какихъ такъ мно... тическихъ и нравствен... моргнувъ глазомъ, за... періодами, общими мѣс... ными знаками. Слово... благородный писатель... чего,—все равно какъ... тей моихъ друзей Ивана... на Генералова и Ивана... Плутосократова, писа... ныхъ, благородныхъ. ... ловаться на судьбу, ... лецъ такъ неудачно,— ... пальцемъ въ небо,— ... вершенно подобный же случай былъ недавно съ г. Ходневымъ, который, однако, не смутился. Г. Ходневъ, желая просвѣтить своихъ соотечественниковъ по части путей, какими осуществляется торжество добродѣтели и наказаніе порока, но, забывъ, подобно мнѣ, гдѣ находятся удовлетворительныя ... счетъ рѣшенія, пришелъ во ... книжный магазинъ и ткнулъ пальцемъ ... пространство. Онъ попалъ въ небо, ... толстѣйшіе тома Поля Жане. Но ... хорошенькаго понемножку, то г. ... перевелъ только первую главу и ... въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Мораль ... тика на востокѣ» (Спб., 1874). Но г. ... забылъ, кромѣ того, французскій ... языки, вслѣдствіе чего въ его переводѣ ... чается такой удивительный Ормуздъ, ... «обладая всевѣдѣніемъ, предвидитъ ... должно случиться, и предполагаетъ ... ствія впослѣдствіи» (51); встрѣчаются ... логи на подушную подать и оброкъ съ хо... ста» (97) и т. п. Въ оригиналѣ приводится цитата изъ законовъ Ману: Les sacrifices o... pour mobile l'espérance; les pratiques de d... votion austeres et les observations pieus... sont reconnues provenir de l'espoir d'un... récompense. Эту простую фразу г. Ходнев... передаетъ слѣдующимъ, несообразнымъ н... съ русскимъ языкомъ, ни съ оригиналомъ... ни съ здравымъ смысломъ образомъ: «Моти... вами жертвоприношеній служатъ благоче... стивые и другіе обряды, происходящіе от... вѣрованія въ награду свыше» (9). Другая цитата изъ Ману у Жане: Renfermées sou... la garde des hommes les femmes ne son... pas en sûreté; celles-là seulement sont bie... en sûreté qui se gardent elles mêmes ... leur propre volonté. Г. Ходневъ переводитъ «Женщины подъ защитой мужчины не нах...

послѣдовательнымъ народомъ въ мірѣ: у нихъ каста,—такъ ужъ не подходи близко судра къ брамину; отвлеченная мысль,—такъ ужъ въ ней не всякій нѣмецкій философъ оріентируется; идолъ,—такъ взглянуть страшно. Если бы Жане не ограничился древнимъ востокомъ, то онъ увидѣлъ бы, что со времени Будды индусы одѣлали значительные успѣхи въ дѣлѣ торжества добродѣтели. Въ настоящее время въ Индіи существуютъ секты, предписывающія своимъ членамъ, на ряду съ обѣтами цѣломудрія, прощенія обидъ и проч., благочестивыя упражненія въ такомъ родѣ: беззвучно произносить 12.000 разъ въ день слово «омъ», стоять на головѣ, вытягивать искусственными средствами языкъ, заворачивать его назадъ и закрывать кончикомъ его гортанное отверстіе, затыкать уши средними пальцами въ продолженіе 10 минутъ, наклонять голову нѣсколько на бокъ и прислушиваться попеременно однимъ ухомъ къ шуму въ другомъ ухѣ (но какъ поступить, если правое ухо услышитъ въ лѣвомъ ухѣ шумъ недостаточно благонамѣренный?); смотрѣть на кончикъ собственнаго носа, пока глаза не прослезятся, и проч., и проч., и проч., и проч. Все это дѣлается съ цѣлью притупленія чувства, умерщвленія плоти, словомъ, торжества добродѣтели. Вотъ это дѣло. Кто забьетъ въ себѣ всѣ чувства, всѣ желанія, всякую мысль, кто сумѣетъ заживо улечься въ гробъ, кто все, но рѣшительно все забудетъ, тотъ «на другомъ берегу». Какъ превратны всѣ суетныя разсужденія, напримѣръ, о дезинфекціи. Зачѣмъ уничтожать зловонія, когда можно просто закупорить носъ? Зачѣмъ огорчаться ударами рукой или камнемъ, когда можно радоваться, что бьютъ рукой и камнемъ, а не мечомъ и палкой? Зачѣмъ тратить мозговое вещество на выработку мысли, когда гораздо дешевле и спокойнѣе твердить: омъ! омъ! омъ! и т. д., насколько хватитъ усердія. Зачѣмъ виноградный листъ, когда можно притупить чувствительные нервы до невозможности краснѣть отъ стыда? Зачѣмъ терзать свою память, когда можно просто сказать: я забылъ. Et je reviens à mes moutons. Надо забыть. Надо забыть всѣ тѣ звуки, которые ласкали вашъ слухъ, и прислушиваться только къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Надо забыть всѣ мысли, которыя волновали вашъ умъ, и беззвучно повторять 12.000 разъ въ день: «омъ». Надо забыть, что есть что-нибудь дальше кончика вашего носа и смотрѣть на него, на этотъ кончикъ носа, смотрѣть, смотрѣть и, наконецъ, всплакнуть, но не слезами радости или горести,—о чемъ горевать, чему смѣяться, когда все забыто,—а просто отъ физическаго утомленія. Къ тому идетъ. Всѣ забудутъ все, и я радуюсь. Еще есть несчастные, которые

что-то помнять, которы
своего носа и пытаются
кромѣ «омъ». Но, го
восторжествуетъ, поро
каго Верещагина на
И хорошо, если то
г. Тютрюмова еще
приняла его «нѣскол
ли говорить «нѣско
жестко. Не одобри
художникъ. На-днях
напечатано письмо
би, Шишкина, Забѣ
Клодта, Мясоѣдова,
Попова и Ге. Эти
на-чисто отказываю
разочарованіями,
скими взглядами» г.
неніе г. Верещагина
мутительнымъ». Но
мнящіе этимъ просакомъ г. Тютрюмова. По
крайней мѣрѣ, да будутъ они готовы къ со-
вершенно инымъ результатамъ.

Incident Tiutriumoff-Wierieschaguine, за неимѣніемъ болѣе подходящихъ, стоитъ того, чтобы записать его въ дневникъ съ нѣкоторыми подробностями. Что побудило г. Тютрюмова написать «нѣсколько словъ?»
Зависть? Да. Но зависть,
молча скрежещетъ зубами, а въ
солнечномъ свѣтѣ, появляется не
опираясь на чье-нибудь сочувствіе.
г. Тютрюмовъ ошибся, онъ (кажется)
сочувствія не возбудилъ. Но
случаѣ онъ на него разсчитывалъ
имѣлъ для такого разсчета свои
многихъ явленіяхъ русской жизни.
молоды, мы много толкуемъ о разныхъ
ципахъ (и я толковалъ), но съ
времени ихъ забываемъ. Самый
ный изъ этихъ принциповъ есть
вленный г. Верещагинымъ: всѣ чины
личія въ искусствѣ безусловно вредны.
роятно, его въ свое время и г. Тютрюм
исповѣдывалъ. Принципъ этотъ мы
венно помнимъ вплоть до того момен
когда намъ за успѣхи въ искусствѣ пр
лагаютъ какой-либо знакъ отличія. Въ эт
именно моментъ принципъ внезапно ид
какъ ключъ ко дну рѣки забвенія. Ле
Вмѣстѣ съ тѣмъ мы начинаемъ любоват
кончикомъ собственнаго носа и прислу
ваться къ шуму въ собственныхъ ушахъ
Г. Верещагинъ, какимъ-то чудомъ, не
былъ въ надлежащій моментъ принципа
осуществилъ его. Г. Тютрюмовъ на
набросился, полагая увлечь примѣромъ св
личной храбрости и другихъ художнико
и общество. Его предположеніе въ данн
случаѣ не оправдалось. Но вѣдь онъ стол
примѣровъ видѣлъ, что

проса о путяхъ, коими торжествуетъ добродѣтель и наказывается порокъ.

Сказка «Морозко». Жила была сварливая баба, а у нея были дочь да падчерица. Не взлюбила она падчерицу, поѣдомъ ее ѣла и, наконецъ, велѣла старику мужу увезти ее изъ дому и бросить въ чистомъ полѣ на морозъ. Жалко было старику дочки, однако, повезъ, свалилъ на опушкѣ лѣса въ сугробъ, перекрестилъ и уѣхалъ домой. Дѣвушка присѣла подъ ель, трясется, молится. Вдругъ слышитъ—невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Подскочилъ онъ, наконецъ, къ тому дереву, подъ которымъ дѣвушка сидѣла. Пощелкиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвицу посматриваетъ: «дѣвица, дѣвица, я—Морозъ-красный-носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную!»—«Тепло ли те, дѣвица?»—Тепло, тепло, батюшка Морозушко». Сталъ Морозъ ниже опускаться, больше потрескивать и чаще пощелкивать, сталъ опять дѣвицу спрашивать: «тепло ли те, дѣвица, тепло ли те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, а все еще твердитъ: «тепло, Морозушко, тепло, батюшка!» Пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ Морозко и промолвилъ въ послѣдній разъ дѣвицѣ: «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?» Дѣвица окоченѣла и только чуть слышно вымолвить могла: «ой, тепло, голубчикъ Морозушко!» Полюбились Морозкѣ ея ласковыя рѣчи: онъ надъ дѣвицей сжалился, окуталъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами, да принесъ ей сундукъ со всякимъ добромъ, да платье, шитое серебромъ и золотомъ. Тѣмъ временемъ мачиха по ней поминки справляетъ, радуется, велитъ мужу ѣхать за дочерью—хоронить. Какъ пріѣхала она разряженная да съ сундукомъ, мачиха глянула—и руки врозь: велѣла старику поскорѣе запрягать лошадей, везти ея родную дочь на то же мѣсто, гдѣ падчерица богатство добыла. Повезъ старикъ; посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красный-носъ, сталъ спрашивать: «тепло ли те, дѣвица?» Старухина дочь говоритъ: «убирайся ты! или ты ослѣпъ?—не видишь, что у меня руки и ноги окостенѣли». Попрыгалъ, поскакалъ Морозко, а хорошихъ рѣчей не дождался: разсердился на падчерку и на смерть ее заморозилъ. А старуха между тѣмъ гонитъ мужа: «ступай, мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не переверни, да сундука не оброни!» Какъ увидѣла старуха дочкино тѣло холодное, «заплакала-заголосила—поняла, что злобой да завистью дочь загубила».

Тутъ фигурируетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народной русской сказки,—добродѣтель, достигшая ... темъ покорности. Есть ... левого и еще подобныя ... розко» самая характ... прелестная сказка. ... изъ книги г. Полевого ... подъ лучами красоты ... фантазіи оттаявала ... мять, точно сама кра... бами и одѣялами ... краснаго-носа. Я вспо... я чувствую въ ... яться и плакать, ... пору, когда я зналъ ... когда я смотрѣлъ ... когда я прислушивался ... собственныхъ ушахъ ... жественному благовѣсту ... идетъ этотъ звонъ. Я пишу въ полной памяти. Я знаю, Иванъ Либеральный скажетъ, если подумаетъ (но подумаетъ-ли онъ?), что Морозко есть апоѳеозъ забитости, съ одной стороны,—и самодурства, съ другой. Но это вздоръ. Морозко дѣйствительно самодуръ, красная дѣвица дѣйствительно забита, но сказка все-таки не апоѳеозъ самодурства и забитости. Иванъ Камердинеровъ скажетъ почти то же самое, что Иванъ Либеральный, nur mit ein bischen anderen Worten, все равно какъ духовникъ Маргариты говоритъ почти то же, что Фаустъ. Онъ скажетъ, что это апоѳеозъ культуры, таинства, совершаемаго могучимъ и благосклоннымъ Морозомъ (онъ вѣдь отогрѣлъ красную дѣвицу, значитъ онъ благосклоненъ), съ одной стороны, и слабою, покорною, безмѣрно благородною, умиляющ... преданною красною дѣвицей,—съ другой. ... протестанткѣ старухиной дочери онъ ск... жетъ, можетъ быть, что это пріемлю... достойное наказаніе нигилизмъ. Ива... Плутонократовъ-Плутосократовъ скажет... Но, Боже мой! какое мнѣ дѣло до т... что онъ скажетъ, что скажутъ всѣ эти И... вы! Пусть говорятъ и слушаютъ шумъ... собственныхъ ушахъ. Могу же я оторват... отъ нихъ въ тотъ «свѣтлый промежутокъ»... когда ко мнѣ возвращается память и ко... мнѣ становится гадко и стыдно за общест... въ которомъ я провожу время въ періо... безпамятства...

Не то важно, что скажутъ Иваны о этой сказкѣ. Важно, что самъ народъ ея оцѣнилъ по достоинству. Впрочемъ, жиз... представляетъ не мало примѣровъ тако... непониманія народомъ своего собственна... величія. Въ самомъ дѣлѣ. Старуха, какъ ув... дала дочкино тѣло холодное, «заплакала-за... голосила—поняла, что злобой да завист... дочь загубила». Какой жалкій, скаредн... итогъ крупнымъ слагаемымъ сказки! Ка...

стой, мысли, которую можно формулировать, не совсѣмъ, однако, точно, такъ: сила солому ломитъ. То, что я принималъ за кучу отдѣльныхъ, самостоятельныхъ мыслей, было безконечнымъ рядомъ образовъ историческихъ, литературныхъ и лично мнѣ близкихъ въ жизни. Теперь, когда самая мысль, не моя, а народная, записана, эти образы проходятъ мимо меня уже болѣе стройной вереницей.

Сѣдая древность. Аѳины. Мудрый Протагоръ пишетъ: «о богахъ неизвѣстно, существуютъ они или нѣтъ; разъясненію этого вопроса мѣшаютъ его собственная темнота и краткость человѣческой жизни». Вѣрующимъ въ единаго христіанскаго Бога вполнѣ извѣстно, что греческіе боги никогда не существовали. Но для Протагора это была, конечно, мысль очень смѣлая, не менѣе смѣлая, чѣмъ отвѣтъ старухиной дочки Морозкѣ. И аѳинскій Морозко не стерпѣлъ: Протагоръ былъ изгнанъ, сочиненія его сожжены. Мнѣ почему-то эта исторія всегда представляется слѣдующимъ, безъ сомнѣнія, исторически совершенно невѣрнымъ, образомъ: Протагоръ расположился очень спокойно, желая повѣдать своимъ согражданамъ истину, вооружился логикой, откашлялся и солидно началъ: гм! о богахъ неизвѣстно, существуютъ они или нѣтъ... И въ ту же минуту его за шиворотъ... Аѳинскій Морозко—толпа—спрашиваетъ, подобно королю Максимильяну въ одной солдатской комедіи: будешь ли ты поклоняться моимъ кумирскимъ богамъ? А Протагоръ отвѣчаетъ, подобно непокорному Адольфу: я твои кумирскіе боги попираю подъ ноги. Если бы онъ не далъ такого грубаго отвѣта, а поклонился бы кумирскимъ богамъ, онъ получилъ бы всѣ нужныя ему земныя блага, какъ получила падчерица сарафанъ, приданое и жениха, т.-е. все, что требуется.

Странно, однако, что я записалъ исторію Протагора, которая не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ русской жизни и не содержитъ въ себѣ существеннаго элемента сказки о Морозѣ: озорства Мороза, его издѣвательства надъ замораживаемыми дѣвушками...

Перехожу къ другимъ сказкамъ. «Морозко», очевидно, не даетъ никакого рѣшенія насчетъ путей, ведущихъ къ торжеству добродѣтели и наказанію порока. Эта сказка рѣшаетъ совсѣмъ другой вопросъ, именно: чѣмъ достигаются въ дѣйствительной жизни осязательныя земныя блага? Перехожу къ сказкамъ, о которыхъ г. Евгеній Бѣловъ столь краснорѣчиво говоритъ: «тутъ торжествуетъ *простота-правда*, торжествуетъ она не умомъ *лукавымъ* (а чѣмъ?) надъ трудомъ, клонящимся ко вреду ближняго. Это одинъ изъ простодушно-дѣтскихъ идеаловъ и убѣ-

жденій русскаго народа...
сама по себѣ и посрам...
и тщетный (?) трудъ...
тается въ «Граждан...
венства должна, кажет...
ру г. Бѣлова. Впрочем...
Сказка «Слѣпцы»...
Москвы на родину и...
всего полтинникъ. По...
нищій. Парень подалъ...
воритъ: «Это, старичокъ...
изъ него, Христа ради...
восемь копѣекъ мнѣ...
нулъ полтинникъ въ...
нулъ: подайте, право...
рень требуетъ сдачи...
слышитъ, только благо...
конецъ, сталъ слѣпого...
закричалъ: караулъ! грабятъ! Парень испу-
гался и оставилъ его. Отойдя, однако, нѣ-
сколько шаговъ, онъ пожалѣлъ своего по-
слѣдняго полтинника и вернулся. Видать—
нищій поднялся и домой пошелъ. Парень за
нимъ слѣдомъ. Подошли они къ двумъ из-
бушкамъ. Нищій отперъ одну изъ нихъ и
вошелъ, а парень раньше его въ дверь
проскользнулъ, пока тотъ съ костылями, да
съ ключами возился, присѣлъ на лавку и
смотритъ. Нищій вытащилъ изъ-подъ печки
боченокъ, покидалъ въ него деньги, а самъ
ухмыляется: «Спасибо, говоритъ, тому мо-
лодцу, что полтинникъ далъ—на силу-то я
пять сотъ доровнялъ». Сѣлъ нищій на полъ,
ноги разставилъ и сталъ ими боченокъ по-
катывать,—забавляется, значитъ. Парень
нагнулся съ лавки и подобралъ боченокъ.
Нищій шарилъ, шарилъ и сталъ, наконецъ,
кликать слѣпца-товарища. Пришелъ слѣпецъ-
товарищъ, нищій ему разсказалъ про боче-
нокъ. «По дѣломъ вору и мука, говоритъ то-
варищъ, задумалъ въ деньги играть и плачь
отъ игры. И что за боченокъ? Ты бы дѣ-
лалъ по моему: вонъ у меня тоже пять сотъ
въ старой шапченкѣ зашито—кто у меня
ее взять можетъ»? Какъ услыхалъ это па-
рень, соскочилъ съ лавки, схватилъ со вто-
рого слѣпца шапку, да драло. А слѣпецъ,
думая, что это товарищъ съ него шапку
стащилъ, сталъ его бить. Парень тѣмъ вре-
менемъ успѣлъ уйти далеко и впослѣдствіи,
разумѣется, зажилъ припѣваючи.

Сказка «Ѳома Беренниковъ». Жилъ былъ
горемычный мужиченка Ѳома Беренниковъ.
«*Боекъ былъ на языкъ Ѳома и умомъ смы-
шленъ не хуже другого, только ужъ изъ
себя больно неказистъ и къ работѣ кресть-
янской совсѣмъ не пригоденъ*». Выѣхалъ разъ
Ѳома въ поле пахать, лошаденка у него
плохая, работа тяжелая. Взяло его горе,
сѣлъ онъ на камешекъ и видитъ, что ло-
шаденку его со всѣхъ сторонъ облѣпили

ности. Не совсѣмъ чистоплотная мораль многихъ другихъ сказокъ скрыта фантастическимъ (волшебный конь, шапка-невидимка и т. п.) и сверхъестественнымъ элементомъ (разнаго рода черти) и только потому не выступаетъ такъ ярко наружу. (Мимоходомъ сказать, Морозко не сверхъестественный и не фантастическій, а аллегорическій элементъ). Но, спрашивается, что жъ?—осудимъ ли мы за эти безнравственныя сказки народъ, объявимъ ли его нравственно-несостоятельнымъ? Надо, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, нѣтъ ли смягчающихъ обстоятельствъ. Прежде всего надо замѣтить, что «Ѳома Беренниковъ» просто шутка, небывальщина. Ѳомка смѣется и надъ честными и храбрыми, но недальновидными богатырями Ильей Муромцемъ и Алешей Поповичемъ, и надъ глупымъ китайцемъ, и надъ царемъ, но пуще всего надъ самимъ собой, неспособнымъ ни къ крестьянской работѣ, ни къ богатырству. Тутъ нечего искать морали. «Слѣпцы»—совсѣмъ другое дѣло. Это сказка во всѣхъ отношеніяхъ плохая, такъ что трудно даже угадать причины, побудившія г. Полевого включить ее въ свой сборникъ; но это сказка съ претензіей. Въ ней карается порокъ. И дѣйствительно, *порокъ наказанъ*. Но неужели народъ не могъ найти иного пути для *торжества добродѣтели*? Отвѣтомъ на этотъ и на многіе другіе вопросы, вызываемые русскими народными сказками, дастъ сказка же — «сказка о правдѣ и кривдѣ».

Жили въ деревнѣ два сосѣда мужика, оба бѣдные, оба безсемейные. Одинъ былъ плутовать и поворовать непрочь. «А другой шелъ по правдѣ, старался какъ бы вѣкъ трудомъ праведнымъ прожить». Заспорили они разъ о томъ, какъ лучше жить, правдой или кривдой. Криводушный, понятно, говоритъ, что кривдой лучше, а правдивый говоритъ: «Какъ бы ни жить, да лишь бы правдой». Дальше больше, и рѣшили, наконецъ, мужики идти по бѣлу-свѣту и всѣхъ разспрашивать, какъ лучше жить—правдой или кривдой. Встрѣчаютъ мужика,—онъ говоритъ, что правдой хорошо не проживешь; встрѣчаютъ купца—то же самое; приказчика—опять то же самое. Криводушный торжествуетъ, а правдивый все свое: «Не хочу я тому вѣрить! Надо жить по божьему, какъ Богъ велитъ: что бы ни было со мной, а кривдой жить не хочу»! Тогда криводушный предложилъ своему оппоненту разрѣшить споръ на дѣлѣ: пусть каждый живетъ по своему, тамъ и видно будетъ, какъ лучше жить. На первыхъ порахъ оказалось, что кривдой жить какъ будто лучше, потому что у криводушнаго все шло хорошо, «а правдивый—гдѣ поработаетъ, тамъ и поѣстъ черстваго хлѣбца съ водой, гдѣ работы не найдетъ, тамъ и голодомъ посидитъ. Пришлось ему, наконецъ, туго, что онъ попросилъ у криводушнаго кусочка хлѣба. Тотъ обѣщалъ его покормить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ правдивый далъ себѣ глазъ выколоть, и, дѣйствительно, покормилъ и глазъ выкололъ. «Стерпѣлъ правдивый всѣ муки, а все отъ своего не отступается, стоитъ за правду, не хочетъ товарищу потакать». Пришлось и опять скоро правдивому просить куска хлѣба у криводушнаго, и опять тотъ его покормилъ, но за то второй глазъ выкололъ. Идетъ слѣпой правдивый по дорогѣ и вдругъ слышитъ голосъ: «Иди направо, дойдешь до гремячаго ключа, умойся изъ него, и прозрѣешь; потомъ увидишь дубъ, влѣзь на него и просиди всю ночь». Правдивый такъ и сдѣлалъ. И слышитъ онъ ночью, что слетѣлось подъ дубъ множество бѣсовъ, которые разсказываютъ другъ другу о своихъ похожденіяхъ. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ говоритъ, что онъ ужъ десять лѣтъ мучитъ одну царевну; лѣкаря, говоритъ, бьются и ничего подѣлать не могутъ, а вылѣчить царевну можетъ только тотъ, кто у тамошняго купца достанетъ образъ, который у него въ черномъ кіотѣ надъ воротами вдѣланъ. Къ утру бѣсы разлетѣлись, а правдивый слѣзъ съ дуба, разыскалъ купца, добылъ образъ (правдивыми средствами: онъ получилъ его за трехлѣтнюю работу), вылѣчилъ царевну, женился на ней и зажилъ по царски. Однажды, встрѣтивъ криводушнаго, онъ разсказалъ ему, какъ добился счастія. Захотѣлось и тому того же. Влѣзъ онъ на дубъ, чтобы подслушать бѣсовскіе разговоры, но бѣсы услышали по духу, что на дубу кто-то сидитъ, стащили криводушнаго и разорвали его на мелкія части. «А правдивый забралъ къ себѣ съ родины старушку-матушку, привезъ ее въ палаты царскія и, съ ней да съ женой, весь вѣкъ прожилъ правдой»!

Такъ наказывается порокъ и торжествуетъ добродѣтель. Одно можетъ смутить: пунктъ, съ котораго началось счастіе правдиваго. Вѣдь пунктомъ этимъ было, собственно говоря, подслушиваніе и бѣсовскіе разговоры, а подслушивать бѣсовскіе разговоры и «жить правдой, трудомъ праведнымъ», не совсѣмъ одно и то же. И почему это черти не рвали на мелкія части криводушнаго все время, пока онъ жилъ жизнью, совершенно отличною отъ жизни правдиваго, и совершили эту операцію какъ разъ въ ту минуту, когда онъ пошелъ по стопамъ правдиваго, залѣзъ на дубъ и проч.?

Казалось бы, записанное мною подозрѣніе о несовмѣстимости правды и труда праведнаго съ подслушиваніемъ бѣсовскихъ разговоровъ и вопросъ—почему черти не рвали

сторону личныхъ сомнѣній, личныхъ вѣрованій. Безконечно разнообразная по формѣ, она всегда одна и та же по своему основному складу.

Чтобы вполнѣ оцѣнить достоинство народной русской сказки, надо поставить съ ней рядомъ какую-нибудь поддѣлку, какую-нибудь *сказку*, спеціально написанную *для народа*. Наивныхъ людей, воображающихъ, что это задача очень простая, что образованному человѣку стоитъ только взять листъ бумаги и перо для созданія якобы народной сказки, — такихъ людей развелось нынѣ не мало. Они обыкновенно преисполнены самыхъ благихъ намѣреній и влагаютъ въ сказку болѣе или менѣе высокое поученіе, но въ своемъ высокомѣріи они и не подозрѣваютъ, что играютъ чисто-шутовскую роль; что то же самое болѣе или менѣе высокое поученіе, которое они облекли въ сказочную форму, но изгнавъ «духъ живъ» сказки, произведетъ на народъ гораздо большее впечатлѣніе, будучи изложено въ формѣ афоризма, простого разсказа, простой статьи, приноровленной, конечно, къ степени знаній народа, однимъ словомъ, въ какой бы то ни было формѣ, но только не въ формѣ сказки. Слишкомъ близка эта форма народу, слишкомъ онъ въ ней знатокъ, чтобы не замѣтить фальши поддѣлки.

Вотъ, напримѣръ, сказка г. Ив. Маляревскаго «Осьминогъ Вакула». (Впрочемъ, г. Маляревскій имѣлъ осторожность назвать свое произведеніе «повѣстью»). Гдѣ-то на берегу большой рѣки стоитъ село, прозванное за богатство «Золотое дно». «Хаты въ немъ большія, свѣтлыя стоятъ и въ хозяйствѣ полными чашами глядятъ. Тамъ, не зная горя, богатѣлъ народъ». Но вотъ поселились въ селѣ два кабатчика, жидъ Шней (замѣчательно, что этотъ жидъ не играетъ въ сказкѣ рѣшительно никакой роли и введенъ совершенно неизвѣстно для чего) и Вакула. Послѣдняго авторъ предлагаетъ назвать осьминогомъ по его моральному сходству съ каракатицей, которая тутъ же съ грѣхомъ пополамъ и описывается. «Какъ засѣлъ Вакула въ Золотое дно, оскудѣло скоро славное село. До ста душъ въ могилы на покой снесли. Тамъ неурожаи, засухи пошли; разныя болѣзни въ хатахъ развелись. Въ лапахъ осьминога мужики спились. Ребятишекъ малыхъ пріучалъ къ вину, чтобъ росли на радость, на барышъ ему». Затѣмъ разсказывается, что, за неимѣніемъ дѣтей, Вакула принялъ къ себѣ сироту Васю, котораго очень любитъ, но это опять лицо, совсѣмъ ненужное и появляющееся въ сказкѣ только за тѣмъ, чтобы появиться и исчезнуть. Затѣмъ идетъ описаніе весны, причемъ «грудь земли согрѣлась; озимь поднялась; какъ къ вѣнцу

невѣста, нива убралась;
съ бархатныхъ луговъ,
ѳиміамъ цвѣтовъ» и
дремлетъ, мужиковъ зо
нѣ хлѣбы заберетъ.
Праздничекъ насталъ,
лый міру Богъ посла
хлѣбу сбыть нашли,
лѣ весело пошли». Сов
съ Вакулой порѣшили
шала старуха Зоя,
и ея внучка, семилѣт
на Судихой за свою
правдѣ; Вакулы она
разъ разгоняла народъ
норѣчія, изъ кабака,
это весьма удивительная
«какъ серна дикая,
лый день, бывало,
забравшись въ уголъ,
камушкомъ, цвѣточкомъ, съ листикомъ, водой... говоритъ и шепчетъ, какъ сама съ собой. Разъ ее спросили: съ кѣмъ ты говоришь? Отчего ты съ нами цѣлый день молчишь? И малютка, *пальчикъ приложивъ къ губамъ* (это съ картины Неффа?), погрозила тихо и сказала намъ: «есть у насъ, младенецъ, ангелъ-херувимъ (бабушка со мною а *нянька*), я играю съ нимъ. Онъ всегда въ лѣсъ, утро, ночь и день; выйду-ль въ поле, онъ *со мной*, какъ тѣнь»...

Нѣтъ, не могу больше! Силъ нѣтъ записывать этотъ *конфетный* билетикъ. Но на немъ написано: «изданіе барона Косинскаго», къ нему приложено объявленіе о подпискѣ на единственную земскую газету въ Россіи «Еженедѣльникъ», къ нему приложено объявленіе объ изданіи (тѣмъ же барономъ Косинскимъ) народныхъ чтеній! Такая авторитетная обстановка заставляетъ меня, по крайней мѣрѣ хоть своими словами, хоть черезъ два въ третій, записать содержаніе этого безобразія. Зоя Судиха рѣшаетъ спасти мужиковъ отъ ихъ собственной глупости и лап осьминога. Она сама отправляется въ кабакъ уговаривать мужиковъ, а Катю посылаетъ—куда-то должно быть очень далеко, хоть сначала было сказано, что Вакула, мужики, Зоя, Катя живутъ въ одномъ и томъ же селѣ—звать бабъ туда же, т. е. къ Вакулину кабаку. Катя скачетъ верхомъ, сопровождаемая своимъ «ангеломъ-херувимомъ», что изображено и на виньеткѣ книжки. (Катя изображена на виньеткѣ верхомъ—по дамски, на хорошенькой лошадкѣ; сама дѣвочка въ нѣмецкомъ платьѣ и съ вѣночкомъ изъ цвѣточковъ на головкѣ). Прискакавъ верхомъ къ бабамъ, Катя извѣщаетъ ихъ о случившемся, т. е. о намѣреніи мужиковъ продать Вакулѣ не то хлѣбъ, не то зем-

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько подобные дидактическіе пріемы резонны въ дѣтской литературѣ, не трудно видѣть, что народъ и ребенокъ во всякомъ случаѣ не одно и то же. А между тѣмъ мысль о сходствѣ между ними принадлежитъ къ числу распространенныхъ. Она даже поддерживается нѣкоторыми quasi-научными соображеніями нелѣпологовъ, нелѣпономовъ и нелѣпософовъ,—я разумѣю аналогистовъ и органистовъ въ родѣ иностраннаго Блунчли и отечественныхъ гг. Строниныхъ, П. Л., Онгирскихъ и т. п. Не та же ли мысль побудила г. Полевого издать народныя сказки для дѣтей? Не будучи педагогомъ, я не берусь рѣшить, слишкомъ ли много чертей въ сказкахъ, изданныхъ г. Полевымъ. Это для меня даже мало интересно; но я былъ бы очень благодаренъ тому, кто объяснилъ бы мнѣ: какъ дѣти поймутъ сказки въ родѣ «Кривды и правды», «Слѣпцовъ», «Морозки», «Ѳомы Беренникова»? Прочтутъ ли они ихъ просто какъ сказки, въ томъ неопредѣленномъ и нѣсколько презрительномъ смыслѣ, въ какомъ часто употребляется это слово въ просторѣчіи,—прочтутъ и не зацѣпятся въ нихъ своею маленькой душой ни за какія сомнѣнія и противорѣчія? Или же сказки эти должны что-нибудь говорить дѣтской душѣ, помимо собственно фантастическаго разсказа? Если да, то что именно, какія понятія или какую мораль могутъ они извлечь изъ этихъ сказокъ? Я не имѣю отвѣтовъ на эти важные и любопытные вопросы, и, въ качествѣ профана, рѣшаюсь замѣтить только слѣдующее. Сказки эти слишкомъ много говорятъ уму и сердцу взрослаго, чтобы быть вполнѣ пригодными для дѣтей. Я очень люблю дѣтей и высоко цѣню глубокое евангельское изреченіе: блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; но я рѣшаюсь выразиться такъ: давать дѣтямъ читать по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ,—значитъ метать бисеръ передъ свиньями.

Омъ!

Забылъ!

Отошелъ отъ сказочнаго міра, и все забылъ; ничего не помню, кромѣ того, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается: ничего не слышу, кромѣ шума въ собственныхъ ушахъ; ни на что не смотрю, кромѣ кончика своего носа. Вчерашняго дня совсѣмъ не помню. Ночь спалъ плохо. Должно быть подъ вліяніемъ вчерашняго чтенія видѣлъ необыкновенно странный, фантастическій сонъ. Будто я, соблазненный примѣрами австрійской полярной экспедиціи и нашего соотечественника Миклухи-Маклая, затѣялъ длинное путешествіе. Ѣду. Фокъ-мачты, марсы, брамъ-сте... сильный NNO, словомъ... Гончарова. Наконецъ... бзетъ, а меня волны... леный островъ, однако... дается въ Александри... Буффъ. Зелени на... ственно очень много... зни, и древо познанія... ше трынъ-трава растетъ... видъ чрезвычайно бодрый... носливы и всегда безпечны... дился, что это отъ... питаются и ростбифомъ... и хлѣбомъ, и лебедою... зомъ трынъ-травой... кихъ несообразностей. Во... и во снѣ подивился, какая страшная масса трынъ-травы пожирается жителями Зеленаго острова. Островъ это обширный, прорѣзанный многими судоходными рѣками и желѣзными дорогами, а потому естественно, что въ какомъ-нибудь углу его ежеминутно происходятъ какія-нибудь крупныя и мелкія бѣдствія. Есть, напримѣръ, на Зеленомъ островѣ такія фабрики, въ которыхъ каждогодно паровики лопаются и убиваютъ до восьми человѣкъ сразу. Пріѣдетъ техникъ, пріѣдетъ разузнать о причинахъ несчастія, фабри... и закуситъ трынъ-травой, владѣлецъ ... тѣмъ ... ки тоже, рабочіе тоже (кромѣ убитыхъ), и они продол- ... трынъ-травы не даютъ, а то и ... жали бы сохранять бодрость и выносливость) и опять все идетъ какъ по маслу до слѣдующаго года. Есть на Зеленомъ островѣ такія кассы, которыя каждогодно обкрадываются кассирами, но закусивъ трынъ-травой, обкраденные и обокравшіе лобызаются. Вообще жителей Зеленаго острова можно обворовывать, бить, бить и рукой и камнемъ, и палкой и мечомъ. За-то ихъ можно также безпрепятственно публично обозвать ворами, и ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на ихъ заплывшемъ отъ употребленія трынъ-травы лицѣ. Взятки у нихъ даются не въ сжатомъ кулакѣ, не при закрытыхъ дверяхъ и не въ запечатанномъ пакетѣ. Но особенно поразилъ меня ихъ обычай при всякомъ выходящемъ изъ ряду вонъ происшествіи, раздѣваться и ходить совершенно нагими. Собираются ли они строить желѣзную дорогу, они прежде всего раздѣваются и въ такомъ именно видѣ и рѣчи говорятъ, и взятки берутъ. По окончаніи же постройки они сейчасъ, Господи благослови, въ трактиръ—и тамъ, въ томъ же голомъ видѣ, произносятъ спичи и провозглашаютъ тосты въ честь тоже голыхъ строителей. Случится ли съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ несчастіе, они опять-таки немедленно раздѣваются и въ этомъ раздѣтомъ видѣ съ удивительнымъ безотыдствомъ трактуютъ о

мотивъ, старался сосредоточиться... Ничто не помогало. Такъ и бросилъ. Однако, нѣкоторые намеки на одинъ изъ положительныхъ типовъ я все-таки успѣлъ извлечь изъ «Марины изъ Алаго Рога». Повидимому, это человѣкъ, ровно ничего не понимающій, ровно ничего не дѣлающій, не умѣющій и не могущій ничего дѣлать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно изящный, производящій своимъ изяществомъ неотразимое впечатлѣніе на дамъ и въ задумчивости мотающій головой «справа налѣво». Таковъ герой романа, графъ Владиміръ Алексѣевичъ Завалевскій... Ахъ, если бы не этотъ несносный мотивъ изъ «Дочери рынка»:

Elle est tellement innocente,
Qu'elle ne comprend presque rien...

Странное, однако, дѣло: этотъ самый мотивъ не помѣшалъ мнѣ извлечь, по части положительныхъ типовъ, гораздо больше изъ второго романа г. Маркевича, изъ «Забытаго вопроса». А между тѣмъ, при чтеніи его, меня не оставлялъ въ покоѣ не только этотъ мотивъ, а и «Морозко», т. е. сказка о Морозѣ-красномъ-носѣ, записанная у меня въ дневникѣ въ прошлый разъ. Холодно, что-ли, у меня въ комнатѣ было, только когда я читалъ «Забытый вопросъ», передо мной ежеминутно вставалъ самодуръ Морозко, щелкающій, леденящій своимъ дыханіемъ безвинную дѣвушку и съ издѣвкой пристающій къ ней: тепло ли те, дѣвица, тепло ли те, красная, тепло ли те, лапушка? И еще холоднѣе становилось въ моей комнатѣ при появленіи этого чудовища, я насилу перо въ рукахъ держалъ и радъ былъ радехонекъ, когда въ головѣ моей шевелился ненавистный мнѣ до тѣхъ поръ мотивъ:

Elle est teltement innocente,
Qu'elle ne comprend presque rien...

Жилъ былъ на свѣтѣ Герасимъ Ивановичъ Лубянскій, человѣкъ умный, красивый, богатый, словомъ, женихъ хоть куда, только нѣсколько черезчуръ страстный. Увидалъ онъ однажды въ церкви шестнадцатилѣтнюю дѣвочку Любочку, красавицу писаную. Увидалъ и влюбился, да такъ влюбился, что въ первый же свой визитъ къ ея матери (отецъ Любочки ужъ умеръ) посватался. Мать дала слово за дочь, чѣмъ Лубянскій и удовольствовался. Но Любочка, узнавъ, что ее хотятъ выдать за человѣка, котораго она никогда не видала и который видѣлъ ее разъ въ церкви, упала въ обморокъ и вообще нѣсколько уперлась: однако, мать настояла на своемъ. Любочка стала Любовью Петровной Лубянской. Надо замѣтить, что какъ разъ противъ окна Любочки, когда она еще была Любочкой, жилъ какой-то студентъ, который все смотрѣлъ на нее въ зрительную трубу. Между молодыми людьми не [illegible] чего-нибудь мало-мальски [illegible] даже ни одного разговора [illegible] бочкина мать почему-то сочла [illegible] сказать Лубянскому, что вотъ [illegible] студентъ въ зрительную [illegible] вскипятился и чуть-чуть [illegible] дента. Житье пошло у су[illegible] Лубянскій былъ страшно [illegible] валъ безъ малѣйшаго по[illegible] Петровну, «какъ еще жен[illegible] галъ до смерти своей ре[illegible] своими запугалъ потомъ» [illegible] окою страстью». Войдетъ [illegible] спальню, сядетъ около [illegible] мнѣ, Любочка, не томи мою [illegible] душу, кого ты любишь?» Она молчитъ. «Я знаю,—говоритъ онъ опять, а самъ блѣдный, въ лицѣ измѣнится,—знаю, меня ты не любишь и не любила никогда, но не для всѣхъ же сердце твое плита могильная! Я все вижу, знаю, вотъ этотъ, въ тебя влюбленъ тотъ-то, говори, кого ты любишь, кого?» Глаза у него загорятся, дрожитъ самъ...

Тепло ли те, дѣвица, тепло ли те, красная?..

Попытается иногда Любочка оправдываться. Лубянскій изъ себя выходитъ: «Ты обманываешь меня, ты змѣя,—кричитъ,—изъ рукъ моихъ выскользнуть хочешь!» Другой разъ не выдержитъ она, заплачетъ. Онъ въ ноги ей повалится: «Скажи,—говоритъ,—что мнѣ дѣлать! стѣны развѣ головой ломать, чтобы ты меня полюбила!» Любовь Петровна все это переносила, и чуть-чуть не отвѣчала своему мучителю: тепло, батюшка, тепло, Морозушко! Она предлагала ему перестать бывать въ обществѣ, сказаться больной, никого не принимать и, слѣдовательно, весь вѣкъ сидѣть съ нимъ, нелюбимымъ Герасимомъ Ивановичемъ Лубянскимъ. Онъ не хотѣлъ этого: «Я,—говоритъ,—жертвъ отъ тебя не приму; что тебѣ за радость жить съ глазу на глазъ со мной. Я,—говоритъ,—и такъ ужe загубилъ твою молодость». Пробовала Любовь Петровна объясняться на чистоту: «Послушайте, чего вы хотите отъ меня? я никого не люблю и вамъ покорна; другого и требовать отъ меня нельзя, потому той любви, какой вы хотите, я не пойму никогда; видно, ужъ уродилась я на свѣтѣ такая непонятная. Гдѣ же мнѣ взять для васъ того, въ чемъ мнѣ Богомъ отказано? Вы говорите, что мучитесь черезъ меня. Можетъ, это и правда; не знаю, изъ-за чего, а вижу только, что изъ-за этого и я покою не имѣю. Позвольте мнѣ уѣхать къ сестрѣ; безъ меня вамъ, Богъ дастъ, полегчитъ. Вы, можетъ, еще найдете себѣ счастіе; вы забудете меня, а, можетъ, еще найдете женщину, которая полюбитъ васъ такъ, какъ вы себѣ желаете

*

осмѣлилась, послѣ долгой, правда, борьбы, полюбить «умнаго, замѣчательно умнаго и благороднаго» красавца! О, такого забвенія долга и приличій даже мы, забывшіе смыслъ слова «долгъ», забывшіе все на свѣтѣ и неспособные понимать даже собственныя слова, — простить не можемъ. Забвеніе—наша спеціальность, мы ея никому не уступимъ: либо записывайся въ нашъ цехъ на чистоту, либо помни, помни всю азбуку отъ А до Z и всѣ краткіе начатки морали. Иначе, горе тебѣ! Мы не простимъ. Меньше всѣхъ способенъ простить геніальный г. Маркевичъ. Онъ высылаетъ противъ Любви Петровны сначала добрую и милую тетушку Анну Васильевну. Та, почтенная старушка, объясняетъ измученной и такъ близко отъ счастья стоящей женщинѣ, что «не счастья намъ надо искать здѣсь, а чтобы только жизнь нашу прожить безъ грѣха»; что «покориться надо»; что на вопросъ Морозки надо отвѣчать: тепло, батюшка, тепло, Морозушко. Но безуміе уже овладѣло Любовью Петровной. Она неспособна понять этой высокой морали. Она грубо отказывается «цѣловать орудіе, которымъ насъ пытаютъ». Ея понятія о грѣхѣ до такой степени извращены, что она рѣшается сказать: «Грѣхъ ни въ какомъ случаѣ не ляжетъ на мою совѣсть, за него отвѣтятъ тѣ, кто исковеркали мою жизнь и поставили ее вверхъ дномъ. Вѣдь со мной поступили безжалостно, тетушка! Коса травы не рѣжетъ, пока она не созрѣетъ, не приметъ свой доли дождя и солнца; меня оторвали отъ куколъ и кинули на жертву какой-то африканской страсти, отъ которой я задыхалась, какъ птица подъ стеклянным колпакомъ. И меня же еще упрекали, съ горечью, со злостью упрекали, за мою черную неблагодарность къ тому, отъ чего я задыхаюсь»! И далѣе: «Я думаю, что не грѣхъ это, тетушка, когда женщина горячо, свято, безкорыстно любитъ человѣка, умѣвшаго завладѣть ея душой... А вотъ гдѣ грѣхъ и позоръ, и невыносимое мученіе,—а въ этомъ позорѣ и мученіи прошла вся моя молодость,—когда женщина должна отдаваться человѣку, который внушаетъ ей не любовь, а ужасъ и отвращеніе, когда она таится и скрываетъ, и лицемѣритъ,—какъ я тамъ сейчасъ у *него* принуждена была таиться и лицемѣрила»...

На это почтенная старушка Анна Васильевна весьма резонно отвѣчаетъ: «Не лицемѣрила ты, Любочка, долгъ ты свой исполняла».

Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка, отъ этихъ тетушкиныхъ словъ? А слова чудесныя. Любочка съ отвращеніемъ ласкаетъ своего нелюбимаго мужа и называетъ это лицемѣріемъ, тетушка называетъ это исполненіемъ долга... Кто изъ нихъ правъ? Я не могу судить, я забылъ. Но не я одинъ забылъ. Самая возможность такой проблемы, суть ли ласки, съ отвращеніемъ совершаемыя, лицемѣріе или исполненіе долга?—самая возможность постановки такого вопроса показываетъ, что забытье, забвеніе достигли высокой степени и что, быть можетъ, даже самъ геніальный Маркевичъ кое что забылъ. Но какъ бы я хо[illegible]лъ припомнить! Если бы я припомнилъ, я юпитеровскими громами разгромилъ бы эту [illegible]ну мучителя-калѣки сначала за лицемѣріе, [illegible] а потомъ за неисполненіе своего долга. Ея долгъ не ласкать только мужа, а любить, цѣловать орудіе пытки не съ отвращеніемъ, а съ благоговѣніемъ: хоть тресни, а ползай!

Но мои юпитеровскіе громы и не нужны. Любовь Петровну и безъ того достаточно громятъ. За кроткой Анной Васильевной слѣдуетъ цѣлый рядъ мелкихъ оскорбителей и мстителей за идею долга. О нихъ не стоитъ упоминать, потому что они мелки, а есть на сценѣ мститель и оскорбитель крупный, характерный,—сынъ супруговъ Лубянскихъ, шестнадцатилѣтній Вася. Геніальность Болеслава Маркевича выразилась едва ли не всего рѣзче въ образѣ этого маленькаго палача своей матери, маленькаго рыцаря идеи долга супружеской вѣрности, маленькаго, но вполнѣ безнравственнаго блюстителя чистоты нравовъ.

Вася развитъ не по годамъ. Онъ ужъ давно, съ десяти лѣтъ, понимаетъ, какая драма разыгрывается въ его семьѣ, понимаетъ до тонкостей. Онъ знаетъ, что даже въ тѣ періоды, когда его мать, до послѣдней степени напрягая свои душевныя силы, живетъ, повидимому, исключительно для своего калѣки мучителя мужа, что даже въ эти періоды она по малой мѣрѣ «ужасно скучаетъ». Вася знаетъ и говоритъ, что «ей самой... она сама желала бы... но она не можетъ». Но, вполнѣ понимая все это, мальчишка не можетъ допустить, чтобы его мать (*моя мать!* восклицаетъ онъ) завела себѣ любезнаго, какъ онъ выражается прямо въ лицо матери. «Долгъ каждой матери,—читаетъ онъ лекцію Любови Петровнѣ,—чтобы сыну ея никто не могъ въ глаза бросить, что у него безчестная мать». Этого мало. Вася не добродушная тетушка Анна Васильевна, которая полагаетъ, что притворяться, лицемѣрить значитъ исполнять свой долгъ. Вася именно требуетъ: хоть тресни, да ползай! Онъ не того хочетъ, чтобы его мать, корчась отъ холода и не попадая зубомъ на зубъ, говорила: тепло, батюшка, тепло, Морозушко! Нѣтъ, ему нужно, чтобы мать не корчилась отъ холода, чтобы не тряслась ея челюсть, чтобы ей было дѣйствительно тепло въ 40-градусный морозъ. Съ проницательностью судебнаго слѣдователя онъ подмѣ-

Elle est tellement innocente,
Qu'elle ne comprend presque rien.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что, разсовавъ всѣхъ по могиламъ, разсказавъ, какъ погибли всѣ Лубянскіе и Галагаи (Анна Васильевна съ мужемъ), авторъ самолично появляется на сцену и съ торжественностію г. Трахтенберга говоритъ:

«Минувшее кануло въ вѣчность и не вернется никогда,—но далекій уже призракъ его вызываетъ и по-сейчасъ горькія слова упрека и глумленія въ злобныхъ устахъ. А между тѣмъ, все ли въ немъ, поистинѣ, заслуживало порицанія и ненависти? Не было ли и тамъ, и можетъ быть болѣе, чѣмъ нынѣ, простыхъ и чистыхъ сердецъ, умѣвшихъ горячо откликаться на чужое горе, и жажды блага и (?) добра, и безпредѣльнаго самоотверженія и любви,—той любви «къ человѣку», о которой такъ много хлопочутъ строители «новаго зданія» и которой, увы, такъ мало въ нихъ самихъ? Не изъ этого-ли, наконецъ, черною грязью закидываемаго теперь минувшаго вышли люди, умиравшіе на севастопольскихъ бастіонахъ и тѣ, что сослужили своему народу великую службу его освобожденія»?!!..

Вотъ удивительная реплика, совершенно Трахтенберговская! Когда г. Трахтенбергу, въ качествѣ обвиняемаго въ процессѣ игуменьи Митрофаніи, было предоставлено послѣднее слово, онъ, неожиданно для всѣхъ, обратился въ обвинителя и, указывая на игуменью, произнесъ кабалистическія слова: «гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ святого»! Въ «Забытомъ вопросѣ» обвиняемымъ можетъ быть только единственное дѣйствующее лицо романа—innocence автора. И вдругъ она, эта innocence, обращается въ обвинителя. Разсказавъ отвратительную драму изъ минувшаго, она произноситъ кабалистическія слова насчетъ добра и блага, самоотверженія и любви къ человѣку! Гдѣ же эта любовь и самоотверженіе, добро и благо? Въ Лубянскомъ что ли, который женится силкомъ и тиранитъ жену вплоть до могилы? Въ Васѣ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго? Въ Ѳомѣ Богдановичѣ Галагаѣ, этой жалкой пародіи на гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха? Въ Аннѣ Васильевнѣ, которая не умѣетъ отличить лицемѣрія отъ исполненія долга? Въ разсказчикѣ, который въ продолженіе цѣлаго романа только подслушиваньемъ занимается, да самыми развратными мечтами о матери своего друга Васи?

Elle est tellement innocente...

Каждый день мы читаемъ въ газетахъ и узнаемъ по слухамъ, что тамъ человѣкъ застрѣлился, тамъ повѣсился, тутъ убилъ изъ ревности, тамъ убилъ сначала женщину, по-
томъ себя. Горько и стыдно [illegible] за этихъ людо[illegible]
конечно, менѣе всего любо[illegible] цихъ, самоот[illegible]
женныхъ и преданныхъ [illegible] добру, ничего
понимающихъ и неспособ[illegible] хъ понять, кро[illegible]
своего личнаго счастья. [illegible] рите этихъ людо[illegible]
въ герои своихъ романовъ, [illegible] громите ихъ, [illegible]
жалуй, хоть во имя минувш[illegible] го, если не умѣе[illegible]
или не можете осудить ихъ [illegible] во имя будущаго
Но умѣйте же, по крайн[illegible] мѣрѣ, выбрать [illegible]
въ этомъ минувшемъ подх[illegible] щія черты. По[illegible]
возможны такія безобразія [illegible], какъ «Забыт[illegible]
вопросъ» (а надо помнить [illegible] что chaque Ма[illegible]
кевичъ trouve toujours un plus Маркевичъ
qui l'admire): пока возможна подобная идеа-
лизація дрянного мальчишки, казнящаго сво-
мать за недостатокъ любви къ нравственно[illegible]
и физическому уроду, который ей всю жизнь
испортилъ, до тѣхъ поръ не будетъ и не мо-
жетъ быть конца противоположнымъ крайно-
стямъ. Да и будто эти крайности противо-
положны? Развѣ этотъ сгорающій африкан-
скою страстью калѣка Лубянскій, требую-
щій, чтобы изнасилованная имъ женщина
отдалась ему не только тѣломъ, а и душой,
развѣ это не то же, что современный убійца
и самоубійца, только прикрытый знаменемъ
«минувшаго»? А его маленькій драбантъ,
сыщикъ, инквизиторъ и exécuteur des hautes
oeuvres Вася,—развѣ онъ имѣетъ хоть ма-
лѣйшее понятіе о чужомъ счастіи? Онъ,
правда, выдолбилъ ту самую ходячую мораль,
которую отрицаютъ современные убійцы и
самоубійцы, но вѣдь и они, пожалуй, выдол-
били кое какую мораль: они нерѣдко толку-
ютъ о своей преданности тѣмъ или другимъ
идеямъ...

Что это? Я, кажется, начинаю вспоминать?
Нѣтъ, нѣтъ, не надо: омъ! омъ! омъ! омъ!..

А «этюдъ»-то все-таки не вышелъ...

V.

Дневникъ *).

Съ нѣкотораго времени мнѣ ужасно хочется припомнить, кто я такой. Теперь-то я знаю—я Иванъ Непомнящій, человѣкъ безъ роду и безъ племени, безъ отца и безъ матери, безъ кола и безъ двора, безъ предварительной цензуры и безъ зазрѣнія совѣсти. Но чѣмъ я былъ передъ тѣмъ знаменательнымъ моментомъ, когда я рѣшилъ объявить себя Иваномъ Непомнящимъ? Все-таки это любопытно. Пройдутъ года. Мною будетъ заниматься «Русская Старина», напечатаетъ вотъ этотъ самый дневникъ,—и потомство не будетъ знать моего происхожденія и исторіи моей жизни. Историки литературы запишутъ только: былъ человѣкъ

*) 1874 г., декабрь.

минающую газету «Развлеченіе» и въ безсмысліи и безвкусіи ея нахожу большую отраду своей измученной душѣ. Но и помимо этихъ чувствъ къ юбилярамъ у меня были причины радоваться юбилею. Я зналъ, что на юбилеѣ дѣйствительнаго члена общества любителей россійской словесности будутъ говориться рѣчи и что въ рѣчахъ этихъ любители будутъ поминать литературныя заслуги своихъ собратовъ. А такъ какъ, разсуждалъ я, всѣ любители россійской словесности должны имѣть что-либо общее другъ съ другомъ, то не удастся ли мнѣ почерпнуть изъ юбилейныхъ рѣчей нѣсколько чертъ моего забытаго прошлаго? Надежды мои отчасти сбылись, отчасти же разсѣялись, какъ дымъ.

Открылъ празднество П. А. Безсоновъ. Онъ сказалъ, собственно говоря, буква въ букву ту же рѣчь, которую говорилъ мнѣ наединѣ въ архивѣ общества и выдержки изъ которой приведены выше. Послѣпанихидная оцѣнка литературной дѣятельности, небывалыя идеи, служеніе вѣчнымъ истинамъ искусства и проч., все тутъ было. А я тѣмъ временемъ припоминалъ: auch ich war in Arkadien geboren, и я служилъ вѣчнымъ истинамъ искусства (въ «Развлеченіи» напечатано много моихъ стихотвореній и прозаическихъ шутокъ).

Затѣмъ Ѳедоръ Богдановичъ прочиталъ стихотвореніе, изъ котораго я, впрочемъ, ничего не извлекъ ни для себя, ни для современниковъ, ни для потомства.

Другое дѣло слѣдующая рѣчь, рѣчь предсѣдателя общества Д. И. Иловайскаго. Изъ нея я извлекъ нѣчто довольно странное, но извлекъ. Г. Иловайскій поминалъ литературныя заслуги Павла Ивановича. Въ его рѣчи я былъ больше всего пораженъ тѣмъ, что Павелъ Ивановичъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ князѣ Урусовѣ; что четыре другіе чиновника особыхъ порученій князя Урусова были тоже весьма даровитые молодые люди; что, отслуживъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Урусовѣ, Павелъ Ивановичъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ графу Перовскому; что затѣмъ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при пяти министрахъ. Когда же, по окончаніи рѣчи предсѣдателя общества любителей россійской словесности о чиновникахъ особыхъ порученій, къ юбиляру (любителю россійской словесности и чиновнику особыхъ порученій) обратился со словомъ дѣйствительный членъ общества любителей россійской словесности и чиновникъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ В. И. Родиславскій, тогда... Тогда въ моей бѣдной, слабой головѣ образовался удивительный кавардакъ. Какъ птицы въ клѣткѣ, бились въ ней различныя сочетанія понятій, то разсыпаясь, то вновь складываясь на разныя манеры: россійская словесность служитъ по особымъ порученіямъ... общество любителей россійскихъ особыхъ порученій... вѣчныя истины искусства по особымъ порученіямъ... искусные чиновники особыхъ порученій чужды мимолетнымъ повѣтріямъ обыденной жизни... россійскіе любители особыхъ порученій... Въ концѣ концовъ, для меня стало яснымъ одно: всѣ присутствующіе любители россійской словесности суть бывшіе и настоящіе чиновники особыхъ порученій. По всей вѣроятности, и я, родившись въ Аркадіи, поступилъ затѣмъ въ чиновники особыхъ порученій.

Пока я приходилъ къ этому, дѣйствительно, очень вѣроятному предположенію, юбилей шелъ своимъ порядкомъ, но я, занятый разсѣяніемъ мрака забвенія, въ который погружено мое прошлое, ничего не слыхалъ. Я очнулся только тогда, когда Павелъ Ивановичъ держалъ отвѣтную рѣчь своимъ собратамъ по вѣчнымъ порученіямъ особаго искусства или, какъ это тамъ... совсѣмъ я запутался. Павелъ Ивановичъ началъ такъ: «Сегодня я получилъ столько заявленій сочувствія къ посильнымъ трудамъ моимъ, столько почета, что, право, можетъ голова закружиться; чего добраго, пожалуй, я могу возмечтать, что я дѣйствительно знаменитый русскій писатель. Нѣтъ, господа, я только любитель россійской словесности. Сегодня обо мнѣ наговорили столь много лишняго, приписали мнѣ столько хорошихъ свойствъ, что, видитъ Богъ, я того не заслуживаю. А о главномъ-то свойствѣ моемъ, выраженіемъ котораго было все, что ни сдѣлалъ я въ эти 35 лѣтъ, никто даже не заикнулся. Видно, ужъ мнѣ самому приходится сказать о немъ. Это не будетъ хвастовствомъ, потому что нельзя хвалиться тѣмъ, что досталось безъ труда, что зависѣло отъ природы человѣка. Богъ далъ мнѣ память, хорошую память, до сихъ поръ еще она не слабѣетъ. Что ни видишь, что ни слышишь, что ни прочтешь, все помнишь. Какъ помнишь—самъ не знаю. И радъ бы радешенекъ иное забыть, такъ нѣтъ, что хочешь тутъ дѣлай, да и только.

Это начало рѣчи меня чрезвычайно заинтересовало, потому что человѣкъ съ хорошей памятью представляетъ въ наше время явленіе, не менѣе рѣдкое, чѣмъ двухголовый соловей и сіамскіе близнецы. А Павелъ Ивановичъ публично заявляетъ, что память у него отличная, что онъ рѣшительно все помнитъ и даже не можетъ забыть кое какихъ эпизодовъ изъ своей жизни, которые желалъ бы предать забвенію.

Когда Павелъ Ивановичъ заговорилъ о

вается нить моихъ воспоминаній. Можетъ быть именно въ этотъ періодъ служилъ я чиновникомъ вѣчныхъ порученій особаго искусства, а можетъ быть и совсѣмъ не въ этотъ. Вообще это время покрыто мракомъ неизвѣстности. Дальнѣйшія мои воспоминанія относятся уже къ тому времени, когда мнѣ показалъ палецъ Базаровъ. Никакой хохотометръ не можетъ указать градуса веселости, которой я предавался, глядя на этотъ жилистый, сильный палецъ. Изъ-за широкой мужицкой спины Базарова я смѣялся надъ «духомъ» и «идеаломъ», надъ метафизикой и поэзіей, надъ «миндальностями» и «сантиментальностями». Съ весельемъ въ душѣ и во взорахъ бѣгалъ я по роднымъ болотамъ, ловя для Базарова лягушекъ и глядя, какъ онъ ихъ рѣзалъ (впрочемъ, я и самъ распласталъ разъ, въ присутствіи пяти барышенъ, двухъ лягушекъ). Съ хохотомъ трещалъ я про рефлексы головного мозга, про то, что нѣтъ мысли безъ фосфора, про то, что Шекспиръ совершенно не реальный поэтъ, потому что выводитъ на сцену тѣнь отца Гамлета, значитъ, вѣритъ въ привидѣнія, и проч., и проч., и проч. Я подсовывалъ отцу своему, вмѣсто Пушкина, Kraft und Stoff Бюхнера, вообще многія изъ характеристическихъ чертъ Аркадія Кирсанова списаны Тургеневымъ съ меня, аркадскаго принца по происхожденію и гоголевскаго мичмана по призванію.

Но вотъ Базаровъ порѣзалъ себѣ тотъ самый палецъ, который приводилъ меня въ истовый восторгъ, порѣзалъ, заразился и умеръ... Миръ праху этого односторонняго, но сильнаго человѣка, умершаго такъ же величаво, какъ онъ жилъ. Съ его смертью опять начинается пробѣлъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Не тогда ли я былъ чиновникомъ вѣчныхъ порученій особаго искусства? Можетъ быть. Ясно мнѣ только то, что недавно мнѣ показалъ палецъ г. Владиміръ Соловьевъ, сынъ нашего маститаго историка. Это уже на-дняхъ было, 24 ноября. Я пришелъ слушать защиту диссертаціи подъ заглавіемъ: «Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ». Придя въ университетскій залъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ вокругъ себя своихъ многочисленныхъ родственниковъ, если не по крови, то по духу, своихъ однофамильцевъ и товарищей,—все больше мичманы Пѣтуховы были. Послѣ обычныхъ формальностей, на каѳедру взошелъ г. Соловьевъ и показалъ намъ, присутствующимъ мичманамъ Пѣтуховымъ, палецъ. Это былъ палецъ, ни малѣйше не похожій на приводившій меня недавно въ телячій восторгъ палецъ Базарова. Онъ даже представлялъ совершенную ему противоположность. У Базарова палецъ былъ красный, крѣпкій, жилистый и нѣсколько кривой, что не мѣшало, однако, ему обладать нѣкоторой своеобразной красотой. Палецъ г. Соловьева пря[illegible]мъ, тонокъ, прозраченъ почти до невещест[illegible]венности, цвѣтъ [illegible] напоминаетъ краски византійской живописи и очень длиненъ; такъ длине[illegible]нъ, что напоминаетъ мнѣ тепличныя растенія, которыя, какъ извѣстно, неестественно вытя[illegible]гиваются, какъ [illegible]. Это былъ, такъ сказать, палецъ-метафизикъ, вверхъ [illegible] даже палецъ-спиритъ. Впро[illegible]чемъ, намъ, присутствующимъ мичманамъ, это было [illegible] равно. Намъ показали палецъ и мы должны были хохотать, что и исполнили съ свойственнымъ намъ усердіемъ. Манеры г. Соловьева тоже мало похожи на манеры Базарова. То[illegible] былъ грубъ и насмѣшливъ со всѣми: съ аристократомъ-джентльменомъ Павломъ Кирсановымъ и съ мужикомъ, съ роднымъ отцомъ и съ любимой женщиной. Г. Соловьевъ тоже грубъ, но только съ партикулярными людьми; съ оффиціальными оппонентами, съ профессорами, онъ утонченно вѣжливъ. Еще больше разницы въ мнѣніяхъ Базарова и г. Соловьева и, слѣдовательно, въ томъ, чему я, мичманъ Пѣтуховъ, купно съ другими мичманами, смѣялся въ разное время. Взирая на палецъ г. Соловьева, я смѣялся не надъ духомъ и идеаломъ, а надъ матеріей и дѣйствительностью; не надъ метафизикой, а надъ опытомъ и наблюденіемъ; не надъ Шекспиромъ за тѣнь отца Гамлета, а надъ авторомъ Kraft und Stoff съ братіей за то, что они не вѣрятъ во «всеединый духъ». Да и дѣйствительно, смѣшно: «всеединый духъ» есть изобрѣтеніе магистранта (нынѣ магистра), оставленнаго при московскомъ университетѣ, Владиміра Соловьева; онъ изобрѣлъ его отчасти по Гартману, отчасти по Алланъ-Кардеку, отчасти самостоятельно,—и вдругъ въ него не вѣрятъ! Ха, ха, ха, ха! Тутъ мефистофельскій смѣхъ нуженъ, тутъ надо Эверарди или, по малой мѣрѣ, Палечека пригласить...

Я вышелъ изъ университета вполнѣ довольный собой. Во-первыхъ, я добросовѣстно исполнилъ свою функцію: мнѣ былъ показанъ палецъ и я смѣялся. Во-вторыхъ, я весело провелъ время: мнѣ былъ показанъ палецъ и я смѣялся. Въ-третьихъ, я былъ нѣкоторымъ образомъ общественнымъ дѣятелемъ: мнѣ былъ показанъ палецъ и я смѣялся. Со мной шло еще нѣсколько мичмановъ, тоже вполнѣ довольныхъ собой. Мы весело разговаривали о томъ, какъ мы добросовѣстно исполнили свою функцію, какъ хорошо провели время, какъ занимались общественною дѣятельностью. Впереди насъ шелъ какой-то незнакомецъ, который долго прислушивался къ нашимъ веселымъ рѣчамъ и потомъ процѣдилъ сквозь зубы, но съ очевиднымъ озлобленіемъ: бараны! Мы вѣжливо спросили,—о комъ, дескать, изво-

зать никакого разговора не будетъ. Пожалуйста, простите... Особенно какъ вы теперь въ званіи мичмана Пѣтухова...

Онъ очень любезно простился съ нами и повернулъ налѣво. Мы пошли прямо, еще болѣе довольные собой, такъ какъ намъ удалось сшибить спесь съ незнакомца.

Сегодня я имѣлъ случай возблагодарить судьбу за избавленіе отъ очень, очень большой непріятности. Недаромъ я лѣзъ изъ кожи, стараясь припомнить, кто я такой. Это было, очевидно, предчувствіе, что свѣдѣнія о моей личности скоро понадобятся. Они дѣйствительно скоро понадобились, да такъ понадобились, что я висѣлъ уже на волоскѣ и спасло меня только мое усердіе въ припоминаніи моего прошлаго. Дѣло такъ было. Недавно «Гражданинъ», спасибо ему, меня похвалилъ. Всего, что онъ по поводу моей персоны выразилъ, я не знаю, потому что самъ не читалъ (чертовски трудно увидѣть гдѣ-нибудь эту почтенную газету, а жаль, потому что газета въ самомъ дѣлѣ очень почтенная). Мнѣ передавали только слѣдующую лестную фразу: «по таланту, силѣ мысли и самозабвенію Иванъ Непомнящій мало чѣмъ уступаетъ нашему знаменитому публицисту, поэту и бытописателю большого свѣта, князю Ивану Точкѣ, хотя, конечно, ему не достаетъ благородства и чистоты стиля знаменитаго князя». Я былъ, разумѣется, чрезвычайно польщенъ такимъ отзывомъ, далеко превосходящимъ мои дѣйствительныя, скромныя заслуги и уже заготовилъ благодарственное письмо въ редакцію «Гражданина». Но въ то самое время, какъ я съ радостью и гордостью оповѣщалъ своихъ знакомыхъ, что по таланту, силѣ мысли и самозабвенію я мало чѣмъ уступаю самому князю Точкѣ, въ это самое время статью «Гражданина» читалъ одинъ прокуроръ. Прокуроръ этотъ, будучи усерденъ къ службѣ и узнавъ, что въ Петербургѣ проживаетъ на свободѣ Иванъ Непомнящій, т. е. бродяга, принялъ свои мѣры... Бываютъ очень усердные къ службѣ прокуроры. Я одного такого зналъ, который самымъ усерднымъ образомъ читалъ «слухи и вѣсти» мелкой прессы, почерпая изъ нихъ матеріалы для построенія уголовныхъ дѣлъ. Нельзя этого не одобрить. Какъ бы то ни было, но ковы моего прокурора разсыпались прахомъ. Я былъ готовъ. Я объяснилъ, что я не просто бродяга Иванъ Непомнящій, а аркадскій принцъ по происхожденію и мичманъ Пѣтуховъ по званію и призванію. Это, разумѣется, прекратило дальнѣйшее теченіе дѣла, грозившаго очень непріятной перспективой. Но случай этотъ все-таки не прошелъ для меня безслѣдно. По свойственной [illegible] задума[illegible] размышленіямъ, я избѣг[illegible] шей, но счастливо было [illegible] перспективой. Что я ар[illegible] могъ доказать, что [illegible] мичманъ Пѣтуховъ? Дѣлъ[illegible] ся, не знаю вовсе. Поэт[illegible] знакомымъ. Мнѣ дали [illegible] В. Д. Спасовича «Посѣ[illegible] слѣдственной тюрьмы въ [illegible] Петербургскія Вѣдомости [illegible] очень поучительная статья [illegible] шительная. Перспектива-то [illegible] въ случаѣ, если бы я не [illegible] аркадскій принцъ и мичманъ [illegible] всѣмъ не такъ мрачна, какъ [illegible] думать. По крайней мѣрѣ, съ [illegible] она сильно прояснится. Г. Спасовичъ говорить: «Съ открытіемъ, предполагаемымъ въ будущемъ году, новой слѣдственной тюрьмы, прекратится ежедневное слѣдованіе арестантовъ подъ конвоемъ, въ желѣзныхъ зеленыхъ клѣткахъ съ отверстіями, изъ мѣстъ заключенія въ зданіе суда, гдѣ уже теперь сосредоточены всѣ камеры судебныхъ слѣдователей столицы. Какъ къ слѣдователямъ, такъ и въ зданіе суда, арестанты будутъ проводимы по короткому, теплому, крытому коридору, настоящему ponte dei sospiri, соединяющему нижній этажъ тюрьмы съ подвальнымъ этажемъ уголовныхъ отдѣленій окружнаго суда».—Какая прелесть! Въ будущемъ году ужъ меня не повезутъ въ безобразномъ зеленомъ фургонѣ, напримѣръ, изъ Литовскаго замка, что на Офицерской, въ зданіе окружнаго суда, что на Литейной. Мнѣ не дадутъ прислушаться на этомъ довольно длинномъ пути къ привычному уличному шуму; не дадутъ прижать лицо къ рѣшеткѣ отверстія безобразнаго зеленаго фургона и украдкой посмотрѣть на свѣтъ божій; не дадутъ вглядываться въ мимоходящихъ и мимоѣдущихъ, ища въ нихъ чертъ знакомаго лица... Всѣ эти маленькія удовольствія замѣнятся однимъ огромнымъ удобствомъ: меня проведутъ къ слѣдователю по теплому, крытому, а главное, короткому (такъ пріятно!) корридору, «по настоящему ponte dei sospiri»! Что можетъ быть лучше?! Долой безобразные зеленые фургоны и да здравствуетъ теплый, крытый и короткій корридоръ! И въ другихъ отношеніяхъ излишнія передвиженія слѣдственныхъ арестантовъ будутъ съ будущаго года значительно сокращены. Напримѣръ, въ одиночныхъ кельяхъ будутъ устроены ватерклозеты, чѣмъ блистательно устраняется надобность даже въ короткомъ ponte dei sospiri; сиди себѣ въ своей кельѣ, никуда и ни за чѣмъ выходить не надо. Удивительный комфортъ. Впрочемъ, разныя стороны безвыход-

и по способамъ обращенія тюремщиковъ съ арестантами». Въ концѣ концовъ, значитъ такъ: хотя новая тюрьма и можетъ показаться хуже старыхъ остроговъ собственно потому, что она слишкомъ хороша для арестантовъ, но, если смотрѣть въ корень вещей, то новая тюрьма окажется не въ примѣръ лучше старыхъ, потому что арестантамъ въ ней гораздо хуже. Тутъ я, кажется, немного сбился... Дѣйствительно, сбился. Какая же ожидала меня перспектива, когда прокуроръ прочиталъ статью «Гражданина»?—мрачная или веселая? Ей-Богу, не понимаю...

Во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что прочиталъ статью г. Спасовича. Особенно цѣненъ въ ней самъ авторъ. Г. Спасовичъ не писатель, по крайней мѣрѣ, не журналистъ, обязанный писать ежедневно, еженедѣльно или ежемѣсячно. Онъ пишетъ только тогда и только о томъ, когда и что его болѣе или менѣе сильно задѣнетъ за живое. Газетный репортеръ долженъ войти въ новую слѣдственную тюрьму и описать всѣ эти необыкновенно удобные ватерклозеты, короткіе корридоры, замки, выписанные изъ Англіи, и т. п. Г. Спасовичъ совсѣмъ не долженъ этого дѣлать; онъ описываетъ и смакуетъ по доброй волѣ, тѣмъ болѣе, что онъ даже не спеціалистъ по тюремному вопросу въ родѣ, напримѣръ, графа Соллогуба. Потому-то и драгоцѣнна статья г. Спасовича. Въ старину я зналъ одного учителя гимназіи, который почему-то необыкновенно интересовался палачами. Чуть къ намъ въ городъ новаго палача назначатъ или самъ Петръ Андреевичъ съѣздитъ въ сосѣдній губернскій городъ къ старухѣ матери или въ Москву,—идетъ длиннѣйшій и оживленнѣйшій разсказъ о томъ или другомъ палачѣ: рубаха на немъ кумачная, красная, шаровары плисовыя; рожа—взглянуть страшно! росту одиннадцать вершковъ съ четвертью,—рука—вотъ! при мнѣ плетью двухъ вершковую доску съ разу перешибъ; ужъ этотъ маху не дастъ! н-н-нѣтъ! — Такъ разсказываетъ, бывало, Петръ Андреевичъ, а у самого глаза такъ и горятъ, такъ и бѣгаютъ... Я всегда удивлялся этому человѣку и даже боялся его, хотя онъ былъ на рѣдкость добрый и кроткій человѣкъ. Ему, впрочемъ, всѣ удивлялись. Я слышалъ, какъ однажды его товарищъ, тоже учитель гимназіи, говорилъ ему: удивляюсь вамъ, Петръ Андреевичъ! Конечно, палачъ во всякомъ благоустроенномъ городѣ необходимъ и начальство должно заботиться, чтобы онъ былъ достаточно силенъ физически и не слишкомъ мягокъ духомъ. Но вѣдь вы приватный человѣкъ... вѣдь все-таки скверно это, палачъ-то, необходимо, разумѣется, но скверно. Что же вамъ за

охота въ с
когда разска
тесь, даже
передъ вами
сокъ лежитъ..

Сегодня я
Толстомъ. Т. е.
о разныхъ ра
который должев
послѣ заваренно
образованія кап
Это не то, что з
вьева, который п
побѣдилъ. Оно,
Что будетъ съ бѣ
лаго свѣта не буд
но, любопытный, в
отдаленный. Разрѣ
Соловьева или на
отниметъ у меня м
порціи моей не уве
отъ нечего дѣлать,
ловьеву? Совсѣмъ др
Толстымъ педагогичес
на удачу первые поп
зателя по дѣламъ печа
и нахожу слѣдующія
«Руководство къ обуче
въ количествѣ 10.000
изданіе); г. Бунакова
20.000 экземпляровъ
Евтушевскаго «Сборни
задачъ»—50.000 экземп
даніе). Весьма внушите
роюсь въ «Указателѣ
а перелистываю его про
жетъ быть, тамъ и горазд
діозныя цифры найдутся.
ходятъ все, доселѣ въ э
ное въ нашемъ отечествѣ.
страненныя въ Россіи кни
сказки для народа. Однако,
ка «Котъ въ лаптяхъ, ко
тахъ» выпущена всего въ
рахъ, «Женихъ пятидеся
вотъ такъ клюква»—въ 12
«Гуакъ или непреоборима
14.400 экз. (впрочемъ, деся
вдругъ 50.000 экземпляро
изданіи! Это, безъ сомнѣні
примѣръ у насъ на Руси.
казываетъ, что тутъ дѣло
лаго свѣта въ моментъ его
чемъ-то, имѣющемъ осязател
ственную и большую цѣну.
скомъ собраніи теперь идетъ
и самая прямая, безпощадная
ществованіе. Я былъ два ра
гическомъ собраніи и прису

а и будущее. Наша политическая программа ясна, какъ безоблачное небо, что и доказано послѣднимъ петербургскимъ очереднымъ дворянскимъ собраніемъ. Дворяне занимались проектами преобразованія крестьянскаго самоуправленія въ дворянское самоуправство. L'idée n'est pas mauvaise, какъ говорятъ французы и мой другъ Ѳ. П. Б. Идея даже блистательная, ибо многое, вся русская, да и вся европейская исторіи должны быть забыты для осуществленія этой идеи. А забвеніемъ, какъ уже доказано, и достигается высшая ступень цивилизаціи. Если бы въ средѣ петербургскихъ дворянъ не было барона Фридерикса, князя Оболенскаго, гг. Ольхиныхъ, Маркова, къ сожалѣнію, кое что помнящихъ, прусскій дѣйствительный статскій философъ Гегель даже изъ гроба восторгнулся бы послѣднимъ петербургскимъ дворянскимъ собраніемъ. Вотъ тебѣ, великая тѣнь, книга Скребицкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II» и вотъ тебѣ газетные отчеты о петербургскомъ дворянскомъ собраніи. *Сличи и убѣдись* лишній разъ въ своей мудрости. Матеріалы Скребицкаго относятся къ тому времени, когда великій бушменскій періодъ развитія началъ уже разлагаться. *Съ другой* стороны, послѣднія пренія петербургскихъ дворянъ еще не соотвѣтствуютъ вожделѣнному концу развитія. А потому, для нагляднаго убѣжденія въ томъ, что исторія вполнѣ сводитъ конецъ съ началомъ развитія, матеріаловъ въ наличности нѣтъ. Однако, нѣчто поучительное изъ сопоставленія конца пятидесятыхъ и *середины* семидесятыхъ годовъ извлечь можно. Выжимать весь ароматный сокъ изъ *преній* петербургскихъ дворянъ я отнюдь не имѣю намѣренія, потому что тороплюсь на защиту отечества. Пусть этотъ предметъ трактуется тѣми, кто меньше моего преданъ отечеству. Я запишу всего двѣ-три частности, единственно для выраженія своего сочувствія князю Лобанову-Ростовскому, графу Орлову-Давыдову, гг. Саломірскому, Палибину, Кошкарову и другимъ главнымъ ораторамъ петербургскаго дворянскаго собранія. Бушмены пятидесятыхъ годовъ стояли на томъ, что помѣщикъ это вообще нѣчто «хорошее», а крестьянинъ столь же вообще — нѣчто «дурное». Это были представленія чрезвычайно широкія, ибо въ нихъ заключались и опредѣленія нравственныхъ качествъ (помѣщикъ человѣкъ хорошій, крестьянинъ человѣкъ дурной), и сужденіе о матеріальномъ положеніи (хорошо быть помѣщикомъ, дурно быть крестьяниномъ), и нѣкоторая политическая программа (въ благоустроенномъ государствѣ помѣщикамъ должно быть хорошо, а крестьянамъ не слишкомъ хорошо, потому *балуются*). Сообразно этому например, нѣкоторые дворянскіе комитеты (вологодскій, таврическій, тульскій) *требовали* сохраненія права помѣщика разрѣшать крестьянскіе браки. Вологодскій комитетъ выражалъ именно опасеніе, что, если не оставить за помѣщикомъ этого права, то крестьянскія дѣвки и вдовы, по крайнему своему малоумію и безнравственности, «удалятся съ мѣста родины и тѣмъ поставятъ крестьянъ, относительно пріисканія невѣстъ, въ весьма затруднительное положеніе». Костромской комитетъ предложилъ совсѣмъ другія мѣры и боялся онъ не неразумныхъ браковъ, а безбрачія. «При крѣпостномъ состояніи, излагалъ комитетъ, помѣщики противодѣйствовали вреднымъ послѣдствіямъ безбрачія всѣми мѣрами своего полноправія». А, дескать, съ уничтоженіемъ этого полноправія родители перестанутъ выдавать дочерей замужъ, дабы какъ можно дольше пользоваться ихъ трудами, отчего произойдетъ неминуемый ущербъ нравственности въ семейномъ быту вдовыхъ и холостыхъ крестьянъ. Но такъ какъ помѣщичье полноправіе, къ сожалѣнію, предположено упразднить, то надлежитъ уклоняющихся отъ брака обложить особою платой въ мірской капиталъ, въ размѣрѣ 3—10 рублей въ годъ. Несмотря, однако, на горячую заботливость бушменовъ о народной нравственности, святая простота потерпѣла пораженіе. Первобытная ассоціація идей — помѣщикъ и благо, крестьянинъ и зло — утратила свой широкій, всеобъемлющій характеръ подъ вліяніемъ разныхъ утонченныхъ дробленій мѣрила добра и зла. Но дальнѣйшій прогрессъ цивилизаціи извлекъ изъ людской памяти эти дробленія, оставивъ ихъ, однако, на нѣкоторое время въ словесномъ обращеніи. И вотъ одинъ изъ ораторовъ петербургскаго дворянскаго собранія, г. Кошкаровъ, восклицаетъ: «Факты, на которыхъ я основываю свое мнѣніе о безнравственности народной, заключаются во внутренней ихъ (?) семейной жизни. Одинъ уже этотъ вопросъ заслуживаетъ вашего серьезнаго вниманія и обсужденія. Здѣсь-то, кажется, мы и должны доказать, что нравственная сила въ насъ жива и мы дѣлаемъ въ предоставленныхъ намъ предѣлахъ все возможное, чтобы спасти народъ отъ безнравственности, могущей довести его до самыхъ гибельныхъ послѣдствій». Неизвѣстно, какими мѣрами вліяли бы вновь проектированные (и, увы! вновь провалившіеся) волостные головы на народную нравственность, но весьма было бы желательно, чтобы въ число ихъ прерогативъ входило право разрѣшать крестьянскіе браки. Тогда обладающій какъ нравственною, такъ и матеріальною силою, вообще хорошій помѣщикъ не разрѣшалъ бы во всѣхъ отношеніяхъ безсильному, т. е. вообще дурному, Ѳедоткѣ жениться на

преобразованія крестьянскаго самоуправленія въ дворянское самоуправство? Надо имѣть le courage de son opinion, какъ говорятъ французы и мой другъ Ѳ. П. Б. Однако, я одобрилъ бы планы петербургскихъ дворянъ даже съ ненужною примѣсью Гнейста и Телькампфа, если бы... если бы нашему любезному отечеству не грозило бѣдствіе, далеко превосходящее ужасы крестьянскаго самоуправленія. Въ концѣ концовъ, чего же опасаться, если крестьяне сами придутъ къ помѣщикамъ и будутъ умолять ихъ о возстановленіи бушменскихъ порядковъ?! Отечество въ опасности сегодня, сейчасъ, сію минуту, а г. Палибинъ толкуетъ объ опасности, грозящей еще черезъ десять лѣтъ!... О времена, о нравы! О сыны отечества, имѣющіе очи, но не видящіе, имѣющіе вполнѣ удовлетворительныхъ размѣровъ уши, но не слышащіе...

Отечество въ опасности, а они, злосчастные сыны отечества, и въ усъ не дуютъ! Они ложатся спать, спятъ и просыпаются; они завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ, пьютъ водку и пиво, бордоское и бургонское; они толкуютъ о дѣлѣ Овсянникова и о кавардакѣ въ обществѣ взаимнаго кредита; они смотрятъ на фокусы Беккера и Беллахини и слушаютъ Жюдикъ и Карлоту Патти... А отечество въ опасности! Я самъ люблю ложиться спать и просыпаться, завтракать, обѣдать и ужинать, пить бордоское и бургонское. Но бываютъ тревожныя минуты, когда я теряю сонъ и аппетитъ, когда голосъ Жюдикъ и, не то что Карлоты, а самой Аделины Патти не въ состояніи заглушить торжественное гудѣніе патріотической струны, натянутой въ моемъ сердцѣ Михаиломъ Никифоровичемъ, симъ новымъ Геркулесомъ, который и льва Немейскаго убилъ, и Авгіевы конюшни очистилъ, и Гидру поразилъ, и фонъ-Дервиза возвеличилъ. Такая тревожная минута наступила. Сограждане, проснитесь! Врагъ у воротъ, галлы выжгли Римъ и уже пробираются въ Капитолій...

Впрочемъ, что же? Когда галлы лѣзутъ въ Капитолій, на сцену являются гуси и спасаютъ Римъ. Мой учитель исторіи съ такимъ паѳосомъ разсказывалъ этотъ анекдотъ, что, при всѣхъ моихъ, скажу безъ лишней скромности, геніальныхъ способностяхъ къ забытью и забвенью, я его и до сихъ поръ помню. Дѣло такъ было. Галлы подступили къ Риму. Это были люди звѣровидные какъ наружностью, такъ и нравами. Они ходили почти голые, едва прикрытые волчьими шкурами, и въ битвѣ не давали никому пощады. Младенцы въ колыбели, убѣленные сѣдинами старцы, прелестныя дѣвы, благородные публицисты, еще болѣе благородные романисты, мужественные воины, воспитанники лицеевъ, воспитанники военныхъ гимназій,— все это падало подъ галльскими мечами и дубинами, какъ падаетъ трава подъ острой косой. Римляне дрогнули и разбѣжались. Варвары вступили въ беззащитный городъ, разграбили и сожгли его. Римляне заперлись въ Капитоліи. Однажды ночью, дикіе галлы вздумали забраться и туда по Карментской скалѣ. Тихо всползали они на нее одинъ за другимъ, передавая оружіе достигшимъ высоты... Воины спали, сторожевыя собаки спали... (Картина!) Но не спали гуси! Они подняли крикъ, отъ котораго проснулся Манлій. А этого только и нужно было: Манлій сбросилъ ударомъ щита передового галла, который увлекъ своимъ паденіемъ другихъ. Тѣмъ временемъ сбѣжались воины, и Римъ былъ спасенъ, прежде чѣмъ безпечные сыны Рима узнали объ угрожавшей Отечеству опасности.

Великъ Богъ земли русской! И у насъ не безъ гусей.

Извѣстно, что всякіе неблагонадежные элементы давно вторглись въ предѣлы Россіи и хозяйничаютъ въ ней съ такою же свободою и необузданностью, какъ хозяйничали въ Римѣ звѣровидные галлы. Какъ древле римляне заперлись въ Капитоліи, такъ нынѣ все душевное благородство, вся любовь къ отечеству, все уваженіе къ наукѣ, къ искусству, словомъ, все истинно русское удалилось въ сердце Россіи, въ Москву, и преимущественно на Страстной бульваръ. Недаромъ Иванъ Проворовавшійся преимущественно тамъ печаталъ свои высоко художественныя и высоко благородныя произведенія. Однако, новые галлы постоянно злоумышляли овладѣть и Капитоліемъ. Они искали чего-нибудь похожаго на Карментскую скалу и, наконецъ, нашли искомое на Никольской улицѣ, въ Славянскомъ Базарѣ. Они открыли тамъ книжный магазинъ подъ фирмою «Центральнаго». Этого мало. Звѣровидные галлы стали выпускать объявленія самаго преступнаго содержанія. Словомъ, звѣровидные галлы стали уже подниматься одинъ за однимъ, ползкомъ, на Карментскую скалу, передавая другъ другу оружіе и сохраняя при этомъ коварнѣйшую тишину. Воины спали... сторожевыя собаки спали (Картина!). Но не спали гуси! Они сидѣли въ это время на Страстномъ бульварѣ и тѣмъ не менѣе захлопали крыльями, загоготали,—и Капитолій узналъ объ опасности. Гуси закричали слѣдующее:

«Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, открылся новый книжный магазинъ подъ наименованіемъ «Центральнаго». *Магазинъ основанъ, повидимому, не для простыхъ коммерческихъ цѣлей, но для цѣлей въ нѣкоторомъ родѣ высшаго порядка.* Такъ, по крайней мѣрѣ, должно заключить изъ объ-

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ»: «Обращаемъ вниманіе читателя на книгу г. Анненкова, какъ на одно изъ выдающихся интересныхъ явленій текущей литературы. Относительно внѣшности изданія книга не оставляетъ желать ничего лучшаго». Гм! гм! Анненковъ... Анненковъ... Что-то я о господинѣ Анненковѣ подозрительное слышалъ; что-то въ родѣ того, будто онъ желалъ провозгласить республиканскій образъ правленія въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи... Впрочемъ, въ прежнее время господинъ Анненковъ, кажется, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» писалъ и—non sine gloria. Надо будетъ у Михаила Никифоровича справиться. Вотъ тоже насчетъ академика В. П. Безобразова сомнѣваюсь. Помню, что онъ писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» много и дѣльно, а въ послѣднее время помѣстилъ тамъ рядъ очерковъ подъ заглавіемъ «*Война и революція*». Но одобрялъ ли академикъ Безобразовъ революцію или же, напротивъ, одобрялъ войну, а революцію порицалъ,—того въ точности припомнить не могу. Должно быть, одобрялъ революцію, потому что въ преступныхъ объявленіяхъ приведенъ слѣдующій отрывокъ преступныхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» *объ* издаваемомъ академикомъ Безобразовымъ «Сборникѣ государственныхъ знаній»: «Повнѣшнему виду это изданіе отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ... Что касается содержанія сборника, то всѣ вопросы, затрогиваемые имъ, показались намъ въ высшей степени современными и интересными». Ну, конечно, дѣло ясно: коли изданіе г. Безобразова удостоилось похвалы «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», да коли еще этотъ хвалебный отзывъ помѣщается въ объявленіяхъ Центральнаго книжнаго магазина, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ крайней политической неблагонадежности г. Безобразова. Очень за нимъ надо присматривать, а то какъ бы чего не вышло... Или вотъ, напримѣръ, отзывъ тѣхъ же злонамѣренныхъ, кующихъ ковы революціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о книгѣ доктора философіи Теодора фонъ Горена. «Естественные законы кормленія сельско-хозяйственныхъ животныхъ»: «Настоящее произведеніе возвысило имя его автора до авторитета въ столь важномъ вопросѣ, какъ ученіе о кормленіи домашнихъ животныхъ. Тотчасъ по своемъ появленіи оно вызвало многочисленные лестные отзывы спеціалистовъ. Для нашей литературы, не имѣющей по настоящему вопросу ни одного дѣльнаго современнаго сочиненія, которое стояло бы на уровнѣ знанія, переводъ его былъ необходимъ». И столь зажигательную прокламацію Центральный книжный магазинъ рѣшается распространять въ тридцати—пятидесяти тысячахъ экземплярахъ. Древнихъ гусей, спасшихъ Римъ, потомство оцѣнило. Оцѣнитъ ли потомство патріотизмъ Михаила Никифоровича, отказавшагося разсылать при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» прокламацію о томъ, какъ кормить сельско-хозяйственныхъ животныхъ по закону природы и правды? Оцѣнитъ ли потомство рвеніе «Московскихъ Вѣдомостей» въ раскрытіи интриги, далеко превосходящей по своему значенію всѣ прежде ими раскрытыя интриги? Оцѣнитъ ли оно ихъ проницательность въ дѣлѣ разоблаченія тайнаго фонда, основаннаго для пропаганды идей доктора Горена о кормленіи домашнихъ животныхъ? Одно меня удивляетъ: какъ «Московскія Вѣдомости» не сразу проникли въ интригу и разослали своимъ подписчикамъ два-три листка объявленій столь недвусмысленно преступнаго содержанія. Хитры звѣровидные галлы...

Это были отзывы тенденціозно-похвальные. Но «Московскія Вѣдомости» упоминаютъ объ отзывахъ тенденціозно-ругательныхъ. И таковые въ преступныхъ объявленіяхъ, разсылаемыхъ изъ Славянскаго Базара, дѣйствительно существуютъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ «Голоса» о «Норвежскихъ сказкахъ»: «Это—просто какой-то сѣверный сумбуръ, переведенный безграмотно. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, такой курьезъ: Тогда орелъ велѣлъ старику выдернуть изъ своего (?) хвоста три пера и на мѣсто ихъ вложить (куда?) зайца, камень, три кусочка дерева у себя!!!» Или: «Да, теперь онъ *вплоть* отъ васъ, отвѣтилъ старикъ». По части содержанія могу указать на послѣднюю сказку «Три козла». Въ ней всего полторы страницы, по смыслу ни на грошъ, да, сверхъ того, такіе стихи:

Снапъ, снипъ, снутъ...
И вся сказка тутъ.

Какова рецензійка?! Что она тенденціозная и что Центральный книжный магазинъ взялъ ее единственно для сортированія книгъ «по направленію», вообще съ цѣлью преступной пропаганды—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Я бы желалъ знать, что хочетъ сказать авторъ рецензіи своими вопросительными и восклицательными знаками? Почему, напримѣръ, онъ удивляется, что «орелъ велѣлъ старику выдернуть изъ *своего* хвоста три пера»? Впрочемъ, и спрашивать нечего. Ясно, что это преступная пропаганда якобы либеральныхъ убѣжденій извѣстной части петербургской печати, которая дерзко отрицаетъ существованіе хвостатыхъ стариковъ и старухъ, каковы: лѣшіе, вѣдьмы, водяные и проч. И этотъ-то пагубный «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» Центральный книжный магазинъ осмѣливается распространять по всему лицу земли русской! Манія! что ты спишь? Сшиби щитомъ этого звѣровиднаго галла, который даже въ вѣдьмъ не вѣритъ,

зинъ выдѣлялся, а этого безъ расходовъ сдѣлать нельзя. Квартиру мы вонъ какую нанимаемъ, а по вашему, но вшиво-горски, выгодно въ дешевой квартирѣ, въ конурѣ какой-нибудь покупателя принимать. Купцы мы такіе же, какъ и вы, только разсчетъ у насъ другой.

— Значитъ, мы по-московски, по древнему благочестію, а вы по-американски?

— Значитъ.

— А не будетъ ли, позвольте васъ спросить, какого нибудь ущерба государственному строю Россійской имперіи отъ перенесенія на ея почву республиканскихъ учрежденій?

Разбойники кровожадно усмѣхнулись, а я не сказалъ больше ни слова. Я отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и, придя домой, немедленно отправилъ въ участокъ возмутительную книгу доктора философіи Теодора фонъ-Горена о кормленіи домашнихъ животныхъ по закону природы и правды. Что изъ этого произойдетъ—еще не знаю. Уповаю, что преступленіе не останется безъ наказанія. Во всякомъ случаѣ: гуси прокричали, интрига раскрыта. Римъ спасенъ. Теперь ужъ все дѣло за Манліемъ, а предварительная работа съ Божьей помощью окончена. Россія должна успокоиться, и всѣ дѣла должны принять естественное теченіе. Пусть мертвый мирно спитъ во гробѣ, пусть живущій пользуется жизнью. Литературно-политическія газеты могутъ съ чистою совѣстью трактовать объ интересныхъ и неинтересныхъ случаяхъ игры въ преферансъ, а петербургскіе дворяне заниматься проектами преобразованія крестьянскаго самоуправленія въ дворянское самоуправство. Любознательный Жанъ можетъ, по миновании опасности, шутливо спрашивать своихъ читателей и собесѣдниковъ: дребезжитъ? а тѣ могутъ отвѣчать: о, да, Жанъ, дребезжитъ, такъ дребезжитъ, что мочи нѣтъ. Вообще опасность такъ радикально устранена, что, кажется, даже Центральный книжный магазинъ можетъ продолжать изданіе своихъ объявленій. Мои скромныя заслуги въ этомъ великомъ дѣлѣ я не смѣю цѣнить высоко. Не откажусь, конечно, отъ небольшой пенсіи и медали за спасеніе погибавшей Россіи. Но я искренно желалъ бы, чтобы геройское самоотверженіе Михаила Никифоровича не осталось безъ всенародной благодарности. Благодарные римляне долго чествовали память своихъ спасителей, обнося въ достопамятную годовщину нѣсколькихъ гусей торжественной процессіей по стогнамъ вѣчнаго города. Нельзя ли установить законодательнымъ порядкомъ подобную же церемонію для Михаила Никифоровича и его потомства до седьмого, примѣрно, колѣна. Строго говоря, подвигъ Михаила Никифоровича даже гораздо выше подвига тѣхъ гусей, которые спасли *Римъ*. Гусь, какъ ни какъ, все-таки—только птица. Ему самой природой назначено гоготать и хлопать крыльями по ночамъ. При такой натурѣ спасти Римъ—немудреная штука. А Михаилу-то Никифоровичу пришлось для спасенія Россіи надѣть шутовской колпакъ съ бубенчиками и мочальную бороду. Каково это въ его лѣтахъ и положеніи?! Но каково, съ другой стороны, положеніе звѣровидныхъ галловъ и революціонеровъ «Древней и Новой Россіи», «Вѣстника Европы» и проч., когда, при первой ихъ похвалѣ академику Безобразову или доктору философіи Теодору фонъ-Горену, почтенный гражданинъ надѣваетъ колпакъ съ бубенчиками и звонитъ, звонитъ, звонитъ...

VIII.

Письма къ Иванушкѣ-Дурачку *).

I.

Дорогой Иванушка, привѣтъ мой тебѣ! Привѣтъ и братство, salut et fraternité!

Вотъ уже болѣе года, какъ я не появлялся на аренѣ русской литературы, и если являюсь теперь съ открытыми письмами къ тебѣ, такъ на это есть причины уважительныя. Надо тебѣ сказать, что я вовсе не покидалъ арены русской литературы, а принималъ въ ней самое горячее и разностороннее участіе, но подъ разными псевдонимами. Ты, издревле знаменитый своей глупостью, ты, излюбленный герой русской сказки, который единственно за свою безпримѣрную глупость получилъ и красивую жену, и богатое наслѣдство,—ты не узнавалъ меня. Я такъ и разсчитывалъ, что ты ничего не поймешь! Но пора положить конецъ моему маскараду. Я ничего не помню, ты ничего не понимаешь,—изъ-за чего же намъ прятаться другъ отъ друга? Не составляемъ ли мы двойного орѣшка подъ одной скорлупой?

Я всегда съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за подвигами твоей глупости и еще недавно проливалъ слезы умиленія, вспоминая одинъ эпизодъ изъ твоей плодотворной дѣятельности. Не знаю, какъ было на самомъ дѣлѣ, а у насъ разсказываютъ такъ. Твоя маменька, дама, нѣсколько строгая насчетъ манеръ, послала тебя въ церковь для присутствованія на свадьбѣ ея знакомыхъ и поднесенія жениху, невѣстѣ и ихъ родственникамъ поздравленій. Ты пошелъ. Ты былъ, говорятъ, великолѣпенъ въ новомъ фракѣ,

*) 1877 г., мартъ.

Я очень вѣрю (и не только потому, что мнѣ лестно вѣрить), очень вѣрю, что книгопродавецъ Бѣлаго, издатель сочиненій Евгенія Маркова, не вретъ, говоря: «Многіе изъ почитателей автора не разъ выражали намъ обязательное (?) желаніе имѣть собраніе его сочиненій, разсѣянныхъ по различнымъ повременнымъ изданіямъ». Очень вѣрю, что «вслѣдствіе того же желанія почитателей и друзей автора, мы (Бѣлаго) рѣшились приложить къ изданію портретъ автора, несмотря на то, что скромность его возстала противъ нашего намѣренія». Я повѣрилъ бы даже этой скромности, ибо были уже примѣры знаменитыхъ писателей (Лѣсковъ-Стебницкій, Ливановъ), скромность которыхъ изнемогла въ борьбѣ съ желаніемъ почитателей имѣть ихъ портреты. Скромности Евгенія Маркова я только потому не могу повѣрить, что, какъ сейчасъ будетъ доказано, онъ самъ-то вовсе не существуетъ. Но затѣмъ желанію твоему имѣть его сочиненія и портретъ я вполнѣ вѣрю. Вѣрю даже тому, что книгопродавецъ Бѣлаго говоритъ какъ бы отъ твоего имени — о «высказанныхъ мастерскимъ перомъ художника честныхъ и разумныхъ мысляхъ» Евгенія Маркова.

Знай же, Ваня, что Евгеній Марковъ есть не болѣе, какъ мой псевдонимъ, и самостоятельнаго реальнаго бытія не имѣетъ. Тому есть доказательства частныя и общія, въ развитіи коихъ я буду опираться на слѣдующіе документы: во-первыхъ, два томика только-что вышедшаго «Собранія сочиненій Евгенія Маркова съ портретомъ автора», во-вторыхъ — собраніе разсказовъ, изданное въ 1875 г., подъ заглавіемъ «Барчуки». *Слѣдовало бы еще прихватить романъ «Черноземныя поля»*, который вотъ уже, *кажется, болѣе года печатается въ «Дѣлѣ». Но — надѣюсь, что о собственномъ своемъ сочиненіи могу говорить вполнѣ откровенно — романъ этотъ ничѣмъ не напоминаетъ своего заглавія. Въ противность ему онъ пустыненъ, какъ средне-азіатскія степи, и вдобавокъ столь обширенъ, что я, авторъ, благополучно подходя къ концу романа, совершенно забылъ его начало. Не взыщи, значитъ, за нѣкоторую неполноту доказательствъ, хотя, впрочемъ, при случаѣ, я, можетъ быть, припомню кое-что изъ злаковъ, произрастающихъ и на «Черноземныхъ поляхъ».

Ты можешь сдѣлать вотъ какое возраженіе: къ собранію сочиненій приложенъ портретъ Евгенія Маркова — слѣдовательно, такой человѣкъ существуетъ. Но ты слыхалъ, конечно, что спириты снимаютъ портреты съ духовъ, то-есть съ лицъ, не имѣющихъ уже матеріальнаго бытія. Портреты эти бываютъ только немножко туманны, неопредѣленны, что вполнѣ натурально. Ну, такъ вотъ если ты вѣришь — а ты, конечно, вѣришь — въ спиритическую фотографію — то долженъ допустить возможность и портрета псевдонима, который, однако, матеріально, какъ нѣчто особое, самостсятельное, не существуетъ. Вглядись въ портретъ Евгенія Маркова, вдумайся въ его физіономію. Я даю тебѣ на это полнѣйшее право уже тѣмъ, что согласился на опубликованіе портрета. А кромѣ того, вотъ что я самъ, скрываясь подъ псевдонимомъ Евгенія Маркова, говорилъ о Фребелѣ: «Желалъ бы я очень, чтобы читатель имѣлъ на глазахъ портретъ этого Прометея, замыслившаго поправить Творца; я увѣренъ, что ни Лафатеръ, ни Галль не вычитали бы изъ этихъ огромныхъ ушей и этого низкаго приплюснутаго лба особаго довѣрія къ его педагогическому генію. По крайней мѣрѣ, я не могу отрѣшиться отъ впечатлѣнія лица человѣческаго при сужденіи о его внутреннихъ силахъ, а впечатлѣніе лица Фр. Фребеля до такой степени характеристично и внятно, что мы смѣло отсылаемъ къ нему читателя». Слѣдовательно, смотри на портретъ моего псевдонима и дерзай дѣлать умозаключенія. Ты видишь благообразнаго мужчину, глядя на котораго, можешь сказать одно: этотъ мужчина благообразенъ. Обладаетъ ли онъ какимъ нибудь геніемъ, этого не разберутъ люди даже много поумнѣе тебя. Нельзя даже разобрать, отчего у него бороды нѣтъ: оттого ли, что еще не обсохло на губахъ его материнское молоко, или оттого, что онъ искусно брѣется. Правда, изъ предисловія къ «Барчукамъ» ты можешь узнать, что авторъ былъ молодъ еще въ тридцатыхъ годахъ, значитъ — брѣется давно, но изъ портрета ты этого не увидишь. Ибо то — портретъ псевдонима, а не дѣйствительно существующаго человѣка, имѣющаго собственное имя; портретъ, по необходимости, столь же туманный, неопредѣленный, какъ произведенія спиритической фотографіи и однако похожій. Тайна сія велика есть, и я ея не знаю: Вагнеръ, Бутлеровъ, Аксаковъ, «богомолки, бабы умныя, могутъ лучше разсказать». Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что портретъ похожъ, ибо первое впечатлѣніе, получаемое отъ сочиненій Евгенія Маркова, совершенно то же: этотъ писатель благообразенъ. Не то, чтобы уменъ или неуменъ, ученъ или неученъ, а просто и единственно благообразенъ. Періоды, гладкіе, округленные, катятся одинъ за другимъ, сочетаясь почти ритмически, съ нѣкоторою даже музыкальностью, и ничего, кромѣ благообразія, въ этихъ волнахъ краснорѣчія не видно.

Таково, однако, только первое впечатлѣніе. Вникая подъ моимъ руководствомъ въ сочиненія Евгенія Маркова, ты откроешь

глубже наружной оболочки. Баринъ нагналъ когда-то страху — вотъ и щетинится теперь мужикъ противъ всего, что на барина похоже, и ни за что не повѣритъ, чтобы кто-нибудь, одѣтый по господски, желалъ ему добра, какихъ очевидныхъ доказательствъ ни давайте ему. Изстари такъ велось, что господа нашего брата обижали, да и люди всѣ то же говорятъ, думаетъ мужикъ». Итакъ, недовѣріе, нелюбовь, отчужденность — вотъ тѣ чувства, которыми, вообще говоря, былъ и остается проникнутъ мужикъ въ отношеніи помѣщика. Это заключеніе я опять-таки подаю подъ философскимъ соусомъ, дабы внушить тебѣ, что такъ, а не иначе, идутъ дѣла, и только такъ, а не иначе, они и могутъ идти.

Ты видишь, Иванушка, что я, человѣкъ земли, болѣющій ея язвами и знающій ее всѣмъ существомъ своимъ, на первый же заинтересовавшій тебя вопросъ сначала рѣшительно отвѣтилъ: да! а потомъ столь же рѣшительно: нѣтъ! Погадай на картахъ или на кофейной гущѣ...

Или ты хочешь, можетъ быть, чего-нибудь по части идей? Изволь, можно и это. Вотъ, напримѣръ, теперь часто можно услышать мнѣніе, что люди просвѣщенные и обезпеченные состоятъ какъ бы въ долгу у народа, насчетъ котораго просвѣтились и обезпечились. Въ качествѣ просвѣщеннаго и обезпеченнаго человѣка, я не раздѣляю, разумѣется, этого страннаго мнѣнія. И, однако, ты можешь найти въ сочиненіяхъ Евгенія Маркова описаніе скудной крестьянской свадебной пирушки, которое оканчивается такъ: «У меня вдругъ сердце защемило такимъ инстинктивнымъ стыдомъ и жалостью, что я тихонько выбрался изъ сѣней и побѣжалъ въ тѣ хоромы, гдѣ каждый день подавался завтракъ, стоящій двухъ такихъ свадебныхъ пировъ, и гдѣ, конечно, никто не думалъ о томъ, что цыплята каждаго нашего жаркого и масло всѣхъ нашихъ пирожныхъ были отняты отъ свадебныхъ пирушекъ мужика» (I, 291). Такъ говоритъ Евгеній Марковъ. Но, такъ какъ онъ существуетъ лишь идеально, лишь въ качествѣ благообразнаго псевдонима Ивана Непомнящаго, то, воспрянувъ духомъ, восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ: «Мы должны съ полною откровенностью объявить фанатикамъ чернаго народа, что почитаемъ достоинствомъ все, что они считаютъ поводомъ къ осужденію: мы считаемъ достоинствомъ свое матеріальное обезпеченіе, свое образованіе, свою власть, свой приличный образъ жизни, свой досугъ, свою любовь къ искусствамъ и наукѣ, свою сохраненную связь съ прошлымъ... Мы ничего не украли у остального человѣчества, и намъ нечего краснѣть передъ нимъ» (I, 167). А ты, Иванушка-Дурачекъ, опять-таки иди къ гадалкѣ: отъ нея, можетъ быть, навѣрное узнаешь, чего именно я стыжусь и краснѣю и чего не стыжусь и не краснѣю.

Или вотъ еще: говоря о невѣжествѣ и косности русскаго мужика, я съ грустью замѣчаю: «Оглянитесь назадъ, въ исторію. Андрей Первозванный, говорятъ, засталъ на Руси квасъ и паренье въ баняхъ; прошло 1.800 лѣтъ — и все-таки у русскаго мужика только и есть добраго, что квасъ, да субботняя баня въ печи, да изба «попрежнему жильемъ пахнетъ» (I, 446). Съ такою грустью говорю я, въ такую траурную, черную рамку вставляю эту историческую непреклонность кваса и березовыхъ вѣниковъ, что и тебѣ должно взгрустнуться. Въ твою душу должно забраться какое-то брезгливое сожалѣніе къ мужику; и мнѣ кажется даже, что я отсюда вижу, какъ слезы льются изъ твоихъ оловянныхъ глазъ. Но не плачь, не горюй, у меня найдется и веселенькая рамка для того же самаго сюжета: «Я съ радостью нашелъ въ преданіяхъ объ Андреѣ Первозванномъ разсказъ о старомъ славянскомъ обычаѣ париться въ банѣ вѣниками и пить скверный квасъ. Лапти и тулупы, лукошки и корыта, какъ показываетъ исторія, были на зарѣ нашего отечества столь же культивируемы, какъ и теперь... Это сознаніе должно, мнѣ кажется, смирять человѣка и дѣлать его болѣе снисходительнымъ къ слабостямъ протекшихъ лѣтъ» («Барчуки», стр. 160). О чемъ же ты плакалъ, Иванушка?

Но болѣе всего я тебя прельстилъ, кажется, своими гимнами просвѣщенію. Помнишь, какъ я отдѣлалъ Льва Толстого за недостатокъ уваженія къ просвѣщенію? Небу жарко было отъ пламени рѣчей моихъ, и слезы благодарности просвѣщенныхъ педагоговъ грозили затопить землю. Просвѣщеніе — мой конекъ. Это понятно: «исторія убѣждаетъ насъ, что образованіе, несмотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользою для счастія человѣчества. Пусть люди, не вдумавшіеся въ свойства и исторію образованія, въ дѣтской досадѣ своей на медленность прогресса и на неизбѣжныя язвы жизни, оскорбляютъ его клеветами и подозрѣніями. Эти ревнители деспотическаго и искусственнаго равенства оттого уже не опасны для народа, что не въ силахъ заставить жизнь идти ихъ фальшивою колеею, за которою могила человѣческаго развитія» (I, 449). Да здравствуетъ же знаніе! Въ немъ счастіе. Но вмѣстѣ съ симъ помни, Иванушка, что «только въ невѣдѣніи счастье. Эта философія старѣе всякой науки и тверже всякой науки. Съ нея начинается легенда міра, и каждый изъ насъ, рефлектирую-

противорѣчія очень удобно сводятся къ единству, а это единство есть самая суть Ивана Непомнящаго. Будь внимателенъ, Ваня, напряги всѣ силы своего скуднаго ума и слѣди за мной.

Когда я говорю о дѣлахъ европейскихъ, я весь какъ бы сотканъ изъ революціоннаго пламени. Я восклицаю о французскихъ легитимистахъ: «Эти жалкіе политиканы, забытые исторіей, не хотятъ признавать неумолимаго хода исторіи и отвергаютъ 30-й, 48-й и 52-й годы съ такою же безвредною наивностью, какъ страусъ, прячущій голову въ перья, отвергаетъ существованіе дня. Они забыли народную пословицу: что въ воду упало, то пропало! Политикующіе люди особенно не любятъ логики. Они убѣждены, что послѣдовательности дѣйствій, цѣльности идеи и смѣлаго развитія ея выводовъ не допускаетъ кабалистическая наука государственной жизни. Они улыбаются съ досаднымъ сожалѣніемъ на политическихъ философовъ, на этихъ наивныхъ идеологовъ, вѣрующихъ въ господство безплотной идеи среди хаотическаго столкновенія грубѣйшихъ матеріальныхъ силъ. Жалкое понятіе о человѣчествѣ, къ которому будто бы не можетъ привиться ничто здравое, простое и цѣльное. Какъ будто всѣ эти искусственныя уродованія, это половинничанье и аптекарское дробленіе, это, такъ сказать, *добровольное оскопленіе истины*, имѣетъ въ себѣ болѣе залоговъ живучести? Все искусство нашихъ политикановъ состоитъ въ этомъ недаваніи, какъ бы даваніи, въ этомъ стояніи, но какъ бы движеніи. И — странное дѣло — они берутъ свой рецептъ въ исторіи, они смѣло указываютъ вамъ на безобразную архитектуру англійскихъ законовъ, англійской конституціи... Истинно-практическія силы не сочиняли микстуръ, а ломились въ своей логикѣ на проломъ... Толчокъ изъ Виттенберга въ XVI столѣтіи, толчокъ изъ Версаля въ XVIII были цѣлыми землетрясеніями. И только такіе толчки удались. И когда они удались, всѣ вдругъ удивились, что можно жить безъ папы, безъ oeil de boeuf. Все это — исторія колумбова яйца. Поѣхалъ вдругъ мечтатель, идеологъ въ пустыни океана, осмѣянный дураками, какъ дуракъ, и возвратился съ Америкой. Поплылъ Гарибальди въ Марсалу: ждутъ всѣ, когда повѣсятъ безумца; а безумецъ вдругъ взялъ, да отнялъ Сицилію, такъ-таки просто взялъ себѣ, да отнялъ... Всѣ вещи происходятъ очень просто; логика, правда, окончательно торжествуетъ надъ всѣмъ. Идеи равенства, свободы, братства народовъ, всеобщаго мира и благосостоянія — не пустыя утопіи, а такія же незыблемыя истины разума, какъ законы физической природы. Человѣчество нуждается въ нихъ такъ же необходимо, какъ и въ свѣтѣ, *и въ воздухѣ*. Стремиться къ осуществленію *этихъ* основныхъ условій жизни, безъ малѣйшаго опасенія, остановки и оговорки — долгъ всякаго человѣка, вѣрующаго въ человѣчество. Вопросъ о преждевременности и недозрѣлости не можетъ имѣть мѣста» (II, 145 и слѣд.).

Таково, Иванушка, пареніе моей мысли, когда я трактую о вещахъ, находящихся по ту сторону границы нашего отечества. Везувій, совершенный Везувій съ его грознымъ гуломъ и потоками всесожигающей лавы! Признайся, ты даже немножко струсилъ или, по крайней мѣрѣ, по своему обыкновенію, задумчиво почесалъ у себя въ затылкѣ. Э, Ваня! дѣло не такъ плохо, какъ можетъ тебѣ показаться съ перваго взгляда. Разсуди самъ. Всему свѣту извѣстно, что ты — либералъ. «Чтобъ тебѣ угодить, веселѣй надо быть», надо ошарашить тебя струей либерализма, послѣ чего изъ тебя хоть веревки вей. Быть можетъ, я немножко пересолилъ, аплодируя безразлично Колумбу и Гарибальди, толчку изъ Виттенберга и толчку изъ Версаля и всѣмъ «наивнымъ идеологамъ, вѣрующимъ въ господство безплотной идеи среди хаотическаго столкновенія грубѣйшихъ матеріальныхъ силъ». Быть можетъ, я пересолилъ, провозглашая идеи равенства и всеобщаго благосостоянія «незыблемыми истинами разума». Но значитъ же я изъ тебя хорошую, прочную, долготерпѣливую веревку свилъ, если послѣ всего вышепредложеннаго, могъ безнаказанно обозвать «скотами» и Колумба, и Гарибальди, и всѣхъ идеологовъ, ибо кто, какъ не они, проповѣдуютъ «собачій взглядъ на прошлое»? Кто, какъ не они, сметаютъ это прошлое, разрываютъ съ нимъ всякую связь? Дѣло въ томъ, Ваня, что Европа и всемірная исторія — сами по себѣ, а наши домашнія дѣлишки — тоже сами по себѣ. Ты, безъ сомнѣнія, самъ замѣтилъ, а не замѣтилъ, такъ постарайся замѣтить, что любая изъ читаемыхъ тобою газетъ чрезвычайно либеральная насчетъ Европы и всемірной исторіи. Я ужъ не говорю о Турціи, но и Германія, и Франція, и Англія, можно сказать, ежедневно подаютъ газетчикамъ поводъ гремѣть, негодовать, прорицать, «глаголомъ жечь сердца людей». И, однако, это ни чему не обязываетъ газетчиковъ по дѣламъ своей родины. Совершенно такъ и я. Собственно говоря, я вовсе не думалъ обзывать скотами Колумба, Гарибальди, наивныхъ идеологовъ, людей, стремящихся водворить равенство и всеобщее благосостояніе «безъ малѣйшаго опасенія, остановки и оговорки». Нѣтъ, это — благороднѣйшіе и умнѣйшіе люди. Я — тоже благороднѣйшій и умнѣйшій человѣкъ и вотъ

и вотъ за кого мы должны стоять. Фабриканты меня, признаться, мало интересуютъ: ихъ апоѳеозъ я предоставляю моему просвѣщенному и либеральному другу Ивану Плутонократову-Плутосократову, извѣстному болѣе подъ псевдонимомъ В. А. Полетика. Мое вниманіе, естественно, сосредоточено на людяхъ земли. Но, къ сожалѣнію, у насъ большинство людей земли — крестьяне, народъ завѣдомо непросвѣщенный, а слѣдственно подлежащій исключенію изъ списковъ людей просвѣщеннаго образа мыслей. Это ясно, какъ день. Остается помѣщикъ. Онъ-то и составляетъ центръ всѣхъ моихъ помышленій и измышленій, опубликованныхъ въ видѣ сочиненій Евгенія Маркова. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ, вхожу ли въ многолюдный храмъ, сижу-ль средь юношей безумныхъ, пишу ли о владѣнной записи, о народномъ образованіи, о почтовыхъ лошадяхъ, объ упразднителяхъ современнаго общества, взвиваюсь-ли къ небесамъ небесъ идеала, или спускаюсь въ глубину глубинъ премудрости — я держу на умѣ все одно и то же.

Теперь смотри же, Ваня, какой выходитъ, съ помощью твоей глупости и моего забвенія, оборотъ. Отъ другихъ людей земли, т. е. отъ крестьянъ, помѣщикъ отличается тѣмъ, что онъ—сосудъ просвѣщенія, а отъ другихъ сосудовъ просвѣщенія тѣмъ, что онъ—человѣкъ земли. Въ качествѣ просвѣщеннаго человѣка земли, онъ имѣетъ, во-первыхъ, вообще безошибочный взглядъ на вещи, и, во-вторыхъ, въ частности, по-человѣчески, а не по-скотски, смотритъ на прошлое. Но вѣдь прошлое велико и многообразно. Чѣмъ же именно должны мы въ немъ дорожить? Наиболѣе полно отвѣтилъ я на этотъ вопросъ «Барчуками». Ты найдешь тамъ такую, напримѣръ, картину: «Толпа дѣвокъ съ разбитыми въ кровь губами, съ синяками подъ глазами, опростоволошенныя, въ изорванныхъ платьяхъ и фартукахъ, стояли, причитывая, разсказывая, жалуясь, плача упрашивая» (30). Это мы—«барчуки» позабавились надъ «своими дѣвками», и я съ величайшимъ наслажденіемъ вспоминаю этотъ эпизодъ, потому что чуждъ собачьяго, скотскаго взгляда на прошлое. По-истинѣ, безстыдныя слезы радостнаго умиленія проливаю я надъ этими образами избитыхъ моими дѣтскими руками дѣвокъ. Безстыдство мое простирается столь далеко, что, въ предисловіи, я рекомендую своихъ «Барчуковъ» для дѣтскаго чтенія, ибо, дескать, въ книгѣ этой «звучатъ для дѣтей одни простыя и сердечныя ноты, она, быть можетъ, подниметъ въ сердцѣ ребенка ту радугу дѣтской поэзіи и любви, безъ которыхъ такъ жестка и себялюбива бываетъ жизнь». И если ты до сихъ поръ еще сомнѣваешься въ томъ, что я—Иванъ Непомнящій, то ты даже гораздо глупѣе, чѣмъ показываетъ твоя наружность. Найдешь ты еще въ «Барчукахъ» трогательное воспоминаніе о дядькѣ Аполлонѣ, который поминутно говоритъ барчукамъ: «Что вскочили ни свѣтъ, ни заря? Нешто вы рабочіе люди?» «Что-жъ я теперь, по вашему, въ нечищенныхъ сапогахъ васъ пусти... Не холопскія, кажется, дѣти»; «статочное ли дѣло благородному человѣку да на землѣ въ соломѣ лежать? чего бы таки приказали мнѣ лавку принесть»; «ваше дѣло—приказанье отдать, а наше лакейское дѣло—служить вамъ». Дядька Аполлонъ столь проникнутъ своею холопскою ролью, что не смѣетъ даже самовольно прогнать съ глазъ барчуковъ пьянаго человѣка: «а вы, господа, будто и маленькіе, прогнать его, пьяницу, не прикажете», говоритъ онъ, приводя меня въ совершенный восторгъ. Найдешь ты еще умиленный разсказъ о томъ, какъ мой папенька дралъ на конюшнѣ ткача Романку, и какъ этотъ гигантъ Романка покорливо шелъ на мѣсто казни. И много другого еще найдешь поучительнаго, въ смыслѣ «радуги дѣтской любви и поэзіи, безъ которыхъ такъ жестка и себялюбива бываетъ жизнь».

Но не только образами шаловливо избитыхъ дѣвокъ, высѣченныхъ покорныхъ гигантовъ и преданныхъ холоповъ стремлюсь я привить дѣтямъ свое забвеніе. Я прямо говорю и дѣтямъ, и взрослымъ, кои, подобно тебѣ, способны являться съ флёръ д'оранжемъ на похороны и въ плерезахъ на свадьбу: «Какая-то гранитная прочность и незыблемость представлялись тогда во всемъ... Баринъ былъ бариномъ, хамъ—хамомъ, и всѣхъ удовлетворяла эта ясность отношеній, и ни въ средѣ бариновъ, ни въ средѣ хамовъ не являлось такихъ лжеименныхъ мудрствованій, которымъ бы казались не по плечу и не по вкусу такія стойкія опредѣленія. «Вы—наши отцы, мы—ваши дѣти», говоритъ мнѣ тономъ глубочайшаго убѣжденія милая старушка Наталья, сморщенная, какъ винная ягода, въ то время, какъ ея костлявыя восьмидесятилѣтнія руки заботливо застегиваютъ мои куцыя штанишники. И я вѣрилъ ей, и она была довольна своей вѣрой. И я не видѣлъ поэтому ничего страннаго въ томъ, что встрѣчавшіеся на возахъ лысые старики, черноволосые бородачи торопливо снимали шапки и низко кланялись съ своихъ высокихъ возовъ мнѣ, ихнему барчуку, хотя мнѣ было тогда всего восемь лѣтъ... Я зналъ, что эти старики, бородачи и бабы придутъ къ намъ въ хоромы въ Свѣтло-Христово Воскресенье христосоваться, что всѣ мы высыпемъ тогда къ нимъ въ дѣвичью и будемъ принимать отъ нихъ красныя, совсѣмъ

еще холодныя яйца, подставляя подъ ихъ мокрыя бороды сначала ручки свои, потомъ и свои губы. Отъ нихъ несетъ овиномъ, полушубками и водкой, но мы все-таки храбро цѣлуемся со всѣми съ ними, и тотъ изъ нихъ будетъ жестоко оскорбленъ, кого случайно минетъ хотя одинъ изъ насъ. И вы думаете, что они цѣловали наши руки съ сардоническими улыбками и скептическими размышленіями про себя? Я не раздѣляю вашихъ подозрѣній, читатель, и, право, имѣю на то основаніе. Я самъ слышалъ, какъ лакей Андрюшка хвастался въ передней своею расторопностью и проворствомъ по тому случаю, что ему пришлось пробѣжать съ полверсты подъ страшнѣйшимъ дождемъ и градомъ, безъ шапки и шинели, съ охапкою зонтиковъ, калошъ и плащей для барчуковъ, застигнутыхъ грозою въ купальнѣ. И, повѣрьте, ни одинъ изъ слушавшихъ его лакеевъ не задалъ себѣ тогда неумѣстнаго вопроса — почему опасность простуды болѣе грозила купавшимся барчукамъ, чѣмъ лакею, посланному на ихъ выручку»? (158).

Вотъ, Иванушка, та мирная, благодатная долина, куда съ божіей помощью свелъ я тебя съ вершины Везувія, извергающаго равенство, свободу, братство и всеобщее благосостояніе. Вотъ то заупокойное слово, которымъ я оканчиваю слово заздравное. Вотъ тотъ человѣческій взглядъ на прошлое, которое я, въ разсчетѣ на твою глупость, смѣло противопоставляю собачьему взгляду идеологовъ, мечтающихъ водворить «незыблемыя истины разума безъ опасеній, оговорокъ и остановокъ». Вотъ, наконецъ, за что требовалъ ты у книгопродавца Бѣлаго моего портрета столь настоятельно, что моя скромность изнемогла и мой ликъ причислился къ лику Ливанова и Лѣскова-Стебницкаго. Ты пораженъ совершенно такъ же, какъ когда узналъ отъ своей маменьки, что приглашалъ на мазурку вдову покойника. Но это еще не все, Ваня. По собачьи ли, или по человѣчески будешь ты относиться къ прошлому, оно, во всякомъ случаѣ—прошлое. Пріятно, полезно, даже возвышенно воспитывать дѣтей на картинахъ избитыхъ дѣвокъ и сѣченыхъ гигантовъ. Это—лучшее средство засвѣтить въ ихъ душахъ радугу любви и поэзіи. Но вѣдь радуга появилась, говорятъ, на небѣ въ знакъ того, что пришелъ конецъ потопу: тебѣ не придется ужъ бить дѣвокъ, пороть на конюшнѣ покорныхъ гигантовъ и даже дѣтямъ твоимъ не придется подставлять ручки подъ мокрыя бороды, и не выслушать имъ отъ восьмидесятилѣтней старухи трогательное: «вы — наши отцы, мы — ваши дѣти». Какъ знать, однако, Иванушка, какъ знать! «*Тихія и простыя прелести старого крѣпостного быта* воскреснутъ, можетъ быть, даже *навѣрное воскреснутъ* въ лучшей, благороднѣйшей формѣ, когда сынъ моего бѣлокураго малютки дождется своего перваго внука... Вы, сѣдые слуги, вѣрные, какъ псы; вы, морщинистыя няньки, благоговѣйно привязанныя къ цѣлымъ барскимъ поколѣніямъ, смѣняющимъ одно другое, до самаго дня своей поздней кончины берегущія своихъ барчуковъ, какъ весталки священный огонь, изъ рода въ родъ, по заповѣдямъ старины — гдѣ вы? Когда вы *опять* народитесь»?

Это напечатано, Ваня. Напечатано на 156 страницѣ «Барчуковъ», въ лѣто отъ Р. Х. 1875, когда моя репутація яростнѣйшаго либерала стояла уже такъ высоко, что князь Иванъ Точка время отъ времени рычалъ на меня въ «Гражданинѣ». Подобно тебѣ, онъ не узналъ меня, а ужъ на что, кажется, уменъ? Впрочемъ, между мною и княземъ Иваномъ Точкою есть одно, не лишенное значенія разногласіе. Онъ вѣритъ въ домового, я—нѣтъ, и даже чрезвычайно этимъ щеголяю. Но—это чисто научный споръ, не мѣшающій надъ обоимъ, какъ людямъ земли, имѣть безошибочные взгляды въ практикѣ. Онъ, мечтая о воскрешеніи простыхъ и тихихъ прелестей, заклинаетъ домового кабалистическими формулами, я сопровождаю тѣ же самыя мечты гимнами наукѣ, образованію, просвѣщенію. Ибо я — человѣкъ не только либеральнаго, а и просвѣщеннаго образа мыслей, не только добрыхъ, а и просвѣщенныхъ намѣреній.

Мы дошли, наконецъ, Иванушка, до корня вещей, до Pudel's Kern'a, до фокуса, въ коемъ сходятся и лучи моей славы, и лучи карамзинскаго солнца—моего пламеннаго стиля. Мой идеалъ—воскрешеніе простыхъ и тихихъ прелестей стараго крѣпостного быта. Если ты станешь на эту точку зрѣнія, то передъ твоимъ умственнымъ окомъ выяснится смыслъ всѣхъ подробностей сочиненій Евгенія Маркова. Припомни, напримѣръ, Ваня, что ты зачислялъ Евгенія Маркова, по поводу «Черноземныхъ полей» въ число людей, призывающихъ «въ народъ» или по иной, менѣе опредѣленной версіи, «въ деревню». Ты даже объ этомъ печаталъ въ фельетонахъ одной газеты и, хотя фельетоны эти были подписаны какими-то иниціалами, но сквозь сіи послѣдніе я ясно читалъ: «Иванушка-Дурачекъ». Да, Ваня, это было глупо, очень глупо, ибо въ «Черноземныхъ поляхъ» воспѣвается не «народъ» и не «деревня», а простыя и тихія прелести стараго крѣпостного быта «въ лучшей, благороднѣйшей формѣ». Тебя смутило противопоставленіе «лона природы» городскому шуму. Но это противопоставленіе (которое ты можешь найти и въ другихъ

моихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ статьѣ
о «Казакахъ» Л. Толстого) есть лишь одинъ
изъ эпизодовъ войны на жизнь и смерть,
которую я, какъ человѣкъ земли, объявилъ
всѣмъ другимъ общественнымъ элементамъ.
Мнѣ нужно показать, что вамъ, мыслящему
пролетаріату, чиновникамъ, адвокатамъ, про-
фессорамъ, журналистамъ, какъ ушей своихъ,
не видать тѣхъ простыхъ и тихихъ преле-
стей, кои испытываемъ на лонѣ природы
мы, просвѣщенные люди земли. Совершенно
также долженъ ты посмотрѣть на мою статью
объ адвокатахъ, которою ты тоже востор-
гался, какъ взрывомъ негодующей души.
Согласись, Ваня, что мнѣ, Ивану Непомня-
щему, который свелъ тебя съ Везувія сво-
боды, равенства и братства въ долину про-
стыхъ и тихихъ прелестей крѣпостного быта—
согласись, что мнѣ не пристало называть кого
бы то бы «софистами XIX вѣка» и «пре-
любодѣями мысли»: большаго прелюбодѣйства
ничья мысль не совершала. Статья объ адво-
катахъ тоже—не болѣе, какъ эпизодъ изъ вой-
ны со всѣмъ, что не человѣкъ земли. Сегодня
городской шумъ вообще, завтра—мыслящій
пролетаріатъ вообще, послѣ завтра—адво-
каты въ частности, потомъ—чиновники въ
частности. Подожди немного, и я, своею
прочною ослиною челюстью, ивобью, по-
добно Самсону, десять тысячъ филистим-
лянъ, чтобы расчистить позицію «роду из-
бранному, народу божію — *просвѣщеннымъ*
людямъ земли». Я подчеркиваю *просвѣщен-
нымъ*, потому что съ не просвѣщеннымъ
человѣкомъ земли, съ мужикомъ, я тоже веду
борьбу безпощадную. Борьба эта составляетъ
даже любопытнѣйшую сторону моихъ сочи-
неній, опубликованныхъ подъ псевдонимомъ
Евгенія Маркова, ибо въ ней я развертываю
бездну стратегическаго таланта, множество
тонкихъ военныхъ хитростей, не говоря о
храбрости, вообще свойственной мнѣ, рыца-
рю безъ страха и упрека. На почвѣ этой
борьбы безъ остатка растворяются почти
всѣ мои противорѣчія, получая характеръ не
случайныхъ описокъ или оговорокъ, а стро-
го обдуманной системы, которую я и ре-
комендую твоему, Иванушка, вниманію.

Общій планъ кампаніи—такой. Я, глав-
нокомандующій, занимаю позицію въ долинѣ
простыхъ и тихихъ прелестей, защищенной
Везувіемъ свободы, братства, равенства и
мелководной рѣчкой стыда и совѣсти. Лѣвый
флангъ моей арміи громитъ непріятеля въ
томъ смыслѣ, что онъ—мужикъ, неучъ, не-
просвѣщенный человѣкъ. Правый флангъ
дѣлаетъ въ то же время ложную дивер-
сію съ цѣлью заманить непріятеля въ до-
лину простыхъ и тихихъ прелестей и, та-
кимъ образомъ, поставить его между двумя
рядами моей испытанной въ бояхъ артилле-
ріи. Непріятель, напримѣръ, подается [illegible]лѣво,
а я его встрѣчаю залпомъ: трахъ-трах[illegible]ъ! ку-
да ты, сиволапый, лѣзешь? ты, какъ при
Андреѣ Первозванномъ парился березовыми
вѣниками и пилъ скверный квасъ—такъ и
теперь: столь ты невѣжественъ, дикъ и си-
волапъ. Непріятель вправо, а тамъ ему оп[illegible]ять
залпъ: трахъ-трахъ! о, сиволапый, ты вѣд[illegible]ь—
сынъ или внукъ дядьки Аполлона, ба[б]ки
Натальи, гиганта Романки, въ тебѣ еще ж[illegible]и-
вы нравы и мысли добраго стараго врем[illegible]е-
ни, ты, какъ при Андреѣ Первозванном[ъ],
парился березовыми вѣниками и пилъ скве[р]-
ный квасъ,—такъ и теперь: столь любишь
ты прошлое, столь ты милъ, благороденъ и
здравомыслящъ!—Каково, я тебя спраши-
ваю, положеніе непріятеля? Особенно, если
Везувій продолжаетъ періодически извергать
свободу, равенство и братство, а самъ я,
tel que tu me vois, съ лицомъ, по которому
нельзя узнать, молоко ли материнское на мо-
ихъ губахъ не обсохло, или я просто искус-
но бреюсь—самъ я, говорю, въ рѣшитель-
ную минуту смѣло, на глазахъ непріятеля,
перехожу черезъ рѣчку стыда и совѣсти.
Побѣжденный—весь въ синякахъ и шрамахъ,
у ногъ и цѣлуетъ мнѣ ручку, какъ бабка На-
талья, благодарное отечество тоже у ногъ—
и лавры, лавры безъ конца. А я этакъ, въ
позѣ фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго, съ
жезломъ въ рукахъ, съ молніей во взорахъ,
и наступилъ ногой на гидру. Нѣтъ, какъ
хочешь, Ваня, а планъ недуренъ, и, если
бы на моемъ мѣстѣ былъ молчаливый
Мольтке, такъ давно бы ужъ кампанія кон-
чилась, и намъ, просвѣщеннымъ людямъ
земли, оставалось бы только почивать на
лаврахъ, то есть—проводить время даже
много лучше, чѣмъ изображено въ «Бар-
чукахъ» и «Черноземныхъ поляхъ». Но я
слишкомъ болтливъ, слишкомъ во мнѣ ка-
рамзинскія преданія засѣли, а потому и по-
корилъ я пока лишь тебя, Иванушку-Ду-
рачка. Но и то недурно, ибо, какъ сказано,
на васъ міръ стоитъ.

Повторяю, Ваня, съ точки зрѣнія войны
съ непросвѣщеннымъ человѣкомъ земли, мои
положенія и противоположенія, оставаясь,
конечно, разнорѣчивыми, тѣмъ не менѣе,
укладываются въ строгую систему и полу-
чаютъ, слѣдовательно, нѣкоторое единство.
Возьмемъ хотя первый заданный тобою во-
просъ: какъ относится мужикъ къ помѣщику,
непросвѣщенный человѣкъ земли къ про-
свѣщенному человѣку земли? Сначала я тебѣ
сказалъ: относится любовно, довѣрчиво, род-
ственно; потомъ я тебѣ сказалъ: относится
враждебно, недовѣрчиво, отчужденно. Ослѣ-
пленный блескомъ лакированнаго стиля, под-
держивающаго тебя въ сферахъ, болѣе воз-
вышенныхъ, чѣмъ та, о которой идетъ рѣчь,

а также по прирожденной глупости, ты ничего не замѣтилъ. Теперь, когда я тебѣ открылъ свою душу, ты станешь, можетъ быть, отплевываться: дескать, у этого человѣка просто царя въ головѣ нѣтъ и мелетъ онъ, какъ мельница, какое попадается зерно. Но подожди. И положеніе, и противоположеніе, и тезисъ, и антитезисъ равно необходимы въ моей системѣ, сливаясь въ синтезисѣ. Когда я говорилъ, что непросвѣщенный человѣкъ земли относится къ просвѣщенному любовно и даже родственно, я имѣлъ въ виду проектъ всесословной волости, въ смыслѣ воскрешенія простыхъ и тихихъ прелестей стараго крѣпостного быта въ лучшей, благороднѣйшей формѣ. Не безъ усилій и не безъ помощи Везувія расчищаю я эту позицію. Я доказываю вредъ правительственной опеки надъ крестьяниномъ, вредъ опеки общинной. Но вѣдь понимаешь, Ваня, нельзя же непросвѣщеннаго такъ совсѣмъ ужъ, какъ савраса безъ узды, пустить: для него самого вредно, вредно и опасно. И естественно, что прямой опекунъ его есть человѣкъ земли же, но просвѣщенный. Отсюда,—проектъ всесословной волости, тѣмъ болѣе, что сами непросвѣщенные желаютъ опеки просвѣщенныхъ, ибо относятся къ нимъ любовно, довѣрчиво, родственно, точь въ точь какъ дядька Аполлонъ и бабка Наталья. Вотъ какъ просто и естественно получается мой первый отвѣтъ на твой вопросъ. Это—маленькій эпизодъ изъ диверсіи праваго фланга, обязанность котораго заманить непріятеля въ долину простыхъ и тихихъ прелестей. Въ это время лѣвый флангъ продолжаетъ исполнять свое назначеніе, то-есть громитъ мужика, неуча, непросвѣщеннаго, его косность, стадность. Ну, а какое же доказательство его невѣжества, косности, стадности можетъ быть осязательнѣе, чѣмъ недовѣріе, враждебность къ человѣку земли же, но просвѣщенныхъ и добрыхъ намѣреній? Я не отрицаю противорѣчій, но, ты видишь, они нимало не противорѣчатъ общему плану кампаніи. Ты знаешь вывѣски на нѣмецкихъ булочныхъ: два льва, съ разинутыми пастями и бія себя по бедрамъ хвостами, стоятъ другъ противъ друга на заднихъ лапахъ, какъ бы готовясь вступить въ кровопролитную драку, послѣ которой отъ обоихъ только хвосты и останутся. Но съ божіей помощью они только съ двухъ противоположныхъ сторонъ поддерживаютъ крендель.

Прилагая тотъ же методъ, я могъ выяснить тебѣ смыслъ и всѣхъ остальныхъ противорѣчій. Но ихъ слишкомъ много, а потому это было бы слишкомъ долго. Да и, наконецъ, методъ, то-есть путь разъясненія, тебѣ указанъ: слѣдуй только ему, и отъ какой бы точки земного шара, то бишь—сочиненій Евгенія Маркова, ты ни отправлялся, непремѣнно придешь въ долину простыхъ и тихихъ прелестей. Мнѣ хотѣлось бы, однако, остановиться еще на одномъ моментѣ битвы по ту сторону рѣчки стыда и совѣсти. Я говорю: «Нельзя не сознаться, что робокъ и узокъ умъ русскаго мужика, и не только узокъ—онъ крайне грубъ, матеріаленъ; въ народныхъ пословицахъ хорошо выразилась вся *его эгоистическая практическая философія. Жестка она для бѣдняка, и нѣтъ въ ней слова состраданій слабому; богатый лучше бѣднаго, здоровый лучше больного, сытый лучше голоднаго, мужикъ лучше бабы—глубже вниканій никакихъ нѣтъ*» (I, 441). Таковы, Ваня, печальныя заблужденія людей непросвѣщенныхъ. Люди просвѣщенные, къ коимъ принадлежу я, смотрятъ на вещи совсѣмъ иначе. Вспомоществуемые «глубокими вниканіями», они говорятъ: «Нельзя сказать, чтобъ виною житейской неудачи были сами жертвы ея. *Хотя во множествѣ случаевъ это могло бы быть справедливымъ, все-таки общая причина лежитъ въ роковыхъ условіяхъ всей міровой жизни. Теорія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, при всей непобѣдимой правдѣ своей, требуетъ непремѣнно, чтобы погибающіе индивидуумы были всегда слабѣйшіе.* Бѣднымъ нехорошо, угнетеннымъ нехорошо, невѣжественнымъ нехорошо — совершенно справедливо. Но отчего же они не стали богатыми, властными, просвѣщенными? Они не могли, имъ мѣшали. Но помѣшать можно только тому, что не можетъ. Значитъ, *они не могли* (курсивъ подлинника)—и больше ничего»... (I, 125 и 143). Какъ ни колоссальна твоя глупость, Иванушка, но, увидѣвъ эти двѣ цитаты рядомъ, не раздѣленныя безбрежнымъ и бурнымъ океаномъ карамзинскаго краснорѣчія, ты замѣтишь, можетъ быть, что практическая философія просвѣщеннаго человѣка, имъ отъ собственнаго своего имени излагаемая, ничѣмъ не отличается отъ той, которую онъ съ укоромъ влагаетъ въ уста людей непросвѣщенныхъ и которой послѣдніе, можетъ быть, вовсе не исповѣдуютъ. Ты скажешь: это—наглость! Нѣтъ, Иванушка: это—просвѣщеніе; просвѣщеніе и добрыя намѣренія. Не стану, впрочемъ, оправдываться. Я хочу только объяснить, какъ это такъ вышло.

Первая цитата взята изъ статьи «Народные типы въ нашей литературѣ», написанной по поводу сочиненій гр. Л. Толстого, писателя, который мнѣ поперекъ горла сталъ, хотя я его съ остервенѣніемъ жую вотъ уже лѣтъ, кажется, пятнадцать. Вся статья представляетъ отчаянную канонаду на лѣвомъ флангѣ моей арміи:—трахъ таррарахъ! му-

жикъ—неучъ, непросвѣщенъ, грубъ, кривоногъ и сиволапъ, а я сіяю всяческой красотой, такъ что даже глазамъ больно. Естественно, что въ числѣ выстрѣловъ, направленныхъ въ кривоногаго и сиволапаго непріятеля, фигурируетъ упрекъ въ эгоистической практической философіи, которая, въ переводѣ на языкъ просвѣщенныхъ людей, именно и гласитъ, что «въ борьбѣ за существованіе погибаютъ непремѣнно слабѣйшіе индивидуумы», тѣ, кто «*не можетъ*—и больше ничего». Итакъ, я упрекаю сиволапаго въ эгоизмѣ и, слѣдовательно, приглашаю къ самопожертвованію, къ растворенію своей личности въ нѣкоторомъ комплексѣ интересовъ. Это очень естественно: осыпавъ непріятеля артиллерійскими снарядами, я предлагаю ему сдаться на капитуляцію. Теперь возьмемъ вторую цитату. Она заимствована изъ статьи «Упразднители современнаго общества». Надо тебѣ сказать, что подъ упразднителями я разумѣю нѣчто въ Россіи не существующее, ибо я доказываю, что упразднители, дѣйствуя во имя и отъ лица городского пролетаріата, крайне враждебно относятся къ мужику, на землѣ сидящему: такихъ упразднителей у насъ, конечно, нѣтъ и быть не можетъ. Но это все равно, не въ нихъ дѣло; это я больше въ видахъ краснорѣчія такъ поставилъ вопросъ. Упразднители, говорю я, хотятъ уничтожить *твое* и *мое* и водворить *наше*, то-есть растворить, между прочимъ, и мою личность въ нѣкоторомъ комплексѣ интересовъ. На это я, какъ человѣкъ земли, имѣющій безошибочные взгляды въ практикѣ, никоимъ образомъ согласиться не могу. Я говорю: нѣтъ, каждому свое: нищему—сума, мнѣ—черноземныя поля, барчукамъ—хамы, хамамъ—барчуки. (А Везувій въ это время гремитъ и пылаетъ). Для вящшаго утвержденія этого тезиса, я обливаю его соусомъ практической философіи, которая, въ переводѣ на грубый языкъ непросвѣщенныхъ людей, именно и значитъ, что «богатый лучше бѣднаго, здоровый лучше больного, сытый лучше голоднаго, мужикъ лучше бабы». Ты видишь, какъ все выходитъ просто и натурально. Я опять-таки не отрицаю противорѣчія въ смыслѣ логическомъ, но въ высшемъ, стратегическомъ смыслѣ все расположено блистательно. Остается только произвести смѣлый переходъ черезъ мелководную рѣчку стыда и совѣсти (какъ жалко, что она—не Рубиконъ, я бы былъ похожъ на Цезаря), и я совершаю этотъ переходъ. Просвѣщеннымъ людямъ я говорю: вы сильнѣйшіе и, по теоріи борьбы за существованіе и естественнаго подбора, лучшіе—значитъ по праву занимаете свое положеніе, а самоотверженіе, растворение въ какомъ-нибудь комплексѣ интересовъ вамъ не нужно. Ну, а непросвѣщенные—это другое дѣло. Тутъ важенъ комплексъ. «Полнѣйшая солидарность всѣхъ элементовъ народа въ ошибкахъ его исторіи, во всѣхъ его слабостяхъ и силахъ—вотъ нашъ господствующій тезисъ». Понимаешь? отвѣтственность общая, ну, а барыши—кому тамъ по законамъ природы придется: табачекъ вмѣстѣ, а хлѣбъ-соль—врозь (непросвѣщенные люди по недостатку просвѣщенія и грубости своей, выговариваютъ эту пословицу наоборотъ: хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачекъ врозь; они думаютъ, что куритъ не всякій, а ѣдятъ всѣ). Относительно барышей дѣло, впрочемъ, вполнѣ ясно: «Въ развитіи человѣческаго духа совершается процессъ, общій всѣмъ организмамъ природы, одареннымъ будущностью: усовершенствованіе типа посредствомъ постепеннаго естественнаго подбора болѣе совершенныхъ индивидуумовъ. Отсюда прямо вытекаютъ и естественные законы нашихъ отношеній къ этому историческому явленію. Медленность развитія является условіемъ незыблемымъ, какъ сама природа. *Сосредоточеніе всѣхъ заботъ нашихъ на томъ элементѣ, который одинъ только способствуетъ развитію лучшихъ психическихъ организмовъ—на просвѣщеніи—дѣлается необходимымъ и не допускаетъ, мнѣ кажется, никакого сомнѣнія*» (I, 146). Конечно, сомнѣнія неумѣстны. Надо только имѣть въ виду, что, какъ было объяснено выше, просвѣщеніе въ разныхъ странахъ носитъ разныя имена: въ Англіи оно называется дворянствомъ, во Франціи буржуазіей, въ Россіи... въ Россіи, кажется, барчуками. И, слѣдовательно Россія, обязана окружать барчуковъ заботами и надеждами, не отнимать у нихъ дядьку Аполлона и бабку Наталью, а также не лишать ихъ невинныхъ развлеченій въ родѣ шаловливаго избіенія дѣвокъ, конечно, въ лучшей, благороднѣйшей формѣ.

Я скроменъ, Иванушка. Мои походы и подходы скроены, какъ ты теперь ясно видишь, на живую нитку. А потому, если ты потребовалъ у книгопродавца Бѣлаго моихъ сочиненій и портрета, я приписываю это твоей глупости, а не искусству твоего друга

Ивана Непомнящаго.

II.

Теперь, Иванушка, поговоримъ о «Новомъ Времени». Это тоже мой псевдонимъ, ежедневный, политическій и литературный псевдонимъ Ивана Непомнящаго.

Началъ я съ откровеннаго заявленія, что буду держаться откровеннаго направленія. Я предоставлялъ твоей глупости догадываться, ограничусь ли я откровеннымъ изображе-

ніемъ тайнъ будуаровъ кокотокъ, или же вообще буду писать, какъ Богъ на душу положитъ, по откровенію. Не знаю, какъ ты понялъ дѣло, но, во всякомъ случаѣ, я пришелся тебѣ по плечу, ты возлюбилъ меня. Спасибо, другъ. Увидимъ Европу откровеннымъ союзомъ. Но да будетъ онъ дѣйствительно откровеннымъ. На этотъ разъ, впрочемъ, мнѣ нѣкогда долго откровенничать, потому что первое мое письмо вышло гораздо длиннѣе, чѣмъ я думалъ. На этотъ разъ я только одинъ уголокъ приподниму. Любопытный, впрочемъ, уголокъ: въ своемъ родѣ Евгенія Маркова стоитъ.

Когда герцоговинское возстаніе уже разрослось, я все еще откровенничалъ насчетъ будуаровъ кокотокъ, заглядывалъ по временамъ на биржу и острилъ надъ генераломъ Черняевымъ. Но вдругъ я получилъ просіяніе моего ума и воскликнулъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ!

Подхватили и другіе, а хоръ музыкантовъ лейбъ-гвардіи шампанскаго полка только того и ждалъ. Музыка грянула, и подъ ея торжественные звуки, торжественно и вмѣстѣ весело, пара за парой, двинулся полонезъ. Впереди, разумѣется, были генералы, потомъ полковники. Но и мы съ тобой были не изъ послѣднихъ. Какъ два мѣднолобые, то бишь мѣднолатные Аякса,—

Мы шли
Величаво, шли...

Откровенно, впрочемъ, говоря, не очень величаво; разнообразно больше. Ты-то, конечно, былъ величавъ. Выпятивъ грудь, выпучивъ глаза, напяливъ на голову заплатанную шапку-мурмолку, ты серьезно мнилъ себя россомъ, имѣющимъ право веселиться, хотя ты и не веселился. Веселился я. По врожденной гибкости членовъ и соотвѣтственной легкости тѣлодвиженій, а также по непривычкѣ къ величавости, я по временамъ то утрировалъ свою новую роль, то выкидывалъ какое-нибудь колѣнце: высунешь, напримѣръ, тебѣ, какъ клоунъ, языкъ и треснешь себя по затылку, а то перекувырнешься въ стихахъ или въ прозѣ черезъ голову. Но ты ничего не понималъ, ты любовался мной, ты думалъ, что по дорогѣ въ Константинополь такъ и слѣдуетъ вести себя, и даже сожалѣлъ, что самъ не обладаешь гибкостью членовъ. Ты считалъ за честь идти въ одной парѣ со мной, съ ежедневнымъ литературно-политическимъ псевдонимомъ Ивана Непомнящаго. Сзади въ самомъ концѣ блестящей вереницы полонеза шла пара кривоногихъ, сиволапыхъ. Они, кажется, нечаянно попали въ блестящій полонезъ. Но мы оба ихъ замѣтили и оцѣнили ихъ присутствіе: оно придавало демократическій характеръ торжественно-веселому танцу, а въ наше время безъ малой толики демократизма нельзя издавать ежегоднаго литературно-политическаго псевдонима: это я очень подробно и обстоятельно доказалъ въ одномъ изъ сочиненій Евгенія Маркова. Конечно, эта малая толика ни къ чему меня не обязываетъ, какъ ты видѣлъ на примѣрѣ Евгенія Маркова и какъ сейчасъ увидишь на примѣрѣ «Новаго Времени». Демократизмомъ отдавала, впрочемъ, не только пара сиволапыхъ, неуклюже трусившихъ въ концѣ полонеза и нѣсколько портившихъ, въ художественномъ смыслѣ, ансамбль. Демократизмомъ отдавала самая цѣль шествія:

Мы шли
Величаво, шли

спасать народы. Понимаешь? Мы съ тобой, Иванушка-Дурачекъ и Иванъ Непомнящій, шли спасать народы! Пикантно или нѣтъ? Мы и до сихъ поръ идемъ, но, такъ какъ полонезъ очень ужъ затянулся, то идемъ довольно лѣниво, устали, особенно я, потому что много колѣнцевъ, сверхъ положенія, выкидывалъ: до пота лица старался, такъ что заплатанная шапка-мурмолка не разъ слѣзала у меня съ головы, и ты не безъ изумленія смотрѣлъ на мою странную фигуру. Повѣсть о томъ, что, какъ и почему забылъ я во время этого шествія, была бы, можетъ быть, поучительна, но слишкомъ ужъ длинна. Да и ты за послѣднее время что-то отставать сталъ, должно быть, понимать началъ. Я только о томъ, чего ты во всякомъ случаѣ не доглядѣлъ.

Музыка лейбъ-гвардіи шампанскаго полка гремитъ «Громъ побѣды раздавайся», пара идетъ за парой, сначала генералы, потомъ полковники, потомъ мы съ тобой, Иванушка-Дурачекъ и Иванъ Непомнящій, потомъ другіе разные, а сзади двое сиволапыхъ. Я занимаю тебя разговорами. Англичане, говорю—торгаши, спекулируютъ на благо народовъ; вотъ мы, русскіе, и особенно я—другое дѣло; мы все какъ бы на пользу народу, и не только своему, а всякому, то-есть не то, чтобы рѣшительно всякому, это ужъ жирно будетъ, а всякому славянскому народу; Европа совершенно не понимаетъ того глубоко демократическаго духа, которымъ я проникнутъ, не понимаетъ, какъ близки моему сердцу вотъ эти самые сиволапые; вѣдь я только изъ-за нихъ и въ полонезѣ участвую; мнѣ лично Константинополя и проливовъ тамъ этихъ вовсе не нужно; они нужны Россіи, а такъ какъ Россія отличается своимъ демократическимъ строемъ, то главнымъ образомъ вотъ этимъ самымъ сиволапымъ.—Эти умныя рѣчи я сопровождаю то хорошенькими шуточками, то яростными выкриками, то торжественными гим-

нами. Ты все слушаешь и всему вѣришь. Ну, нельзя же, однако, тебя все громомъ побѣды занимать: «ахъ, не все намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существенныхъ; на минуту позабудемся въ чарованьи красныхъ вымысловъ». Время отъ времени я и о постороннихъ предметахъ рѣчь завожу. Между прочимъ, разъясняю тебѣ вотъ что (разъясненія эти я тогда же напечаталъ въ №№ 308, 316 и 324 «Новаго Времени» подъ заглавіемъ: «Экономическія замѣтки. 3% гарантія желѣзно-дорожныхъ акцій»).

Въ октябрѣ прошлаго года нѣкоторые изъ частныхъ банковъ и банкировъ, принадлежащихъ къ извѣстной на биржѣ учредительской группѣ, образовавшейся въ 1869 году, обратили на себя всеобщее вниманіе на биржѣ усиленными покупками акцій одесской желѣзной дороги. Покупки эти производились такъ опрометчиво и торопливо, что для каждаго понимающаго свое дѣло спекулянта становилось очевиднымъ, что за этими покупками скрывается какая-то тайна, какой-то серьезный мотивъ для будущаго еще большаго повышенія цѣны одесскихъ акцій.

И, дѣйствительно, онѣ поднялись въ какой-нибудь мѣсяцъ почти на десять рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покупались, хоть и не такъ сильно, акціи другихъ не гарантированныхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ: бресто-граевской, грязе-царицынской. Штука эта разъяснилась слухами о томъ, что еще до 1877 года долженъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ дарованія правительственной трехъ-процентной гарантіи, въ кредитныхъ рубляхъ, акціямъ одесской желѣзной дороги, а равно и акціямъ нѣкоторыхъ другихъ желѣзныхъ дорогъ.

Значитъ, «учредительская группа 1869 года» во-время пронюхала предстоящую гарантію. Но разберемъ, однако, Иванушка, эту гарантію. Впрочемъ, здѣсь разбирать не будемъ. Въ указанныхъ №№ «Новаго Времени» ты найдешь подробныя доказательства, что 3%-я, даже металлическая гарантія по акціямъ балтійской и московско-брестской дорогъ «ни къ какимъ хорошимъ и практическимъ результатамъ для государства не повела, а сослужила *лишь небольшую* службу учредителямъ и реализаторамъ акцій означенныхъ обществъ». Тѣмъ паче, значитъ, не дастъ хорошихъ результатовъ 3%-я гарантія *кредитная*. А надо вотъ какъ. Надо испросить «правительственную *пятипроцентную металлическую* гарантію чистаго ежегоднаго дохода и 1/2% *металлическаго погашенія, непремѣннымъ, однако, условіемъ уменьшенія всѣхъ акціонерныхъ капиталовъ гарантируемыхъ обществъ на половину*». И слѣдуетъ это сдѣлать не только для одесской дороги, но и для всѣхъ, признанныхъ «на многіе годы бездоходными». Понимаешь? Нѣтъ, ты не понимаешь. Ты смущенъ предложеніемъ сократить акціонерные капиталы на половину. 5% металлическая гарантія, думаешь ты—штука хорошая, но отдать половину своихъ акцій ты не согласенъ. Ты глупъ, Иванушка. Возьмемъ для примѣра акціи одесской дороги. Они «безъ всякой гарантіи и при перспективѣ неполученія дохода въ теченіе многихъ лѣтъ, слѣдовательно, и безъ ежегоднаго погашенія, имѣли нормальную биржевую цѣну въ 30—35 руб. за акцію, со всевозможными шансами уменьшенія цѣны, но никакъ не увеличенія. При 3%-й кредитной гарантіи, при капитализаціи изъ 6% кред. годовыхъ, наивысшая нормальная цѣна одесскихъ акцій можетъ быть только 50 руб. (Спекуляція уже воспользовалась 8 до 10 рублями и, если подниметъ цѣну еще выше, то лишь съ исключительною цѣлью сбыть съ рукъ всѣ свои акціи). При 5%-й безусловной металлической гарантіи и 1/2% металлическаго же погашенія, цѣна акцій должна достигнуть, по крайней мѣрѣ, нынѣшней цѣны правительственныхъ металлическихъ и гарантированныхъ правительствомъ въ металлической валютѣ бумагъ, т. е. 103 до 104%. Лицо, имѣющее теперь 100 вовсе негарантированныхъ одесскихъ акцій, владѣетъ фиктивнымъ капиталомъ въ 3.000 до 3.500 р., никакого дохода не приносящимъ. При дарованіи 3%-й кредитной гарантіи, то же лицо будетъ имѣть тѣ же 100 акцій или дѣйствительный капиталъ въ 4.000 или 5.000 рублей съ дѣйствительнымъ же доходомъ въ 300 руб. кредитныхъ въ годъ и соотвѣтственнымъ погашеніемъ. При дарованіи 5%-й металлической безусловной гарантіи, съ условіемъ уменьшенія капитала на половину, то же лицо, владѣя только 50-ю акціями, будетъ имѣть дѣйствительнаго капитала теперь: отъ 5.175 р. до 5.250 р., а при полномъ отсутствіи политическихъ замѣшательствъ до 5.700 р., съ тѣмъ же дѣйствительнымъ доходомъ въ 300 до 325 р., смотря по состоянію вексельныхъ курсовъ. Кромѣ того, при 3% кред. гар. вся масса акцій, находящихся въ рукахъ учредителей-реализаторовъ, перейдетъ въ руки русскихъ же капиталистовъ, публики, нисколько не облегчивъ денежнаго рынка, тогда какъ, при 5% металл. гар., тѣ же учредители-реализаторы не только что не станутъ сбывать своихъ акцій, но еще будутъ запасаться ими для болѣе удобнаго и болѣе выгоднаго сбыта ихъ за границу, въ свое время, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, приготовивъ тѣмъ временемъ за границей почву надлежащимъ образомъ».

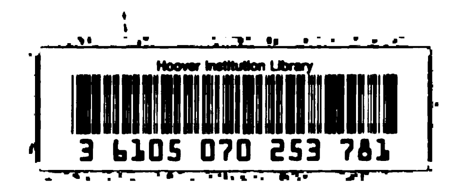
Подобный же расчетъ можетъ быть сдѣ-

ланъ для многихъ другихъ на многіе годы бездоходныхъ дорогъ. Не стану теперь напоминать тебѣ подробности операціи, какъ, напримѣръ, наслѣдники Мекка выкупятъ заложенныя ими у правительства акціи ландварово-роменской дороги на два съ половиной милліона; какъ Губонинъ выкупитъ грязе-царицынскихъ акцій на 700.000; какъ правительство выручитъ на принадлежащихъ ему акціяхъ 40 милліоновъ; какъ и что выиграютъ банки и общества взаимнаго кредита и проч. Ты только о себѣ лично подумай. У тебя 100 акцій одесской дороги. Это составляетъ *фиктивный* капиталъ —*33½ тысячи и ни копѣйки дохода*. А если испросить 5%-ю металлическую гарантію, такъ у тебя будетъ *дѣйствительнаго* капитала до *5.700 рублей и 300—325 р. дохода*. Недурная премія для подписчика ежедневной газеты! Согласись, что я—твой благодѣтель и, притомъ, настоящій магъ и волшебникъ. Немудрено, что ты возлюбилъ меня: голову твою я набиваю ежедневно великими истинами, сердце — возвышенными чувствами, карманъ—немалыми капиталами и доходами, конечно, пока еще только въ видѣ «очарованья краснаго вымысла». Но за то каковъ вымыселъ: разъ, два, три—и въ твоемъ пустомъ карманѣ мелодически звенитъ золото или, по крайней мѣрѣ, шуршатъ бумажки. Но вѣдь глупъ-глупъ, а понимаешь же ты все-таки, что никакой фокусникъ не можетъ создать свои внезапно появляющіеся шарики, палочки и проч. изъ ничего. Правда, что ты присутствовалъ при матеріализаціи руки духа дѣвицы Жеке, но ты помнишь также, что за подобные опыты медіумъ бралъ съ тебя деньги: у него въ карманѣ прибывало и потому прибывало, что у тебя убывало. И съ деньгами, съ капиталами и доходами такъ всегда бываетъ. Откуда же взялись твой новый капиталъ и твой доходъ? Ты не понялъ, потому что ты — Иванушка Дурачекъ, я забылъ, потому что я—Иванъ Непомнящій. А между тѣмъ дѣло очень просто: и превращеніе твоего фиктивнаго капитала въ дѣйствительный, и удвоеніе его, и замѣна бездоходности доходомъ, и оживленіе банковъ, и выигрышъ правительства—все это я основываю на спинахъ тѣхъ сиволапыхъ, кои неуклюже трусятъ въ хвостѣ полонеза и коихъ я такъ пламенно люблю, на зло торгашамъ англичанамъ, спекулирующимъ на благо народовъ. Таковъ одинъ изъ постороннихъ разговоровъ, которыми я тебя занималъ во время полонеза—только одинъ; остальные всѣ въ томъ же родѣ. Я всегда стоялъ на томъ, что сиволапый долженъ быть излѣченъ отъ своей эгоистической практической философіи, что онъ долженъ оцѣнить честь, которую мы ему дѣлаемъ, предлагая возлечь на алтарь отечества. А отечество, Ваня, это мы съ тобой, Иванушка-Дурачекъ и Иванъ Непомнящій. И если бы предѣлы отечества нашего когда-нибудь раздвинулись и мы съ тобой приняли бы въ свои объятія славянскіе народы—этотъ всеславянскій союзъ народовъ долженъ быть привлеченъ къ уплатѣ по акціямъ желѣзныхъ дорогъ, признанныхъ на многіе годы бездоходными.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ!

До радостнаго утра, Иванушка! Утро будетъ. Взойдетъ солнце, отразится и въ моихъ безстыжихъ, и въ твоихъ оловянныхъ глазахъ, и всякій, имѣющій очи видѣти, увидитъ, что ты—Иванушка-Дурачекъ, а я—

Иванъ Непомнящій.


Hoover Institution Library
3 6105 070 253 781

